

В. Ю. АПРЫЩЕНКО

ДЭВИД ЮМ И БРИТАНСКАЯ ЮНИОНИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Юнионистские взгляды Дэвида Юма рассматриваются в широком контексте шотландского Просвещения. Эти воззрения показаны как результат идеологических и социальных сдвигов, произошедших на протяжении XVIII века. Среди важных факторов, формирующих социокультурный контекст юнионизма, называются религиозная динамика, связанная с изменениями в пресвитерианизме (появление и развитие модератизма), а также традиции историописания, отражающие трансформацию шотландской национальной идентичности.

Ключевые слова: Дэвид Юм, юнионизм, национализм, модератизм, Просвещение шотландское, уния 1707 г., пресвитерианизм, идентичность национальная.

В 1757 г. Дэвид Юм сформулировал вопрос, вызывавший споры и сомнения у многих его современников. «Разве это не странно, – вопрошал он, – что в ту пору, когда мы лишились наших правителей, парламента и правительства, даже самого присутствия нашей знати во власти, когда мы озабочены нашим акцентом и произношением, демонстрирующими наш крайне испорченный диалект, так вот, разве не странно, что, несмотря на все это, мы действительно представляем собой народ, выдающийся по своему вкладу в европейскую литературу?». Концепт «выдающегося вклада» был тем, что на протяжении всего XVIII столетия отличало шотландских интеллектуалов, как тех, кого традиционно принято ассоциировать с Просвещением, так и тех, кто не имеет непосредственного к нему отношения. При этом особенностью шотландской просветительской традиции было то, что, помимо глубоких интеллектуальных корней, она питала себя и в юнионистской традиции.

Сегодня мало, кто оспорит тот факт, что на протяжении последних трех столетий юнионизм является доминирующей идеологией в Шотландии, находя свое выражение и в политических практиках, и в традиции историописания, и в интеллектуальной культуре в целом. Хотя и утверждающееся нелегко, юнионистское направление интеллектуальной жизни постепенно завоевывало признание, определяя не только область англо-шотландских отношений, но и многие другие сферы жизни северо-британского общества, будучи значимым и для остальной Британии. Однако верно и то, что истоки этого интеллектуального течения не столь просты и находятся в гораздо более ранних исторических слоях,

чем сама парламентская уния 1707 г. Но именно парламентский союз, спровоцировавший многочисленные дискуссии, окончательно сформировал юнионистские историописательские практики.

Другой особенностью шотландского интеллектуального контекста, в котором происходило распространение просветительских идей, был высокий уровень образованности, что ставило нацию в числе первых по уровню грамотности в Европе. Еще в 1560 г. Джон Нокс в «Первой книге порядка» призвал к формированию национальной системы образования в Шотландии, и хотя это не имело никаких институциональных последствий в XVI веке, целый ряд парламентских актов следующего столетия вылился в становление основ шотландской образованности. Акт 1616 г., дополненный в 1633 г., не только привел к формированию нескольких десятков приходских школ в равнинной Шотландии, но, очевидно, хотя и не в такой значительной степени, сказался на образовательной ситуации в Хайленде¹. Пришедшая на смену епископальному правительству власть, в образовательном вопросе следовавшая политике своих предшественников, также приняла целый ряд действий (акты 1646 и 1661 гг.), но закон 1633 г. реализовывался наиболее последовательно. В результате уже к середине XVII века в каждом шотландском приходе появилась школа с постоянным учителем. И хотя по большей части это было крайне примитивное образование, включавшее лишь обучение чтению и письму, его бесплатный характер открывал возможности грамотности для многих молодых людей.

Хотя современные историки спорят и по вопросу о практической реализации образовательных актов, и по проблеме, связанной с вовлеченностью в этот процесс горных регионов Шотландии, несомненным остается одно – уровень грамотности в Шотландии был к концу XVIII в. выше, чем в других европейских странах. Английский наблюдатель с удивлением отмечал, что, несмотря на бедность, в основном жители Шотландии все обучены читать. По некоторым подсчетам уровень грамотности среди мужского населения Шотландии в 1720 г. равнялся 55%, а в 1750 г. достигал уже 75%, по сравнению с 53% в Англии², а в 1790 г. каждый ребенок в возрасте около восьми лет в Клейше, в Кинросшире мог читать и читал хорошо. На протяжении XIX в. эта тенденция была продолжена. Так в 1855 г. в Шотландии могли расписываться 89% мужчин и 77% женщин; в Англии эти цифры выглядели

¹ The Register of the Privy Council of Scotland.... Vol. X. P. 671–672; The Acts of the Parliaments of Scotland... Vol. V. P. 21.

² *Herman*. 2001. P. 23.

соответственно 70% и 59%. А если из этих подсчетов исключить гэллоговорящий север Шотландии, то процент будет еще выше. Интересно и то, что некоторые женщины в Шотландии в XIX в. могли написать свое имя на шотландском, английском и валлийском языках³. И только к 1880 г. англичане по уровню грамотности догнали северных соседей.

Все это означало, что в Шотландии сформировалась достаточно широкая аудитория не только для восприятия Библии, что лежало в основе идей Нокса, впервые призвавшего к распространению образованности, но и другой литературы. В то время как религиозная цензура в XVIII веке идет на спад, одновременно повышается и уровень образованности. В результате шотландские интеллектуалы писали свои произведения не только в расчете на своих коллег по клубам и обществам, но и для более широкой публики, а в ее распоряжении имелись библиотеки, которыми к 1750 г. обзавелся каждый город.

Обыденное представление о европейском Просвещении рисует его в качестве аристократической салонной культуры, воспевающей разум и смех, разоблачающей автократию и феодальные порядки. Вольтер, посещающий Фридриха Великого, Дидро, издающий «Энциклопедию» и путешествующий ко двору Екатерины Великой, Жан-Жак Руссо, чьи воззрения стали идейной основой Французской революции – как правило, наиболее яркие имена и события века Просвещения ассоциируются с Францией. Вероятно, это не совсем справедливо, поскольку шотландское Просвещение хотя и было менее изящным, но представляло собой более определенный и оригинальный комплекс идей, и – что, возможно, еще более важно – оказало большее влияние на современников. Среди впечатляющего перечня наиболее известных произведений шотландских просветителей, две темы занимают особое место – это исторические представления и рассуждения о человеческой природе. При этом шотландцы были первыми, кто объединил эти проблемы, представив человека в качестве продукта исторического развития, в котором черты, присущие людям постоянно развивались и эволюционировали, вслед за динамикой самого общества. Полагая человека в качестве продукта окружающей среды, шотландцы тем самым объясняли и мир, и изменения, в нем происходившие.

Сам социокультурный контекст, в котором формировались идеи шотландского Просвещения, делал его особенным явлением. Эдинбург, являвшийся центром новой интеллектуальной культуры, отличался как

³ *Anderson*. 1983.

от шотландского Глазго, более практичного и коммерчески ориентированного, так и от Лондона или Парижа, которые также стали центрами просветительского движения, но более связанными с салонной аристократической культурой. В отличие от других европейских столиц, в большей или меньшей степени затронутых просветительским влиянием, культурная жизнь Эдинбурга не определялась салонами, власть имущими покровителями или государственными институтами. Гораздо больше она зависела от самодостаточного круга интеллектуалов, в процессе личного общения определявших просветительский дискурс и называвших себя «литераторы». К середине XVIII в. их объединения были достаточно демократическими кружками и представляли собой общества, в которых положение и авторитет определялись, скорее, интеллектуальными способностями, чем социальным статусом, и где серьезные вопросы «свободно обсуждались джентльменами, близко знавшими друг друга и находившимися в приятельских отношениях».

Шотландский просветительский дискурс равенства являлся отражением эгалитаристской традиции, восходящей к клановому родству. Идея бондов и ковенантов, которые связывали людей разных социальных положений и постулировали их взаимные обязательства, демонстрировала себя не только в социальных и политических практиках, но была важной составляющей и интеллектуальной среды. В просветительской реальности Эдинбурга это находило выражение в том, что практически все образованные жители столицы знали друг друга, проживаясь вдоль главной улицы и ежедневно встречаясь в близлежащих тавернах. Соседями Дэвида Юма были Уильям Робертсон, Уильям Фергюсон, Алан Рамсей и другие литераторы, образовывавшие своего рода интеллектуальную колонию, в основе которой лежали неформальные дружеские связи.

Привычка Дэвида Юма вести интеллектуальные беседы за обедом или ужином с Генри Хоумом, лордом Кеймсом, отражала общее для всех шотландских просветителей стремление к неформальному общению. Любовь к хорошей еде и выпивке, по мнению одного наблюдателя, была характерной чертой представителей шотландского интеллектуального класса, которым были не чужды земные радости. Как только колокол собора Сент-Джайлс отбивал половину двенадцатого, время известное в Эдинбурге как «меридиан», отмечал современник, массы горожан отправлялись в близлежащие пабы, чтобы выпить эля, хотя многие из них уже совершали такие же визиты несколькими часами ранее. Во время таких посещений велись деловые переговоры, подписыва-

вались юридические документы, заключались соглашения о предстоящих в университете лекциях, и многие интеллектуальные течения берут начало именно в этих дискуссиях в эдинбургских тавернах. Споры на политические или религиозные темы редко случались без кружки эля на столе, и после таких бесед каждый возвращался в свой офис. Лорд Кеймс, близкий друг Дэвида Юма, в 1752 г. назначенный судьей Шотландского Верховного гражданского суда, а с 1762 г. ставший лордом юстиции, послеобеденные судебные заседания часто проводил в приподнятом настроении.

Несмотря на то, что шутя шотландцы называли себя «двухбутылочными» или «трехбутылочными», в зависимости от того, сколько бутылок кларета выпивали за один раз, в большей степени их групповая идентичность была связана с интеллектуальными обществами и клубами, такими как «Вторничный клуб», «Покер-клуб», «Устричный клуб», но наибольшим влиянием пользовалось «Избранное общество», членом которого являлся Юм. Основанный в 1754 г., на протяжении десяти лет этот клуб являлся центральной площадкой, на которой республикански настроенные шотландские просветители обсуждали дискуссионные вопросы, позже представляемые ученой или студенческой университетской аудитории. Несмотря на то, что в обществе преобладали юристы, его членами являлись физики, архитекторы, военные офицеры, торговцы – представители практически всех профессий.

Особое место среди членов всех клубов занимали пресвитерианские священники, являвшиеся ядром интеллектуальной жизни Эдинбурга, которые не просто были свидетелями драматических событий в Шотландии в 1740-е годы, но принимали в них непосредственное участие, а теперь, двадцать лет спустя, активно обсуждали результаты того, что уже становилось историей. Большая роль священников, выступавших, в отличие от французских просветительских аббатов, не только по вопросам, связанным с налогами и ролью религии, но в целом отстаивавшими свободную и открытую культуру, основанную на морали и умеренных религиозных принципах, также составляет одну из особенностей шотландского Просвещения.

Для пресвитерианских священников Шотландии было совершенно очевидно, что умеренная христианская доктрина является основой современного мира⁴, развитие и цивилизованность которого должны были теперь связываться не только с приличными манерами и следованием

⁴ *Herman*. 2001. P. 193.

моде в одежде и музыке. Теперь развитие цивилизации виделось как исторический процесс, в котором обретение обществом новых культурных рамок, включающих политику, мораль, образованность и понимание искусства, должно было корреспондировать с совершенствованием социальных отношений. Это делало людей свободными, расширяя сами возможности для того, чтобы социальная добродетель, объединяясь с просвещением, направляла общество по пути эволюции. Прогресс христианства, по мнению шотландских пресвитерианских священников, с одной стороны, отражал этот процесс общественной эволюции, а с другой, был его конечной целью. При этом залогом гармоничного сосуществования церкви и общества было изменение самой религии, и поэтому для шотландских священников уже начиная с 1750-х гг. жизненно важным представлялось поставить религию на путь обновления, что и породило феномен шотландского модератизма.

В десятилетие, последовавшее за Каллоденом, многие шотландские пресвитерианские священники, в новом интеллектуальном климате осознавая важность происходящих в англо-шотландских отношениях процессов, приходили к выводу о необходимости смягчения существующих в шотландском пресвитерианстве принципов. Этому способствовало и то, что, интегрируясь в британскую социальную систему, пресвитериане все чаще соприкасались с англиканами, в результате чего шотландское духовенство преодолевало свою интровертность, и то, что светская власть стала уделять больше внимания церкви, памятуя о том, что религиозный фактор был одним из важных элементов политических потрясений первой половины XVIII века. Решающим в возникновении модератизма стало появление плеяды служащих, и духовных, и светских, которые, с одной стороны, были прагматиками в своих политических воззрениях, а, с другой, были весьма сдержаны в религиозных взглядах. Модератизм не стал, однако, принципиальным отходом от законов кальвинистской церкви, в чем очень часто обвиняли его сторонников в XIX и XX вв., скорее, это был своеобразный компромисс, восходящий все к тому же стремлению инкорпорироваться не только в экономические структуры Британского королевства, но и создать основу для религиозного сотрудничества. Это была попытка заменить усердные проповеди с целью спасения и осуждение безнравственности более понятной и близкой смесью, включающей облегченный вариант проповеди и менее суровые требования соблюдения морального кодекса. Именно в этом процессе «модератизации» пресвитерианизма была решена простая арифметическая задача, обернувшаяся, однако же,

сложной моральной проблемой, в которой идея семи смертных грехов заменялась императивом десяти библейских заповедей.

Появление модератизма связано с работой Генеральной ассамблеи, высшего органа пресвитерианской церкви, которая традиционно собралась в мае 1751 г. в Эдинбурге. Разногласия, существовавшие уже на протяжении нескольких десятилетий по вопросу об отношении к закону о церковном патронаже 1712 г., согласно которому государство получало право вмешательства в церковные дела посредством назначения священников, вылились в настоящий скандал, поскольку часть консервативно настроенных пресвитериан никак не соглашалась признать легитимность этого акта. Другая половина участников собрания (среди них были эдинбургский адвокат и общественный деятель Гилберт Элиот Минто, Джордж Драммонт – некогда провост Эдинбурга, а возглавлял их Уильям Робертсон – в скором будущем ректор Эдинбургского университета) стремилась отстаивать более прагматичную позицию, гарантировавшую, что шотландская церковь станет частью британских легислатур. В итоге, на встрече в Линлизго накануне заседания Ассамблеи церкви была заложена основа того, что позже составит основу модератизма, умеренного крыла шотландского пресвитерианства.

Робертсону и его сторонникам – образованным юристам, членам «Избранного общества и городской интеллигенции, выражавшим просвещенное общественное мнение, противостояли консервативно ориентированные евангелисты, имевшие сторонников среди сельских конгрегаций и исповедовавшие концепт семи грехов и идею адских мук. Другой оппозицией модераторам были скептики от религии, включавшие английских деистов и некоторых примыкавших к ним шотландцев. Хотя с доктринальной точки зрения Юма следует отнести скорее к деистам, противостоящим модераторам, религия для него была частью той традиции, которая должна была сохранить национальную идентичность. Кроме того, большинство друзей Юма принадлежали к умеренным пресвитерианам. Наконец, тот факт, что в 1756 г. партия модераторов смогла добиться смягчения цензуры со стороны Генеральной ассамблеи в адрес Юма, свидетельствует, что если не доктринально, то концептуально, Юма и модераторов объединяло общее отношение к важным вопросам, волновавшим общество.

В 1756 г. умер преподобный Джордж Андерсон, наиболее влиятельный защитник традиционного пресвитерианизма, и Хью Блэр стал настоятелем собора Сент-Джайлса, главной пресвитерианской церкви Шотландии, что открывало возможности для распространения модера-

тизма. Пять лет спустя Уильям Робертсон занял пост ректора Эдинбургского университета, где Блэр получил также кафедру риторики. А вскоре, в 1768 г., Джон Уайтерспун, лидер евангелической партии, оппозиционной модераторам, получив приглашение занять место президента одного из колледжей Принстонского университета, отплыл в Америку, что, казалось, должно было сделать триумф модераторов неизбежным. Однако в 1750–1760-х гг. модераторы никогда не имели в Генеральной ассамблее большинство; дело было, скорее, не в количестве, а в качестве, поскольку среди модераторов были ученые, писатели, управляющие компаниями, административные чиновники – словом лица, наиболее инкорпорированные в британский правящий класс. С другой стороны, одновременно они же были и выходцами из крупных шотландских родов и принадлежали к шотландской элите. И уже в конце 1760-х гг. из более чем 90% номинальных приверженцев протестантизма в Шотландии осталось около 30% искренне преданных ему прихожан. Однако именно модераторы на протяжении второй половины XVIII – начала XIX в. составляли лицо шотландского пресвитерианизма в глазах образованной Европы. Валлийский путешественник Томас Пеннант, посетивший Шотландию в 1769 г., характеризуя здешних клириков, писал, что они представляют собой наиболее образованных представителей своей профессии и являют резкий контраст разъяренным, неграмотным и фанатичным священникам прежних времен⁵.

Но уже столетие спустя после своего появления, в середине XIX в., модератизм постепенно сходит с исторической сцены. Умеренное крыло пресвитерианства оказалось нежизнеспособным, очевидно, потому, что в период его возникновения начинается активный поиск собственного шотландского прошлого, и пресвитерианская церковь с ее строгими принципами, становится одним из символов, противостоящих в культурном плане англичанам. Модератизм выглядел здесь слишком большим компромиссом, и им следовало пожертвовать. Его критики, близкие к евангелизму, в XIX и XX вв. объявили его бедственным тупиком, обвинив в слишком мягкой позиции по отношению к правительству и в уклонении от обязанности служить оздоровлению нации. Быть может, самая большая заслуга модератизма была в том, что он действительно составил конкуренцию пресвитерианизму, который был не в состоянии предложить адекватный ответ на вызов модернизации рубежа XVIII и XIX вв., с ее бурными темпами урбанизации и массовыми ми-

⁵ *Allan*. 2002. P. 64.

грациями, и, как следствие, с недостатком доступа к социальным, религиозным и образовательным институтам, традиционно обеспечиваемым национальной церковью.

В то же время его возникновение и существование в течение целого столетия продемонстрировало те демократические тенденции, которые, будучи порожденными просветительскими идеями, существовали в Шотландии на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в., времени, когда на севере наиболее активно шла трансформация идентичности. Кроме того, с точки зрения интеллектуальных процессов в Европе это был один из первых случаев религиозной терпимости и модернизации самой церкви, которая под влиянием «отцов» модератизма, Уильяма Робертсона и Хью Блэра, вынуждена была отказаться от многих анахронизмов. Хотя модераторы и представляли относительно узкий слой, но это были адепты наиболее передовых европейских идей. В итоге, модератизм, несколько смягчив пресвитерианские принципы, адаптировал шотландский кальвинизм к требованиям времени, в перспективе способствовал обмену и взаимопроникновению английской и шотландской культур.

Пресвитерианская вера в «жизнь, прожитую полезно», была одной из духовных основ шотландского Просвещения, а в самой пресвитерианской церкви Шотландии развитие модератизма привело к появлению того, что сейчас известно под названием «социальное евангелие», где благополучие нуждающихся является столь же важным в миссии церкви, как и вечное спасение души через покаяние. Таким образом, в основе модератизма лежит идея связи религии и общества: тридцать девять из пятидесяти четырех председателей Генеральной ассамблеи пресвитерианской церкви между 1752 и 1805 гг. были умеренных взглядов, и в этом кроется причина мощного развития в Шотландии социального обязательства элиты и коллективного взаимодействия, стремящегося к сглаживанию социальных противоречий. Подобные модераторские представления сформировали особый шотландский, отличный от английского, взгляд на природу и сущность социального устройства и динамики общественного развития.

Вместе с тем, модератизм являлся типично просветительским течением – и с точки зрения отношения к прогрессу, и с позиций использования истории для объяснения формирования современной цивилизации. Идея прогресса определяла тот факт, что Дэвид Юм, как и многие другие его современники, такие как А. Фергюсон, и Дж. Миллар, усматривал в английской Славной революции движение к прогрессу, выделяя

три исторических этапа развития общества – «феодалная аристократия», «феодалная монархия» и «коммерческое правление», для последнего из которых была характерна «система свобод»⁶. Такое понимание эволюции Шотландии приводило к мысли, в которой все шотландские интеллектуалы были едины: в результате союза 1707 года Шотландия стала процветать – «общественная свобода с внутренним миром и порядком развивается без потрясений: торговля, мануфактура, сельское хозяйство расцветают: культивируются искусства, науки и философия. Нация является самой процветающей в Европе...»⁷.

Само возникновение модератизма, ставшего отличительной чертой шотландского Просвещения, было связано с вопросом об отношении к Англии, и к тем проблемам, которые союз породил. Давая интеллектуальный ответ на вызов, предлагаемый объединением, мыслители осознали, что религия всегда была важной составляющей национальной идентичности, и поэтому ее трансформация будет, с одной стороны, отражать уровень англо-шотландской интеграции, а, с другой, способствовать сближению. В этом смысле модератизм, бесспорно, был частью юнионистской интеллектуальной традиции.

Другим важной стороной интеллектуальной жизни, связанной с эволюцией религиозных представлений, были исторические идеи, которые приобрели особое значение для объяснения изменений, происходивших в Шотландии в просветительскую эпоху. В XVIII в., после того, как Шотландия вошла в состав Британского государства, шотландские интеллектуалы столкнулись с необходимостью объяснить историю англо-шотландских отношений, которая прошла долгий путь от кровавых столкновений периода англо-шотландских войн до объединения 1707 года. Юм, как и многие его современники, был носителем шотландской идентичности, изменявшейся в соответствии с политическими процессами на Британских островах. Но одновременно именно ему предстояло объяснить текущий процесс трансформации идентичности и встать у истоков новой юнионистской традиции, имевшей корни и в историческом сознании, и в изменившемся социокультурном контексте.

Юму, в отличие от многих его современников, было хорошо известно, что союз 1707 г. в равной степени расширял возможности шотландцев в сфере экономики и в конкуренции на колониальных рынках, а также защищал все то, что было им так дорого – жизнь, свободу и ответственность. Неожиданным открытием для Юма было лишь то, что шот-

⁶ Spadafora. 1990. P. 303–304.

⁷ Ibid. P. 308.

ландцы в своей повседневной жизни легко могут обходиться без привычных властных учреждений и, в первую очередь, без парламента. Вместе со своими коллегами по интеллектуальному цеху Юму предстояло познать все преимущества единого государства, которое стояло у истоков социальных и экономических перемен в Шотландии.

Юму не пришлось стать свидетелем того, как обсуждалась и принималась уния, однако на период его молодости пришлась пора якобитского движения, в результате подавления которого процесс объединения Англии и Шотландии стал необратим. Для многих шотландцев 1740-е гг. стали временем, когда решалась судьба их родины. Однако в равной степени справедливо и другое. Период между заключением договора 1707 г. и подавление последнего якобитского восстания 1745–1746 гг. в равной степени был и экспериментом, и приключением. Приключением, потому, что уния 1707 г., лишившая Шотландию традиционных политических легислатур, мало что оставила ей с точки зрения политических институтов, и никто в теперь уже единой Британии не задавался вопросом о том, как Шотландия будет управляться. Эксперимент же заключался в том, что подобного опыта формирования дуалистической нации в истории еще не было. Шотландия стала первой европейской нацией, которая одновременно получила защиту в лице сильного государства и сохранила свободу развития и колониальных инициатив. И последующее столетие доказало обоснованность этого эксперимента – шотландцы не только приумножили свои экономические богатства, но и сохранили чувство национальной идентичности.

Британия XVIII века была, по словам Джонатана Свифта, подобна «кораблю с двойным днищем», и основа этого дуализма была заложена унией. И хотя к середине Века Просвещения непосредственные положительные результаты унии еще были слабо ощутимы, у шотландцев, особенно в среде образованной элиты, сформировался концепт «долгосрочных результатов» союза. С точки зрения долгосрочной перспективы, как ее рассматривал английский экономист Джон Кейнс, «мы все мертвы», однако шотландцы были далеко не столь пессимистичны в оценках будущего. По мнению Дэвида Юма, те экономические сложности, с которыми нация столкнулась в середине XVIII в., компенсируются радужной долгосрочной перспективой союза с Англией. Именно категории долгосрочной перспективы, такие как «*со временем*», «*в целом*» и «*в равновесии*» стали излюбленными для просветительски настроенных шотландских философов. В гораздо большей степени, чем многим мыслителям из других стран Европы им была понятна сложная природа

современного государства, в основе которой переплетались представления о человеческой натуре и идеи общественного устройства.

Дэвид Юм принадлежал к тому второму поколению интеллектуалов, для которых англо-шотландское объединение представлялось неизбежным событием, лишней раз демонстрировавшим «разумность» истории. К 1740-м гг. коммерциализация Шотландии стала очевидна, и Глазго и Эдинбург были не просто вигскими городами, хранившими верность новой династии, но и экономическими и культурными центрами Шотландии, для которых связи с Англией были жизненно важны. И если поколение интеллектуалов первых десятилетий XVIII века, вроде Уильяма Питмеддена, должно было в борьбе отстаивать идеалы унии, то Дэвид Юм и близкие ему шотландские интеллектуалы должны были объяснять ее закономерность. Когда Уильям Робертсон в своей «Истории Шотландии» в 1759 г. написал, что «уния объединила две нации, создав единый народ и устранив различия, существовавшие на протяжении многих поколений...», он, тем самым, выражал идеи целого поколения шотландских просветителей.

Соотношение «английского», «шотландского» и «британского» в просветительских концепциях является важным свидетельством англо-шотландской интеграции, поэтому для понимания юнионистской традиции особо важным представляется не противопоставлять юнионизм и национализм, отношения между которыми были гораздо более сложными, чем это порой представляется на первый взгляд. Дискурс национальности, как и концепт провинциальности могли составлять часть юнионистской традиции, а мягкий национализм был чрезвычайно близок мягкому юнионизму в политической жизни шотландского общества. Это понимание юнионизма может, вероятно, объяснить как очень противоречивое отношение шотландцев к Англии, обострившееся в период дискуссий о заключении союза 1707 года и в первые полстолетия после принятия договора, так и современные дискуссии о шотландской нации.

Юм был одним из тех, кто сформировал историческое сознание шотландцев, в основе которого лежит смягченный юнионизм, включающий представление о том, что быть шотландцем означало одновременно быть британцем. В интеллектуальной жизни XVIII и XIX вв. унии и шотландской национальности уделялось не очень много внимания. Шотландское Просвещение, озабоченное, главным образом, вопросами моральной философии, а также проблемами взаимоотношений государства и общества, не слишком концентрировалось на идее национальной идентичности, и это «молчание» является красноречивым сви-

детельством того, что юнионистская традиция была полностью усвоена шотландскими интеллектуалами. Молчание подобного рода является показателем жизненности «банального юнионизма» – британцы предпочитали сохранять амнезию по поводу прошлого частей, вошедших в состав единой Британии. Свидетельства этого юнионизма сохраняются в исторической и в политической культуре Британии и по сей день.

При этом юнионистские сентименты вовсе не отрицали критицизма по отношению к Англии, принимавшего часто не только дискурсивные, но и реифицируемые в повседневных практиках формы. Юм, подобно многим своим современникам, опровергал представление об англо-шотландском объединении как шагом на пути к «английской империи». Результатом такой критики порой становилась англофобия, и тогда лояльный юнионизм оборачивался столь же лояльным национализмом. При этом в обоих случаях предметом лояльности была Британия. И в этом смысле Дэвид Юм в равной степени выглядит и юнионистом, и националистом. Мыслитель, который был сторонником не просто унии, но поддерживал происходившую англизацию Шотландии, критиковал непросвещенных «варваров, которые населяли берега Темзы»⁸, за то, что они находятся в плену у опасной политической мифологии и не извлекают уроков из просветительской философии.

Из этой борьбы юнионизма и национализма проистекает и то чувство неприятия, с которым шотландцы сталкивались в Лондоне. Юм писал своему другу Гилберту Элиоту в 1764 г.: «Некоторые ненавидят меня, потому что я не виг, другие – оттого, что не христианин, и все – потому что я шотландец. Можно ли серьезно говорить, что я стану англичанином? Я или Вы – англичане? Будут они нас считать англичанами?»⁹. Но Юм, одновременно, был тем человеком, который сказал: «Лондон – столица моей страны», и иронизировал по поводу шотландского провинциального происхождения. Тоска по древнему прошлому была широко распространена и в литературных кругах, и среди землевладельческих классов, представители которых посылали своих детей учиться хорошим манерам и речам в университеты Англии, для того, чтобы у тех была возможность сделать карьеру все в той же Англии. Конечно же, такие люди не могли со временем не стать англичанами.

Юм, который много внимания уделял вопросу об особенностях шотландцев, писал, что не стоит извиняться за то, кем мы являемся, и за то, что стремимся быть похожим на соседа, который хорошо говорит и

⁸ *Hume*. 1932. Vol. 1. P. 436.

⁹ *Smith*. 1996. P. 109.

пользуется при еде ножом, ставя тем самым проблему *шотландскости*, ее визуальных и сущностных отличий. По его мнению, разделяемому современниками, для определения шотландскости было необходимо чувство места, истоков. Так же как чувство метрополии, космополитическое чувство, по мнению современника Юма Генри Маккензи, обманчиво, местное, природное ощущение – истинно.

Проблема языка, на котором писали и говорили образованные шотландцы, была одной из самых важных. Исходя из высокой степени англизации шотландской элиты, многие говорили даже о несамостоятельности шотландского Просвещения, используя при этом концепт английского «культурного империализма», под влияние которого будто бы попала Шотландия. Однако в реальности «быть британцем» вовсе не означало «не быть шотландцем», а англизация в некоторых случаях даже способствовала сохранению чувства *шотландскости*. Один из основоположников и лидеров раннего шотландского Просвещения лорд Кеймс еще и в 1780-е гг. продолжал говорить, используя шотландский язык, а поэты, такие как Алан Рамсей или Роберт Бернс, в равной степени использовали и шотландский, и английский языки в зависимости от ситуации и контекста. Шотландцы стали носителями английского языка и культуры, оставшись, одновременно, каледонцами и забывая, порой, о своих традиционных корнях, лишь в том случае, когда *британскость* становилась более выгодной. Сам Юм легко сознавался в превосходстве английской культуры, анализируя ее и будучи способен управлять ею так, чтобы она не противоречила культуре шотландской. Такая перспектива его не пугала, поскольку он сознавал ее выгодность для процветания Шотландии, а потому и в Англии, и в Шотландии шотландцы должны были чувствовать себя как дома. Такой подход способствовал распространению и европейской известности произведений шотландских просветителей, написанных на английском языке.

«Банальный юнионизм», основа которого была заложена Юмом и близкими ему шотландскими просветителями, наиболее полно способен описать историческую культуру Британии после парламентского объединения, породившего сложную проблему совмещения национализма и юнионизма. Используя термин «банальный национализм», чаще всего имеют в виду такой национализм, который настолько явен, что не нуждается в демонстрации, и такая форма национального сознания присуща стабильно существующим нациям-государствам, в которых идея нации не подвергается угрозе, а принадлежность к ней не оспаривается ни властями, ни гражданским обществом, а потому и не требует дополнитель-

ной артикуляции. «Банальный юнионизм» имеет столь же общественное, сколь и исследовательское значение, и при этом содержит в себе несколько уровней. Наиболее явный – это юнионизм, связанный с осознанием очевидных благ, которые Шотландия получила в составе Великобритании. Это представление было характерно для Юма, поскольку блага вхождения Шотландии в состав Британии были понятны уже в 1750-е годы. Но был и другой, более глубокий уровень амнезии, связанный с «банальным юнионизмом». Некоторые шотландцы предпочитали отбросить идею *шотландскости*, порой, даже мультинациональную сущность британского единства. Одним из них также был Юм, который считал себя англичанином и свою историю Великобритании превратил в «Историю Англии». Молчание, которое хранил Юм и многие его современники и потомки о прошлом Шотландии, является наиболее ярким свидетельством живучести юнионистской традиции.

Заложенная Юмом идея юнионизма и мягкой лояльности, сочетавшей национализм и юнионизм, стала фактором современной шотландской интеллектуальной культуры, в которой идея концентрической лояльности сказывается на уровне историописания и массового сознания. По мнению Т. Смаута, шотландского королевского историографа, Шотландия – древняя нация-государство, рожденная в боях за независимость XIV века, разбавленная униями 1603 и 1707 гг. и произведшая яacobитские волнения¹⁰. В более широком британском контексте исследование Тома Нэйрна «Распад Британии» наиболее авторитетно¹¹. С марксистских позиций, вводя новые категории, он объясняет этот распад волной модернизации, в которой чужеродная буржуазная интеллигенция повсюду в Европе разрушала древние монархии и способствовала, одновременно, рождению националистических чувств. Однако к шотландцам это относится лишь в незначительной мере, так как они являются, скорее, субъектом, а не объектом этого процесса, поскольку северную Британию вряд ли можно считать объектом английского воздействия, но скорее – частью агрессивно развивающегося центра, а значит частью метрополии, а не периферии. Шотландский торговый класс, пользовавшийся благами империи, процветал на протяжении двух столетий, и только в первой половине XX века, когда стали ощутимы центробежные тенденции, а империя начала клониться к закату, в среде шотландской буржуазии начали формироваться националистические чувства и сепаратистские настроения.

¹⁰ *Smout*. 1989. P. 1.

¹¹ *Nairn*. L., 1977.

Думается, прав Энтони Смит, один из наиболее авторитетных современных теоретиков национализма, критикующий Тома Нэйрна с нескольких позиций. По его мнению, современные шотландцы считают себя британцами, как, например, каталонцы – испанцами, и это не просто является демонстрацией лояльности. Хотя Э. Смит напрямую не говорит этого, но очевидно, что современный этнический национализм является логическим «продолжением старого национализма», то есть акцентируется внимание на исторических корнях культуры и этноса. Смитовская идея «концентрированной лояльности» представляет собой своего рода «латентный национализм», по содержанию близкий тому, основу которого заложил Дэвид Юм, никогда не писавший о полной, завершенной интеграции Англии и Шотландии.

При этом ни Т. Нэйрн, ни Э. Смит не изучали ситуацию и язык XVIII – начала XIX века, а также то, что сами шотландцы думали о своей идентичности. Нигде в Европе национальная идентичность не была выражена столь полно, как в Шотландии, хотя никто из «элитарных» носителей этой идентичности – ни Дэвид Юм, ни Александр Карлайл, ни братья Адам, ни Босуэлл, ни Алан Рамсей, никогда не предпринимали политических действий для реализации этой идентичности, несмотря на то, что массовый дискурс был пропитан националистическими настроениями. И тем сложнее была задача интеллектуалов, которые должны были национализм превратить в юнионизм, притом, что есть масса свидетельств об отношении к англичанам и Англии, которые действительно могут быть истолкованы как националистические¹².

Большая часть шотландцев чувствовали себя одновременно и шотландцами, и британцами. Но вот англичанами шотландцы себя не ощущали никак. Если Шотландия была *провинцией*, или *нацией* (шотландцы использовали оба термина), Англия, считали они, была другой провинцией или нацией. И с Англией они объединились как с равным партнером. Шотландцы очень редко соглашались с тем, что они стали объек-

¹² Целый ряд фактов свидетельствует о распространении националистических настроений в Шотландии и во второй половине XVIII в В частности, Томас Мур в его «Мемориалах Шотландии», написанных во Франции в 1797–1798 гг., описывает унию 1707 г. как обман (Бернс или Босуэлл могли бы с этим не согласиться, но не сделали этого), правление Вестминстера как давление и гнет Англии, а Шотландию как добивающуюся свободы и независимой республики (*Meikle*. 1912. P. 174–176.), а Джеймс Томпсон в памфлете, изданном в 1792 г., рисует механизм «нашего южного мастера, пытающегося извлечь быструю выгоду из производства нашей страны в интересах своих собственных» и рассматривает шотландскую историю XVIII в. в терминах завоевания и подчинения враждебной нации (*Brimes*. 1987. P. 264).

том объединения и управления, младшим партнером, ведóмым более богатым, и, возможно, более сильным южным соседом. Как написал Александр Веддербурн в «Эдинбургском обозрении» в 1756 г.: «Северная Британия может быть описана как молодое государство, ведóмое и поддерживаемое сильной родственной страной»¹³.

Англичане были просто королевством, одним из нескольких, в составе Британии. Шотландцы другая ее часть, и, соответственно, они имеют право на такие же собственные институты, что и англичане, например, на собственную милицию, борьба за которую развернулась в 1760-е гг., и активное участие в этом движении принимал Фергюсон, написавший свои, пожалуй, самые националистические строки: «Черен будь тот день, когда Шотландия связала себя Унией с Англией»¹⁴.

Но парадокс в том, что с точки зрения англичан, Британия – это, прежде всего, Англия, в то время как шотландцы не считали, что Британия – это Шотландия. Для выходцев из Шотландии, визиты в Лондон в 1740–60 гг. порой оборачивались крахом их лояльности. Босуэлл описал случай, свидетелем которого он стал в Ковент-Гардене в 1762 г., когда толпа с улюлюканьем гналась за двумя шотландскими офицерами, одетыми по-хайлендерски, и вопила: «Нет шотландцам! Нет шотландцам! Прочь отсюда!». «Я ненавидел англичан; я желал изгнать из моей души память об Унии, и чтобы мы могли им дать еще одно сражение у Бэннокберна»¹⁵. Но, обладая, как Юм и другие интеллектуалы, двойной идентичностью, Босуэлл однажды мог написать: «Я согласен с нашей любовью к Стюартам», а в другой раз – «В душе я люблю Великого Георга, нашего короля»; сначала – «Я шотландский лэрд и я шотландский юрист, и женат я на шотландке. И это не должно оспариваться», а потом – я «англичанин по образу мысли»¹⁶.

Для шотландцев класса, выходцами из которого были Юм и Босуэлл, уния действительно предоставила значительные возможности, а для высшего класса – еще и участие в управлении, блестящие примеры чего являли такие политики, как Дандас и Аргайл. Служба на гражданских должностях, в армии, на флоте, в Англии и в колониях предоставляла возможности личной реализации. И шотландцы использовали их. Государство же в их построениях предстает не как реально существующее, а как модель, андерсоновское «воображаемое сообщество», в рам-

¹³ *Edinburgh Review*, 1755–56, preface.

¹⁴ *Smout*. 1989. P. 6.

¹⁵ *Smith*. 1996. P. 113.

¹⁶ *Smout*. 1989. P. 8.

ках которого процветает нация. Многие интеллектуалы верили, что прошлое их страны связано с варварством и разложением. Для Юма и Робертсона события до 1688 г. были временем «феодального мрака и анархии». Политический национализм вряд ли мог появиться там, где элиты так смотрели на свое прошлое, и в этом заслуга просветительски настроенных шотландских интеллектуалов, которые создали идеологическую основу британскому единству, породив, одновременно, «нацию без ее истории». Лишь в постпросветительской Шотландии появится Вальтер Скотт, который вместе со своими сподвижниками «создаст» историю шотландской нации, романтизированную, полную патриотических символов, но укорененную в идеях просветителей¹⁷.

Благодаря Просвещению шотландское чувство национальной идентичности в XVIII в., хотя и было достаточно сильным, но, за исключением редких (как правило, спровоцированных) случаев, не являлось антианглийским. Это была концентрическая лояльность, не противостоящая британской идентичности, а пытающаяся найти в ней свое место. И даже радикальное движение 1790-х гг. было связано с попыткой демократизации общества путем расширения патриотического дискурса: подчеркивалось, что благодаря унии Шотландия приобщилась к достижениям английского демократического прошлого и стремится адаптировать британские свободы. Благодаря Юму и его сподвижникам, последовательно доказывавшим, что сущность человека заключается в том, чтобы освобождаясь от мифов, в том числе и навязанных историей, видеть мир таким, каков он есть, шотландцы конструировали новую мифологию, отличную от той, которая была характерна для подавляющего большинства европейских государств-наций. В их исторических построениях Арбродская декларация не упоминается не только потому, что большинство из них были убежденными англофилами, но и оттого, что историю они рассматривали в современном им контексте, где уния Англии и Шотландии была проявлением рациональности мира *Modernity*. В этом процессе становления современного мира, верил Юм, Шотландии отведено особое место. Сказав однажды, что «свобода есть совершенство гражданского общества», он верил и в то, что «власть должна быть признаваема уже в силу своего существования». В этом парадоксе, очевидно, заключено и отношение к свободе Шотландии, которая может существовать лишь в границах британского могущества, задающего прогрессу и направление, и границы.

¹⁷ В этом смысле в Шотландии грань между Просвещением и Романтизмом была, как нигде в Европе, зыбка. Об этом более подробно см.: *Апрыщенко*. 2008.

Знаковых фигур шотландского Просвещения не стало в течение двух десятилетий. Дэвид Юм умер первым, в августе 1776 г., шесть лет спустя в возрасте восьмидесяти шести лет скончался лорд Кеймс, затем, в 1790 г. – Адам Смит, через два года – Роберт Адам, а еще через год – его брат Уильям. Босуэлл умер в 1795 г., а Томас Рейд – в 1796 г. К этому времени шотландский юнионизм был уже никем не оспариваем, превратившись в господствующую идеологию не только интеллектуальной, политической и экономической элит, но став частью массового сознания. Даже когда в 1790-е гг. в Шотландии произошел всплеск радикального движения, националистическая риторика практически не использовалась. Шотландия после просветителей не нуждалась в том, чтобы ее убеждали в правильности выбранного в 1707 г. пути.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Апрыщенко В. Ю.* От Просвещения к романтизму: шотландская антикварная традиция и поиски национального прошлого // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2008.
- Allan D.* Scotland in the Eighteenth Century. L., 2002.
- Anderson R. D.* Educational Opportunity in Victorian Scotland. Oxford, 1983.
- Brimes J. D.* The Scottish “Jacobins”, Scottish Nationalism and British Union // Scotland and England, 1768–1815 / Ed. by R. Manson. Edinburgh, 1987. Edinburgh Review, 1755–56.
- Herman A.* How the Scots Invented the Modern World. N.Y., 2001.
- Hume D. to rev. Hume Blair, 26 April 1764 // The letters of David Hume / Ed. by J. Y. T. Greig. Oxford, 1932.
- Meikle H. W.* Scotland and the French Revolution. Glasgow, 1912.
- Nairn T.* The Break-up of Britain. L., 1977.
- The Register of the Privy Council of Scotland / Ed. by J. H. Burton. 14 vols. Edinburgh, 1877–1898.
- The Acts of the Parliaments of Scotland / Ed. by T. Thomson, C. Innes. 12 vol. Edinburgh, 1814–1875.
- Smith J. A.* Some Eighteenth-Century Ideas of Scotland // Scotland in the Age of Improvement. Edinburgh, 1996.
- Smout T. C.* Problems of Nationalist Identity and Improvement in later Eighteenth-Century Scotland // Improvement and Enlightenment / Ed. by T. M. Devine. Edinburgh, 1989.
- Spadafora D.* The Idea of Progress in Eighteenth-Century Britain. New Haven-L., 1990.
- Апрыщенко Виктор Юрьевич*, доктор исторических наук, заведующий кафедрой Новой и Новейшей истории исторического факультета Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); vimas@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ НАУКИ

В. П. КОРЗУН, В. Г. РЫЖЕНКО

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ОТ РАЗМЫШЛЕНИЙ ИСТОРИОГРАФОВ
К ОПЫТАМ ОПИСАНИЯ¹

В статье представлен опыт описания коммуникативного поля современной исторической науки в контексте смены познавательных парадигм и общих социокультурных условий. Анализируются данные социологических опросов, включенного наблюдения по проблеме трансформации коммуникативного поля.

Ключевые слова: *неоклассическая модель историописания, коммуникативное поле, научное сообщество, «сети общения», научная конференция.*

1. Как это начиналось

Наш интерес к коммуникативному полю современной исторической науки складывался под воздействием собственного опыта проживания (что называется «здесь и сейчас») в российском научном сообществе, которое переживает серьезные трансформации. Этот опыт, способствовал саморефлексии и поиску своего места в меняющейся конфигурации как институтов науки, так и сетки межличностных контактов/отношений/коммуникаций. Рубежная полоса для общества и для исторической науки – вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг. – это время весьма болезненного распада образа «монолитной» советской историографии, деформации ее социокультурного ландшафта.

Осмысление кризиса «советского историографического проекта» внутри научного сообщества историков и вне его начинается в условиях именно этой рубежной полосы, продолжается на всем протяжении 1990-х гг. и принимает различные формы. Сознательно редуцируя этот сложный процесс, выделим в нем две противоположных тенденции. Одна из них проявляется в стремлении части представителей современного научного сообщества историков к осуществлению продуктивных профессиональных диалогов в интеллектуальном пространстве «без границ».

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02. 740. 11. 0350.

Так, например, «территорией» для подобного варианта общения стало за последние 10 лет периодическое издание Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН – «Диалог со временем». Организационной опорой в продвижении самой идеи «открытой коммуникации» служит сеть отделений Межрегионального объединения «Общество интеллектуальной истории», членами которого являются и авторы данной статьи.

Противоположная тенденция к сохранению исторического научного сообщества как закрытой корпорации видна в деятельности официальных институтов социокультурного ландшафта российской исторической науки. Прежде всего, это касается академических подразделений и сохраняющейся системы жесткой специализации диссертационных советов как структур по подготовке кадров высококвалифицированных историков. Большинство академических институтов, призванных инициировать производство нового знания и способствовать созданию новых «сетей общения», в конце XX – начале XXI в. оказались большей частью замкнутыми «внутри себя». Существующие правила пополнения сообщества молодыми исследователями не допускают изменений в приоритетах корпоративных ценностей в пользу коммуникационной активности. Эта тенденция отражает явное противоречие между ситуацией, которую определяют применительно к интересующему нас периоду в исторической науке как «историографическая революция», и внутренним состоянием российского сообщества историков.

Следующий мотив нашего обращения к теме можно назвать и сугубо утилитарным, и одновременно внутринаучным. Речь идет о работе в большом исследовательском проекте «Образы отечественной исторической науки в контексте смены познавательных парадигм (вторая половина XIX – начало XXI в.)». Один из этапов разработки проблемы связан с попытками реконструкции (естественно, умозрительной) коммуникативного поля отечественной исторической науки в XX в. Мы исходили из того, что тот или иной образ исторической науки складывается в научном сообществе и «проговаривается»/утверждается благодаря разнообразным коммуникативным практикам, т.е. на этапе замысла проекта обращение к коммуникативному полю предполагалось как «контекстное сопровождение» интересующего нас объекта исследования. Но по мере проникновения в тему эта сторона проблемы приобретала все большую значимость и самостоятельность. Несколько неожиданно для себя мы стали «конструкторами» нового проблемного поля.

Проблемное поле науки – это своего рода барометр, фиксирующий подвижное состояние функционирующих в научном сообществе идей (еще не развившихся в логически завершенное целое), задач, средств и

форм научного исследования. Это живое дыхание науки. Признавая персонифицированный характер идей/проблем, обратим внимание на корреляцию проблематики с укорененными моделями науки, разделяемыми большинством научного сообщества. Нарушение же «чистоты проблематики», «еретичность», интеллектуальная напряженность, выход в маргинальное пространство, ситуация «крупного разговора», разрыв прежних коммуникационных связей/сетей часто являются симптомами становления нового образа науки, новой модели научности. Вряд ли целесообразно выстраивать иерархию методологических парадигм и исследовательских практик, но нельзя не обратить внимания на тот факт, что становление новых моделей научности во многом предвосхищается на уровне конкретных исследований, на перекрестке различных интеллектуальных сетей. В таком наэлектризованном пространстве – интеллектуально-очевидное переходит в научно-проясненное.

Отметим дополнительный для нас мотив актуализации изучения коммуникативного поля современной российской исторической науки. Дело в том, что в качестве отдельного объекта историографических исследований коммуникативное поле не выделялось не только применительно к указанному периоду, но и к более ранним этапам истории отечественной исторической науки.

II. Пессимистический историографический экскурс и оптимистические надежды

Конечно же, в нашей памяти всплывали названия отдельных монографий и статей, в которых речь шла о тех или иных журналах, научных сообществах, официальных и частных контактах историков как внутри, так и за пределами разного рода институций, об отдельных школообразующих практиках и т.д. Но даже «идол истоков» – профессиональная болезнь историографа, не способствовал преодолению мозаичности и складыванию целостного полотна коммуникативного поля отечественной исторической науки. На сегодня мы можем констатировать: 1) не выявлены основные институты внутринаучной коммуникации и их иерархия; 2) нет цельной картины динамики коммуникативного поля на протяжении XIX–XX вв.; 3) не выяснена степень и способы корреляции внешних и внутренних институтов коммуникации; 4) не разработана типология этих коммуникаций и коммуникативных стратегий индивидуальных исследователей-историков и коллективов различного уровня организации; 5) наличествует разрыв между теоретическим осмыслением проблемы и исследовательской эмпирией.

И это при том, что появление в XX в. коммуникативных теорий спровоцировало исследовательский интерес мировой историографии к способам функционирования научных сообществ. Теоретические и конкретно-социологические наработки Ю. Хабермаса, Р. Мертона, Т. Куна, П. Бурдьё, Р. Коллинза, М. Кастельса и др. расширили и трансформировали проблемное поле исследования истории науки. В отечественной традиции можно заметить два параллельных процесса в изучении научных коммуникаций: 1) науковедческие исследования, в которых представлена теоретическая рефлексия²; 2) конкретные историографические практики, преимущественно схолярные, где проблематика коммуникаций постепенно из эпизодической, маргинальной превращается в весьма значимую, но все же не в самостоятельную³.

Неоклассическая модель историописания актуализировала интерес к интеллектуальной культуре, способам ее циркуляции, к акторам интеллектуального процесса, выдвинув на авансцену исследование коммуникативных практик, что является свидетельством преодоления позитивистской, линейной схемы истории науки, в том числе и в истории исторической науки. На этом пути примерки, освоения новой парадигмы и собственно ее творения были и несомненные удачи. Наиболее объемно, масштабно и профессионально-корректно коммуникативное поле русской исторической науки середины и второй половины XIX в. в контексте новых подходов представлено в двухтомной монографии М. П. Мохначевой «Журналистика и историческая наука»⁴. Наука и наукотворчество по существу рассмотрены автором как интерференция актов коммуникации. Понятая таким образом наука «подчиняется» определенным нормам и образцам взаимодействия ученых.

Названная монография – своего рода «гоголевская шинель», из которой должны выйти, но еще не вышли, исследователи коммуникативного пространства исторической науки. Контекст для такого прорастания, безусловно, сложился в виде отдельных исследовательских опытов и в оформлении постнеклассической модели научности, для которой характерен образ науки как сети (М. Кастельс, Р. Коллинз). Сеть выступает как новое пространство, пространство собственно информационное. Сетевая модель науки ориентирует исследователя на поиск интеле-

² Аллахвердян, Мошкова, Юревич, Ярошевский. 1998; Литвинов. 2004; Ваганов. 2000. 2005; Огуцов. 1993; Человек: индивидуальность, творчество...

³ Алеврас, Гришина. 2010; Алипов. 2010; Кефнер. 2006; Кныш. 2007; Климов. 2004; Кныш, Денисов. 2009; Мамонтова. 2010; Мягков. 1988. Корзун. 1999. 2000; Корзун, Мамонтова, Рыженко. 2001; Свешиников. 1999. 2005; Свешиников, Степанов. 2008. Сидорова. 1997. 2008; Хохлова. 1998.

⁴ Мохначева. 1998–1999.

грации антропологического, культурологического, лингвистического, микроисторического подходов в изучении интеллектуальных процессов. В обозначенном ракурсе коммуникативное поле получает статус самостоятельной и чрезвычайно сложной проблемы – это по существу новый понятийно-терминологический инструментарий, соответствующий сетевой модели исследования науки и одновременно – новое проблемное поле. А сама сетевая модель, как продукт постнеклассической науки, безусловно, противоречит кумулятивистскому подходу к истории науки, поскольку изначально задает параметры объемного видения проблемы: сетевое пространство многомерно – исследователь фокусирует на себе и накопленный культурный капитал в рамках горизонтальных связей, и институциональный капитал в рамках вертикальных связей и межличностные отношения, затрагивающие в том числе и сферы передачи эмоциональной энергии.

III. О наших замыслах

В такой ситуации родился замысел написать монографию «Коммуникативное поле современной исторической науки», ее структура мыслилась как поэтапные исследовательские шаги в разработке проблемы:

Глава 1. Коммуникативное поле российской исторической науки: основные институты и их трансформации в конце XX – начале XXI вв.

Глава 2. Карта новых институций в российском интеллектуальном пространстве: центр и провинция.

Глава 3. Новые институты и изменение конфигурации научного сообщества (в интеллектуальном пространстве «без границ»).

Глава 4. Коммуникативное поле современной российской исторической науки: взгляд изнутри (саморефлексия представителей научной корпорации).

Принимая за аксиому то, что научная межкультурная коммуникация может осуществляться только по корпоративным каналам, т.е. через посредство профессиональных сообществ, историограф вправе усомниться в наличии единой структуры для всех «отраслевых» (дисциплинарных) научных корпораций. Более того, даже наличие определенной заданности, предсказуемости характера передаваемой информации, значительного влияния традиций и стереотипов, сложившихся в корпоративной среде, не определяют всей специфики внутреннего содержания коммуникативного поля отдельной науки. Особенно, если речь идет об исторической науке, переживающей в российских реалиях рубежа веков принципиальные для ее судьбы трансформации прежних представлений о профессиональных корпоративных ценностях.

Научная коммуникация как идеальный конструкт включает в себя три слоя: внутридисциплинарную, или внутринаучную коммуникацию; коммуникацию между учеными, представляющими разные дисциплины; коммуникацию представителей научного сообщества с «внешним миром». Отсюда можно вывести гипотезу применительно к реальному коммуникативному полю современной российской исторической науки о повышенной остроте взаимоотношений историков и ученых из других дисциплинарных сфер (второй коммуникационный слой). Что же касается изучения третьего слоя научных коммуникаций (связи сообщества историков с «внешним миром»), то здесь требуется ввод разных параметров (коллективные и индивидуальные формы, Центр и провинция, реакция на социальный заказ и на смену «национальной идеи» и т.д.).

Отдельный блок гипотез, требующих экспериментального исследования, связан с появлением в 1990-е гг. новых институций (как в центре, так и в провинции), менее жестко или слабо связанных с прежними корпоративными структурами и приоритетами закрытой корпорации историков. Наконец, принципиальное значение имеет «внутреннее личностное измерение» происходящих трансформаций коммуникативного поля отечественной исторической науки – саморефлексия историков. Это позволит проверить еще одну рабочую гипотезу. Ее суть связана с появлением в образе меняющейся российской исторической науки признаков корпоративной культуры диалогового типа, соответствующей информационному обществу. Стимулирующее воздействие в данном случае оказал фактор внешней поддержки (Институт Открытое общество. Фонд Сороса) таких звеньев социокультурного ландшафта исторической науки как нестоличные университетские кафедры. Наряду с новыми институциями, появившимися на рубеже XX–XXI вв., отдельные коллективы (как структурные единицы коммуникативного поля) начали формировать своеобразные «точки сгущения» потенциальной коммуникационной активности⁵. В них накапливалась энергия для происходивших изменений в конфигурации коммуникативного поля трансформировавшейся российской исторической науки.

При этом стоит обратить внимание на внутреннюю неоднородность самого научного сообщества российских историков. Эта характерная черта присуща любому корпоративному дисциплинарному объединению. Однако для историков она более усложнена не столько за счет дробления предметно-объектной области исследовательских интересов, сколько вследствие наличия зафиксированных в образе советской исторической науки барьеров между историками, занимающимися всеобщей

⁵ Крейн. 1976; Куперитох. 1999; Прайс. Бивер. 1976.

историей, историками, изучающими историю дореволюционной России, и их коллегами, обращающимися к советской истории. На момент кризиса и на начальном этапе смены идеологических ориентиров и исследовательских парадигм еще сохранялась дистанция между историками «партии» и «гражданскими» историками. Эти реалии конца XX в. дополнились влиянием возрастного/поколенческого фактора, усилившего неоднородность научного сообщества историков и одновременно включившего в конфигурацию фрагментарного коммуникативного поля линию на создание своего рода «параллельных» коммуникаций (для «своих»). Таким видится, например, возникновение и деятельность такой институции как АИРО–XX, а также складывание аналогичных «коммуникационных» сегментов вокруг некоторых авторитетных, но входящих в официальные структуры, периодических изданий.

Новым элементом потенциального коммуникационного пространства с конца 1980-х гг. становятся общественные объединения, призванные сохранять историческую память и культурное наследие (Советский, затем Российский Фонд культуры, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры с их отделениями во всех регионах). Роль и место этих институций в трансформации социокультурного ландшафта исторической науки на рубеже веков, в индивидуальных поисках историками своего нового социального предназначения и профессиональной компетенции также нуждается в осмыслении в рамках проблемы коммуникативного поля российской исторической науки. С этими проблемными узлами соприкасаются исследовательские практики, связанные с восстановлением прерванных традиций отечественной исторической науки, и воплощаемые в историко-краеведческой деятельности. С их помощью, на наш взгляд, коммуникативное поле исторической науки реально прирастало межкультурными и междисциплинарными «сетями общения», а ведущие ценности научного сообщества историков как закрытой корпорации начинали размываться.

IV. Примеряя «чужие» одежды...

В данном разделе авторы выступают в новой для себя роли – роли социологов и антропологов науки. Перефразируя Дж. Тоша, заметим, что призрак устной истории забрел и в наш университет. Для получения представлений (рефлексии и саморефлексии) современных гуманитариев о конфигурации, характере и значимости коммуникационного пространства, о роли отдельных типов научных коммуникаций для историка-профессионала в качестве пилотного варианта было проведено анкетирование условной экспертной группы представителей современ-

ного гуманитарного научного сообщества с использованием методики случайной выборки. Формуляр анкеты включал в себя 15 вопросов.

АНКЕТА

представителя современного научного сообщества

Уважаемый коллега!

В современном интеллектуальном пространстве появляются новые формы научных коммуникаций. Для выяснения их значения в российском научном сообществе просим Вас ответить на ряд вопросов:

1. Считаете ли Вы, что современные профессиональные научные сообщества гуманитариев (историков, философов, культурологов и т.д.) являются закрытыми корпоративными объединениями?

а) да б) нет в) затрудняюсь ответить

2. Испытываете ли Вы потребность в научном общении с коллегами, представляющими другие гуманитарные специальности?

а) да б) нет в) затрудняюсь ответить

3. Как Вы оцениваете роль современных научных и научно-практических конференций (семинаров, симпозиумов) в складывании эффективных коммуникаций между учеными и гуманитарными сообществами?

а) высокая б) низкая в) затрудняюсь ответить

4. Можете ли Вы назвать какую-либо постоянно действующую научную и научно-практическую конференцию как площадку интеллектуального диалога исследователей? Напишите ее название и место проведения.

5. За последние 10 лет Вы принимали участие в научных и научно-практических конференциях (семинарах, симпозиумах), проводимых внутри Вашего научного сообщества:

а) более 2 раз б) менее 2 раз в) затрудняюсь ответить

6. За последние 10 лет Вы принимали участие в научных и научно-практических конференциях (семинарах, симпозиумах), имеющих междисциплинарный характер:

а) более 10 раз б) менее 2 раз в) затрудняюсь ответить

7. Какие российские профессиональные гуманитарные журналы для Вас являются наиболее авторитетными? Перечислите, пожалуйста.

8. Изменились ли Ваши приоритеты в оценке российских профессиональных гуманитарных журналов за последние 10 лет?

а) да б) нет в) затрудняюсь ответить

9. Повлияло ли на Ваши приоритеты в выборе места для собственных публикаций появление обязательного перечня изданий, рекомендуемых ВАК РФ?

а) да, это облегчает формальную процедуру допуска к защите диссертации

б) нет, для меня важен не государственный статус журнала, а его научное лицо

в) затрудняюсь ответить

10. Как Вы оцениваете процедуру защиты диссертации в качестве коммуникативного события?

а) это пропуск в научное сообщество

б) пропуск в «большую» науку

в) формальная процедура, связанная с академической традицией

11. Ориентируетесь ли Вы в своей профессиональной исследовательской деятельности на авторитетные научные центры?

а) да (назовите какие) б) нет в) затрудняюсь ответить

12. С какими ведущими учеными Вы сотрудничаете? Перечислите, пожалуйста.

13. Как Вы оцениваете новые виртуальные формы общения ученых через систему Интернет?

а) считаю очень перспективными

б) нет, считаю их не заменяющими непосредственного общения

в) недостаточно осведомлен(а) о такой форме

14. Участвуете ли Вы в Интернет-конференциях (в том числе on-lain) и форумах? Как часто за последние 5 лет?

а) более 10 раз б) менее 2 раз в) не участвовал(а)

15. Что Вы хотели бы пожелать для повышения эффективности современных научных коммуникаций?

При определении площадок для анкетирования мы исходили из общей концепции трансформации образа исторической науки на рубеже XX–XXI вв., согласно которой специфической чертой современного коммуникационного пространства, наиболее ярко отражающей динамику трансформаций образа науки, являются его «живые» коммуникационные элементы – научные и научно-практические конференции. Они выступают также в качестве индикаторов назревающих перемен в способах добывания нового научного знания, в вызревании признаков новизны историографической ситуации. Можно в данном случае сослаться на то, что своеобразным подступом к «включенному наблюдению» за трансформациями проблемной историографии были гипотезы, выдвинутые В. П. Корзун и В. Г. Рыженко в 1995 г.⁶

Исходя из указанных позиций, было использовано три «площадки» для анкетирования. Таковыми стали разные по статусу и географии научные конференции. Первая научно-практическая конференция, давшая идею экспериментального конструирования условной экспертной группы и старт нашему исследовательскому эксперименту по анкетированию научного сообщества гуманитариев, проходила 25–27 марта 2010 г. в Новосибирском Академгородке под названием: «Регионы для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации». Она имела статус международной, была организована под эгидой Министерства образования и науки РФ, Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, делегации Европейской комиссии в России, Сибирским отделением РАН, Новосибирским государственным университетом и Администрацией Новосибирской области. Следует подчеркнуть, что среди условной экспертной группы ученых-гуманитариев оказались предста-

⁶ Корзун, Рыженко. 1995.

вители основных коммуникационных институтов, в соответствии с выделенными выше типами: академической и вузовской науки, музеев и архивов (преимущественно из регионов Сибири и Дальнего Востока, включая Алтайский край, Республики Алтай, Тыва, Якутия).

Вторая «площадка» географически переместилась западнее от Новосибирска в Омск. Ею стала VIII Международная научно-практическая конференция «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития» (21–25 апреля 2010 г.). Среди организаторов – академические и отраслевые научно-исследовательские подразделения РАН и Польской академии наук, университеты РФ и Польши. По специальностям в большей степени были представлены историки, культурологи, этнографы. География состава участников более широкая, присутствовали представители городов Польши, Балтии, Европейской части России (историки, культурологи, философы), примерно половина представляла крупные города сибирского региона.

Место третьей «площадки» – Нижний Новгород, где 30 сентября–2 октября 2010 г. Федеральное агентство по образованию, Нижегородский государственный университет им. Лобачевского, Нижегородский государственный педагогический университет, Институт всеобщей истории РАН, Общество интеллектуальной истории совместно провели Всероссийскую научную конференцию «Национальный / социальный характер. Археология идеи и современное наследство». Помимо разницы в статусе в данном случае важно, что эта «площадка» образовалась за счет соединения усилий официальных структур, университетов как элемента институционального ландшафта исторической науки и неформальной организации «Общество интеллектуальной истории», играющей, как уже отмечалось, важную коммуникационную роль в интеллектуальном пространстве в 2000-е гг.⁷ Географическое представительство участников конференции было смещено в сторону Европейской России, на востоке оно захватывало Урал и некоторые города Сибири (Омск и Новосибирск как крайние точки). По профессиональной принадлежности среди участников преобладали историки.

Полученный на трех «площадках» массив составил 104 анкеты. По возрастным группам соотношение таково: «старшее поколение» (свыше 65 лет) – 8 анкет; «среднее поколение» (свыше 35 и до 65 лет) – 66 анкет; «молодое поколение» (до 35 лет) – 25 анкет; не указан возраст – 5 анкет.

Несмотря на принятый изначально принцип «пилотной» условности обследования и произвольного конструирования экспертной группы,

⁷ Рыженко. 2007; Свешиников, Степанов. 2008.

полученная информация в совокупности дала возможность проверить гипотезы, сформулированные в вопросах анкеты. Так был осуществлен «замер» параметров современного коммуникативного пространства, обозначены векторы происходящих трансформаций, определено, какие признаки и элементы коммуникативного поля воспринимаются представителями научного сообщества в качестве наиболее важных.

Одна из предварительных гипотез касалась перемен в характере профессиональных научных сообществ гуманитариев в сторону завершения процесса их превращения из закрытых корпораций в открытые для контактов между собой и с другими сообществами профессиональные объединения, что соответствует новым диалоговым ценностям культуры XXI в. В ответах представителей малочисленной «старшей» возрастной группы преобладало мнение о сохранении прежней закрытости корпоративного сообщества историков. В отличие от них более 2/3 состава «среднего поколения» условной экспертной группы склонны считать, что современные профессиональные сообщества гуманитариев уже не являются закрытыми корпорациями. Наши подсчеты зафиксировали из 66 ответов 43 в пользу произошедшего изменения в сторону открытости. Отсутствие перемен и сохранение закрытого характера гуманитарных сообществ отметили 19 респондентов, четверо затруднились выбрать однозначный ответ. Любопытно, что соотношение между оценками внутри «молодых возрастов» сложилось почти «пятьдесят на пятьдесят»: из 25 участников обследования 12 посчитало, что современные научные сообщества гуманитариев продолжают оставаться закрытыми корпорациями, противоположную оценку дали 10 и трое затруднились определиться с ответом.

Тем самым можно считать, что тенденция к восприятию и оценке своих сообществ как открытых проявилась достаточно отчетливо, однако трансформация научных сообществ гуманитариев, в том числе, историков, происходит медленно. Преобладают и воспроизводятся коммуникации, замкнутые на корпоративные ценности. Это означает, что по-прежнему и научная межкультурная коммуникация может осуществляться только по «корпоративным» каналам, т.е. через посредство профессиональных сообществ. Последнее предполагает предсказуемость характера передаваемой информации и значительное влияние традиций, стереотипов, сложившихся в корпоративной среде. Тем более, это свидетельствует о сохранении недоверия к междисциплинарному сотрудничеству. Подтверждением таких выводов служит распределение результатов ответов на вопросы № 5 (о частоте участия в научных и научно-практических конференциях (семинарах, симпозиумах) внутри

своего научного сообщества за последние 10 лет) и № 6 (о подобном показателе только применительно к конференциям (семинарам, симпозиумам) междисциплинарного характера). Наиболее впечатляет то, что у представителей «средних возрастов» интенсивность использования такого рода коммуникаций весьма высока, как внутри своего сообщества, так и в междисциплинарных конференционных проектах. В первом случае из 66 участников условной экспертной группы, отнесенных нами к «средним возрастам», 58 респондентов отметили, что принимали участие за последние 10 лет в более, чем 10-ти монопрофильных научных мероприятиях перечисленного типа. Во втором случае количественный показатель ниже предыдущего, но все равно он (42 ответа, более 2/3) отражает наличие тенденции к усложнению коммуникативного поля современного гуманитарного сообщества, а также показывает высокую степень коммуникабельности «среднего возрастного состава».

Несколько меньшее соотношение характерно для «молодых возрастов»: показатель участия в междисциплинарных конференциях составляет треть от общего числа представителей данных возрастов из условной экспертной группы. Оговоримся, что при заполнении анкеты респонденты приблизительно определяли число научных мероприятий, вспомнить точные данные за 10 лет трудно. Это должно учитываться при анализе в виде создания возможной шкалы погрешностей. Следует учесть и весьма расплывчатое субъективное истолкование каждым из опрашиваемых, что считать междисциплинарной конференцией (семинаром, симпозиумом). Об этом свидетельствует расхождение количественного показателя «затрудняюсь ответить» применительно к участию в междисциплинарных форумах по сравнению с аналогичным вариантом для ответов по вопросу об участии в монодисциплинарных научных мероприятиях (первый выше как в группе «молодых», так и в сходной пропорции в группе «средних возрастов»). Отсюда возможна утрата части сведений, характеризующих многослойность, многоуровневость и степень плотности современного коммуникационного поля взаимодействия гуманитарных научных сообществ. Эти обстоятельства требуют дополнительного обследования с корректировкой отдельных вопросов. Например, формулировка вариантов количественных показателей в ответах на указанные вопросы № 5 и №6 представляется теперь в ином виде: «от 10 раз и более» и «более 5 раз, но не менее 2 раз».

Поскольку преобладающим способом трансляции информации в исторической науке вплоть до второй трети XX в. является письменный текст, то это обстоятельство и предопределило наше пристальное внимание к журнальной периодике, позволяющей уловить ритмы научной

коммуникации. Не случайно, что в истории науки, по крайней мере, на протяжении XX в., именно журналы избирались как эффективные площадки для манифестирования и оформления новых направлений в историографии («Анналы» во Франции; “Past and Present”, “New Left Review”, “History Workshop” в Британии; “Quaderni Storici” в Италии; “Review” в США (Бингхэмптон) и т.д.⁸. Соответственно важным параметром замера коммуникационного поля является такая институция как профессиональный журнал. Он является не только каналом трансляции знания, но выступает в качестве реальной коммуникативной площадки, задает определенные коммуникативные стратегии сообществу историков. Так, при ориентации на узкую специализацию историки проводят жесткую демаркационную линию между научными дисциплинами и научными школами, выстраивая взаимоотношения в научном сообществе по линии «свой-чужой», их когнитивная практика строится на углублении исследовательского подхода в рамках «своей», строго обозначенной дисциплины, и расширении источниковой базы исследования за счет привлечения традиционных исторических источников. Исследователи-междисциплинарники, нацеленные на диалог с другими дисциплинами, формируют широкий круг общения с представителями иных научных направлений и профессиональных школ, создавая тем самым обширную интеллектуальную сеть коммуникаций в научном поле исторической науки. Когнитивная практика междисциплинарников строится на пересмотре традиционного исследовательского инструментария за счет привлечения методик других, как гуманитарных, так и естественных дисциплин, и на привлечении широкого круга как традиционных, так и нетрадиционных источников, создаваемых нередко самим историком (материалы, интервью, устных опросов, анкет и др.).

Респондентам был задан вопрос (№ 7) «Какие российские профессиональные журналы являются для них приоритетными». Не все участники вписали перечень названий журналов, но большинство это сделало. Нужно сказать, что мы получили неожиданные для себя результаты, во всяком случае, не совпадающие с нашими собственными оценками. Представим рейтинг научных журналов по количеству их упоминания в анкетах. Лидером такого списка стал журнал «Отечественная (Российская) история» – 28 упоминаний. На втором месте находится журнал Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН и Российского общества интеллектуальной истории «Диалог со временем» – 22 упоминания. Лишь на одну позицию ниже находится журнал «Вопросы истории» (21). Следующий по частоте упоминания журнал «Вопросы филосо-

⁸ См., напр.: *Агирре Похас*. 2008.

фии» – 16. По 11 раз упомянуты «Социс», «НЛЮ», «Гуманитарные науки в Сибири». 10 раз был назван журнал «Родина». Думается, что и эта предварительная информация выводит на дальнейшее осмысление проблем трансформации отношения научных гуманитарных сообществ к вопросу о месте и роли научной периодики в современном коммуникационном поле и в процессах профессионализации. Необходимо также рассмотреть, как соотносятся приоритеты современных историков с возможностями доступа к электронным версиям журналов и к научной периодике, представленной в Интернет-ресурсах.

Еще один параметр «замера» особенностей современного коммуникационного поля просматривается при обобщении ответов на вопрос № 3, направленный на выяснение восприятия членами научных сообществ гуманитариев современных научных и научно-практических конференций и их роли в повышении эффективности научных коммуникаций разных типов. Обратимся к количественным показателям по каждой из трех возрастных групп. Вновь мы фиксируем самые большие значения для варианта оценки роли как «высокой» у представителей «среднего возраста» (42 из 66, т.е. больше половины их состава), подобное соотношение характерно и для группы «молодых» (17 из 25). Заставляет задуматься практически равное для обеих возрастных групп количество ответов с «низкой» оценкой роли конференций и «затрудняюсь ответить» (таковых в совокупности 15 для «среднего возраста» и 16 для «молодых»). На наш взгляд, эти предварительные выкладки обозначили явную целесообразность специального обращения к проблеме трансформаций феномена научных и научно-практических конференций в структуре монодисциплинарных/внутринаучных и межкультурных коммуникаций (в личностных и коллективных формах) на всем протяжении интересующего нас периода.

Дополнительную актуальность конференционным «узлам» в «сетях общения» придает появление их новых виртуальных разновидностей, стремительно развивающихся на рубеже XX–XXI вв. На выяснение рефлексии научного сообщества гуманитариев по этому поводу были направлены вопросы № 11 и № 12 анкеты. Полученная в ответах информация наводит на серьезные размышления. Во-первых, выявлено несоответствие, даже противоречие, между оценкой виртуальных коммуникационных звеньев современного интеллектуального пространства как «очень перспективных» (по вопросу № 11 таких 44 ответа из 66 по группе «среднего возраста» и 13 из 25 по группе «молодых») и ответом на вопрос № 12 (об участии в Интернет-конференциях, форумах и т.д.), когда указан вариант «не участвовал». Его выбрали 35 представителей

«средневозрастной» группы, т.е. чуть больше половины, а в «молодежной» группе такой выбор сделали 14 человек из 25. Во-вторых, число тех, кто активно осваивает новые коммуникационные возможности, оказалось невелико: в группе «среднего возраста» 8 ответов об участии более чем 10 раз, а в «молодежной» всего двое. В то же время доля тех, кто участвовал менее двух раз (то есть, попытался войти в иное коммуникационное поле со своими правилами), оказалась для «средних возрастов» почти равной трети (21 ответ из 66), для «молодых» та же пропорция (9 из 25). Интересно, что при заполнении анкеты многие респонденты подправляли формулировку второго варианта ответа на вопрос № 11 с оценкой новых виртуальных форм по сравнению с непосредственным общением. Эту поправку следует учесть в дальнейшей работе над проектом, в том числе, над рукописью монографии.

Таким образом, очевидно, что в современном научном сообществе укрепилось понимание закономерностей «прирастания» коммуникационного поля в условиях, когда глобальные Интернет-ресурсы стали реальностью в социокультурном ландшафте науки и новым социокультурным пространством «без границ». Степень понимания важности и перспективности освоения правил виртуального существования научных сообществ, как показывают полученные результаты, весьма высока.

Следующая гипотеза, которую удалось проверить с помощью проведенного экспериментального анкетирования, касалась возможностей включения в современное коммуникативное поле исторической науки и некоторых смежных с ней гуманитарных наук процедур, связанных с защитой диссертации на соискание ученой степени. В формулировке вопроса № 10 был заложен более широкий смысл рефлексии членов современного научного сообщества по поводу процедуры защиты как коммуникативного события. По хорошо известным официальным правилам установлен публичный характер защиты. Следовательно, можно было предположить, что это событие встраивается в коммуникацию открытого типа, способствующую принципиальным трансформациям корпоративного монодисциплинарного сообщества и одновременно перспективным изменениям в образе исторической науки, так как в результате в «большую» науку входят кадры, соответствующие новой социокультурной ситуации. Вариантов ответа по данному вопросу было три, трактовавших диссертацию как «пропуск в научное сообщество», как «пропуск в “большую” науку» и как «формальную процедуру, связанную с академической традицией».

Количественные результаты в целом по всем трем выделенным возрастным группам таковы: меньше половины респондентов (49 отве-

тов из возможных 104) оценили диссертацию как пропуск в научное сообщество. Вторым вариантом выбрали 23 человека (то есть, около 1/5 части опрошенных). 34 ответивших (около трети) увидели в защите формальную процедуру. Характерно, что внутри возрастных групп соотношение между количеством ответов первого и третьего вариантов примерно одинаковое. Так, в группе «молодых» это выглядит следующим образом: 13 и 9; в самой представительной группе «средних возрастов»: 29 и 22; среди «старших»: 5 и 2. Однако полученная информация порождает дальнейшие вопросы. Например, каково различие по статусной/корпоративной притягательности/мотивации для представителей современного научного сообщества между пропуском в «сообщество» и в «большую» науку? Как соотносятся интересы научного сообщества и «большой науки», признаки современного образа «большой науки» применительно к исторической науке и ее российской ветви в частности? Насколько они трансформировались в период перехода от советской науки (и соответственно, от процедур защиты диссертации) к отечественной (русской)? И какова современная практика?⁹

Любопытно, что в одной из анкет выбранный третий вариант ответа был дополнен так: «формальная процедура, связанная с академической традицией», «существенно выхолощенной». На наш взгляд, целесообразно углубиться в выяснение вопроса о месте публичных защит диссертаций в системе институциональных звеньев коммуникационного поля отечественной исторической науки на переломном рубеже XX–XXI вв. Тем более, что респонденты не указали не только возраст, но и пол. Внутри возрастных групп количественные показатели соотносятся так: для «старшей» группы – 3 и 2, для «молодых» 8 и 17 (перевес в два раза!), для «средних возрастов»: 29 и 38. Несомненно, здесь отражается очень сложное влияние социально-экономических факторов, поведенческих мотиваций и психологической атмосферы внутри научных сообществ. Феномен «женского» ядра современной наиболее активной части сообществ и их роли в конструировании «сетей общения» в целом и по отдельным звеньям требует специального изучения, равно как и соотношение «мужского» и «женского» в исторической науке¹⁰.

Следует добавить, что из общего состава сконструированной условной экспертной группы всех возрастов оказалось остепененных

⁹ Определенным шагом на пути поиска ответов можно считать содержание шестого выпуска историографического сборника «Мир историка», в котором два раздела посвящены диссертационной культуре. См.: Мир историка. 2010.

¹⁰ Первые шаги в этом направлении были сделаны участниками проекта в специальном выпуске «Мира историка». См.: Мир историка. 2008.

(докторов и кандидатов наук) – 76 человек (более 70% всех опрошенных). Из них 54 (чуть более половины респондентов) представляют научное сообщество историков. Основная часть имеющих ученые степени приходится на группу «средних возрастов»: 61, из них докторов наук – 25, среди остепененных историков: 47 и докторов исторических наук – 21, без ученой степени 22 человека, в том числе 14 из «молодых». Как указывалось выше, из общего массива в 5-ти анкетах не проставлен возраст и другие данные о респонденте.

Необходимо отметить, что полученные результаты оказались весьма скромными в ответах на последний вопрос анкеты (№ 15), где формулировалась просьба высказать пожелания для повышения эффективности современных научных коммуникаций. Количество анкет с предложениями разного характера составило по группе «молодых» – 13, по группе «средних возрастов» – 33, т.е. всего 46 из общего массива (чуть более трети). Все обнаруженные рекомендации можно разделить на три блока: «общие абстрактные», «развернутые, с конкретизацией возможных практических действий со стороны самих ученых и научных сообществ», «конкретные, с указанием на действия “сверху”». Из пожеланий общего характера можно привести такие формулировки: «активнее участвовать в коммуникациях», «более активно развиваться», «надо чаще встречаться», «больше активности и открытости» и даже в таком кратком варианте – «терпения». Надежды на внешние факторы высказывались в виде записей о необходимости «улучшить финансирование» (конференций, грантов, поездок и т.д.), «выделять средства» (на те же нужды, что и выше), «увеличить расходы на командировки». Таких анкет оказалось 10, примерно в равной пропорции по двум группам («молодые» и «средний возраст»).

Большая часть ответов на вопрос № 15, которые мы отнесли к «развернутым, с конкретизацией возможных практических действий», касалась, во-первых, предложений «сохранить тенденцию систематической организации» конференций. Отдельно подчеркивалась необходимость интенсификации разных форм, с акцентом на виртуальное общение, на использование режима on-line. Во-вторых, налаживать «адресное информирование о научных форумах, защитах, новейшей литературе». Выделим, что делался особый акцент на необходимость публиковать «больше рецензий и обзоров». Это дополнительно подчеркивает правомерность нашей гипотезы о первоочередном внимании к научным и научно-практическим конференциям как важнейшему элементу современного коммуникационного поля. В-третьих, небольшая часть ответов из этого разряда может считаться показателем набелев-

шей саморефлексии представителей научных сообществ, отражающей их озабоченности поиском путей преодоления проблем внутренней жизни сообщества, а также направления трансформации образа исторической науки. Приведем подобные суждения пока только на уровне их фиксации в виде прямого цитирования. Некоторые пожелания внутренне противоречивы. Например, желание «усиления координирующей роли академических институтов РАН, появления в Интернете постоянно действующих и обновляющихся специализированных порталов для научного общения». Другая рекомендация больше касается повышения требовательности членов сообщества к самим себе: «сохранять, по возможности – совершенствовать высокие профессиональные требования и стандарты; выявлять и делать достоянием гласности факты плагиата в науке». Относительно конференций высказывалось пожелание «отказаться от широкомасштабных междисциплинарных конференций, наиболее оптимальной формой считать семинары, посвященные конкретной проблеме, поставленной в широком контексте, с широким международным участием». Примечательно, что подобная точка зрения, более характерная для прежнего образа российской исторической науки (до влияния «познавательных поворотов»), принадлежит представителю группы «средних возрастов», молодому доктору наук (40 лет) и совпадает по смыслу с пожеланием аспиранта 25 лет об организации общения «с узкими специалистами по проблеме исследования и методически близкими специалистами». Далее этот же последний респондент желает придать коммуникациям «большую академичность и меньше популярно-политических тем». Противоположно этим высказываниям еще одно развернутое и достаточно жесткое мнение. Для повышения эффективности современных коммуникаций, как считает респондент, необходимо: «Желание и стремление участвовать в коммуникативном процессе. Многие этого избегают, осознавая свою слабость как исследователей. Активное владение технологиями межкультурных коммуникаций, смелость в постановке междисциплинарных проблем и умение мыслить междисциплинарно, за рамками традиционных парадигм собственной проблемной области. Необходимо свободное владение английским (как минимум) языком и компьютерными технологиями для виртуального общения». Заметим, что это единственное упоминание о владении языками в ответах с рекомендациями.

В целом, можно считать, что пилотное анкетирование, несмотря на случайную выборку, отразило, во-первых, рефлексию наиболее активных (мобильных) высококвалифицированных представителей современного научного сообщества гуманитариев (помимо историков среди

остепененных были доктора и кандидаты философских и филологических, педагогических наук, культурологии). Поэтому собранная информация имеет достаточно высокую степень репрезентативности ответов по интересующим нас параметрам современного коммуникативного поля. Во-вторых, прошли проверку и подтвердились наши гипотезы. Отсюда обозначилась правомерность сосредоточения внимания в задуманной монографии на изменении роли и места научных конференций, проводимых в различных форматах, в структуре коммуникационного поля рубежа XX–XXI вв. Также приоритетным представляется выяснение степени включенности процедур защит диссертаций и изучение феномена диссертации как научного труда и элемента коммуникации, соединяющего личные и институциональные «сети общения».

* * *

Меньше всего нам хотелось, чтобы проведенный социологический опрос, воспринимался как некая итоговая констатация состояния коммуникативного поля современной исторической науки. Мы стремились к тому, чтобы читатель почувствовал, что это дискурс вопрошания, приглашения к саморефлексии, к соучастию читающего в конструировании этого коммуникативного поля, и более того, в коллективной импровизации, которая, по словам М. Эпштейна, «может стать одной из самых вдохновенных форм взаимодействия между интеллектуалами будущего»¹¹. Повторим, что находясь внутри трансформирующегося пространства современной исторической науки и динамично меняющегося коммуникативного поля, авторы надеются быть услышанными и найти новых единомышленников.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агирре Рохас К. А.* Историография в 20 веке. История между 1848–2025 годами. М.: Круг, 2008. 164 с.
- Алеврас Н. Н., Гришина Н. В.* Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуб. Вып. 6. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 9–21.
- Алипов П. А.* Дискуссия о характере социально-экономического развития древнего мира: отзыв М. И. Ростовцева на диссертацию И. М. Гревса // Россия и мир в конце XIX – начале XX века. Материалы Третьей всероссийской научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Пермь: Перм. ун-т, 2010. С. 6–9.
- Аллахвердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г.* Психология науки: Уч. пос. М., Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. 312 с.

¹¹ Эпштейн. 2010. С. 235.

- Ваганов А. Г. Миф – Технология – Наука. М.: Центр системных исследований. 2000. 116 с.
- Ваганов А. Г. Российская наука и глобальное сетевое общество // Наукоеведение и новые тенденции в развитии российской науки / Под ред. А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семенович, А. В. Юревича. М.: Логос, 2005. С. 159–184.
- Кефнер Н. В. Становление провинциального историка послевоенного поколения: к проблеме ученых и власть // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века: научные доклады. Под ред.: А. В. Гладышева, Б. Б. Дубенцова. СПб.: Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История», 2006. С. 217–226.
- Климов А. Ю. История кандидатских экзаменов в нормативных правовых актах России (1802–2004): Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Пятигорск, 2004 246 с.
- Кныш Н.А. Образ ученого в художественном кинематографе конца 1940-х – начала 1950-х гг. // Вестник Челябинского государственного университета. История. Выпуск 21. 2007. № 18 (96). С. 119–136.
- Кныш Н. А., Денисов Ю. П. Образ исторической науки (на материалах анализа газеты «Культура и жизнь») // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2009. №1 (75). С. 5–9.
- Корзун В. П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П. Н. Милюкова С. Ф. Платонову // Отечественная история. 1999. № 2. С. 171–182.
- Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург–Омск: Омск. гос. ун-т, Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 226 с.
- Корзун В. П., Мамонтова М. А., Рыженко В. Г. Путешествия русских историков как культурная традиция // Историческое знание и интеллектуальная культура: мат. науч. конф. 4–6 декабря 2001 г. Ч. 1. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 230–233.
- Корзун В. П., Рыженко В. Г. По поводу споров об одной дефиниции (от общей методологии к многообразию тезауруса) // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Т. 1. Иваново: Изд-во ИвГУ, 1995. С. 32–35.
- Крейн Д. Социальная структура группы ученых: проверка гипотезы о «невидимых колледжах» // Коммуникация в современной науке. М.: Прогресс, 1976. С. 183–219.
- Куперштох Н. А. Кадры академической науки Сибири: Середина 1950-х – 1960-е гг. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. 151 с.
- Литвинов А. В. Научный дискурс в свете межкультурной коммуникации // Филология в системе современного университетского образования: Материалы научной конференции. Вып. 7. М.: Изд-во УРАО, 2004. С. 283–289.
- Мамонтова М. А. Неформальные сообщества историков как коммуникативная площадка исторической науки // Научное наследие С. Ф. Платонова в контексте развития отечественной историографии: Материалы Всероссийской научной конференции. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2010. С. 8–13.
- Мир историка: историографический сборник / Под ред. С. П. Бычкова, А. В. Свешникова, А. В. Якуба. Вып. 4. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. 558 с.
- Мир историка: историографический сборник / Под ред. С. П. Бычкова, А. В. Свешникова, А. В. Якуба. Вып. 4. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 472 с.
- Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука: В 2 кн. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1998–1999. Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России

- XVIII–XIX вв. 382 с.; Кн. 2.: Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. 470 с.
- Мяжков Г. П.* «Русская историческая школа». Методологические и исторические позиции. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1988. 198 с.
- Огуцов А. П.* Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // *Философские исследования*. 1993. № 3. С. 12–59.
- Прайс Д. Дж. де С., Бивер Д. Дж.* Сотрудничество в «невидимом колледже» // *Коммуникация современной науке*. М.: Прогресс, 1976. С. 335–351.
- Рыженко В. Г.* «Территория для диалогов» – особая миссия научного альманаха «Диалог со временем» в интеллектуальном пространстве конца XX – начала XXI вв. // *Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба*. Вып. 3. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2007. С. 42–63.
- Свешников А. В.* Кризис науки на поведенческом уровне // *Мир историка: идеалы, традиции, творчество*. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. С. 75–95.
- Свешников А. В.* «Вот вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX вв. // *Мир историка: историографический сборник*. Вып. 1. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2005. С. 231–262.
- Свешников А. В., Степанов Б. Е.* Коммуникативные стратегии постсоветских исторических альманахов // *Мир историка: историографический сборник / Под ред. С. П. Бычкова, А. В. Свешникова, А. В. Якуба*. Вып. 4. Омск, Изд-во Омск. гос. ун-та, 2008. С. 388–412.
- Сидорова Л. А.* Оттепель в исторической науке первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997. 288 с.
- Сидорова Л. А.* «Вопросы истории» академика А. М. Панкратовой // *Историк и время*. 20–50-е годы XX века. А. М. Панкратова. М.: РУДН, 2000. С. 433–444.
- Сидорова Л. А.* Советская историческая наука середины XIX века: синтез трех поколений историков. М.: ИРИ РАН, 2008. 294 с.
- Хохлова Д. А.* История научной подготовки и аттестации кадров на историко-филологическом факультете в архивных документах Казанского университета (1804–1918): Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ВНИИ-ДАД, 1998. 253 с.
- Человек: индивидуальность, творчество, жизненный путь: Сб ст. / Под ред. В. Н. Келасьева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 196 с.
- Эпштейн М.* Клуб эссеистов и коллективная импровизация: творчество через общение (Из интеллектуальной истории 1980-х) // *НЛЮ*. № 104. 2010. С. 223–235.
- Корзун Валентина Павловна***, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; korzunv@mail.ru
- Рыженко Валентина Георгиевна***, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; valentina948@mail.ru

ИСТОРИИ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XXI в.

В СВЕТЕ КНИГИ Г. ИГГЕРСА и Э. ВАНА
«ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ»*

Автор размышляет о подходах и способах написания истории историографии в свете книги Г. Иггерса и Э. Вана «Глобальная история современной историографии». В статье представлен анализ глобальной перспективы историографического знания, трудностей, особенностей и критериев компаративного изучения различных историографических культур и традиций.

Ключевые слова: история исторического знания конца XVIII – начала XXI в., историография, глобальная история, Г. Иггерс.

Одной из перемен, произошедших в мире за два последних десятилетия, стало повышенное внимание к всемирной и глобальной истории¹, в значительной мере обусловленное политическими и социально-культурными трансформациями второй половины XX – начала XXI в. (крушение колониальных систем, окончание «холодной войны», развитие интеграционных процессов)² и наметившимися в этом контексте интеллектуальными сдвигами. В историографической практике это означало выход за пределы национальных границ и растущую тенденцию рассматривать Запад всего лишь как один из многочисленных культурных и интеллектуальных миров. Показателем последнего может служить книга профессора Чикагского университета Дипеша Чакрабарты «Провинциализация Европы», в которой автор пытается продемонстрировать узость западного взгляда на историческое развитие, признающего только одну форму современности³. Возросшее сотрудничество западных и незападных ученых, приглашение последних на работу в крупные научные и учебные центры Западного мира, а также международный характер целого ряда исследовательских проектов – явления того же порядка.

Своеобразным маркером поворота к всемирной и глобальной историям стало появление двух научных журналов. Первым из них является основанный в 1990 г. «Журнал мировой истории» (Journal of World

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь Европы в новое время» (№ 10-01-00403а).

¹ О дискуссии по поводу вариантов всемирной истории и их развитии в исследованиях последних лет см.: Manning. 2003. См. также очень лаконичную статью: Bentley. 1998. P. 968–970 и его же: 2002. P. 393–416; Sachsenmaier. 2006.

² См.: Bentley. 1996.

³ Chakrabarty. 2000.

History), выходящий под редакцией Джерри Бенгли, вторым – основанный в 2006 г. и выходящий под редакцией Уильяма Кларенс-Смита (William Clarence-Smith) «Журнал глобальной истории» (Journal of Global History), в передовице к первому номеру которого отмечалось, что за два последних столетия «все историографические традиции стремились либо превознести возвышение Запада, либо отреагировать на него», теперь же возникла потребность в истинно глобальной истории, основанной на «строгой научности»⁴. Пока еще не совсем ясно, чем отличаются эти два журнала, а также понятия «всемирная история» и «глобальная история», равно как и отсутствует консенсус по поводу того, что именно представляет собой «глобальная история», и с какого времени можно говорить именно о глобальной истории⁵. Термин «глобальная история» частично совпадает с «всемирной историей» и очень часто подменяется ею, хотя глобальная история все-таки, как правило, обращается именно к периоду глобализации, начавшемуся с конца XV в. и ставшему особенно интенсивным в последней трети XX в., в то время как всемирная история интересуется и более ранними историческими периодами⁶. Вместе с тем, как показывает практика, разведение их по данному критерию не всегда оправдывает себя. Тема глобальной истории находит отражение и на последних Международных конгрессах исторических наук: на XIX МКИН в Осло⁷, и на XX МКИН в Сиднее всемирной и глобальной истории были посвящены отдельные секции. Стали появляться и монографические исследования, например книга Патрика Мэннинга «На волнах мировой истории: историки создают глобальной прошлое»⁸, в которой высказана мысль о том, что сегодня перед занимающимися всемирной историей стоит задача «увязать в когерентном анализе теорию, логику и факты с целью развития широкой, толковательной и доказательной оценки имевших место в прошлом преобразований и связей»⁹.

Глобальная история является очередной попыткой «на новом теоретическом уровне вернуться к интегрирующему взгляду на историю»¹⁰. Причем интерес к глобализации – интернациональный феномен¹¹. Рефлексия о границах националистической парадигмы, а также

⁴ O'Brien. 2006. P. 3–39.

⁵ Hopkins. 2002. P. 11–46.

⁶ См.: Sachsenmaier. 2006. P. 451–470.

⁷ Наиболее значимые материалы Конгресса в Осло были опубликованы как: Making Sense of Global History (Oslo, 2001).

⁸ Manning. 2003.

⁹ Ibid. P. 36.

¹⁰ Ретина. 2008. С. 177.

¹¹ См.: Sachsenmaier. 2004)

развитие в стране новых исследовательских областей, которые не вписываются в национальную структуру¹², приводят к выходу за национальные границы индийских ученых. Эта тенденция характерна для историков в Китае и в Японии, и даже на Ближнем Востоке, несмотря на национально-ориентированное историографическое наследие.

Между тем, как отмечают в своей книге Г. Иггерс и К. Ван¹³, присутствует определенное противоречие между явной глобализацией исторических исследований и столь же явным отставанием от этого процесса историй историографии, которые по-прежнему пишутся либо в национальном, либо в западно- и европоцентричном ключе, а исследования, рассматривающие историческую мысль сравнительно и в глобальной перспективе, пока отсутствуют¹⁴. Иггерс приводит только два примера попыток написания всемирной и межкультурной истории историографии, которые, по-видимому, можно считать как исключениями из общего правила, так и признаками наметившегося желания заполнить образовавшуюся лауну. Первый был инициирован канадским историком Даниэлем Вульфом в обширной статье «Историография» в «Новом словаре истории идей» (*New Dictionary of the History of Ideas*)¹⁵, заменившей статью выдающегося британского историка и историографа Герберта Баттерфилда в «Словаре истории идей» (*Dictionary of the History of Ideas*)¹⁶. Его эссе, в котором он сделал обзор всемирного историописания, начиная с ранних времен и до сегодняшних дней, рассматривалось в качестве проспекта многотомной Оксфордской всемирной истории историографии (*Oxford History of Historical Writing*), в настоящее время успешно реализуемой большой командой специалистов по различным историческим культурам. Проект Вульфа исходит из отказа от свойственной предшествующим историям историографии идеи центральности и нормативности западной мысли и настаивает на равноценности всех исторических культур. Вторым является краткий обзор истории историописания, выполненный Маркусом Фёлкелом¹⁷, предпринявшем попытку на менее чем 400 страницах дать глобальное представление об исторических культурах, начиная с древности¹⁸.

¹² Ср.: Appadurai. 1996.

¹³ Iggers, Wang. 2008. P. 1.

¹⁴ Ibid. P. 2.

¹⁵ Woolf. 2005. P. xxxv-lxxxviii.

¹⁶ Butterfield. 1973. P. 464–498.

¹⁷ Völkel. 2006.

¹⁸ Можно привести также два справочных издания: *Encyclopedia of Historians and Historical Writing...* и *Lexikon Geschichtswissenschaft...*

Книга Иггерса и Вана, хотя и вписывается по замыслу в эти проекты, иная: как отмечают авторы, «имея отношение ко времени, когда растущие взаимодействия (между историографическими культурами – *О. В.*) уже позволяют проводить сравнения, она подчеркнута компаративна»¹⁹. Ее целью является изучение взаимодействия и трансформации западных и незападных историографических традиций, исторического мышления и историописания в глобальном контексте в конце XVIII– начале XXI в., когда, по мнению авторов, контакты между историками разных культур не только перестали быть затруднительными, но и стали постоянными. Основная задача книги – на основе компаративного подхода сконструировать коэкзистенциальное историографическое целое человечества, показать единство его многообразия.

Помимо того, что появление такого рода книги само по себе является событием, она интересна не только в содержательном (в ней можно найти много интересного материала, позволяющего углубить, а в чем-то и поменять свои представления об истории исторического знания в последние два столетия), но и в теоретико-методологическом плане, и второй не менее (а может и более) интересен, чем первый. Речь идет о способах написания истории историографии и шире – о проблемах историографии как науки в условиях происходящих перемен.

Понимание Иггерсом предмета историографии не ограничивается изучением процесса написания истории профессиональными историками (как было принято с момента институализации исторической науки и вплоть до недавнего времени). Нельзя назвать ее и традиционной историей исторической науки, хотя важное место в ней занимают интеллектуальные сообщества, специфика их формирования, структура коммуникативных сетей, образцы деятельности, конвенции по поводу содержания и специфики познания, образовательные практики, при помощи которых осуществляется трансляция знания и т.п. На первое место в книге выходит опыт осмысления историками реальности, а также ее восприятия современниками и способов передачи потомкам – другими словами, осмысление механизма получения исторических знаний, генезиса, функционирования и трансформации массовых исторических представлений. Таким образом, автоматически актуализируются проблемы исторической памяти как культурного механизма накопления и трансляции исторической информации о прошлом общества. При этом историческая память мыслится как феномен, имеющий функцию не только производства, сохранения и передачи исторической

¹⁹ *Iggers, Wang. Op. cit. P. 2.*

информации, но и формирования и поддержания коллективной идентичности. Одним из наиболее ярких примеров корреляции между памятью и идентичностью является история Индии: «Нации типа Индии, никогда не существовавшие как таковые, сконструировали себя при помощи истории, часто используя воображаемые, вымышленные картины своего прошлого для оправдания своего настоящего. Историческая наука играет важную роль в конституировании такой национальной памяти»²⁰. Впрочем, примеры бытования историографии как сгустков исторической памяти, равно как и использования историографии для поддержания национальных мифов присутствуют в каждой стране.

Сказанное наводит на ряд мыслей. Во-первых, очевидно, что под влиянием процессов глобализации, столкновения разных историографических традиций, а также изменения за последние сорок лет эпистемологического горизонта исторической науки происходит заметная трансформации образа историографии, ее проблемного поля и предмета. Как справедливо заметил С. И. Посохов, последний можно понимать узко (ограничивая его лишь комплексом профессиональных знаний), а можно широко (расширяя его до пределов исторического сознания); можно изучать институты, а можно – процесс²¹. Однако в своем широком понимании – и как история исторической мысли, и как история исторического знания, и как история исторической науки – историография явно становится интеллектуальной историей, «изучающей процесс осмысления исторического прошлого, его объяснительные модели и традиции историописания». Причем, приобретая этот специфический ракурс, история историографии неизбежно заимствует подходы и методы этого направления современных исторических исследований.

Во-вторых, как свидетельствует текст Иггера и Вана, основной недостаток большинства историй историографий состоит, видимо, в том, что историческая наука в них воспринимается в отрыве от контекста, от исторической культуры общества. Написанная же в ракурсе интеллектуальной истории история историографии неизбежно становится контекстуальной. Еще раз процитирую авторов книги: «Важно в сравнительном и интеллектуальном ключе исследовать организационную структуру исторической науки и преподавание истории в новое время; например, разработку дисциплин университетского цикла для профессиональных историков, правительственную поддержку этих инноваций, место исторической науки в формировании политической позиции среднего класса и влияние на историописание научно-популярных идей

²⁰ См.: *Iggers, Wang*. Op. cit. P. 3–4; см. также P. 237–238.

²¹ *Посохов*. 2008. С. 243–245.

типа теории социального дарвинизма в конце XIX – начале XX в.»²². Не менее важно, с точки зрения Иггерса и Вана, и для кого пишется история, то есть как меняется ее аудитория, каковы школьные учебники и какое место в них занимают данные современных академических исследований, какой образ прошлого посредством этих учебников хотят сформировать власти и почему, какова в создании и тиражировании этого образа роль средств массовой информации и т.д. Таким образом, речь идет не об одном, а о множестве разных и весьма подвижных контекстов как внутри профессионального знания, так и вне его – институциональном, социально-политическом, культурном и интеллектуальном контекстах; и эти контексты неизбежно пересекаются и взаимодополняются, а порой и противоборствуют²³. И на все это накладывается еще одно неизбежное качество этих контекстов, а именно их бытование сразу в двух временах – прошлом и настоящем, контекстах исследуемых историографических культур и контекстах самого историографа. Думается, что помимо очевидной значимости такая контекстуальная нагруженность глобального историографического исследования важна и с точки зрения того, что такой текст сразу же приобретает качество «двойного кодирования», то есть способен помимо воли историографа проговариваться о том, о чем он по разным причинам умалчивает.

В-третьих, создание глобального образа историографического прошлого в ракурсе интеллектуальной истории не может не актуализировать вопрос о ремесле историка историографии, его роли в сложном и достаточно проблематичном диалоге с разными историографическими культурами и традициями историописания и их синтезе в единый образ. Традиционная проблема компетентности исследователя (интеллектуальный ресурс и особенно методологическая грамотность, в том числе знание и понимание вариативности формата историографического диалога с вытекающими отсюда методологическими импликациями; широта взгляда, добросовестность и т.д.) приобретает здесь дополнительную сложность. Ведь историк глобальной историографии для достижения своей цели осуществляет разноуровневые виды коммуникативных практик с представителями разных культур и цивилизаций одновременно, а это обязывает его к определенной «универсальности»: к пониманию множественности существующего прошлого, конкретно-временной и локально-пространственной специфики историографии, подвижности и условности историографических границ, возможности

²² *Iggers, Wang*. Op. cit. P. 5.

²³ Важные замечания о роли контекста в историографическом исследовании см. в: *Сидорова*. 2011. С. 593–601.

несовпадения научного пространства с национальными границами; к вариативности способов моделирования историографического прошлого, а также к осознанию важности хронологического компонента в глобальном историографическом исследовании и асинхронности развития историографий; умению видеть и выделять типологическое разнообразие образов в мировой историографической практике, строить классификационные схемы процесса исторического познания. Наконец, неизбежным становится формулирование задач в области историографической компаративистики, выработка критериев сопоставления значимых параметров исследования, к чему мы еще вернемся ниже.

Пока же очевидно, что необходимость решения указанных выше исследовательских задач не только предъявляет к историографу глобальной историографии ряд требований, но и накладывает на него серьезную ответственность, в том числе принуждая его к постоянному позиционированию собственной исследовательской позиции, просто не позволяя ему остаться в роли стороннего наблюдателя. Показательным в этом смысле может быть намеренная экспликация авторами двух исследовательских установок, представляющих своего рода канву книги и придающих ей внутреннее единство: 1) отказ от европоцентризма, предполагающий признание того, что «историческое сознание не являлось привилегией Запада и присутствовало во всех культурах», и 2) защита процедуры рационального исследования, которую некоторые постмодернистские и постколониальные мыслители объявляют ответственной чуть ли не за все беды современного мира²⁴.

«Мы полностью осознаем, – пишет Иггерс, – границы рационального исследования, невозможность получения однозначных ответов на вопросы, во что еще верили профессиональные историки XIX века. Мы признаем, до какой степени исторические суждения отражают разные, порой противоположные точки зрения, что бросает вызов убедительной доказательности. Едва ли возможно восстановить прошлое с ясной уверенностью в подлинности такой реконструкции, но вполне возможно показать ошибочность исторических суждений, политико-идеологическую обусловленность определенных искажений. <...> Но если мы верим в то, что в истории существует реальный стержень, что прошлое населено реальными людьми, то это значит, существуют способы приближения этой реальности, возможно, несовершенные и обманчивые, как и любое восприятие. <...> Они обогащают нашу картину прошлого, но тем не менее остаются объектом критической проверки на предмет соответствия таким принятым в научном сообществе стандартам как опора на эмпирику и логическая связность. <...> Каждый историк имеет право исповедовать определенные этические или политические убеждения, так или иначе окрашивающие его восприятие истории, но это не позволяет ему или ей изо-

²⁴ См., напр.: *White*. 1973. P. 2; *Nandy*. 1995. P. 44.

бретать прошлое, не имеющее под собой никакой реальной основы. <...> Историописание имеет много общего с художественной литературой, но все же отличается от нее, хотя частично они и совпадают друг с другом. Да, историописание включает в себя элементы воображения, а серьезная литература всегда отсылает к реальности. Но последняя не связана теми исследовательскими стандартами, которыми руководствуется сообщество ученых»²⁵.

Что касается критериев глобального историографического исследования, то думается, что отчасти методологические проблемы глобальной историографической компаративистики созвучны тем, с которыми сталкиваются сравнительные исследования, проводимые в более узких рамках, национальных или региональных. Вместе с тем, обращение только к той тематике и проблематике, которая уже изучена в локальном контексте, а теперь апробируется и сопоставляется в разных, как правило, несхожих географических, экономических, социально-политических и культурных контекстах, явно недостаточно. Для структурирования канвы глобального историографического исследования, по-видимому, необходимо обращение к таким критериям-феноменам, которые сами по себе выходят за национально-региональные рамки. Другими словами, глобальная историография должна представлять собой не сумму национальных или региональных историографий, а ориентироваться на сравнительный анализ развития историографических культур в контексте общих для человечества тенденций и процессов. Именно сравнения и взаимосвязи представляют собой доминирующий способ выражения глобальной истории историографии.

В книге Иггерса и Вана таковыми являются процессы глобализации и модернизации (они не идентичны, но взаимосвязаны). Первый из них, по мнению авторов, на данный момент прошел через три фазы, каждая из которых оказала существенное влияние на процесс историописания. *Первая фаза глобализации* была связана с появлением мировой капиталистической экономики и началом западной колонизации, в ходе которой Запад, однако, еще не был способен проникнуть в устойчивые и стабильные государства Западной и Восточной Азии. И именно эта фаза, предшествовавшая успехам индустриализации и имперской власти в XIX в., дает больше примеров наличия глобальной перспективы в историописании, чем вторая. *Во второй фазе*, связанной с периодом активной колониальной экспансии и нарушением политического, военного, экономического и цивилизационного равновесия в мире, произошло существенное сужение исторического мировидения. Центром внимания историков отныне стала Европа, а к остальному

²⁵ *Iggers, Wang. Op. cit. P. 15–16.*

миру подходили с позиции европейского господства. Проникновение основных достижений в области науки, технологии, философии, литературы, искусства, музыки и, конечно, экономики шло в этот период в направлении Запад-Восток. Специальные исследования так называемых восточных культур по-прежнему проводились, но никак не интегрировались в картину всемирной истории. Наступление *третьей фазы* было связано с ответом на глобальные перемены, которые произошли в мире после окончания Второй мировой войны: крушение колониальных систем, возникновение феномена неокOLONIALИЗМА, появление новых информационных технологий, распад двуполярного мира и т.д. На процессе историописания это сказалось таким образом, что отныне особое внимание было обращено на незападный мир и социокультурные аспекты исследований. Модернизация, по мнению авторов книги, заключалась в разрыве с традиционными способами мышления и институтами, формами политической, экономической и социальной организации, а также секуляризацией сознания. Наибольших результатов этот процесс достиг на Западе, но ни в коем случае не ограничился им.

Предложенное видение мирового историографического процесса упрощает сложный процесс его развития (что, вероятно, неизбежно, и о чем догадываются сами авторы²⁶). Не менее очевидно, и то, что подобный образ глобальной историографии мог появиться только в западной историографической культуре. Ибо он фиксирует значимые именно для западной исторической мысли события и процессы и отклики на них западных сообществ и историографических культур. Впрочем, именно такую задачу и ставили перед собой авторы. Можно только догадываться, что представителям других историографических культур все эти процессы могут видеться (и скорее всего так оно и есть) совсем в другом свете. К сожалению, сегодня мы не располагаем достаточным количеством текстов, чтобы хоть как-то ответить на этот вопрос. Подавляющее большинство работ, так или иначе эксплицирующих подходы к транснациональным историческим и историографическим исследованиям, написаны на Западе или западными учеными²⁷. То же относится и к региональной истории. До сих пор не существует ни одного полного обзора историографических традиций и их современных трансформа-

²⁶ Iggers, Wang. Op. cit. P. 3.

²⁷ См. новаторские в этом плане работы: McNeill. 2002; World Historians and their Critics...; World History... Обсуждение важных методологических вопросов см. в: A Place in the World... Две работы остаются классическими на протяжении почти столетия: Gooch. 1913 – посвященная историкам Европы и США, и Fueter. 1911 – которая покрывает европейскую историографию со времен Реформации.

ций в Восточной и Юго-Восточной Азии²⁸, Латинской Америке²⁹, Африке³⁰. Исключение на данный момент составляет, по-видимому, только исламская историография³¹. Таким образом, сегодня, когда появляются только первые опыты написания региональной и всемирной историографии, вряд ли можно ответить на вопрос, как в принципе преодолеть видение мирового историографического процесса изнутри собственной историографической традиции, и, если это невозможно сделать полностью, хотя бы за счет чего можно избежать крайностей этого видения.

Не менее интересно, на наш взгляд, и другое. Предваряющее анализ взаимодействия западной и локальной историографических культур в каждом конкретном регионе описание существовавших до этого момента традиций в книге Иггерса и Вана позволяет предположить, что отдельные историографические феномены и тенденции принадлежат всему человечеству или, по крайней мере, отдельным его частям, а не только Западу. Другими словами, в разных историографических культурах просматриваются такие черты их сходства, которые не могут быть объяснены фактом их взаимодействия.

Если говорить в самом общем виде, то, прежде всего, следует отметить тот факт, что всем традициям исторического мышления свойственны три признака: 1) все они отсылают к классическим моделям отдаленной старины, которые и задали им способ постижения и написания истории; 2) классическое происхождение каждой традиции связано с религиозным компонентом; 3) каждой традиции свойственна определенная институциональная структура, отражающая меняющиеся социально-политические условия. Наличие этих трех признаков является существенным подспорьем при проведении компаративного анализа. Но главное даже не в этом: некоторые интеллектуальные трансформа-

²⁸ В книге *"Historians of China and Japan"* есть главы, посвященные взаимодействию историков в XIX–XX вв., но они ограничены историками Китая и Японии; кроме того, книга довольно старая и поэтому в ней нет новой информации. Полную историографию по Южной Азии см.: *Historical Thinking in South Asia...*

²⁹ О более раннем периоде Латинской Америки см.: *Wilgus*. 1975; *Cañizares-Esguerra*. 2001. Сжатый обзор историографии колониального и постколониального периодов, в котором также обсуждается основная литература этих областей вплоть до 1980-х гг. см.: *The Cambridge History of Latin America...*

³⁰ См. обсуждение трансформации исторических исследований в Африке начиная с XIX в. (с обширными сносками на источники): *Miller*. 1999. P. 1–32. Также см.: 8-томное издание ЮНЕСКО *"General History of Africa"*, в котором есть обсуждение историописания в Тропической Африке; *Eckert*. 2002. P. 99–118.

³¹ Обзор традиции историописания в мусульманском мире см.: *Rosenthal*. 1968; *Duri*. 1983; также см. недавнюю работу: *Robinson*. 2003. Два более поздних и полных исследования см.: *Choueiri*. 1989; *Gershoni*. 2006.

ции, которые традиционно связываются с Западом и дальнейшей трансляцией их в незападные культуры, появились в этих регионах еще до колониального влияния; они отличались от страны к стране и в пределах каждой страны, но при этом обладали и определенными общими чертами³². Так, растущий акцент на критике источников появился в Юго-Восточной Азии задолго до западного влияния и был связан со стремлением пересмотреть неоконфуцианские трактовки. С этой целью – аналогичной восстановлению греко-римской классической культуры ренессансными гуманистами – ученые периода Цин обратились к методам филологии, фразеологии, фонологии, этимологии и эпиграфики, надеясь извлечь первоначальное (а, следовательно, истинное) значение конфуцианской классики. И эта переориентация интеллектуальной культуры, охарактеризованная Бенджамином Элманом как движение «от философии к филологии»³³, оказала существенное влияние на изучение истории в этом регионе. «Возможно, в Европе этот процесс правильнее было бы описать как переход к филологии от теологии и религии, но в обеих культурах он включал в себя расширение светского мировоззрения настолько, что в Китае классические конфуцианские тексты, а на Западе Гомер и Библия все больше воспринимались не как канонические тексты, а как исторические источники. Эта новая концепция истории как строгой науки сопровождалась в обеих культурах профессионализацией исторических исследований».

Аналогичные процессы в определенной мере были свойственны исламским странам и даже Индии (где историописание традиционно считается «вторичным» дискурсом, привнесенным с Запада британцами); уже в XVII–XVIII вв. там обнаруживаются произведения (написанные преимущественно на телугском, тамильском, маратхском, персидском языках и санскрите), которые производят впечатление соответствия критериям современного историописания.

«Эти тексты отражают культуру письма в прозе, предназначенную скорее для коммуникации, чем просто регистрации. Присутствует интерес к числам, именам собственным и другим приемам, позволяющим авторам обеспечить фактическую точность. Опора на факты сама по себе становится ценностью. Стиль письма как в своем техническом, так и синтаксическом аспектах, наводит на мысль о представлении об истории как непрерывном потоке, где технические требования к композиции фактически неотделимы от концептуальных свойств времени и события. События не дискретны и не изолированы, а прочно и непременно связаны с предшествующими им и доступными пости-

³² Об интеллектуальных трансформациях в Индии XVIII века см.: *Malik*. 2002. P. 293–350.

³³ *Elman*. 2000; также: *Luo*. 2000; *Wang*. 2003. P. 74–95.

жению причинами и вытекающими из них последствиями. Акторы имеют сложную мотивацию и внутреннюю глубину, часто придающие богатый колорит в целом ироничному разворачиванию событий»³⁴.

Стоит отметить и другие черты, которые в разные периоды проявлялись в незападном мире независимо от западного влияния: стремление к нарративной форме изложения, интерес к локальной и региональной и даже (например, арабский мир) глобальным историям, политическим и назидательным функциям исторического нарратива, социокультурной истории. Например, как показывают современные исследования японской историографии, «история повседневности» (нем. *Alltagsgeschichte*; яп. *seikatsushi*) и «история ментальности» (фр. *Histoire de mentalité*; яп. *seishinshi*) в Японии были настолько же импортированы из Германии и Франции, насколько возвращены на японской почве³⁵. Все это свидетельствует об общих для людей способах проявления исторического сознания и явно нуждается в дальнейшей рефлексии.

В этой связи невольно вспоминается известное замечание Хейдена Уайта о том, что история – это западное изобретение, не являющееся культурной универсалией и экспортированное в те культуры, которые первоначально ее не имели³⁶. Думается, что с этим можно согласиться лишь частично, а именно только в том случае, если под историей понимать чисто научное предприятие, а также «последовательный процесс достижения научных, технологических и социальных успехов»³⁷, ибо исторические культуры, традиции историописания, историческое сознание присутствовали во многих культурах задолго до появления там западного влияния. В Восточной Азии и мусульманском мире от Магриба до Юго-Восточной Азии существовали устойчивые традиции исторической учености; в индуистской Индии существовала древняя письменная, а в субтропической Африке – устная историческая традиция. Даже там, где история не выделилась как жанр, историческое сознание существовало в принятых в культуре литературных формах. Другое дело, что, сталкиваясь с внешне сходными явлениями, надо помнить о том, что политические, экономические и социальные контексты их бытования и развития в разных историографических культурах сильно отличались и могли означать совсем не одно и то же. То есть важно не впасть в другую крайность и не преувеличивать черты сходства, когда мы сталкиваемся с похожими тенденциями.

³⁴ Rao, Schulman and Subrahmanyam. P. 136.

³⁵ Masaki. 2006. P. 3–92.

³⁶ Интервью с Хейденом Уайтом... С. 345.

³⁷ Iggers, Wang. Op. cit. P. 12.

Таким образом, книга Иггерса и Вана еще раз убеждает читателей в том, что современная историография насыщена множеством мифов. Один миф об Индии как регионе, якобы не имевшем исторической культуры, мы уже приводили. В качестве другого примера можно считать миф о том, что в Китае и даже шире – дальневосточном ареале – существовало только династийное историописание. Между тем, как свидетельствует текст анализируемой книги, это не дает полного представления о разнообразии традиций историописания в имперском Китае, потому что на всем протяжении имперского периода в этой стране постоянно присутствовал и частный интерес к написанию истории. Китайская традиция династийной истории никогда не была жестко закреплена и в феодальной Японии, отчасти потому, что до XVII века Япония вообще не была объединена единой династией.

Еще один миф – об одностороннем влиянии западной историографии на незападный мир вплоть до недавнего времени. Собственно, это влияние и принято называть расхожим термином «вестернизация». Между тем, очевидно, что любой диалог (культур, цивилизаций, историографических традиций и т.д.) – это не система для переливания крови, где возможно только однонаправленное движение. И «Муккадима» (Muqaddimah) Ибн Халдуна в этом смысле является прекрасным примером³⁸. Не следует забывать о том, что традиция западного историописания (как и любая историографическая традиция) существует в определенном историко-культурном контексте и не может ни являться нормативной для других культур и цивилизаций, ни рассматриваться в контексте превосходства западной исторической мысли. Впрочем, начиная с 1970-х гг., многие из историографических изменений тесно связаны именно с критикой культурной гегемонии Запада.

Наконец, Запад – это не гомогенный, а чрезвычайно гетерогенный феномен, и, на мой взгляд, попытка Иггерса и Вана показать недостаточность и а порой и некорректность противопоставления Запада другим цивилизациям, является одной из сильных и заслуживающих особого внимания сторон книги. Понятно, что речь идет не о том, чтобы отказать от признания общих типологических черт западной культуры³⁹ или возможности рассматривать ее в качестве идеального типа, в

³⁸ См.: Gates. 1967. P. 415–422, где приводятся доказательства влияния Ибн Халдуна на европейское мышление XVII века.

³⁹ Иггерс и Ван полагают, что большинство черт, которые принято считать отличительными при характеристике западной исторической мысли – линейное представление о прошлом, озабоченность вопросами эпистемологии, увлеченность квантитативными исследованиями и т.п. – являются не столько западными, сколько

том числе и для проведения компаративных исследований. Речь о другом – о недостаточности только такого рода противопоставлений при изучении взаимодействия историографических традиций. Несмотря на наличие общих черт в исторической мысли западных стран присутствует существенная вариативность, а порой и фундаментальные отличия как в проблематике исследований, концептуальном аппарате, так и в методологиях, не говоря уже о своеобразных политическом и интеллектуальном контекстах их бытования, а также определенной асинхронности в проявлении тех или иных историографических феноменов. Так, например, хорошо известно, что в то время когда на Востоке Европы после Второй мировой войны наблюдался постепенный отход от ортодоксального марксизма, в Западной Европе (во Франции, Италии и что особенно любопытно в Великобритании) проявлялась противоположная тенденция: с одной стороны, присутствовало ясное понимание того, что социализм как политическая система потерпел неудачу, и марксизм как философия исчерпал кредит доверия; с другой стороны, существовало убеждение в том, что марксизм поднял важные вопросы, касающиеся исследований по проблемам социальной истории, а следовательно, может быть полезен⁴⁰. Уверена, что любой специалист по истории западной исторической мысли может привести немало подобных примеров, в том числе и внутри западных и восточных историографических традиций. Еще один мало акцентированный аргумент в пользу гетерогенности Запада: мы мало задумываемся о том, сколько западных книг во всех областях знания в XIX в. и даже раньше было переведено на китайский, японский, корейский и, в меньшей степени, на фарси, арабский и турецкий языки, и как мало было переведено на те западные языки, которые не являются основными.

Поэтому, вероятно, пришло время задуматься о том, чтобы начать говорить не о западном влиянии, а именно о *западных влияниях*. Столь же разнообразной, по-видимому, была и рецепция этих влияний, ибо представление о монолитном Востоке является в рамках этой логики не менее стереотипным и идеологизированным, чем представление о го-

современными. «Они являются чертами современного мышления, свойственного сегодня многим незападным историкам, но не свойственного в той же мере историческому мышлению Запада в период средневековья или даже в классический период. Линейный подход и идея прогресса, озабоченность проблемой исторического познания – последнее присуще также восточноазиатским и мусульманским мыслителям – и поиск каузальных объяснений начинают обсуждать на Западе в XVIII веке, в то время как количественный подход к истории характерен для конца XX века и ни в коем случае не является общепринятым». – *Iggers, Wang*. P. 21–22.

⁴⁰ *Dworkin*. 1998. P. 599.

могенном Западе. Внутри так называемого Востока существуют существенные различия в религиозной, политической и прочих ориентациях: в Восточной Азии существуют корейская и японская традиции, которые, имея общий исток в лице классической китайской цивилизации, трансформировались, однако, в разную национальную специфику; в самом Китае в различные исторические периоды взаимодействуют конфуцианские, буддистские, даосистские и неоконфуцианские составляющие; в исламском мире этнолингвистические различия существуют между арабами, турками, иранцами и представителями Юго-Восточной Азии, между суннитами и шиитами.

Впрочем, вызов этим стереотипным представлениям уже был брошен в книге антрополога Эрика Вулфа «Европа и люди без истории»⁴¹, где он, опираясь на методику структурного анализа, показал, что четкое разделение на Запад и Восток, в конечном счете, становится непригодным, потому что культуры являются не «отдельными единицами», а «пучками отношений». Не менее четко эта мысль представлена и в работах современных практиков постколониальной историографии, особенно в «Ориентализме» Эдварда Саида⁴². Саид совершенно справедливо указал на упрощенность представлений, содержащихся в западных, особенно академических трудах, оправданно бросив вызов стереотипным представлениям о Востоке. При этом, однако, закономерно возникает вопрос о том, не представил ли сам Саид слишком упрощенную картину ориенталистских исследований? Он не затронул ни богатых традиций ориенталистских исследований в Германии и Соединенных Штатах, не имевших непосредственных колониальных интересов на Ближнем Востоке, ни вопроса о том, до какой степени подпадают под эту модель ориенталистские исследования во Франции или Великобритании.

Таким образом, постколониальная мысль, вероятно, также содержит в потенциале новый восточный стереотип Запада и в этом смысле идет по западным стопам. Впрочем, это объяснимо, если учесть, что большинство постколониальных историков и социальных теоретиков обучались на Западе или в созданных по западному образцу учебных заведениях и, стало быть, можно размышлять о том, что постколониализм воспроизводит западные точки зрения не в меньшей степени, чем незападные. В качестве типичного примера приведу работу японского историка Оцуку Хисао, в очередной раз повторившего европоцентристский тезис об «отсталости/стагнации» азиатской истории⁴³. Сказан-

⁴¹ *Wolf*. 1982. P. 23.

⁴² *Said*. 1978.

⁴³ *Conrad*. 1999. P. 67–83.

ное заставляет предположить, что одним из перспективных направлений историографических исследований в незападном мире должно стать изучение не только того, как Запад представляет Восток, но и изучение становления оксидентализма и критическое исследование его культурной репрезентации, с анализом сложных и парадоксальных результатов этого процесса в соответствующих контекстах⁴⁴.

Это, в свою очередь, подводит нас к другому важному вопросу: если по мере глобализации историческая мысль за пределами Запада все больше вестернизировалась и модернизировалась, то каковой была степень этой модернизации, и в какой мере можно говорить о разрывах с прежними традициями или преемственности с ними? Судя по книге Иггерса и Вана, западная историческая мысль никогда не теряла связи с прежними местными традициями, поэтому, по-видимому, четкого водораздела между современной и традиционной историографией в большинстве регионов мира просто не существует.

Так, например, несмотря на появление новых направлений исторических исследований в Восточной и Юго-Восточной Азии (гендерные исследования, изучение повседневности, социокультурные исследования и т.п.) во всех этих регионах все еще весьма сильна традиция официального историописания, или коллективного историописания под эгидой правительства, что является отличительной чертой историографической практики данного региона. Ярким примером может служить гигантский проект, инициированный не так давно в Китае, по составлению многотомной истории династии Цин, а также вьетнамский проект по написанию стандартного нарратива истории Вьетнама⁴⁵. То же можно наблюдать и в Японии (хотя в основном на уровне префектур или локальном уровне⁴⁶), и в Корее, где по-прежнему в исторических нарративах на полном серьезе фигурирует миф о Тан Гуна как прародителе корейского народа. Действительно, несмотря на вопиющее несоответствие между датами жизни Тан Гуна, согласно легенде и сохранившимся письменным источникам, которые относят их не далее как к I в. до н.э., корейские историки включают этот миф в свои нарративы по корейской истории. Впрочем, проблематика преемственности и разрывов в историографической практике столь же остро стоит и в западной историографии, которая отнюдь не развивается линейно, как это ранее было принято считать. Полагаю, что это сосуществование «нового» и «старо-

⁴⁴ См., напр.: *Tavakoli-Targhi*. 2001; *Fleming*. 2000. P. 1218–1233; *Findley*. 1998. P. 15–49; *Ahiska*. 1993; *Chen*. 1995; *Dirlík*. 1996. P. 96–118.

⁴⁵ *Pelley*. 2002

⁴⁶ *Masayuki*. 2000. P. 33–42.

го» вообще является характерной особенностью развития современной историографии и, по всей вероятности, останется таковой и в будущем.

Другой аргумент в пользу этого вывода заключается в том, что, несмотря на явную тенденцию к культивированию научной версии истории, на всем протяжении XIX–XX вв. никакого согласия по поводу природы истории и способа ее написания не было ни на Западе, ни в других ареалах. Напротив, в противовес доминирующим историческим подходам всегда существовали контр-движения. Все это заставляет предположить, что представление о последовательно сменяющихся в каждой стране, регионе и мире в целом исторических образах нуждается в коррекции и замене представлением об их одновременном сосуществовании, множественности существующих прошлых.

Например, ярким примером преемственности, вероятно, может служить живучесть национализма, ставшего неизбывным свойством историографии начиная с нового времени и заставляющего нас вновь обратиться к дискуссии между адептами универсального развития и национального своеобразия. В чем причина подобной живучести? Иггерс и Ван нигде прямо не отвечают на этот вопрос, констатируя только факт присутствия феномена национализма в историографических культурах последних двух столетий. Однако напрашивающийся после прочтения книги ответ заставляет обратиться к факторам, лежащим, на мой взгляд, гораздо глубже чисто политических причин. Национальная компонента исторического сознания везде оказывается тесно связанной с поисками идентичности, с противопоставлением себя «Другому», а следовательно неизбежно стереотипизированной, будь то стереотипы на уровне нации или региона (европоцентризм)⁴⁷. Не отличаются существенным разнообразием и основные проявления националистических проектов разных стран. Помимо уже отмеченных поисков идентичности (сущностных черт нации), они повсеместно сопровождаются проявлениями культурной исключительности, намерением превратить свой народ в нацию (доказав, кстати, при помощи истории длительность и непрерывность ее существования), на основе которой инициируется создание национального государства⁴⁸. И скорее всего в ближайшей перспективе призыв некоторых историков «спасать историю от нации» вряд ли может быть реализован в полной мере.

Однако хотя национальная историография и не сошла полностью с историографической сцены, можно согласиться с Н. З. Дэвис в том,

⁴⁷ См. интересные рассуждения на эту тему: *Вжозек*. 2008. С. 189–191.

⁴⁸ См. об этом также: *Касьянов*. 2008. С. 195–196.

что уже не она определяет «рамки исторического нарратива»⁴⁹. И это возвращает нас к тому, с чего собственно и начинались наши размышления, а именно к особенностям современного глобального историографического анализа. Современное понимание глобальной историографии, конечно, должно подразумевать (а не исключать) наличие множества национальных / локальных вариантов и траекторий их развития, делая упор на их уникальность и разнообразие. Но это понимание должно отличаться от прежних линейных и европоцентристских в своей основе схем, заменяя их живым взаимодействием и комбинацией глобальной, региональной и локальной парадигм сравнительного историографического исследования. Ибо каждая из них не может быть осмыслена без других. Глобальная история историографии явно пересекает национальные, региональные и даже локальные контексты, акцентирует внимание на существовании множества взаимосвязей, взаимодействий, взаимовлияний между сравниваемыми историографическими традициями и культурно-историческими контекстами их бытования. Глобальную историографию не могут не интересовать каналы и посредники такого диалога. Наконец, такая историография не может твориться в дисциплинарных рамках и стремится к интегративной исследовательской программе, ориентированной на максимальное использование междисциплинарных связей, ибо особенности предмета глобальной историографии и формулируемые в его рамках задачи и проблемы в принципе не могут быть осмыслены в дисциплинарных рамках.

Происходящая в последние десятилетия глобализация требует таких подходов, которые принимали бы во внимание основные направления перемен, происходящие в том мире, в котором мы жили и живем, «признания различных темпоральностей и пространств, другими словами, наличия различных взглядов на мир, сохраняющихся несмотря на мощную тенденцию к гомогенизации»⁵⁰. Сегодня еще слишком рано говорить о том, приведут ли различные попытки написать глобальную историографию к существенной трансформации этой дисциплины. Но многое уже указывает на необходимость призыва к новому подходу к историописанию, такому, который выходил бы за пределы устоявшейся дихотомии Запад/не-Запад и зафиксировал перемены в историописании в многополюсной, глобальной перспективе, признавая, что импульсы к появлению этой перспективы поступали из разных источников и разных уголков земного шара⁵¹.

⁴⁹ Davis. 2000.

⁵⁰ Dirlik. 2003. P. 133.

⁵¹ Iggers, Wang. Op. cit. P. 394.

БИБЛИОГРАФИЯ

- A Place in the World: New Local Historiographies from Africa and South-Asia / Ed. by Axel Harnett-Sievers. Leiden, 2002.
- Ahiska, Meltem*. Occidentalism: The Historical Fantasy of the Modern // *The South Atlantic Quarterly*. Vol. 102. № 2/3. Spring/Summer 2003. P. 351–379.
- Appadurai, Arjun*. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minnesota, MN, 1996.
- Bentley, Jerry H.* *Shapes of World History in Twentieth-Century Scholarship*. Washington, DC, 1996.
- Bentley, Jerry H.* *The New World History // A Companion to Western Historical Thought* / Ed. by Lloyd Kramer and Sarah Maza. Maiden, MA, 2002. P. 393–416.
- Bentley, Jerry H.* *World History // A Global Encyclopedia of Historical Writing* / Ed. by Daniel Woolf. New York, 1998. P. 968–970.
- Butterfield, Herbert*. *Historiography // Dictionary of the History of Ideas*. New York, 1973. Vol. 2. P. 464–498.
- Cañizares-Esguerra, Jorge*. *How to Write the History of the New World: Histories, Epistemologies, and Identities in the Eighteenth-Century Atlantic World*. Stanford, 2001.
- Chakrabarty, Dipesh*. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton, NJ, 2000.
- Chen, Xiaomei*. *Occidentalism: A Theory of Counter-Discourse in Post-Mao China*. New York: Oxford, 1995.
- Choueiri, Youssef M.* *Arab History and the Nation-State: A Study in Modern Arab Historiography 1820-1980*. London and New York, 1989.
- Conrad, Sebastian*. What Time is Japan? Problems of Comparative (Intercultural) Historiography // *History and Theory*. 1999. 38:1. P. 67–83.
- Davis, N. Zemon*. Disscussant's comment // *Proceedings acts: Reports, abstracts and round table introductions // 19th International Congress of historical science, 6-13 August, 200. Oslo 2000*. – 464 p.
- Dirlik, Arif*. Chinese History and the Question of Orientalism // *History and Theory*. 1996. 35:4. P. 96–118.
- Dirlik, Arif*. *Confounding Metaphors, Inventions of the World: What is World History For?* // *Writing World History, 1800-2000* / Ed. by Benedikt Stuchtey and Eckhardt Fuchs. Oxford, 2003.
- Duri A. A. *The Rise of Historical Writing among the Arabs* / Ed. and tr. Lawrence I. Conrad. Princeton, NJ, 1983.
- Dworkin, Dennis*. *Marxism and Historiography // Global Encyclopedia of Historical Writing* / Ed. by D. Woolf. 2 vol. New York, 1998. P. 599.
- Eckert, Andreas*. *Historiography on a Continent without History: Anglophone West Africa, 1880–1940' // Across Cultural Borders: Historiography in Global Perspective* / Ed. by Eckhardt Fuchs and Benedikt Stuchtey. Lanham/Boulder, CO, 2002. P. 99–118.
- Elman, Benjamin A.* *From Philosophy to Philology: Intellectual and Social Aspects of Change in late Imperial China*. Los Angeles, CA, 2000.
- Encyclopedia of Historians and Historical Writing* / Ed. by Boyd Kelly. London, 1999.

- Findley, Carter Vaughn.* An Ottoman Occidental in Europe: Ahmed Midhat Meets Madame Gulnar, 1889 // *American Historical Review*. 1998. 103:1 (December). P. 15-49.
- Fleming K. E.* Orientalism, the Balkans, and Balkan Historiography // *American Historical Review*. 2000. 105:4 (October). P. 1218-1233.
- Fueter, Eduard.* Geschichte der Neuren Historiographie. Leipzig, 1911.
- Gates, Warren E.* The Spread of Ibn Khaldun's Ideas on Climate and Culture // *Journal of the History of Ideas*. 1967. 28:3 (July-September). P. 415-422.
- General History of Africa. London, 1978-2000.
- Gershoni, Israel.* Middle East Historiographies: Narrating the Twentieth Century // Ed. by Amy Singer and Y. Hakan Erdem. Seattle, IL, 2006.
- Globalization in World History / Ed. by Hopkins, Anthony G. London, 2002.
- Gooch, George Peabody.* History and Historians in the Nineteenth Century. London, 1913.
- Historians of China and Japan / Ed. by W. G. Beasley and E. G. Pulleyblank. Oxford, 1961.
- Historical Thinking in South Asia: A Handbook of Sources from Colonial Times to the Present / Ed. by Michael Gottlob. Oxford, 2003.
- Hopkins, Anthony G.* The History of Globalization – and the Globalization of History? // Globalization in World History / Ed. by Hopkins. London, 2002. P. 11-46.
- Iggers, Georg J., Wang, Q.* Edward with contributions from Supriya Mukherjee. A Global History of Modern Historiography. Longman, 2008.
- Lexikon Geschichtswissenschaft / Ed. by Stefan Jordan. Stuttgart, 2002.
- Luo, Bingliang.* 18 shiji Zhongguo shixue de Шип chengjiu (Теоретические успехи китайской историографии в XVIII веке). Beijing, 2000.
- Making Sense of Global History / Ed. By Solvi Sogner. Oslo, 2001.
- Malik, Jamal.* Mystik: 18. Jahrhundert // Die muslimische Sicht (13. bis 18. Jahrhundert) / Ed. by Stephan Conermann. Frankfurt am Main, 2002. P. 293-350.
- Manning, Patrick.* Navigating World History: Historians Create a Global Past. N.Y., 2003.
- Masaki, Hirota.* Pandora no hako: minshū shisōshi kenkyū no kadai (Ящик Пандоры: Вопросы в исследовании истории общественного менталитета) // Nashonaru. Hisutori o manabi suteru (Забывая национальная история) / Ed. by Sakai Naoki. Tokyo, 2006. P. 3-92.
- Masayuki, Sato.* The Two Historiographical Cultures in Twentieth-century Japan // Assessment of Twentieth-century Historiography. Professionalism, Methodologies, Writings / Ed. by Torstendahl R. Stockholm, 2000. P. 33-42.
- McNeill, William H.* The Rise of the West: A History of the Human Community. 1963.
- Miller, Joseph C.* History and Africa / Africa and History // *American Historical Review*. 1999. 104. P. 1-32.
- Nandy, Ashis.* History's Forgotten Doubles // *History and Theory*. 1995. 34. P. 44.
- O'Brien, Patrick.* Historiographical Traditions and Modern Imperatives for the Restoration of Global History // *Journal of Global History*. 2006. 1:1. P. 3-39.
- Pelley, Patricia M.* Postcolonial Vietnam: New Histories of the National Past. Durham, NC, 2002.
- Rao V. N., Schulman David and Subrahmanyam Sanjay.* Textures in Time: Writing History in South Africa. 1600-1800. N.Y., 2003.
- Robinson, Chase F.* Islamic Historiography. Cambridge, 2003.
- Rosenthal, Franz.* A History of Muslim Historiography. Leiden, 1968.

- Sachsenmaier, Dominic.* Global History and Critiques of Western Perspectives // Comparative Education. Vol. 42. No. 3. August 2006. P. 451–470.
- Sachsenmaier, Dominic.* Global History: Global Debates // Geschichte Transnational. 2004. 3:3.
- Said, Edward.* Orientalism. New York, 1978.
- Tanaka, Stefan.* Japan's Orient: Rendering Pasts into History. Berkeley, CA, 1993.
- Tavakoli-Targhi, Mohamad.* Refashioning Iran: Orientalism, Occidentalism and Historiography. Basingstoke, 2001.
- The Cambridge History of Latin America. Vol. 11. Bibliographical Essays / Ed. by Leslie Bethell. Cambridge, 1995.
- Völkel, Markus.* Geschichtsschreibung: Fine Einführung in globaler Perspektive. Köln, 2006.
- Wang Q. Edward.* The Rise of Modern Historical Consciousness: A Cross-Cultural Comparison of Eighteenth-Century East Asia and Europe // Journal of Ecumenical Studies. XL:1-2 (Winter-Spring, 2003). P. 74–95.
- White, Hayden.* Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore, MD, 1973.
- Wilgus A. Curtis.* The Historiography of Latin America: A Guide to Historical Writing, 1500–1800. Metuchen, NJ, 1975.
- Wolf, Eric.* Europe and the People without History. Berkeley, CA, 1982.
- Woolf, Daniel.* Historiography // New Dictionary of the History of Ideas. Farmington Hills, MI, 2005. Vol. 1. xxxv-lxxxviii.
- World Historians and their Critics / Ed. by Philip Pomper, Richard H. Elphick and Richard T. Vann. Middletown, CT, 1995.
- World History: Ideologies, Structures, and Identities / Ed. by Pomper Philip, Elphick Richard H. and Vann Richard T. Maiden, MA, 1998.
- Вжозек В.* Историография как носитель национально националистической идеи // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: Материалы международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 189–191.
- Интервью с Хейденом Уайтом // Диалог со временем. № 14. М.: URRS, 2005. С. 335–346.
- Касьянов Г. В.* Национальный нарратив: канон и его соперники: постсоветское пространство, 1990–2000 годы // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: Материалы международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 195–196.
- Посохов С. И.* Многоликая историография: образы историографии как научной и учебной дисциплины // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: Материалы международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 243–245.
- Репина Л. П.* Всемирная история как история глобальная // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: Материалы международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 177–179.
- Сидорова Т. Н.* Историография как интеллектуальная история: проблемы междисциплинарности и контекста // Историческая наука сегодня. М., 2011. С. 593–601.

Воробьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, докторант Института всеобщей истории РАН; vorobusheki@yandex.ru

И. М. ЭРЛИХСОН

ПАМФЛЕТ Б. МАНДЕВИЛЯ «БЛАГОПРИСТОЙНЫЕ АРГУМЕНТЫ В ЗАЩИТУ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ»

К ВОПРОСУ О ЦЕЛИ НАПИСАНИЯ И ЖАНРЕ

Статья посвящена малоизвестному произведению английского публициста первой четверти XVIII в. Б. Мандевиля. Анализ композиции и стилистических особенностей памфлета «Благопристойные аргументы в защиту государственных публичных домов» позволяет выявить характер мировоззрения автора, определить жанр произведения, дать целостное представление о восприятии феномена проституции в общественном сознании исследуемой эпохи.

Ключевые слова: Англия, XVIII век, общественная мысль, проституция, мораль.

Анонимный памфлет «Благопристойные аргументы в защиту государственных публичных домов» (1724), традиционно приписываемый перу Б. Мандевиля, относится к числу наиболее известных публикаций начала XVIII века, посвященных проституции и комплексу проблем, связанному с этим социальным явлением. Современникам знаменитого английского философа не удалось «уличить его в авторстве произведения, заранее обреченного на скандальную славу», чему немало способствовал сам автор, не без иронии представившийся как “*Phil-Porney*” («любитель падших женщин») и “*Lauman*” («дилетант», «непрофессионал»). Кто бы ни скрывался под этими говорящими, но малоинформативными псевдонимами, очевидно стремление автора остаться в тени собственных экстравагантных идей. «Дабы удовлетворить любопытство взыскательного читателя, обнаружившего этого подкидыша у дверей своего дома, – пишет он в предисловии к «Благопристойным аргументам», – я сообщу, что повивальная бабка [Издатель. – Прим. автора] согласилась принимать роды только при условии, что я умолчу о своем отцовстве... С другой стороны, всегда найдутся родители, готовые принять ребенка и даже усыновить его», – продолжает он, намекая на то, что, обретя популярность, памфлет не останется анонимным, так как многие захотят приписать себе «отцовство»¹. И действительно в 1740 г.

¹ Mandeville. 2006. P. 51.

вышли третье и четвертое издания «Благопристойных аргументов», на обложках которых в качестве авторов были указаны Люк Огл и Гарри Мордаунт. И хотя эти люди существовали реально: Люк Огл², был пуританским пастором из Берикшира и скончался в 1696 г., а эсквайр Гарри Мордаунт, лесничий по профессии, умер в 1712 г. – их авторство крайне сомнительно, в том числе и ввиду отсутствия у них сколько-нибудь значимых публицистических произведений подобного уровня.

Вопрос об авторстве памфлета некоторое время был предметом оживленной научной дискуссии. Ф. Кайе, один из первых и самых авторитетных исследователей наследия Мандевиля, хотя и не сделал «Благопристойные аргументы» предметом отдельного исследования, тем не менее, заключил, что «необычные парадоксы, тождество стиля, отсутствие иных кандидатур на роль автора убедили меня в том, что книгу написал Мандевиль»³. В первом зарубежном издании «Басни о пчелах» под редакцией Ф. Кайе «Благопристойные аргументы» включены в список «подлинного» литературного наследия Мандевиля⁴; так же поступил в своей монографии и другой исследователь творчества мыслителя – Т. Хорн⁵. В 1933 г. голландский ученый Й. Хардер выступил с утверждением, что автором «Благопристойных аргументов» был некий Лоуренс ле Февр, зарегистрировавший книгу в 1710 г. в книгоиздательской компании⁶. С критикой этой точки зрения почти сразу же выступил Р. Крэйн⁷, чья позиция полностью совпала с мнением Ф. Кайе. Значительно позже в этой связи Р. Кук написал, что «Лоуренс ла Февр (*fever – нервное возбуждение, жар. – Прим. автора*) звучит так же подозрительно, как и другие псевдонимы, приписываемые «Благопристойным аргументам»⁸. Более осторожно высказывается М. Голдсмит, отмечая, что «Благопристойные аргументы» «вероятно, были написаны Мандевилем»⁹. Наиболее взвешенной и подводящей черту под дискуссией, на наш взгляд, представляется точка зрения И. Праймера: «В силу того, что мы не располагаем документальным подтверждением того, что Мандевиль написал эту книгу, тезис о его авторстве в определенной степени ослаблен... Но, как бы то ни было, аргументация Кайе мне ка-

² Вероятно, здесь имеет место игра слов (*ogle – смотреть с возжелением*).

³ *Kaye*. 1921. P. 456.

⁴ *Mandeville*. 1924. V. 1. P. xxxi.

⁵ *Horne*. 1978. P. 110.

⁶ *Harder*. 1933. P. 200–203.

⁷ *Crane*. 1934. P. 122–123.

⁸ *Cook*. 1975. P. 23.

⁹ *Goldsmith*. 1985. P. 149.

жется достаточно убедительной, и я полагаю, что МанDEVИЛЬ написал либо большую часть книги, либо ее всю»¹⁰.

Действительно, стилистические особенности памфлета и содержащиеся в нем идеи являются таким же свидетельством в пользу авторства МанDEVИЛЯ, каким было бы его имя на титульном листе. Само название памфлета, в котором «благопристойные аргументы» приводятся в пользу «публичных домов», выдает автора одного из самых знаменитых парадоксов в общественной мысли XVIII в. – «пороки частных лиц – блага для общества». В пользу авторства МанDEVИЛЯ свидетельствует и то обстоятельство, что памфлет предвещает специальное посвящение, адресованное Обществам исправления нравов, на деятельности которых МанDEVИЛЬ неоднократно оттачивал свой полемический и сатирический талант. Примечательно, что на этот раз МанDEVИЛЬ критикует их позицию в отношении распущенности и безнравственности не за лицемерие и ханжество, а исключительно за дилетантизм в борьбе с развратом и за некорректно выбранные методы для достижения поставленных целей. «Отдавая дань усердию, с коим вы выступаете в защиту скромности и добродетели... я не могу не поздравить Вас с успехом в этом благочестивом деле, – пишет МанDEVИЛЬ. – Но мне ничего не остается, – с нескрываемой издевкой продолжает он, – как с прискорбием сообщить Вам, что Ваши усилия в борьбе с распущенностью на деле способствовали ее повсеместному распространению, и Вашими стараниями древо безнравственности зацвело пышным цветом, так как вместо того, чтобы подрубить корни, вы небрежно обрезали крону»¹¹.

Насколько бесспорным в научном смысле является вопрос авторства памфлета, настолько же дискуссионными видятся его жанр и цели, которые преследовал МанDEVИЛЬ, представив на читательский суд столь одиозное произведение. «Что это – «изошренная шутка от начала и до конца? Или серьезная критика современных автору средств борьбы с человеческим пороком? Или сочетание того другого, шутки и серьезного рассуждения?»¹². Надо отдать должное автору, который приложил максимум усилий для того, чтобы запутать читателей, а позже и исследователей его творчества, относительно истинного смысла «Благопристойных аргументов». «Нет ничего бесполезнее современного обычая относиться к серьезным вещам с насмешкой»¹³, – заявляет он, хотя несколькими страницами ранее рекомендовал «приправлять сухие аргументы доброй шуткой для

¹⁰ *Primer*. 2006. P. 111.

¹¹ *Mandeville*. 2006. P. 44.

¹² *Primer*. 2006. P. 12.

¹³ *Mandeville*. 2006. P. 56.

лучшего аппетита и усвоения»¹⁴. Последнее ему удалось – он сдобрил памфлет таким количеством пикантных шуток, что в течение двух веков «Благопристойные аргументы» классифицировались едва ли не как порнографическое произведение. Впрочем, Мандевиль никогда не претендовал на роль серьезного академического философа, и, как справедливо отметил один из авторитетных исследователей его творчества М. Голдсмит, «он стремился развлечь гораздо более фривольную публику, чем та, которая зачитывалась произведениями Гроция, Гоббса, Фильмера, Локка, Сиднея или хотя бы Шефтсбери...»¹⁵.

Диапазон мнений о цели и жанровой принадлежности произведения достаточно широк. Ф. Кайе полагал, что «“Благопристойные аргументы” – это некий проект, а потому произведение нетипичное для Мандевиля, в котором рассуждения автора выдержаны в практическом ключе: он не только теоретизирует, а предлагает конкретную программу»¹⁶. И. Праймер отметил, что хотя «Благопристойные аргументы» выстроены по канонам классической речи, их чрезвычайно трудно отнести к какому-то определенному литературному жанру. С одной стороны, «Мандевиль следовал по стопам Д. Дефо и его “Эссе о проектах”, хотя с этим произведением и подобными ему реформаторскими проектами его рознит ярко выраженная полемическая направленность... В высмеивании обществ исправления нравов и некоторых высокопоставленных прелатов Высокой церкви»¹⁷ “Благопристойные аргументы” тяготеют к полемике. Как план общественного переустройства, детище Мандевиля можно было бы поместить в рамки популярного в Европе со времен Платона утопического жанра, если бы не неприемлемый для утопии компромисс с недостатками окружающей автора действительности»¹⁸.

Поиск ответов на все эти вопросы требует критического прочтения памфлета и анализа доминирующих в нем тематических разделов и идейных установок.

В специальном посвящении, предворяющем памфлет и адресованном Обществам исправления нравов, автор, щеголяя неплохим знанием античной истории и философии, показывает, что даже столпы античной мудрости, являющиеся образцами для подражания в представлении наиболее прогрессивных слоев английского общества, в сексуальных

¹⁴ Ibid. P. 52.

¹⁵ Goldsmith. 1985. P. 7.

¹⁶ Kaye. 1921. P. 456.

¹⁷ Имеются в виду сатирические аналогии с «Историей моего времени» Г. Бернета.

¹⁸ Primer. 2006. P. 12–13.

отношениях оставались обычными людьми со своими слабостями и недостатками. «...Аристотель, первый перипатетик, имел внебрачного сына по имени Никомох от своей любовницы Герпилии, которую так любил, что завещал ей талант серебра и дом... Сократ, по собственному признанию, в течение пяти дней ощущал телесное томление, вызванное прикосновением к плечу нежной девичьей руки... Зенон¹⁹, почитаемый за скромность, выступал за общность женщин и написал трактат о правильном обращении с непорочными девушками... Что же еще остается добавить о нашем излюбленном Сенеке²⁰, авторе “Нравственных писем”, так и не снискавшем репутации добродетельного человека?»²¹. «Таким образом, – заключает Мандевил, – если непревзойденные античные мудрецы не преуспели в обуздании природных инстинктов, то, что же говорить о нас? Может ли студент Оксфорда быть сдержаннее прославленных стойков, а плечи армейского офицера менее чувствительными, чем плечи Сократа?»²².

По убеждению Мандевиля, человек порочен априори: «Некоторые притворяются, что тяга к удовлетворению запретных желаний противостественна. Но нельзя отрицать, что природа, щедро одарив нас ею, поскупилась на толику разума, способного обуздать эту склонность»²³. Гораздо разумнее признать этот непреложный факт, чем тратить время и силы на то, чтобы усовершенствовать человеческую природу, особенно теми методами, которые практиковали Общества исправления нравов по отношению к лицам, уличенным в греховных поступках. Штрафы, телесные наказания, тюремное заключение, по мнению мыслителя, лишь подпитывают «великого Левиафана порока, который легким щелчком хвоста опрокидывает хрупкий сосуд добродетели»²⁴.

Непонимание природы явления, и, как следствие этого, дилетантские способы борьбы с ним и бесперспективность достижения сколь либо значимого результата – вот вердикт, который Мандевил выносит деятельности членов Обществ исправления нравов. «Какая жалость, – иронизирует он, – что столь благородное рвение заранее обречено на неудачу, но все же я лелею надежду воочию увидеть хотя бы одного

¹⁹ Зенон из Китиона (о. Кипр) (ок. 336–264 гг. до н. э.) – древнегреческий философ, основатель стоицизма.

²⁰ Сенека Луций (род. между 6 и 3 гг. до н. э. – 65 г. н. э.) – римский философ-стоик, политический деятель, писатель.

²¹ *Mandeville*. 2006. P. 47–48.

²² *Ibid*. P. 48–49.

²³ *Ibid*. P. 58.

²⁴ *Ibid*. P. 45.

обращенного грешника, как только его выпустят из Брайдвелла»²⁵. Мастер тонких и неожиданных аллегорий, Мандевиль сравнивает Общества с неким достойным джентльменом, который избавился от выгребной ямы в своем саду и наслаждался видом ровно до тех пор, пока «каждый нос в его семье не убедился в опрометчивости его решения». «Если и этих доводов мало, чтобы донести истину до Вашего разума, – продолжает Мандевиль, – позвольте мне привести другой пример. Мясник, бессильный избавиться от полчищ прожорливых мух с помощью мухобойки и иных приспособлений, отрезает небольшой кусок и отдает им на съедение; тем самым, жертвуя малым, он сохраняет все остальное»²⁶.

Проводимая аналогия не требует разъяснений: проституция – есть социальное зло, но зло, являющееся таким же неотъемлемым элементом развитого социума, как мухи в мясной лавке. Причины же, по которым Мандевиль обратился к предмету столь деликатного свойства, по его собственному утверждению, заключались в неустанной заботе о «благах всего человечества и процветании страны»²⁷. «В последние годы, – сетует он, – занятие проституцией стало повсеместно распространенным явлением, и последствия ее настолько пагубны для человечества, что было предпринято несколько попыток борьбы с ним... как, например, Обществом достойных джентльменов, не понявших истинную природу этого зла, в искоренении которого я заинтересован не меньше их»²⁸.

Одним из негативных последствий «частной» проституции, Мандевиль, как профессиональный врач, считает угрозу здоровью нации, наносимую венерическими болезнями, от которых страдают равно как вовлеченные в распутство, так и невинные люди. «Мужчины передают женам, жены мужьям и, возможно, детям, дети – няням, те – другим детям; таким образом, ни возраст, ни принадлежность к тому или иному полу, ни положение в обществе не служат защитой от болезни»²⁹.

Также, продолжает Мандевиль, проституция и блуд неизменно приводят к моральному разложению, своего рода, «праздности ума, несовместимой с трудолюбием, основой благосостояния любой, особенно торговой нации»³⁰, а также к сокращению численности населения. Последнее он связывает, во-первых, с тем, что неумеренные излишества, которым предаются молодые люди, истощают их способность к воспро-

²⁵ Ibid. P. 49.

²⁶ Ibid. P. 50.

²⁷ Ibid. P. 54.

²⁸ Ibid. P. 55.

²⁹ Ibid. P. 56.

³⁰ Ibidem.

изводству здорового потомства, а, во-вторых, с широко распространенной практикой абортов. И хотя автор солидарен с законодательством, «справедливо суровым» по отношению к детоубийцам, которые «недостойны жить в цивилизованном обществе», но очевидно, что он исходит не из абстрактных принципов гуманности и милосердия, а из соображений приземленного толка. Так, характеризуя практику убийства детей до их рождения как «варварскую», он более всего озабочен тем, что она приводит к сокращению численности населения, в то время как «благо-состояние любого государства в значительной степени зависит от числа населяющих его граждан»³¹. Будучи убежденным в том, что репрессивное законодательство бессильно ликвидировать или хотя бы сократить масштабы рассматриваемого явления, Мандевиль предлагает альтернативный вариант – «направить поток похоти в специально выделенный для нее канал»³², иначе говоря, поставить социальное зло на службу обществу, превратив его в сектор государственной экономики: «Организация государственных публичных домов... ликвидирует большинство негативных последствий этого зла и загонит его в строго очерченные рамки. Государственная проституция в меньшей степени пагубна для общества, обстоятельство, уже само по себе являющееся достаточной причиной для создания соответствующего законодательства... Это не только предотвратит нежелательные последствия этого порока, но и способствует меньшему его распространению»³³. Чем не живая иллюстрация знаменитого парадокса «Частные пороки в руках умелого политика могут превратиться в общественные добродетели»?³⁴.

План Мандевиля вкратце сводится к следующему. Он предлагает выделить в Лондоне «удобный» квартал и разместить в нем сто публичных домов (в других городах количество подобных заведений должно варьироваться пропорционально численности населения), в которых будут проживать около двух тысяч женщин. В целом деятельность публичных домов должна координироваться тремя уполномоченными лицами, которые будут выслушивать жалобы и следить за тем, чтобы в «каждом доме соблюдались правила, необходимые для умелого управления данным сообществом»³⁵. Во главе каждого дома стоит смотрительница, в чьи обязанности входит следить за тем, чтобы «женщины содержали себя в чистоте и опрятности и развлекали джентльменов в

³¹ Ibid. P. 56–57.

³² Ibid. P. 60.

³³ Ibidem.

³⁴ Mandeville. 1924. V. 1. P. 411.

³⁵ Mandeville. 2006. P. 61.

вежливой и учтивой манере», а также за тем, чтобы вышеупомянутые джентльмены не испытывали недостатка в алкогольных напитках, поставки которых, что примечательно, освобождены от пошлин и акцизов. Смотрительница обладает абсолютной властью над своими подопечными: ни одна женщина не может без ее разрешения покинуть дом; музыка и танцы находятся под запретом; часы посещения строго фиксированы; а посетители, нарушающие порядок и допускающие насилие в отношении женщин, выставляются из стен заведения.

Сторонник жесткой социальной стратификации, Мандевилль «в целях лучшего развлечения джентльменов различных вкусов и сословий» предлагает разделить обитательниц публичных домов на четыре разряда в зависимости от внешних данных и изысканности манер. Все они платят подоходный налог, отчисления от которого идут на заработную плату докторам, смотрительницам, обслуживающему персоналу; из этих же средств формируется фонд для содержания незаконнорожденных отпрысков и куртизанок, в силу возраста или болезни потерявших трудоспособность. Примечательно, что предлагаемая Мандевилем экономическая система, будучи замкнутой и самодостаточной, не является источником финансовой прибыли для государства. Для человека прагматического склада, к каким, несомненно, можно отнести Мандевиля, было бы логично попытаться заинтересовать законодателей возможностью пополнить государственный бюджет за счет монополизации сферы услуг и получения новой статьи дохода. Но в проекте об этом не сказано ни слова. И. Праймер объяснял этот факт тем, что «идея извлечения денежной выгоды из учрежденных и патронируемых государством домов терпимости выглядела слишком отталкивающей даже в глазах Мандевиля»³⁶.

Понимая, что работа в публичном доме всегда связана с риском для здоровья, автор проекта включил в социальный пакет и медицинское обслуживание, осуществляемое в специальном госпитале двумя врачами и четырьмя хирургами. Специфика болезней, которым подвержены служительницы культа Венеры, подразумевает постоянный неослабевающий контроль и потому, женщины, обнаружившие недомогание, обязаны немедленно сообщить о нем смотрительнице. В этом случае для них предусмотрен бесплатный курс лечения; утаивающих же свою болезнь, подвергают порке и выгоняют³⁷.

³⁶ *Primer*. 2006. P. 139.

³⁷ Любопытно, что эта часть предложений Мандевиля была реализована принятием в 1864, 1864 и 1869 гг. серии парламентских Актов об инфекционных заболеваниях. Согласно закону, в городах с морскими портами полицейские получали право арестовывать проституток и отправлять их в госпиталь для медицинского

В том, что касается второй части своего плана, связанной с ликвидацией частной проституции, Мандевиль предельно краток. «Телесные наказания и красноречие Брайдвелла очень скоро убедят бедную женщину в том, что она может вести более *комфортный и честный образ жизни* в государственном публичном доме. А упорствующих в своей глупости любителейниц пеших прогулок, не желающих услаждать джентльменов согласно букве закона, ждет высылка из страны»³⁸.

Сформулировав основные положения проекта, Мандевиль, в характерной для него манере, тут же приступает к критике возможных аргументов своих идеологических противников, сфокусировав ее на главном, хотя и потрепанном в словесных баталиях, тезисе поборников добродетели – о недопустимости законов, противоречащих нормам христианской морали. «Так как множество людей продолжают разделять нелепые религиозные постулаты, как например, гласящие, что законы, служащие общественному благу, могут быть несправедливыми и безнравственными... то я прибегну к доводам рассудка, дабы избавить их от этого нелепого заблуждения»³⁹. Между отдельным человеком, совершающим преступление ради общественного блага, как, например, Джон Фелтон⁴⁰, и законом, вершащим зло ради той же цели, огромная разница. Мандевиль провозглашает закон – высшим абсолютом, а единственное, по чему можно «судить, хороши или плохи законы, справедливы или несправедливы, это то, насколько пагубно или благотворно их воздействие на общество в целом»⁴¹. В качестве примера мыслитель приводит ситуацию, когда корабельная команда, инфицированная смертельной болезнью, сразу же после высадки на берег расстреливается по приказу правительства. «Само по себе это действие является бесчеловечным и жестоким убийством, но так как эта суровая мера направлена на спасение здоровья нации, то она не только оправдана, но и справедлива с точки зрения строжайших моральных норм»⁴².

По Мандевилю, закон, как творение государственного разума, вообще не имеет никакого отношения к христианской морали, поскольку

осмотра для выявления венерических заболеваний. Если женщина была инфицирована, то ей предписывалось оставаться в госпитале на три месяца (с 1869 г. срок продлили до года) для прохождения лечения. Подробнее см.: *Walkowitz*. 1982.

³⁸ *Mandeville*. 2006. P. 62.

³⁹ *Ibid.* P. 89.

⁴⁰ Джон Фелтон – пуританин, убивший фаворита Карла I – герцога Бэкингема (1628 г.). Несмотря на то, что общественное мнение расценило этот поступок как героический, Фелтон был осужден и приговорен к смертной казни через повешение.

⁴¹ *Ibid.* P. 90.

⁴² *Ibidem*.

диапазон его действия распространяется исключительно на материальную, а не на духовную сферу человеческой жизнедеятельности. «Блуд, без всякого сомнения, является нарушением священной заповеди и смертным грехом, но грех этот касается государства не больше, чем употребление в пищу кровавой колбасы... Грех состоит в намерении удовлетворить похоть, и законодательство не в силах предотвратить это, поскольку наказания только увеличивают желание вкушать запретный плод»⁴³. Если же государство не может искоренить порок, то ему остается заключить его в легитимную оболочку, то есть официально узаконить в той форме, которая бы не подрывала, а способствовала укреплению основ общественного правопорядка.

Выбор меньшего из двух зол: между частной проституцией, бесконтрольной и потому потенциально опасной и публичными заведениями, находящимися под неусыпным контролем государства – таков идейный базис изложенного предельно лапидарно, в отличие от большинства предлагавшихся в то время планов социального обустройства общества, проекта Мандевиля.

Самая же обширная часть памфлета посвящена перечислению выгод, которые обретет нация в результате практической реализации предложенного плана. Во-первых, маргинальные элементы, чье поведение представляет потенциальную угрозу общественной стабильности, будут поставлены под государственный контроль и «будут принуждены вести упорядоченный образ жизни»⁴⁴. В результате представительницы древнейшей профессии обретут легитимное положение в рамках своего профессионального круга; а общество будет избавлено от «ночных беспорядков, пьяных дебошей, нарушающих покой честных обывателей»⁴⁵.

Еще одним достоинством системы государственных публичных домов должен стать рост деловой активности, и, как следствие, увеличение национального благосостояния. Еще в «Басне о пчелах» Мандевилль убеждал читателей, что пороки частных лиц при умелом управлении благотворно воздействуют на общество; к примеру, проституция способствует оживлению денежного обращения и росту торговли вследствие трат на роскошную одежду, изысканную пищу, съем помещения. «Разбойник с большой дороги, выделив девице легкого поведения десять фунтов, одевает ее с головы до ног, и едва ли найдется такой сверхсознательный торговец, который не продаст ей отрез шелка, узнав, чем она зарабатывает на жизнь. Кроме того, ей понадобятся туфли, чулки, пер-

⁴³ Ibid. P. 91.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibid. P. 64.

чатки, а потому швея, ткач и сотни других ремесленников зависят от того, сколько она потратит на приобретение той или иной вещи»⁴⁶.

Но главное преимущество предлагаемого плана его автор видит в перестройке и улучшении межполовых отношений в среде представителей средних, по своему социальному и экономическому статусу, слоев общества. Рассуждая о природе мужского желания, Мандевиль подразделяет мужчин на две группы в зависимости от частоты удовлетворения природных инстинктов. В первую группу входят «люди удовольствия», в описании которых легко угадываются представители высших кругов. Перо Мандевилля рисует образ деградирующего аристократа, разлагающегося как физически, так и нравственно: «Большую часть времени они отдают постижению науки страсти, предаваясь этому занятию с таким рвением, что в итоге истощают равно тело и разум»⁴⁷.

Гораздо больше Мандевилля интересуют те, кого он называет «люди дела», как можно предположить, это представители средней буржуазии – купцы, финансисты, бизнесмены. Они реже, чем другие подвержены «телесному томлению», и потому, возникая, оно «во сто крат сильнее, чем у тех, кто следует зову плоти каждый день»⁴⁸. «Так, что же делать такому человеку, когда он примет решение снять напряжение? – спрашивает Мандевиль. – Он будет вынужден потратить массу времени и денег, чтобы найти и соблазнить порядочную девушку, что чревато, во-первых, любовными переживаниями, затемняющими трезвость рассудка и потому несовместимыми с работой, и, во-вторых, с расходами, которых он не мог представить себе в страшном сне»⁴⁹. Вот государственные публичные дома и станут таким «лекарством от этих неудобств»: в них мужчины смогут получить удовлетворение по строго фиксированным ценам, не теряя времени и не нанося ущерб здоровью.

Более того, реализация проекта, в представлении Мандевилля, должна способствовать укреплению института брака. «Когда мужчина и женщина собираются вступить в брак, последнее, о чем они думают, это о продолжении рода. Они просто мечтают жить вместе, наслаждаться нежными объятиями, делить радости и печали, сделать друг друга как можно счастливее»⁵⁰. Но если отбросить романтические иллюзии, то в первую очередь брак «абсолютно необходим не только для воспроизводства и надлежащего образования человеческого рода», но и для со-

⁴⁶ *Mandeville*. 1924. V. 1. P. 88.

⁴⁷ *Mandeville*. 2006. P. 66.

⁴⁸ *Ibid.* P. 67.

⁴⁹ *Ibid.* P. 68.

⁵⁰ *Ibid.* P. 72.

хранения имущественных и социальных барьеров, размывание которых недопустимо. «Избыток добродетели в молодых людях так же опасен, как избыток порока»⁵¹, – пишет мыслитель, так как первый приводит к несчастливому браку, а второй и вовсе уничтожает желание связать себя брачными узами. Несчастливый брак для Мандевиля – это неравный брак: «если юноша ведет уединенную и добродетельную жизнь, то первая же влюбленность вскружит ему голову и ... шестнадцатилетний сын пэра узрит в дочери башмачника прекрасную Дульсинею»⁵² со всеми вытекающими последствиями. «Ничто так не охлаждает любовную страсть, как неравенство», – продолжает Мандевиль. Первым прозревает мужчина и вольно или невольно начинает видеть в молодой супруге причину своих несчастий, что приводит сначала к равнодушию, а затем к открытой неприязни с его стороны. К таким несчастливым бракам, уверяет автор, приводит исключительно отсутствие чувственного опыта у мужчин. «Когда добродетельные люди женятся по платонической любви, обычно у них настолько извращенное, не соответствующее действительности представление о радостях брачного ложа, что, познав их, они испытывают глубокое разочарование... Глаза мужчины, изрядно потускневшие, обведенными синими кругами, все видят гораздо лучше, чем раньше, и богиня, сойдя с пьедестала, превращается в обычную смертную. Мужчина, удивленный и шокированный этой переменой, возложив вину на супругу, переносит чувства на другую женщину, как он воображает, свободную от недостатков, и тогда прощай, счастливый брак!»⁵³. Оставаясь прагматиком до мозга костей, Мандевиль показывает, к чему приводят романтические иллюзии, или как он их называет «химеры», и подводит к тому, что «только любовь может составить основу счастливого семейного союза»⁵⁴.

Государственные публичные дома, уверяет Мандевиль, и станут местом, где за умеренную плату можно будет приобрести соответствующий опыт, «очень полезный до брака, и чрезвычайно опасный после заключения оно»⁵⁵. Недаром даже женщины, знающие, как сложно «монополизировать мужскую привязанность», усвоили простую истину, что отъявленные повесы становятся лучшим мужьями. «Опытный человек, познавший несколько женщин, знает, что шторм страсти сменяется штилем, и потому заключает брачный союз, осознавая неизбежность

⁵¹ Ibid. P. 70.

⁵² Ibid. P. 69.

⁵³ Ibid. P. 73.

⁵⁴ Ibid. P. 70.

⁵⁵ Ibid. P. 74.

разочарования и заранее смирившись с недостатками и несовершенствами, неотделимыми от человеческого рода»⁵⁶.

К несомненным плюсам своего проекта Мандевиль относит и то, что его практическое воплощение предотвратит настолько, насколько это возможно «развращение добродетельных женщин». Женщины в той же степени что и мужчины подвержены силе «яростного естественного желания», но с отрочества оно подавляется всевозможными способами, главным образом, формированием того, что Мандевиль называет «понятием чести». «Маленьких девочек учат ненавидеть слово “блудница” до того, как они узнают, что оно означает; и лишь взрослея, они обнаруживают, что их положение в обществе зависит не от того, насколько целомудренными они являются, а насколько целомудренными их считают»⁵⁷. Так как с ранних лет женщина усваивает, что ее репутация зависит, главным образом, от соблюдения приличий, потому и фундаментом, на котором зиждется женская добродетель, является, то, что Мандевиль называет «интерес». Естественно, что это заинтересованность сугубо материального плана: она нацелена сначала на удачное замужество, затем на стабильный брак.

Стремление к получению максимума жизненных благ вкупе с природным влечением – вот два полюса магнитной стрелки, определяющей поведение женщины в обществе и семейном кругу. Женская добродетель, считает Мандевиль, – это не врожденное качество, а продукт воспитания и образования, результат преобразования естественного («склонности к любви») искусственным («понятием чести»). В зависимости от баланса этих качеств мыслитель разделяет женщин на несколько типов. «Некоторые женщины, более добродетельные, или, сказать точнее, менее влюбчивые, чем другие, и в то же время имеющие четкое представление о чести, почти неуязвимы и могут быть сравнимы с городами, равно укрепленными природой и мастерством человеческих рук»⁵⁸. Но и они не пребывают в полной безопасности, так как, устояв перед внезапным штурмом, сдаются после долгой осады, на которую хватает времени и терпения у некоторых мужчин.

В наиболее многочисленную группу входят женщины, «так же ценящие свою репутацию, но по природе расположенные к любви». Таких женщин Мандевиль сравнивает с укрепленным городом, «чьи обитатели в любой момент готовы поднять восстание и сдаться на милость врага». В длительной гражданской войне между любовью и честью, продолжает

⁵⁶ Ibid. P. 73.

⁵⁷ Ibid. P. 76.

⁵⁸ Ibidem.

Мандевил, любовь выйдет победителем, ибо «врата добродетели подобно храму Януса⁵⁹ всегда открыты в ходе таких конфликтов»⁶⁰.

Наиболее же незащищена добродетель женщин, чья природная чувственность сдерживается слабыми понятиями чести или вовсе не ограничена оными. Подобные женщины – прекрасные актрисы: зная, что мужскому самолюбию претят легкие победы, они создают видимость сопротивления, фальшивого от начала и до конца. По мнению Мандевиля, женщины извлекают из этого спектакля не только удовольствие, но и выгоду, «набивая цену своей добродетели, прежде чем одарить ей мужчину». К тому же, замечает автор памфлета, сам факт борьбы оправдывает моральное падение женщины в глазах мужчины, свидетельствуя о том, что в какой-то мере ее заставили подчиниться. «Женщины нередко отказываются капитулировать по условиям договора, предпочитая быть покоренными в ходе штурма»⁶¹.

Вывод, к которому приходит Мандевил, звучит крайне неутешительно: добродетель каждой женщины, вне зависимости от возраста, внешних данных, социального, материального, семейного положения, подвергается постоянным испытаниям, и шансы выйти из них с честью одинаково ничтожны для любой представительницы слабого пола. «Чем красивее женщина, тем больше соблазнов на ее пути, дурнушка же уступит первому, кто покусится на ее добродетель; опытная женщина вкушает запретный плод, прикрываясь статусом замужней дамы, нет ничего легче, чем вскружить голову невинной девушке; богатство и вседозволенность делают желание неуправляемым, а бедность и вовсе обесценивает добродетель, превращая ее в легкую добычу»⁶².

Лучший способ обезопасить женскую добродетель, считает Мандевил, – это избавить ее от посягательств со стороны мужчин. Это станет возможным только тогда, когда потоки мужской похоти будут направлены в строго очерченное государством русло. И тут автор приближается к сложной проблеме морально-этического свойства: каким образом будет набираться и пополняться персонал предлагаемых им заведений? Надо признать, что решает он ее со свойственным ему прагматизмом, даже граничащим с цинизмом. «Что же до того, что реализация проекта потребует разращения некоторого числа молодых

⁵⁹ Янус – в римской мифологии бог входов и выходов, дверей и всякого начала. Посвященная Янусу двойная арка на римском форуме опиралась на колонны, образуя ворота, которые отпирались во время войны и запирались во время мира.

⁶⁰ Ibid. P. 77.

⁶¹ Ibid. P. 79.

⁶² Ibid. P. 81.

женщин, – пишет он, – то эту проблему легко решить принятием Акта о ввозе иностранных женщин... Наша благородная молодежь вместо того, что тратить время и деньги на поиски амурных приключений за границей, может удовлетворить любопытство, не покидая Лондон»⁶³. Если же наступит такая ситуация, когда спрос превысит предложение, расстроенные клиенты вернуться к старому испытанному способу – соблазнению невинных девушек, и следовательно, с оптимизмом заключает Мандевиль, будет создан резерв потенциальной рабочей силы для домов терпимости. Таким образом, «каждая соблазненная женщина, поступив на работу в публичный дом, в какой-то мере искупит потерю собственной чести, став *средством* для сохранения чести других женщин»⁶⁴. Воистину благими намерениями выстлана дорога в ад⁶⁵.

Однако видеть в подобной позиции жестокость или порочность Мандевилля, значит сознательно забыть о его меркантилистском мировоззрении. Глубоко убежденный в том, что «великое искусство создания счастливой нации и обеспечения ее процветания заключается в наделении каждого возможностью работать»⁶⁶, он и жрец любви рассматривал как дисциплинированную рабочую силу, организуемую и контролируруемую. Неравенство для него так же естественно, как и общество, в котором материальное благополучие меньшинства покоится на трудовой эксплуатации большинства. Как верно отметил М. В. Марков: «Мандевиль, полностью осознавая пороки буржуазного общества, не испытывал к нему ненависти или симпатии – не будучи критиком или апологетом такого общества, он просто мирился с фактом его существования»⁶⁷.

В проекте организации государственных публичных домов самостоятельным сюжетом выглядит отношение Мандевилля к проституции и к женщинам легкого поведения. По его мнению, целью организации государственных публичных домов является не потакание низменным мужским желаниям, как это может показаться, а объективная экономико-социальная потребность динамично развивающегося капиталистического государства, для процветания которого необходимо найти средство для поглощения излишков мужской энергии. Так почему не привлечь

⁶³ Ibid. P. 89.

⁶⁴ Ibid. P. 89.

⁶⁵ Как правильно отметил И. Праймер, автор памфлета «едва ли мог представить хотя бы малую долю жестокости глобальной современной секс-индустрии, куда обманом и насилием вовлекаются ничего не подозревающие женщины, переходящие от одного покупателя к другому до тех пор, пока их нельзя будет использовать в качестве сексуальных рабынь». *Primer*. 2006. P. 23.

⁶⁶ *Mandeville*. 1924. Vol. 2. P. 321.

⁶⁷ *Марков*. 2008. № 3 (27).

для этого уже существующих жриц любви, организовав и обустроив их деятельность и быт на государственном уровне, предоставив, пусть даже за счет ограничения их личной свободы, стабильный заработок, медицинское обслуживание, сомнительный, но все же четко зафиксированный социальный статус. Тем паче, что к столь малопочтенному занятию в подавляющем большинстве случаев женщины приходят не добровольно, а из-за нужды и невозможности заработать иным, более честным способом. В этом смысле профессия проститутки, по глубокому убеждению мыслителя, ничуть не хуже любой другой, а будучи поставленной под государственный контроль, она гораздо больше располагает к честности. «Священнослужитель укроется ризой, и кто посмеет обвинить его в симонии⁶⁸? Юрист обманывает нас согласно букве закона; и благодарите врача за то, что вы остались в живых и потому можете жаловаться на него...»⁶⁹. В предлагаемой же Мандевилем системе малейшее неправомерное действие по отношению к клиенту будет немедленно раскрыто, и «бедную куртизанку» подвергнут суровому наказанию вплоть до высылки из страны. К тому же, как пронизательно замечает автор, боязнь «общественного порицания – тот фундамент, на котором зиждется нравственность и мораль»⁷⁰. Человеку свойственно искать одобрения тех, кто его непосредственно окружает, «игнорируя мнения чужаков», а потому среди отверженных созданий, где «распущенность есть предмет не порицания, а одобрения, проститутки будут заботиться о своем добром имени с тем же рвением, что и остальное человечество»⁷¹.

Причины очевидно пренебрежительного отношения мыслителя к представительницам древнейшей профессии следует искать в существовавшей в начале XVIII в. и поддерживаемой им концепции неравноправия мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни. Предлагаемый им проект изначально построен на концепте двойных стандартов, на идее неравенства двух полов, неравенства, обусловленного особенностями физиологического и духовного склада, и потому, с точки зрения Мандевиля, непреодолимого. Недаром несколько пассажей «Благопристойных аргументов» посвящены сравнительному анализу женской и мужской репродуктивной систем. Женское желание, обладая такой же силой как мужское, не оказывает столь разрушительного

⁶⁸ Симония (от имени Симона Волхва, просившего по церковному преданию, апостолов продать ему дар творить чудеса) – практика покупки и продажи церковных должностей, распространенная в Средние века в Западной Европе.

⁶⁹ Ibid. P. 63–64.

⁷⁰ Ibid. P. 63.

⁷¹ Ibid. P. 64.

воздействия на основы общественного правопорядка, в силу того, что надежно сдерживается грузом условностей, налагаемых на женщину традициями и общественной моралью. Мужчина же априори более свободен, для него условности носят не обязательный, а формальный характер, и потому он может позволить себе где-то обойти их, а где-то и совсем пренебречь ими. По этой логике для мужчины опыт в любовных делах – это необходимое условие счастливого брака, а для женщины грехопадение – первая ступенька в карьере распутницы. «Некоторые скажут, что преступно заставлять женщин зарабатывать подобным способом, ибо существует вероятность нравственного исправления... Но потеря добродетели настолько развращает женщин, что они никогда не изменят образ жизни и не восстановят доброе имя»⁷².

Та же убежденность в половом неравноправии находит свое отражение в рассуждениях мыслителя о супружеских отношениях. «Женская добродетель» в его понимании подразумевает непорочность до брака и верность после заключения оно, мужская же добродетель – есть абсолютно иллюзорное понятие. Представляется сомнительным, чтобы такой знаток человеческого психологии, как Мандевиль, серьезно верил в то, мужчина, с юных лет став завсегдатаем публичных домов, может превратиться в примерного семьянина, довольствующегося одной женщиной. Очевидно, что Мандевиль отлично осознавал, что право удовлетворять природный инстинкт давно и прочно монополизировано мужским полом. И хотя он противопоставлял счастливое супружество «безрадостным объятиям проститутки», естественно предположить, что он допускал возможность посещений мужчинами публичных заведений и после заключения брака. И что немаловажно, для мужчин эта возможность абсолютно легитимна с юридической и моральной точек зрения, в то время как женщина, вступившая на скользкий путь супружеской измены, вынуждена прибегать к уловкам и ухищрениям, чтобы скрыть факт неверности. По утверждению Мандевиля, именно женская измена наиболее пагубна для брака: «Она развращает душу и ум женщины, разрушая взаимную любовь супругов. Добавьте к этому риск разоблачения, разрушающий репутацию женщины и спокойствие мужчины... Муж сомневается в добродетели жены, жена – в верности любовника, последний же – в недостаточной бдительности мужа... Попад в этот замкнутый круг, каждая сторона оказывается вовлеченной в “нескончаемое страдание, воображимое только тем, кто испытал его”»⁷³.

⁷² Ibid. P. 59.

⁷³ Ibid. P. 63–64.

Проведенный выше анализ содержания памфлета позволяет аргументировано обсуждать его жанр и основные цели написания. Отсутствие в нем положительной или негативной модели социума определенно не позволяет отнести памфлет к утопическому жанру. Очевидна и несостоятельность точки зрения, согласно которой основная цель «Благопристойных аргументов» заключалась в сатирической атаке на Общества исправления нравов. Во-первых, это неоправданно упрощает смысловую нагрузку «Благопристойных аргументов». А, во-вторых, то обстоятельство, что редкое произведение Мандевиля было свободно от язвительных высказываний в адрес вышеупомянутых обществ, не дает оснований рассматривать их как центральный, базовый элемент его творческой деятельности. Как верно отметил Р. Кук, «Мандевилль не столько защищает свои идеи, сколько пародирует защиту. Зная, что “благочестивые святоши” из Обществ исправления нравов найдут его предложения оскорбительными и без сатирических экзерсисов, Мандевилль со свойственной ему пронизательностью заключает, что ему нечего терять и потому он будет облачать свои мысли в форму, которая позволит ему высмеять лицемерие общества»⁷⁴. В «Благопристойных аргументах», равно как и в «Басне о пчелах», ироническая апелляция к Обществам – это не более чем полемический прием для придания «веса» собственным аргументам.

Можно ли рассматривать «Благопристойные аргументы» как социальный проект или программу, которыми была так богата английская публицистика второй половины XVII – начала XVIII в.? Нам представляется, что нет, и прежде всего, потому, что Мандевилль был мыслителем теоретического склада, диагностиком, чья главная цель и сфера интересов – скорее описание и анализ, нежели практическое реформирование. Здесь трудно согласиться с Р. Куком, полагавшим, что «в “Благопристойных аргументах” Мандевилль не просто излагает свои наблюдения по проблеме проституции, но и отстаивает свой впечатляюще детализированный план борьбы с ней»⁷⁵.

В пользу того, что «Благопристойные аргументы» менее всего являлись конкретной программой действий по борьбе с социальным злом, свидетельствует, то, что Мандевилль не предложил ничего кардинально нового. Более того, он не скрывал, что черпал вдохновение из опыта прошлых веков, в котором находил многочисленные примеры плодотворного «сотрудничества» государства с представительницами древнейшей профессии. Недаром, завершая «Благопристойные аргументы»

⁷⁴ Cook. 1975. P. 33.

⁷⁵ Ibid. P. 23.

кратким экскурсом в историю английской проституции, Мандевиль отмечал, что «сии малопочтенные заведения (*публичные дома*. – Прим. автора) издревле располагались в Саутворке фактически под прямым покровительством государства... поскольку они платили регулярные налоги в пользу лорд-мэра и епископа»⁷⁶. Здесь уместно привести цитату из монографии И. Блоха «История проституции», чтобы понять, что Мандевиль фактически воспроизвел средневековую схему борьбы и надзора над этим социальным явлением. «...публичные дома в течение Средних веков всюду перешли в ведение государств или, вернее, города... ими управляли в интересах владельца городские служащие или арендаторы. Частные бордели составляли исключение и, подобно вольным и тайным проституткам, не пользовались расположением со стороны начальства. В лучшем случае их только терпели, чаще же преследовали и боролись с ними. Все полицейские меры городов и государей были направлены на строгую локализацию и казарменную организацию проституции в принадлежащих государству домах терпимости, надзор за которыми, содержание в надлежащем виде и экономическое использование считалось важной задачей городского начальства... Где публичные дома не находились во владении города, там их доход составлял регалии государя или лен духовных и светских династий»⁷⁷. Любопытно мнение одного из самых авторитетных специалистов по истории европейского средневековья Жака Ле Гоффа. «...Тогдашнее общество... меньше, чем люди других эпох, негодовало по поводу деятельности, которая приносила пользу мужчинам и ущерб женщинам... Проституция была призвана умерить излишний пыл общества, в котором было множество холостых мужчин... и все больше и больше входила в рамки обычной регламентации ремесел»⁷⁸.

Во-вторых, поставим под сомнение «впечатляющую детальность»: в количественном отношении практическая составляющая «Благопристойных аргументов» несоизмерима с теоретической частью. В пространственных доказательствах выгоды «проекта» собственно аргументация составляет ничтожно малую долю, буквально растворяясь в отступлениях на разнообразные темы. Напротив, Мандевиль впечатляюще скуп на детали и вполне сознательно «топит» многие организационные аспекты в абстрактных рассуждениях о природе брака и любви, о законах, религии и морали. Это особенно заметно, если сравнить

⁷⁶ Mandeville. 2006. P. 94.

⁷⁷ Блох. 1913. С. 286.

⁷⁸ ле Гофф. 2008. С. 166–167.

«Благопристойные аргументы» с трактатами второй половины XVII – начала XVIII в., авторы которых предлагали оптимальные, с их точки зрения, способы решения социальных проблем и обогащения страны. Авторами подобных трактатов преимущественно были представители английского среднего класса – буржуазии, мировоззрение которых опиралось на пуританскую этику, несомненно, чуждую Мандевилью. В этом ракурсе «Благопристойные аргументы» можно рассматривать как тонкую пародию на подобную «прожекторскую литературу». «Искренние» же заверения, что сеть государственных публичных домов в Англии будет способствовать «счастью всего человечества» – это не что иное, как ироническая дань «коллегам», которые не скупилась на описание тех бесчисленных выгод, которые сулила реализация их проектов и программ. К тому многообразию областей, которые пытались реформировать многочисленные радетели общественного благополучия, Мандевиль, не изменяя своей скандальной репутации, добавляет еще и сферу самого деликатного свойства. При этом с беспрецедентной прямоотой и шокирующей откровенностью он на конкретном примере иллюстрирует свой излюбленный тезис: человеческие слабости и недостатки, преобразуемые государственным разумом, могут превратиться в важнейший стимул развития общества.

На наш взгляд, «Благопристойные аргументы» – это классический социально-философский трактат. Что же касается цели и задач, которые ставил перед собой автор, то количественный анализ текста памфлета показывает, что он многократно, с различных точек зрения и в контексте различных сюжетов обращается к проблеме гендерных ролей. Внешний эпатаж – всего лишь оболочка, под которой скрывается глубокий философско-психологический анализ содержания и специфики тех социальных ролей, которые играли женщины и мужчины современной ему эпохи. При этом Мандевиль в методологическом отношении поднялся несравненно выше многих своих современников, не скупящихся на советы и рекомендации относительно воспитания и образования представителей обоих полов. «Не ограничиваясь критикой различных недостатков представительниц высшего света, Стиль и Аддисон стремились в какой-то мере руководить воспитанием и образованием юных дам... Журналисты предприняли попытку составить список тех книг, которые были необходимы для женского чтения, давали различные советы относительно поведения юных дам в обществе, их нарядов, занятий, делились своими соображениями о любви, семейном счастье,

супружеской верности»⁷⁹. Мандевилль же, игнорируя нравственно-дидактический аспект, углубляется в область социальной психологии, показывая себя непревзойденным знатоком слабых и сильных сторон человеческой природы. Путем абстрактных умозаключений он выделяет различные типы личности (для мужчин и женщин), анализирует их психологические свойства, характеризует универсальные для каждого типа поведенческие модели. В этом ракурсе ключом к общественному благополучию является вовсе не организация государственных домов терпимости, а урегулирование межличностных, а именно семейно-брачных отношений в экономически и социально активных слоях общества – среди представителей среднего класса. Именно представителям среднего класса посвящен рассматриваемый трактат, поскольку «люди дела» – есть истинные творцы блестяще описанного Мандевилем «буржуазного мира... если и не лучшего из миров, то, во всяком случае, лучшего из всех существовавших»⁸⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Блох И.* История проституции [Текст]: моногр. / Пер. с нем. П. И. Лурье-Гибермана. СПб.: Издание К. Л. Риккера, 1913. 310 с.
- Ле Гофф Жак.* Рождение Европы [Текст] / Пер. с фр. СПб: Александрия, 2008. 398 с.
- Лабутина Т. Л.* Женское образование в стюартовской Англии [Текст] // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 136–147.
- Марков М. В.* «Басня о пчелах» Бернарда Мандевила: развенчание пуританской этики и рождение идеологии экономизм // Проблемы современной экономики. 2008. №3 (27) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru> (время доступа: май, 2011).
- Субботин А. Л.* Бернард Мандевилль [Текст]: моногр. М.: Мысль, 1986. 130 с.
- Bernard Mandeville's "A modest defence of publick stews". Prostitution and its discontents on Georgian England [Text] / Ed. by I. Primer. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 208 p.
- Cook R. I.* "Great Leviathan of Lechery": Mandeville's Modest defence of publick stews (1724) // Mandeville studies. New explorations in the art and thought of Dr. Bernard Mandeville / Ed. by I. Primer. The Hague: Martinus Nijhoff, 1975.
- Crane R.* Bernard de Mandeville [Text] // Philological Quarterly. 1934. № 13. P. 122–123.
- Goldmuth M.* Private Vices, Public Benefit: Bernard Mandeville's social and political thought [Text]: моногр. Cambridge: Cybereditions Corporation, 1985. 210 p.
- Harder J.* The authorship of A Modest Defence of publick stew, etc [Text] / *J. Harder* // Neophilologus. 1933. № 18. P. 200–203.
- Horne T.* The social thought of Bernard Mandeville [Text]: моногр. New York: Columbia University press, 1978. 120 p.

⁷⁹ Лабутина. 2001. С. 140.

⁸⁰ Субботин. 1986. С. 70.

- Kaye F.* The writings of Bernard Mandeville. A Bibliographical survey [Text] // Journal of English and German Philology. 1921. №. 20. P. 419–467.
- Mandeville studies.* New explorations in the art and thought of Dr. Bernard Mandeville [Text] // Ed. by I. Primer. The Hague: Martinus Nijhoff, 1975. 225 p.
- Mandeville B.* The Fable of bees [Text]: In 2 vols. Oxford: Clarendon press, 1924. V. 1–2. 412 p., 480 p.
- Mandeville B.* A modest defence of publick stews or an essay upon whoring as it is practis'd in these kingdoms // Bernard Mandeville's "A modest defence of publick stews". Prostitution and its discontents on Georgian England // Ed. by Irwin Primer. New York: Palgrave Macmillan, 2006.
- Primer I.* Commentaries // Bernard Mandeville's "A modest defence of publick stews Prostitution and its discontents on Georgian England [Text] / Ed. by I. Primer. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 208 p.
- Walkowitz J.* Prostitution and Victorian Society: Women, class and the state. Cambridge: Cambridge university press, 1982. 360 p.

Эрлихсон Ирина Марковна, доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина; erlihson@rambler.ru

РОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СТАРОГО ПОРЯДКА

Исследуется вопрос, почему примерно с середины XVIII в. во Франции и в германских государствах правительства начали собирать и подсчитывать данные о человеческих и материальных ресурсах своих стран, почему статистика, какой мы знаем ее сегодня, стала важным политическим инструментом именно в то время, и какие последствия это имело. Автор утверждает, что статистика эпохи «просвещенного абсолютизма» сыграла важную роль в возникновении современного мира. Создавая абстрактные экономические понятия («производство», «потребление» и др.) и визуализируя их в виде цифр, таблиц и графиков, статистика, казалось, придавала окружающему миру больше смысла и требовала политических действий, обещая материальный рост и всеобщее счастье.

Ключевые слова: статистика, политическая арифметика, политическая экономия, просвещенный абсолютизм, физиократия, камерализм.

I

Статистика – это не только сбор информации, во всяком случае, не в первую очередь. Это даже не точность измерения, хотя аргументация такого рода играла в истории немалую роль. Гораздо важнее то, что это сбор особого рода информации и представление ее особым образом. Статистика не создает *большее* или *лучшее* знание, она, прежде всего, создает новый *вид* знания, трансформируя его, и тем самым трансформируя сам способ, которым мы воспринимаем мир и судим о нем. Если говорить конкретнее, то она сводит множество разнородных количественных данных к качественным показателям, которые могут быть сочтаны, и это создает новые сущности, такие как «население», «производство», «потребление» – понятия, которые не существовали и не существуют вне статистики. По словам одного французского историка, статистика – это алхимия раннего Нового времени, ибо она «превращает низкопробный свинец несметного числа индивидуальных битов информации в чистое золото общего знания»¹.

Тем самым алхимия статистики сводит сложные и по своей сути неизмеримые реальности к немногим общим значениям и представляет их в виде строгих цифр и графиков. Статистика оставляет в стороне почти все индивидуальное, локальное, своеобразное. Она составляет

¹ Desrosières. 2005. P. 18. Об эпистемологии статистики в раннее Новое время см.: Behrisch. 2008a.

стандартный пакет знаний, который может быть сопоставлен с такими же пакетами из других мест и периодов. Статистику можно понять независимо от местного или национального контекстов, вне идеологических или лингвистических барьеров. Следовательно, статистика является идеальным инструментом для планирования и анализа, и в то же время идеальным инструментом для коммуникации и легитимации.

Создав новый эпистемологический порядок, – назовем это перспективой птичьего полета – статистика стала фундаментом для легитимации и составления экономического, демографического и любого другого объемлющего и долговременного планирования. Тем самым она внесла огромный вклад в создание современного мира двояким образом: с одной стороны, развив его рационалистический, функциональный и эгалитаристский потенциал, с другой, породив опасности гомогенизации и тоталитаризм². В этом смысле статистика была изобретена во второй половине XVII века. И наконец, в этом же эпистемологическом плане статистика приобрела силу несколько позднее, в последней трети XVIII века. Это развитие было тесно взаимосвязано с новой политизацией экономики, а именно с воплощением концепции «политической экономики» в форме камерализма в Германии и физиократии во Франции, концепции, которая начала играть важную роль в формировании и легитимации политики во второй половине XVIII столетия.

Прежде всего, два замечания, чтобы пояснить, почему эта проблема была затемнена. Во-первых, в то время как историки много писали об изобретении статистики (или «политической арифметики») в конце XVII в. и последующем развитии теории, особенно в форме демографии, они в основном игнорировали ее практическое воплощение в политике правительств позднее в XVIII в. Скорее, они концентрировались на открытии статистических бюро в начале XIX в., изображая их появление как поворотный момент и даже как рождение официальной или государственной статистики, оценивая предыдущие десятилетия, в лучшем случае как *proto-статистические*. Одна из причин состоит в том, что историческая семантика понятия «статистика» запутывала исследователей – на протяжении большей части XVIII в. этот термин больше относили к качественным описаниям стран, чем к цифровой статистике. Главная причина сохранения этого искаженного взгляда состоит в том, что только бюро начали публиковать печатные материалы в больших количествах, тем самым сделав свою деятельность легко доступной для исследователей. Наоборот, ранняя политическая стати-

² См. блестящий анализ этого вопроса: *Scott*. 1998.

стика составлялась вручную и ее приходится искать в архивах. Работа с архивными источниками показывает, что экономические и демографические данные квантифицировались и просчитывались в политических и административных целях еще до начала XIX в., в последние десятилетия Старого порядка. Такая ревизия хронологии говорит нам многое не только о политике Старого порядка, но также об исторической природе и фундаментальной логике политического использования статистики.

Исследуя роль статистики в политике позднего Старого порядка, автор выступает как историк раннего Нового времени. В то же время мое исследование в большой мере основано на историографии статистики, так как фокусируется на корнях статистики в эпистемологическом смысле – как инструмента знания, объяснения и легитимации, а не просто способа сбора данных независимо от цели. Это второе важное замечание, так как историки раннего Нового времени склонны относить к категории «статистика» любые административные практики, включающие цифры. Этот довольно бездумный подход затуманивает вопрос, когда и почему таблицы и подсчеты начали формировать восприятие, аргументы и действия. Так, статистикой называют налоговые списки, хотя их цель не заключалась в том, чтобы обеспечивать какое-либо общее знание – это были регистры, используемые местной администрацией для установления размера ежегодного налога индивидуального налогоплательщика. То же касается рекрутских списков или приходских регистров, поскольку и они использовались для очень специфичных местных целей, и лишь много позже стали использоваться как источники демографических сведений. Это относится даже к кадастрам, т.е. к централизованным налоговым регистрам, появившимся в конце XVII в., чтобы стандартизировать уровень налогообложения, хотя потенциально кадастры давали правительствам представление о территориальных налоговых доходах и были предназначены, прежде всего, служить инструментом административной практики. Тем не менее, кадастры и другие централизованные формы сбора административных данных были важной основой для возникновения статистики. Они тренировали государственных чиновников в сборе информации и укрепляли идею однородной (или потенциально однородной) государственной территории, ресурсы которой могут быть подвергнуты мониторингу и подсчету.

II

Решающим поворотным моментом от административного сбора данных к статистике в современном смысле стало устремление к систематическому и исчерпывающему знанию об экономических и демографических ресурсах государства. Это устремление, в свою очередь, было

следствием концепций «политической экономии», понятия о сложной и динамичной экономике территории, которая может и должна контролироваться и управляться государством. Эта идея была рождена во второй половине XVII в. в ходе совершенствования и развития прежней идеи «меркантилизма», учения, которое также продумывало вопросы территориальной экономики, но только в понятиях ее торгового баланса с другими странами, а не собственной экономики, развивающейся в результате сложного и динамичного взаимодействия разных типов производства и потребления. Следовательно, в то время как «меркантилисты» были заинтересованы в населении и данных о нем только для целей налогообложения и набора рекрутов, «политические экономисты» рассматривали население как фактор экономики, т.е. они рассматривали не просто экономическую, а демо-экономическую систему. Именно концепции «политической экономии» породили новый интерес к массовым экономическим и демографическим данным, которые можно сгруппировать по таким категориям, как «население», «производство» и «потребление» с тем, чтобы понять их взаимодействие и динамику, и таким образом быть в состоянии контролировать работу системы в целом³.

Следовательно, в непосредственной связи с ранними моделями «политической экономии» обнаруживается генезис «политической арифметики» как идеи и метода приложения математики к политике, а именно идеи квантификации экономических и социальных феноменов и использования результата для дальнейших сравнений и подсчетов. Под прямым влиянием естественных наук, поставивших в XVII в. эмпиризм и методологию выше общепринятой мудрости, Джон Граунт и Уильям Петти в Англии, потом Вобан, Лейбниц и др. начали квантифицировать и подсчитывать демографические и экономические структуры и явления. основополагающий труд Джона Граунта вышел в 1662 г. под названием «Естественные и политические наблюдения, сделанные над списками смертности»⁴. Это выделение полезно для понимания двоякого восприятия метода. С одной стороны, «естественные наблюдения», а именно теоретические демографические подсчеты, предпринятые Граунтом, были быстро подхвачены и развиты британскими, голландскими, немецкими, а позднее шведскими и французскими учеными – этот аспект активно разрабатывался в истории статистики⁵. «Политические

³ Об эпистемологической связи между генезисом «политической экономии» и «политической арифметикой» см.: Poovey. 1998. P. 120 ff.

⁴ Graunt. 1662.

⁵ См., например: Rusnock. 2002.

наблюдения», с другой стороны, есть систематическое политическое использование количественных демографических и экономических данных и подсчетов, защищаемое Граунтом, Петти и др., что в большой мере игнорировалось правительствами по обе стороны Ла Манша в течение многих десятилетий. Если оставить в стороне спорадические, рудиментарные и изолированные попытки их внедрения в Швеции и Пруссии, то можно сказать, что «политическая арифметика» стала широко, постоянно и в растущем масштабе применяться не ранее 1760-х гг., особенно в германских государствах и во Франции. В основании этой хронологии лежало отложенное, но массовое восприятие концепций «политической экономии» в это время и в этих странах.

Представляется, что катализатором этого «взлета» экономического и статистического мышления в политике стала Семилетняя война (1756–63), подорвавшая государственные бюджеты и экономики по обе стороны Рейна, ставшая спусковым крючком для поиска новых моделей создания экономической стабильности и роста – моделей, которые были представлены концепцией «политической экономии», в особенности новейшими формами камерализма в Германии и физиократии во Франции⁶. Вместо фокусирования меркантилистов на внешнеторговом балансе и потоке драгоценных металлов в страну и из нее, физиократы и камералисты сконцентрировались на экономических механизмах внутри страны. Они понимали экономику как сложную организацию сельскохозяйственной, промышленной и других форм коммерческой деятельности и больше фокусировались на производстве, чем на торговле. Вследствие этого экономический рост рассматривался как возможный и желанный независимо от торгового баланса. И физиократы, и камералисты связывали экономический рост с продуктивностью сельского хозяйства, рассматриваемой как основа для промышленной и коммерческой деятельности и для процветания населения. Наконец, последняя, но не по значению, общая черта – обе системы подчеркивали важность действий государства для обеспечения экономического роста.

III

В то же время были существенные различия в понимании того, как государство должно вмешиваться в экономику и как, следовательно, должна осуществляться информационная политика. Камерализм был более традиционным: он продолжал идеи *Gute Policey* (хорошей политики), благоприятствуя прямому и, если необходимо, детальному вме-

⁶ Для более детального сравнения этих двух концепций и их пригодности для развития ранней статистики см.: *Behrlich*. 2008b.

пательству, в соответствии с особыми обстоятельствами времени и места, и, тем самым, он подталкивал правительства и администраторов подсчитывать экономические и демографические ресурсы своих территорий. В результате, все больше германских государств, обращаясь к камерализму, обещавшему новый план спасения их экономики и бюджетов, с 1760-х гг. часто проводили что-то вроде «переписей», подсчитывая и сортируя население по таким категориям, как возраст, пол, профессия и т.д., а также собирая данные об аграрной и промышленной экономике. Базируясь отчасти на таких «переписях», а отчасти на прежних административных формах сбора данных (налоговые реестры, кадастры, приходские регистры) правительства и администрации приступили к различным, более или менее успешным попыткам синтеза, сравнения и подсчета полученных цифр, с целью анализа экономической и демографической ситуации в их владениях и для дальнейшего планирования и принятия решений на квантитативной основе.

Приведем один пример. В 1788 г. местный администратор (Амтманн) из маленького графства Липпе на северо-западе Германии извлек данные из разных источников, в том числе территориальной переписи, проведенной в 1776 г., и налогового кадастра, составление которого завершилось в 1788 г., чтобы сравнить рост населения, с одной стороны, и количество станков, используемых сельскими ткачами, с другой⁷.

Хотя его обзор далек от утонченных подсчетов, с которыми мы ассоциируем статистику сегодня, он отлично подтверждает то более узкое назначение статистики, о котором речь шла выше, а именно квантификация с целью получить новый вид общего знания как основу для планирования и государственного вмешательства. Амтманн утверждал, что заметный рост населения (=A. Volksmenge), начавшийся уже с довольно высокого уровня, в одном из районов, а именно в округе (=Vogthei) Лаге соответствовал изначально высокому и увеличившемуся числу использовавшихся там станков (=B. Weberstuhle). Такую корреляцию он считал доказательством того, что будет правильно поддерживать и субсидировать приобретение крестьянскими хозяйствами станков для стимулирования роста населения. Амтманн показывал, что это будет сопровождаться ростом уровня благосостояния, добавляя цифры о количестве лошадей и скота в Лаге, которые тоже существенно выросли за рассмотренный им двенадцатилетний период.

⁷ Landesarchiv Nordrhein-Westfalen, Staats- und Personenstandsarchiv Detmold, L 92 A Tit. 61 Nr. 15, p. 126.

Внешне простые арифметические операции и форма их представления были результатом долгого и сложного процесса познания, через который прошел Амтман. Прежде всего, требовалось понять, как цифры могут быть использованы и сопоставлены для получения нового знания и понятных аргументов. Так, первоначально Амтман приводил цифры без ясной формулировки цели или результата⁸. Очевидно, что не только получение новых данных помогло администратору лучше использовать аргументы квантитативного характера, как это следовало бы из позитивистской интерпретации. Большую роль сыграла вовлеченность в новый дискурс политической статистики, к которому его и других подтолкнули сочинения камералистов, а также участие в сборе, интерпретации и обсуждении данных от имени правительства. Принимая активное участие в этой деятельности, местные администраторы, в свою очередь, способствовали продвижению и осуществлению статистического дискурса⁹. Доказательством этого служит и то, что сам Амтман гордо использовал впервые термин «политические цифры» (*Politische Zahlen*¹⁰) для определения продукта своего статистического рвения – термин, «выдающий» его непосредственное знакомство с концепцией «политической арифметики».

Приведенная таблица (см. рис. 1) – это часть доклада об экономическом развитии его региона, составлявшегося Амтманном каждый год. Тем не менее, он предпочел отвести под таблицу отдельный лист, чтобы граф, с жадностью читавший административные доклады, мог вынуть его и, по словам самого Амтманна, оценить ситуацию «с одного взгляда»¹¹. Амтманн был убежден, что для графа «будет огромным удовольствием узнать из этих цифр с точностью о ежегодном увеличении благосостояния его подданных»¹². Граф Липпе и в самом деле страстно желал ознакомиться со статистикой: к 1780-м гг. он и другие главные политические и административные деятели графства пришли к тому, чтобы считать статистику наиболее надежным и эффективным средством информации и коммуникации. В то же время цифры и таблицы подкрепляли представление о местной экономике, создаваемое на основе таких параметров, как количество станков, ткачей или голов скота. Это новое представление, в свою очередь, легитимировало политические действия, вызванные этими реальностями, например, систематическое поощрение покупки станков.

⁸ См.: *Behrisch*. 2004.

⁹ See: *Behrisch*. 2006.

¹⁰ *Landesarchiv Nordrhein-Westfalen...*, p. 124r.

¹¹ “zur geschwindern Übersicht”, *ibid*.

¹² “[...] die lebhafteste Freude sey, aus solchen Zahlen das jähr[liche] [Vor]rücken des Wohlstandes der Untertanen mit Gewisheit zu erfahren”, *ibid*.

IV

Учение французских физиократов было более абстрактным, оригинальным и амбициозным, чем камерализм. В отличие от последовательно прагматичной немецкой версии «политической экономии» оно было полно французского *духа*. Но в отличие от камерализма оно было высокомерным и элитарным. Убежденные в том, что они дали анализ ситуации раз и навсегда, физиократы точно предписывали правительству, что делать. В отличие от камералистов физиократы нарушали традицию *Bonne police* (хорошей политики) тем, что презрительно относились к деятельности местных администраторов. Для стимулирования производительности сельского хозяйства физиократы выступали за радикальную либерализацию торговли, особенно зерновой, и за переделку системы налогообложения с целью введения единого налога на доходы землевладельцев. Физиократы полагались больше, чем камералисты, на *laisser-faire*, но в то же время, чтобы обеспечить первенство сельского хозяйства, были готовы напрочь другие отрасли промышленности, ограничивать демографическую мобильность и использовать налогообложение как инструмент непрямого регулирования. Они не столько отвергали государственное вмешательство, сколько стремились к тому, чтобы оно было централизованным и систематичным, устанавливая некий единовременный распорядок действий для правительства, а не гибкие формы ежедневных решений для провинциальных и даже местных администраторов, как это делали камералисты.

Эти различия в уровне абстрагирования, следовательно, в уровне единообразия в политических и административных действиях, вели к более абстрактному и общему использованию цифр и подсчетов. Вместо того, чтобы подталкивать администраторов к квантификации объектов, относившихся к их непосредственному действию, физиократы создавали и продвигали расчеты, призванные показать, в том числе, относительную отсталость французского сельского хозяйства с тем, чтобы обосновать необходимость перезапустить его. Или, как это ни парадоксально, доказывали наличие излишка продукции зерна над его потреблением с тем, чтобы обосновать призыв к свободе зерновой торговли. Физиократы использовали общие цифры и подсчеты, основанные на методах экстраполяции с целью защитить свою теорию, а не с тем, чтобы оценивать конкретные ситуации, как это было с камералистами. В связи с таким подходом, а также в связи с размерами и политической и административной гетерогенностью Франции там не предпринимался сколько-нибудь обширный сбор данных о населении или экономике (и не было общего кадастра). Однако постепенно дебаты о доктринах фи-

зиократов и других экономистов стимулировали не так бросающиеся в глаза, но постоянно расширявшиеся замороженные сборы данных. И этот процесс был упущен историками вследствие того, что и во Франции его следы можно обнаружить только в архивах (причем только в региональных архивах, поскольку фонды министерства финансов и экономики были уничтожены во время революции). Эти продолжавшиеся усилия нашли отражение, среди прочего, в цифровых докладах об урожаях накануне революции (см. илл. 1).

Итак, вопреки немецкому опыту «от подсчетов к расчетам» французы следовали «от расчетов к подсчетам». Однако в обеих странах мы наблюдаем постоянное движение в направлении квантификации фактов и аргументов, процесс, питаемый общей заинтересованностью правительств и администраторов в систематическом планировании, имеющем целью долговременную экономическую экспансию и рост.

V

И во Франции, и в Германии в последней трети XVIII в. имел место непрерывный процесс, направленный на восприятие мира средствами статистики, предшествовавший образованию статистических бюро в начале XIX в. В обоих случаях мы наблюдаем постепенное внедрение идеи квантификации и расчета экономических и социальных реальностей, причем не только в образованных кругах и в правительствах, но и в широком кругу администраторов и у части читающей публики. Существовали яркие различия между Францией и Германией (особенно такими небольшими владениями, как Липпе) в степени участия местных администраторов в зарождающемся статистическом дискурсе, но и во Франции они были вовлечены в выработку методов получения количественного материала и в интерпретацию уместности имеющихся цифр, особенно в свете дебатов по поводу доктрин физиократов.

Время возникновения статистического мышления в политике не было случайным: вторая половина XVIII в. была во многих отношениях переломным временем, временем воплощения (по меньшей мере, на континенте) особой политической культуры, известной как «просвещенный абсолютизм», отличавшейся часто противоречивым сочетанием (относительно) авторитарных режимов с «просвещенной», т.е. светской и утилитарной рациональностью. Частью влияния Просвещения был методичный, если было возможно, математический подход к природе и человеческому обществу. Другим следствием просветительской «повестки дня» стала с 1760-х гг. устремленность к интенсификации экономического роста, следовательно, к политизации экономической сферы. На этом двойном фундаменте статистика неизбежно становилась востребованной.

Математические методы официальной статистики XVIII в. не были изощренными. Они основывались на простой корреляции сумм: количество рождений сравнивалось с количеством смертей на данной территории, количество жителей – с объемом зерна, произведенном в том или ином году. Тем не менее, такие операции, при всей их очевидной простоте, помогали распространять новое восприятие объектов и целей политики.

В Германии и во Франции, квантификация, таблицы и подсчеты преследовали цель произвести и на деле производили новый вид знания о таких до тех пор абстрактных понятиях, как население и демографический рост, сельскохозяйственная продукция и потребление и т.д. Делая эти понятия видимыми, следовательно, реальными, статистика стимулировала государства к действиям по отношению к ним. Сравнивая демографические данные или продукцию экономики разных регионов в разные годы, она нацеливалась на развитие и рост. Поскольку переписи ставили категории возраста, пола и профессии, а значит, репродуктивную и производительную ценность индивида, выше таких традиционных категорий, как сословная принадлежность, вера и собственность, они способствовали утверждению функционального, а не иерархического взгляда на общество. Высвечивая то, что может быть подсчитано, измерить и сравнить в пространстве и во времени, и оставляя в стороне все иное, статистика поставила единообразие над различиями, динамику над сохранением, она выделяла производительность, эффективность и рост и провозглашала возможность и даже необходимость действий человека (государства), направленных на достижение этих целей.

Можно сделать в заключение и еще один шаг. Иногда переоцениваемой, но важной чертой «просвещенного абсолютизма» было искреннее намерение достигнуть благосостояния подданных ('Glückseligkeit', 'felicite publique'). Побуждаемый государством экономический (или демографический) рост благоприятен не только для его могущества, но также – в разной степени в разных контекстах – для счастья подданных, уже не в религиозном, а в мирском, материальном смысле. Секуляризация ответственности правителя перед подданными, от духовного к материальному счастью, придала статистике новое обаяние как способу секуляризации, но и как способу Спасения, и снова – как коллективному и догматическому виду Спасения. Именно в этом смысле еще один администратор из Липпе считал возможным «сосчитать как бы ежегодную сумму счастья и довольства подданных»¹³. Эта перспектива Спасения, созданного руками

¹³ "[...]die Summe von Glück und Zufriedenheit jährlich gleichsam zu berechnen". Landesarchiv Nordrhein-Westfalen..., p. 173 r. (1791).

человека, была и остается мощной идеологической подоплекой статистики, тем более сильной, что проявляется как бы ненамеренно, а как следствие присущего статистике потенциала генерировать структурные длительности и логики в пространстве и во времени. Этот подтекст также способствует волшебству статистической «алхимии», которая не только ведет к расколдовыванию мира (в смысле М. Вебера¹⁴), но чудодействует при помощи новой магии утилитарного рационализма экономической эффективности и роста. Попытка проследить исторические корни статистики напоминает: мы не в меньшей степени, чем наши предки, пленники созданных людьми концепций, и возможно, что мы не более рациональны в нашем материальном мире, чем монах в его духовном.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Behrlich, Lars.* „Politische Zahlen“. Statistik und die Rationalisierung der Herrschaft im späten Ancien Régime // *Zeitschrift für Historische Forschung.* 31 (2004).
- Behrlich, Lars.* Agrarian Statistics in late Ancien Régime France and Germany // Nadine Vivier (ed.), *The State and Rural Societies. Policy and Education in Europe 1750-2000.* Turnhout 2008a.
- Behrlich, Lars.* Zahlen machen Räume: Landwirtschaftsstatistik und Raumwahrnehmung in der Grafschaft Lippe im späten 18. Jahrhundert // Behrlich (ed.), *Vermessen, Zählen, Berechnen. Die politische Ordnung des Raums im 18. Jahrhundert.* Frankfurt a.M./New York, 2006.
- Behrlich, Lars.* Zu viele Informationen! Die Aggregierung des Wissens in der Frühen Neuzeit // Arndt Brendecke/Markus Friedrich/Susanne Friedrich (eds.), *Information in der Neuzeit Frühen. Status, Bestände und Strategien.* Münster, 2008b.
- Desrosières, Alain.* Décrire l'État ou explorer la société: les deux sources de la statistique publique // *Genèses.* 58 (2005)
- Graunt, John.* Natural and Political Observations made upon the Bills of Mortality. L., 1662. Landesarchiv Nordrhein-Westfalen, Staats- und Personenstandsarchiv Detmold, L 92 A Tit. 61 Nr. 15.
- Poovey, Mary.* A history of the modern fact: Problems of knowledge in the sciences of wealth and society. Chicago.
- Rusnock, Andrea A.* Vital accounts. Quantifying Health and Population in Eighteenth-Century England and France. Cambridge, 2002.
- Scott, James C.* Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed. New Haven, 1998.
- Weber, Max.* Wissenschaft als Beruf // Gesamtausgabe. Vol. I/7. Tübingen, 1992.
- Ларс Бехриш (Lars Behrlich),** доцент Утрехтского университета (*Universiteit Utrecht, Faculteit Geesteswetenschappen, Departement Geschiedenis en Kunstgeschiedenis*); l.behrlich@uu.nl

¹⁴ *Weber.* 1992. P. 87.

Département

RÉCOLTE DE 1788.

DÉNOMINATION DES CANTONS.	BLÉ.		SEIGLE.		OBSERVATIONS
	NOMBRE DE GERBES, recueillies sur un Arpent, mesure de Paris.	PRODUIT EN GRAINS, du nombre de GERBES ci-contre, calculé par livre pefant.	NOMBRE DE GERBES, recueillies sur un Arpent, mesure de Paris.	PRODUIT EN GRAINS, du nombre de GERBES ci-contre, calculé par livre pefant.	
Riom & environs	1106	1350	1230	1686	Le Bureau d'agriculture de Riom observe que dans Courant de l'année 17 139. Collette des four Département, il y en a Le quart qui est le pay gèle. & que l'année de Météorologie de l'année de favorable aux semailles parisien. /
Maringues & environs	570	1016	570	1016	
Polsie & environs			310	709	
Stier & environs			380	894	
bermeut & environs			61	204	

En 1788, il a été tenu le plus d'un tiers de gerbes de froment de plus
il a été fait presque d'un tiers que le poids de froment de
En 1788, il a été tenu le plus d'un tiers de gerbes de seigle de plus
le plus d'un tiers que celui de l'année de 1788.

C. U. U. U.

130
126

L 32 A 7764 No 15 1788

Tabellarische Übersicht

des bey der Zählung Mann Jhr 1776
und 1788, im Amte Schönbühl
gefundenen

<u>A. Schönbühl</u>		de 1776	1788	plus
1)	St. Michael	2667.	2995	- 278
2)	Schönbühl	1509	1676	- 167
3)	Gröden	2127	2370	- 243
4)	Lage	2752	3836	- 1104
		<u>9055</u>	<u>10821</u>	<u>1792</u>

<u>B. Schönbühl</u>				
1)	St. Michael	112	106	
2)	Schönbühl	39	16	
3)	Gröden	49	41	
4)	Lage	185	312	
		<u>385</u>	<u>475</u>	<u>90</u>

<u>St. Michael Schönbühl Lage</u>				
St. Michael	387	507	150	
Lage	1539	2095	556	
Schönbühl im Schönbühl 1788				

für Statist. d. Schönbühl.
Königs.

Илл. 2.

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В. П. БОГДАНОВ

«КРАПИВЕННОЕ СЕМЯ»

ЧИНОВНИЧЕСТВО И РОССИЙСКАЯ САМОРЕФЛЕКСИЯ

Рассматривая образы чиновников в русской литературе XVIII – начала XX в., автор пытается проследить исторические истоки негативного отношения русского общества к служителям государства. В статье формулируется вывод о том, что чиновники необходимы для отечественной картины мира, поскольку именно на них народ списывает собственные негативные качества.

Ключевые слова: чиновничество, бюрократия, русская литература.

«Настоящий мужчина состоит из мужа и чина».
А. П. Чехов

Ругать злоупотребления чиновников – национальная русская черта¹. Эта категория населения, начавшая формироваться еще в XVIII–XIX вв., превратилась в главный механизм правительственной политики и в обширный социальный слой². Многочисленные прозвища, зафиксированные классической литературой и народными поговорками (крючкотворы, мздоимцы, взяточники), это подтверждают. Причем сам термин «крапивное семя»³ имеет двоякое значение. Во-первых, это явный намек на большое количество чиновников. Известно, что крапива – трава, которая необычайно легко распространяется. Во-вторых, «крапивником» называли пригульного ребенка, незаконнорожденного⁴. Называя «крапивным семенем» чиновников, люди XVIII–XX вв. подчеркивали, что те являются чем-то чуждым, не имеющим корней.

Рассмотрим образ чиновника в русской классической литературе. До Октябрьской революции (а в значительной степени даже в советское время) литература осуществляла не только образно-эстетическое отражение действительности, но познание и осмысление ее, совмещая в себе

¹ См., напр.: Взятка как способ существования // Санкт-Петербургские ведомости. 13.03.2009. Вып. № 044.

² *Троицкий*. 1974. С. 3.

³ Этот термин фигурирует в рассказе И. С. Тургенева (написан в 1875 г.), в романе А. И. Эргеля «Гарденины» (впервые издан в 1889 г.), в работе Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли» (1-й том вышел в 1914 г.).

⁴ См., напр.: «Крапивник – пригульный ребенок» (*Даль*. 1881. С. 185).

функции и философии, и гуманитарного знания вообще⁵. В историографии до сих пор нет однозначного решения вопроса в пользу привлечения литературных произведений как исторических источников⁶. Один из аргументов против их привлечения состоит в том, что они якобы не дают системную информацию. Б. Н. Миронов высказал предположение, что писатели ... **намеренно преувеличивали недостатки русской бюрократии** (выделение автора – *В. Б.*) по той простой причине, что их цель, ... состояла в том, чтобы опорочить ее и косвенно дискредитировать верховную власть»⁷. Для доказательства правомочности использования произведений художественной литературы в качестве исторических источников следует на их основе рассмотреть некую систему. Таковой была (применительно к нашей теме) табель о рангах.

Чиновничьи образы будут рассмотрены не только по рангам, но и по хронологическому принципу. В некоторых случаях литературные произведения имеют конкретные временные привязки (как, например, большинство романов Тургенева). Если действие происходит в современное описанию время, то в скобках рядом с названием произведения будут указаны даты его написания. Сопоставление литературных произведений с историографическими наработками проведено по наиболее авторитетным исследованиям: книге П. А. Зайончковского⁸, рассматривающей на основе большого источникового комплекса бюрократический аппарат Российской империи в XIX в., и Ю. А. Федосюка⁹, анализирующей литературные произведения в контексте эпохи, в которой они были созданы, а также фундаментального исследования Б. Н. Миронова по социальной истории России¹⁰. В методологическом плане существенную помощь оказали наблюдения Е. Н. Цимбаевой¹¹.

* * *

⁵ Кондаков. 1997; Зарубина. 2003. С. 101.

⁶ В этом плане примечательно следующее замечание А. К. Соколова: «Признавалось, что в любом художественном произведении содержится некая доэстетическая данность из области политики, экономики, социальной жизни, но считалось, что под воздействием художественных приемов она настолько деформируется, что перестает быть источником для научно-исторических исследований. В среде профессиональных историков... сложился взгляд, что история – это одно, а искусство – совсем другое». Соколов. 2004. С. 360.

⁷ Миронов. 1999. Т. 2. С. 173.

⁸ Зайончковский. 1978.

⁹ Федосюк. 2001.

¹⁰ Миронов. 1999.

¹¹ Цимбаева. 2005.

Как правило, начинавший с нуля чиновник, не связанный родством и свойством с кем-либо из вышестоящих, не мог мечтать о занятии высоких должностей. Потомственным дворянам было гораздо проще. Например, герой романа «Анна Каренина» князь Стива Облонский «родился в среде тех людей, которые были и стали сильными мира сего. Одна треть государственных людей, стариков, были приятелями его отца и знали его в рубашке; другая треть были с ним на «ты», а третья треть были хорошие знакомые; следовательно, раздаватели земных благ в виде мест, аренд, концессий и тому подобного все были ему приятелями... Ему бы смешно показалось, если б ему сказали, что он не получит места с тем жалованием, которое ему было нужно...» [Толстой Л. Н. Анна Каренина. Т. I. Ч. 1. Гл. 5]. Использование родственных связей «в те времена считалось не позором, а важной привилегией дворянства, завоеванной для них поколениями предков»¹³. Между Молчалиным и Фамусовым «Горя от ума» (1824 г.) А. С. Грибоедова, как и между Башмачкиным и «значительным лицом» в «Шинели» (1839 г.) Н. В. Гоголя лежит огромная пропасть. Различие заключается в том, что крупные чиновники – это потомственные дворяне. Даже в 1903 г., на заре имперской России 100% губернаторов и 93,7% вице-губернаторов были потомственными дворянами. 60,4% председателей казенных палат, 60,9% управляющих акцизными сборами и 100% председателей судебных палат и окружных судов происходили из потомственных дворян¹⁴.

В то же время между крупными и мелкими чиновниками нет непроходимой грани. Теоретически дорога в высшие бюрократические эшелоны открыта всем. Конечно, многие чиновники и не стремились к продвижению, оставаясь в одних и тех же чинах всю жизнь, но служебная лестница была реальной возможностью для большинства достичь того, что меньшинство имело по рождению (имеется в виду дворянское звание и вытекающие отсюда привилегии). Так, помещица Уланбекова в пьесе Островского «Воспитанница» (писалась в 1855–1858 гг.), мечтающая, чтобы сын ее стал военным, сокрушается, что, окончив университет, он получит мелкий гражданский чин: «Когда он окончит курс, ему дадут такой же чин, какой дают приказным из поповичей! На что это похоже? В военной службе, особенно в кавалерии, все чины благородны; даже юнкер – уж сейчас видно, что из дворян. А что такое гу-

¹² Ссылки на литературные произведения даются за цитатой в скобках с указанием части и главы или действия и явления. В случае больших глав будет принята следующая система конкретизации: нач. (начало), сер. (середина), кон. (конец).

¹³ Цимбаева. 2005. С. 30.

¹⁴ Зайончковский. 1978. С. 213–220.

бернский секретарь или титулярный советник? Всякий может быть титулярным советником, и купец, и семинарист, и мещанин, пожалуй» [*Островский А. Н.* Воспитанница. II, 3].

Прежде чем получить чин, нужно было прослужить на низших канцелярских должностях. Канцелярские служители первого разряда (дети потомственных дворян) получали классный чин через 2 года, второго (дети личных дворян, купцов 1-й гильдии и духовенства) – через 4 года, третьего (дети «приказнослужителей», купцов 2-й и 3-й гильдии) – через 5 лет, четвертого (дети мещан и лиц, вышедших из податных сословий) через 12 лет. Главному герою повести Н. С. Лескова «Детские годы» (1874 г.) пророчат такое начало карьеры: «Вам будет двадцать пять лет... и вы будете чином коллежский регистратор, это еще чуть-чуть не китайский император: с такими началами черт бы ее побрал, госпожу службу!» [*Лесков Н. С.* Детские годы, 34].

Сроки выслуги для получения первого чина по табели о рангах были установлены для тех, кто не окончил какого-либо учебного заведения. Те же, кто оканчивал университеты или семинарии сразу же по вступлению на службу получали классный чин¹⁵.

Взятого на службу человека, еще не имеющего чина, сажали на должность переписчика. В «Былом и думах» А. И. Герцен описывает начало своей деятельности в Вятке, куда он приехал в 1835 г.:

- ...забыл спросить, как вы пишете?
- Я сразу не понял.
- Ну, то есть почерк.

[*Герцен А. И.* Былое и думы. I, 14].

Такому же «экзамену на почерк» подвергается молодой провинциал Александр Адуев, приехавший в конце 1830-х гг. в Петербург, чтобы делать карьеру [*Гончаров И. А.* Обыкновенная история. III, 2]. Приехавшему в Петербург герою романа «Идиот» (1868) Ф. М. Достоевского князю Мышкину генерал Епанчин также устраивает экзамен на почерк. «Смейся, смейся, – говорит он Гане Иволгину, видя красивый почерк обедневшего аристократа, – а ведь тут карьера» [*Достоевский Ф. М.* Идиот. III]. После этого он обещает устроить Мышкина писцом с хорошим окладом. В рассказе А. П. Чехова «Восклицательный знак» (1885 г.) Перекладин прямо говорит: «Да у нас никакого образования не требуется, пиши правильно, вот и все...». Впрочем, заниматься переписыванием документов можно было и «в чинах». Пример этому – герой повести Н. В. Гоголя «Шинель» (1839 г.) титулярный советник (IX ранг)

¹⁵ *Зайончковский.* 1978. С. 34–35.

Акакий Акакиевич Башмачкин, упомянутый Перекладин – коллежский секретарь (X ранг). Составление документов (а не переписывание их) было более ответственным делом и далеко не всем оно было под силу. Акакий Акакиевич, например, так и не сумел «переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье... С тех пор оставили его навсегда переписывать».

Начиналась служебная лестница с *коллежского регистратора*. Для производства в первый чин (XIV класса) требовалось сдать экзамен в объеме программы уездного училища. В рассказе Чехова «Экзамен на чин» (1884 г.) старика Фендрикова, прослужившего 21 год на почте, заставляют сдать экзамен на первый классный чин – коллежского регистратора. Несмотря на слабые ответы, чин ему дан, но Фендриков терзается тем, что зря выучил стереометрию, которой в программе вовсе и не оказалось. Чин XIV класса был равен армейскому чину прапорщика (до 1884 г.). Как и другие чины, он давал свободу от телесных наказаний и должен был бы ограждать от рукоприкладства. Недаром, его называли: «Чин не бей меня в рыло» Однако это название далеко не всегда соответствовало действительности, что отражено в рассказе Н. С. Лескова «Смех и горе», в котором речь идет о самом начале XIX в.:

– Так ты даже не читал (имеется в виду подорожную – В. Б.)? Ты даже не знаешь, кто я? А небось ты четырнадцатым классом, каналья, пользуешься?

– Пользуюсь, вашевысокопревосходительство.

Оплеуха.

– Чин: «не бей меня в рыло» имеешь?

– Имею-с.

– Избавлен по закону от телесного наказания?

– Избавлен-с.

– Так вот же, не уповай на закон! Не уповай!

И посыпались пощечины за пощечиной; летели они градом, дождем, потоком; несчастный смотритель только что поднимался, как, падал снова на пол».

[Лесков Н. С. Смех и горе. VII].

Литературные герои, носящие этот чин, – выходцы «из низов» (подобно чеховскому Фендрикову). Многие из них оставались в этом чине всю жизнь, в частности герой пушкинского «Станционного смотрителя» (1831 г.) Самсон Вырин. Для детей состоятельных родителей чин коллежского регистратора, как первая ступень служебной лестницы, был коротким жизненным эпизодом: давая Хлестакову чин коллежского регистратора, Н. В. Гоголь желал подчеркнуть молодость и несолидность своего героя и тем самым недалекость уездных чиновников, поверивших «Сосулке, тряпке... вертопраху». Слуга Осип презрительно отзывается о своем хозяине: «Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой!». Гоголь подметил одну любо-

пытную черту: сложное название народ переиначил в презрительное Елистратишка (Елистрат – просторечная форма имени Евстрат).

Выслуга между XIV и XII рангами (предусмотренные «Табелью о рангах») гражданские чины XIII класса к концу XVIII в. практически вышли из употребления) составляла 3 года. Следующим чином после коллежского регистратора был *губернский секретарь*, соответствовавший армейскому чину поручика. Чин также не пользовался уважением (вспомним слова Уланбековой). Герой повести В. А. Соллогуба «Тарантас» (1840) чиновник XII класса в отставке жалуется на Москву: «...Здесь только что спрашивают, какой у тебя чин. Скажешь: губернский секретарь – никто на тебя и смотреть не хочет» [Соллогуб В. А. Тарантас. 1]. В общественном мнении этот чин вполне достижим даже для непривилегированных сословий. В одном из рассказов Лескова священник отзывается о губернном секретаре: «Чинишко паршивый»¹⁶. Сыну священника, не окончившему какого-либо учебного заведения его можно было достичь за семь лет службы, а окончившему – за три.

Для производства из XII класса в X (чин XI класса – корабельного секретаря – быстро вышел из практики) требовалась выслуга также в три года. Следующий за губернным секретарем чин – *коллежский секретарь*, соответствовал армейскому штабс-капитану. Чин этот давался по окончании высших учебных заведений. Его присвоили Пушкину по окончании Лицея в 1817 г., с него он и начал служить у Инзова, Раевского, а потом у Воронцова, пока в 1824 г., отправленный в ссылку, не был «отставлен от службы». Пушкин писал о Воронцове: «Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думал о себе что-то другое». И в этом он был прав: Коробочка в «Мертвых душах» (1835–1841) именуется коллежской секретаршей (т.е. она была вдовой коллежского секретаря), аферист Кречинский в «Свадьбе Кречинского» Сухова-Кобылина (написана в 1854 г.) представляется коллежским секретарем. В обывательском сознании этот чин ассоциировался с началом продвижения по службе. Герой рассказа Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (написан в 1882–1886 гг.) вышел из Училища правоведения «десятым классом» (как раз коллежским секретарем), а умер тайным советником, т.е. за свою карьеру продвинулся на семь рангов. Несоответствие самоназвания с представлениями окружающих высмеивается в рассказе Чехова «Новая дача» (1903): «У него на фуражке кокарда, говорит и кашляет он, как очень важный чиновник, хотя состоит только в чине коллежского секретаря, и когда мужики ему кланяются, то он не отвечает».

¹⁶ Федосюк. 2001. С. 95.

Закончить службу в этом чине означало прервать служебную карьеру на полдороге или не иметь никаких способностей для дальнейшего продвижения. До коллежского секретаря дослужился гончаровский Обломов (роман «Обломов» написан в 1859 г.), после чего ушел в отставку. Герой другого романа Гончарова «Обрыв» (1869) Райский, не сделавший ни военной, ни гражданской карьеры, значится «отставным коллежским секретарем». Герой рассказа «Помещик» (издан в 1886 г.) из «Мелочей жизни» Салтыкова-Щедрина «как вышел из заведения коллежским секретарем, так и теперь коллежский секретарь».

Производство из X класса в IX также осуществлялось через три года. Чин *титулярного советника* равен армейскому капитану и соответствует IX классу. В «Записке одного молодого человека» (1840–1841) А. И. Герцен приводит забавный случай. Выпускник университета, вступивший на службу с чином титулярного советника, оказался в обществе, где были в том числе «какой-то старик подслепый, с Анной в петлице нанкового сюртука, отставленный член межевой конторы; какая-то бледная семинарская фигура с тем видом решительного идиотизма, который мы преимущественно находим у так называемых «ученых», – и в самом деле, это был учитель малиновской гимназии» [Герцен А. И. Записка одного молодого человека. Гл. Патриархальные нравы города Малинова]. И тот и другой оказались в чине IX класса. Между ними тремя состоялся следующий разговор:

Межевой член, поднося мне табатерку, спросил:

– ...ежели смею спросить, имеете чин?

– Титулярный советник.

– Боже мой! – сказал он с видом глубокого оскорбления. – Я думаю, вы не родились, а я уже был помощником землемера при генеральном межевании, – и мы в одном чине! Хоть бы при отставке дали ассессора! Един бог знает мои труды! Да за что же вас произвели в такой ранг?

Мне было немножко досадно; однако, уважая его лета, я ему объяснил университетские права. Он долго качал головою, повторяя:

– И служи после этого до седых волос!

В то время, когда участник генерального межевания страдал от университетских прав, учитель гимназии принял важный вид и самодовольно заметил, что и он, на основании права лиц, окончивших курс в одном из высших учебных заведений, состоит в девятом разряде, протянул мне руку, как гражданин *geipublicae litterarum* своему согражданину.

Таким образом, титулярными советниками могли стать «подслеповатые старики с Анной в петлице», десятилетия отдавшие службе, и только начинающие карьеру молодые люди. До 1845 г. чин титулярного советника был последним перед чином, который давал право на потомственное дворянство (после 1845 г. эта планка стала еще выше), поэтому на пути к

нему лежала незримая преграда, преодолеть которую недворянину было крайне трудно. Большинство титулярных советников навеки оставались в этом чине, не рассчитывая на большее (как пожилой собеседник Герцена); их называли «вечными титулярными советниками», а насмешливо – шустряками или титуляшками. Фигуры «безродных» титулярных советников, бедных и забытых, в литературе встречаются часто: гоголевский Башмачкин («Шинель») ¹⁷, отставной пристав Поярков в одноименной повести П. И. Мельникова-Печерского (1857), Макар Девушкин в «Бедных людях» (1846), Мармеладов в «Преступлении и наказании» (1865–1866) Достоевского. Иного плана титулярный советник Федор Павлович – отец братьев Карамазовых (1881): как потомственный дворянин и богатый человек за службу он не держался. Но среди литературных персонажей, имеющих чин титулярного советника, есть едва ли не самый положительный представитель литературного чиновничьего мира – доктор Дымов, центральный персонаж «Попрыгуньи» (1891) А. П. Чехова. Ко всем чиновникам с XIV по IX класс, то есть начиная с коллежского регистратора и кончая титулярным советником, следовало обращаться «ваше благородие» ¹⁸.

Получить чин VIII класса, *коллежского асессора*, после IX класса для дворян можно было через четыре года, для недворян – через 12 лет. Чин был равен армейскому майору, и его привлекательность заключалась в том, что до 1845 г. он давал право на получение потомственного дворянства. В комедии Гоголя «Ревизор» (1836) коллежский регистратор Хлестаков говорит: «Хотели было даже меня коллежским асессором сделать, да, думаю, зачем» – тем самым он выдает, что коллежский асессор для него мечта (другое дело, что ослепленные величием ревизора чиновники этого не заметили). Герой стихотворения Некрасова «Чиновник» (1844), выходец из духовного звания ¹⁹,

Питал в душе далекую надежду
В коллежские асессоры попасть, –

¹⁷ Про него Н. В. Гоголь так и пишет: «он был, что называют, вечный титулярный советник, над которым, как известно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться» [Гоголь Н. В. Шинель. 1].

¹⁸ В работе Ю. С. Степанова рассмотрена система обращений к чиновникам разного ранга: Степанов. 2004. С. 762–769.

¹⁹ Из духовного звания происходил и писатель Н. С. Лесков, чей отец «пресек свою духовную карьеру тотчас же по окончании курса наук в Севской семинарии». «По происхождению я принадлежу к потомственному дворянству Орловской губернии, но дворянство наше молодое и незначительное: приобретено моим отцом по чину коллежского асессора». [Лесков Н. С. Автобиографическая заметка // Лесков Н. С. Собр. соч. в 11 т. Под общей ред. В. Г. Базанов и др. Т. 11. М., 1958. С. 7].

Затем, что был он крови не боярской
И не хотел, чтоб в жизни кто-нибудь
Детей его породой семинарской
Осмелился надменно попрекнуть.

После указа 6 августа 1809 г. для его получения требовался университетский или лицейский диплом, либо сдача соответствующего экзамена: «Между титулярным советником и коллежским асессором разверзалась бездна, мостом через которую служил какой-то диплом» [Гончаров И. А. Обломов. I, 9].

Пушкин в лицейском стихотворении «Товарищам» (1817 г.) писал:

Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в асессора²⁰.

Чтобы получить чин асессора многие, наверное, действительно «ползли», униженно выслуживаясь. Недаром, этот чин выхлопотал Фамусов Молчалину (1824 г.), девиз которого был «всем угождать».

Примечательно, что с присоединением к России Грузии правительство, желая создать здесь надежный административный аппарат и привлечь молодых чиновников, облегчало для них продвижение в коллежские асессоры. В «Путешествии в Арзрум» (1829 г.) Пушкин пишет: «Молодые титулярные советники приезжают сюда за чином асессорским, толико вожделенным» [Путешествие в Эрзрум, 2]. О «грузинских асессорах», применительно к 1810-м гг., пишет Н. С. Лесков в неоконченном романе «Захудалый род»: «В деревнях оставались отслужившие израненные воины двенадцатого года или так называвшиеся тогда “грузинские асессоры”, то есть новые дворяне, получавшие в Грузии асессорские чины по сокращенному сроку и приобретающие затем мелкопоместные имения» [Захудалый род. II, 4]. «Кавказским коллежским асессором» является Ковалев, герой гоголевской повести «Нос» (1833–1835 гг.). Для придания себе большего благородства, он никогда не называл себя просто коллежским асессором, но всегда майором.

Для получения VII класса, требовалась выслуга в 5 лет. *Надворный советник* – чин равный подполковнику. Для потомственных дворян он считался почетным. Начальник отделения в «Записках сумасшедшего» (1834 г.) Гоголя – в чине надворного советника, по поводу чего Поприщин пишет: «Велика важность надворный советник... Я разве из каких-нибудь разночинцев, из портных или из унтер-офицерских детей? Я дворянин. Погоди, приятель! будем и мы полковником... Достатков нет – вот

²⁰ Кстати в этом стихотворении мы видим, что на обывательском уровне военные чины ценились выше гражданских. Пушкин уравнивает чин капитана (IX класса) и коллежского асессора (VIII класса).

беда»; то есть Поприщин считает, что чин надворного советника почетен лишь для разночинцев, для себя он ждет не меньше полковника.

В литературе надворные советники – лица мало приятные. Герой «Женитьбы» (1833 г.) Гоголя надворный советник Подколесин считает, что «уж как ты там себе не переворачивай, а надворный советник тот же полковник, только разве что мундир без эполет» [Гоголь Н. В. Женитьба. I, 3]. Он преувеличивает: не полковник, а только подполковник. Забавно, что неграмотная сваха называет его «придворным советником». Другой гоголевский надворный советник, уездный почтмейстер Шпекин, в «Ревизоре» забавляется чтением чужих писем... Забавную деталь находим в «Трех сестрах» (впервые напечатана в 1901 г.) Чехова. Муж Маши Кулыгин представляется подполковнику Вершинину: «Кулыгин, учитель здешней гимназии. Надворный советник» [Чехов А. П. Три сестры. I]. Тем самым он явно подчеркивает их служебное равенство.

Из VII класса в VI попасть можно было тоже только через 5 лет. *Коллежский советник* – чин VI класса, равный армейскому полковнику. Его трудно достичь недворянину, но для дворянина чин не очень значимый. Недаром, гончаровский Александр Адуев его достигает в конце романа с говорящим названием – «Обыкновенная история» (1848 г.), то есть получение этого чина людям благородного происхождения – *обычное* дело. Впрочем, обедневшие дворяне охотно стремились к этому чину: он восстанавливал их положение на социальной лестнице. Так, Чичиков, которому от отца досталось только двое крепостных, представлял бы мало интереса губернскому чиновному миру, если бы не был коллежским советником. В начале 1850-х гг. сын управляющего именьями неких графов Курнатовский становится желанным женихом, так как состоит обер-секретарем в сенате, «коллежский советник, и Станислав на шее» [Тургенев И. С. Накануне. XXII]. Вообще, литературные персонажи, носящие этот чин, как правило, – карьеристы. В пьесе Тургенева «Нахлебник» (1849) выведен 32-летний коллежский советник Елецкий, петербургский чиновник – «человек дюжий, не злой, но без сердца». Достигает чин коллежского советника и герой пьесы «Дело» (1861) А. В. Сухова-Кобылина беспринципный карьерист Тарелкин.

К чиновникам VIII-VI классов (коллежским ассессорам, надворным и коллежским советникам) следовало обращаться «ваше высокоблагородие». Андрей Прозоров, член земской управы («Три сестры» Чехова), обижается, когда сторож говорит ему «Андрей Сергеевич», а не «ваше высокоблагородие». Тогда Феропонт титулует его «ваше высокоблагородие» (т.е. производит его в статские советники). И герой «Крыжовника» Че-

хова отставной чиновник Чимша-Гималайский, став помещиком, «очень обижался, когда мужики не называли его ваше высокоблагородие».

Достичь чина V класса было трудно, так как для этого, кроме выслуги (в 4 года), требовалось: 1) свидетельство о том, что представленный чиновник, по крайней мере, 10 лет служил с ревностью и усердием; 2) что, по крайней мере, занимал соответствующую должность²¹.

Статскому советнику, чину V класса соответствовал отмененный в 1797 г. чин бригадира (в Табели о рангах находился между полковником и генерал-майором). В комедии Фонвизина «Бригадир» (1769) Советник говорит Бригадиру: «Мы равны почти во всем. Ты, любезный друг и сват, точно то в военной службе, что я в статской» [*Фонвизин Д. И.* Бригадир. I, 1]. В этом чине была основная масса высших губернских чиновников и руководителей департаментов. Таков, например, грибоедовский Фамусов²². С 1845 по 1856 г. чиновник, получивший этот чин, мог претендовать на потомственное дворянство. Чин статского советника считался очень почетным, и достигали его в основном дворяне по происхождению (или дети личных дворян). Отделившийся от лица Ковалева и заживший самостоятельной жизнью нос в повести Гоголя на три чина превзошел своего обладателя: «Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считался в ранге статского советника». В этом явная ирония. Сам Ковалев, как мы помним, был «кавказским коллежским ассессором». Для него это был предел. Его же нос «стартовал» по службе с чина коллежского ассессора, поэтому и смог продвинуться так далеко. Во второй части «Мертвых душ» коллежский советник Чичиков задумывается о женитьбе и о прибавлении к чину: «Статский советник, например, чин почтенный и уважительный». В литературе также есть образы «поповичей», достигших чина статского советника. Это незадачливый сослуживец Чичикова, с которым они не поделили «какую-то бабенку, свежую и крепкую, как ядреная репа», и Гедеоновский, герой «Дворянского гнезда» (1859) И. С. Тургенева.

Как отмечает Ю. А. Федосюк: «Целая галерея статских советников предстает перед читателем классической русской литературы. Но характерно: этот высокий чин не дает людям счастья, не делает их значительными. Среди них – разбогатевший чиновник Потрохов в пьесе Островского “Трудовой хлеб”, выходец из поповичей Гедеоновский в

²¹ Зайончковский. 1978. С. 36.

²² Цимбаева. 2005. С. 38.

“Дворянском гнезде” Тургенева, судейский чиновник Сорин в “Чайке” Чехова, инженер Бахромин в рассказе Чехова “Открытие”. И совсем уж жалким выглядит замученный “дачный муж” Толкачев в чеховской шутке “Трагик поневоле”²³.

К статским советникам, чиновникам V класса, следовало обращаться «ваше высокородие» (именно так, как сторож Феррапонт, извиняясь, назвал чеховского Андрея Прозорова).

Чиновников высших четырех классов, начиная с *действительного статского советника*, часто называли штатскими (статскими) генералами. Именно статские генералы являются персонажами сказки Салтыкова-Щедрина «Как один мужик двух генералов прокормил» (1869). Гневышова – отставного действительного статского советника в комедии Островского «Богатые невесты» (1875) – действующие лица за глаза величают генералом. Важный человек, которому в рассказе Чехова «Смерть чиновника» (1883) Червяков, чихнув, обрызгал лысину в театре, именуется «*статским генералом*». Персонажей с этими чинами в литературе не так много. Как правило, это второстепенные персонажи.

Чин действительного статского советника – IV класса – был равен генерал-майору в армии. С 1856 г. давал право на потомственное дворянство. Но достигнуть его недворянину было практически невозможно. Так, в 1903 г. основная масса губернаторов имела чин действительного статского советника, при этом все они – потомственные дворяне²⁴. «Дядюшка», Петр Адуев, в «Обыкновенной истории» Гончарова к концу романа становится действительным статским советником. В этом же чине – Виктор Каренин в драме Л. Толстого «Живой труп» и герой рассказа Чехова «Пассажир первого класса» талантливый инженер-мостостроитель Крикунов, который сокрушается, что, несмотря на все заслуги и чин действительного статского советника, никто его не знает.

Тайный советник, чин III класса, – очень высокий чин. «Литературные» тайные советники – важные государственные люди. Сановник, реакционер Сипягин в романе Тургенева «Новь» имеет чин тайного советника. Этот же чин носит видный ученый-медик, профессор университета, герой «Скучной истории» Чехова. Даже шутки в отношении лиц подобного ранга не приветствуются. Так, в юмореске Чехова некто Правдолюбков выговаривает карикатуристу Упрямову, нарисовавшему проворовавшегося тайного советника: «Да знаете ли вы, милостисдарь, что тайный советник соответствует в армии генерал-лейтенанту?». Тай-

²³ Федосюк. 2001. С. 101.

²⁴ Зайончковский. 1978. С. 214.

ный советник – практически предел чиновной службы. Прожив пустую, никому не нужную жизнь, герой рассказа Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» умирает в высоком чине тайного советника. Герой юморески Чехова «Тайный советник» – жалкий, невзрачный старичок.

К действительным статским и тайным советникам следовало обращаться «ваше превосходительство». В рассказе Тургенева «Старые портреты» кучер называл седока, который оказался тайным советником, «ваше благородие», и тот выговорил ему: «...знай, что я превосходительство, а не благородие».

Действительные тайные советники и канцлеры (чины табели о рангах, II и I класса) в русской литературе не встречаются. «Действительных советников в России было немного, все наперечет, канцлеров же за всю историю – одиннадцать, причем в каждый исторический период – всего один. Поэтому в художественных произведениях ни те, ни другие не отражены, дабы читатели не искали прототипов. Исключения составляют исторические романы, где высшие сановники выводятся прямо, как реальные личности, под собственными именами»²⁵.

К действительным тайным советникам и канцлерам следовало обращаться «ваше высокопревосходительство».

* * *

Мы видим, что литературные произведения во всех нюансах отражали чиновничью лестницу императорской России. Исходя из этого можно констатировать, что они, во-первых, дают системную информацию об объекте изучения. Чиновничья система, оформленная Табелью о рангах, оказалась адекватно отражена в литературных произведениях. На страницах классической литературы действуют не только чиновники всех 14 рангов, но показана субординация между ними, принятая система общения и т.д.²⁶. Во-вторых, литературные источники дают возмож-

²⁵ Федосюк. 2001. С. 103.

²⁶ В доказательство этому можно привести еще один пример. Так в 1859 г. П. И. Вайнбергом было написано стихотворение «Он был титулярный советник, он генеральская дочь...». Сюжет его заключался в том, что генеральская дочь не могла выйти замуж за безродного титулярного советника. Так до 1845 г. право на потомственное дворянство давал следующий за титулярным советником чин – коллежского асессора, а с 1856 г. эта планка еще дальше повысилась. Таким образом, молодой титулярный советник до 1845 г. мог гордиться своим чином и в обозримом будущем мог проникнуть в благородное сословие. После 1856 г. чин этот окончательно утратил свое общественное значение. Соответственно, пример со стихотворением Вейнберга в контексте других произведений показывает, что литература фиксирует не только саму систему, но и различные изменения ее.

ность проследить взаимосвязь объективных и субъективных факторов²⁷. Например, негативное отношение к нижним чинам происходит от того, что они довольно доступны лицам непривилегированных сословий. Чинопочитание в отношении лиц высоких рангов происходит от того, что они всегда принадлежат к привилегированному сословию. Литературные произведения позволяют также рассматривать исторические явления и процессы на конкретном материале и при этом «не переходить на личности». Историк, анализируя те или иные поступки (включая негативные) литературного героя как исторического типа, не затрагивает реальных людей, действовавших в прошлом. Сделанные наблюдения позволяют дальше углубиться в рассмотрение литературных образов чиновничества как конкретных исторических типов.

Следует отметить, что в дореволюционной России было не столь важным, какой чин имел чиновник, главное – какое место он занимал. Именно оно обеспечивало значительную часть дохода. Как показала Е. Н. Цимбаева, грибоедовский Фамусов (1824) находится накануне разорения, пытается выдать замуж дочь за «золотой мешок» сомнительного происхождения и... «держится за жалование, а еще более за всякие выгоды, связанные с должностью»²⁸. В «Ревизоре» судья Тяпкин-Ляпкин служит, чтобы иметь возможность получать борзых щенков в качестве взяток, городничий – наживаться за счет купцов... Все представители бюрократического аппарата пользуются своим положением в корыстных (в первую очередь, меркантильных) целях.

Злоупотребления зависят от чиновничьего ранга. Отец тургеневского Недопюскина из «Записок охотника» (1852 г.), как бедный чиновник, был «добрый и честный, а брал взятки – “по чину” – от гривенника до двух целковых включительно» [Тургенев И. С. Чертопханов и Недопюскин]. Титулярный советник Поярков пугал неграмотных крестьян необходимостью отдачи их детей в Горьгорецкую школу в Могилевской губернии, утверждая, что «эта губерния за Сибирью, на самом краю света, ... и вся-то она, братец состоит в могилах, ... а на тех на могилах гора, и на той горе школу, ... завели... Крестьянских ребятишек там ко всякому горю приобучают: оттого и прозвана “на горе горецкая школа”». Крестьяне и рады были откупиться от такой напасти. При этом сам Поярков утверждал, что «нет ничего прибыльней, как раскольники. Народ уж такой: обижаются даже на того, кто не берет. Кто

²⁷ Этот вывод был сделан нами при рассмотрении литературных произведений в качестве источников по истории дворянского сословия. См.: Богданов. 2010.

²⁸ Цимбаева. 2005. С. 38.

взял, на того надеются, что не выдаст и все по-ихнему сделает; а кто не взял, того боятся, притеснителем обзывают, и пронесут имя его, яко зло – до самых высоких степеней...» [*Мельников-Печерский П. И.* Полярков].

Но крупные чиновники были не лучше. Похоже, что привычка, приобретенная в нижних чинах, переходит и в службы в более крупном ранге. Именно об этом вспоминает пожилой чиновник Юсов в «Доходном месте» (1857 г.) А. Н. Островского: «Меня, сударыня, – давно уж это было, привели в присутствие в затрапезном халатишке, только что грамоте знал — читать да писать... <...> Года два был на побегушках, разные комиссии исправлял: и за водкой-то бегал, и за пирогами, и за квасом, кому с похмелья, и сидел-то я не у стола, не на стуле, а у окошка на связке бумаг, и писал-то я не из чернилицы, а из старой помадной банки. А вот вышел в люди. Конечно, все это не от нас...свыше...знать, уж так надобно было мне быть человеком и занимать важный пост. <...> Да-с, имею теперь три домика...» А ранее: «Взятки? Взятки что-с... <...> Ты возьми, так за дело, а не за мошенничество. Возьми так, чтобы и проситель был не обижен и чтобы ты был доволен. Живи по закону; живи так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Что за большим-то гоняться! Курочка по зернышку клюет, да сыта бывает» [*Островский А. Н.* Доходное место. I, 3; II, 4]. Впрочем, насчет того, чтобы «взять за дело, а не за мошенничество» (как об этом говорит Юсов), – вещь относительная. Так А. И. Эртель в романе «Гарденины» описывает случай из чиновничьей жизни второй половины XVIII в.:

Юрию Николаевичу пожаловала царица тридцать тысяч десятин ненаселенной земли вот в этих местах. Заметь себе: ненаселенной, – в этом вся штука. Ну, Юрий Николаевич и послал братца выбрать. Тот выбрал честь с честью, обозначил грань, обозначил, где быть усадьбе, куда крестьян поселить, и поехал в Воронеж. Туда-сюда, приказные говорят: «Дай тысячу рублей». Он – брату: так, мол, и так. Юрий Николаич гордый был человек, самостоятельный, одно слово – гвардеец: «Знать, говорит, не хочу. Как, говорит, чтобы царица жаловала, а разная тварь издевается? Ни копейки!» – и собственноручно пишет письмо наместнику: так, мол, и так, вот что у тебя делается. Ну, сколько времени прошло, приходит из Воронежа донесение – в сенат там, что ли: «Гарденину-де пожаловано тридцать тысяч ненаселенной земли, а в тех де местах столько пустопорожней земли не оказывается: сидят села вольных однодворцев и землю пашут. А ест-де по реке Гнилуше семь тысяч, да оттолева в пятнадцати верстах тысяча десятин и та земля свободна». Что такое значит? Юрий Николаевич к брату: «Поезжай, узнай». Тот в Воронеж: что такое? почему? какие однодворцы? А крапивенное семя только зубы скалит: «Пожалели, мол, тысячи рублей – двадцать две тысячи десятин и уплыли промеж пальцев». Что же они, разбойники, придумали: в какой-нибудь год собрали три села и посадили на Битюке! И откуда – никто не знает. Вон красуются, все на кровной гарденинской земле. – Что же, папенька, царица-то неужто не велела отобрать?

– Дурак! Разве она может против закона? Нет пустопусторожней земли – и нет. Она уж ему в Полтавской губернии тысячу душ пожаловала в отместку
[Эртель А. И. Гарденины. I, 3].

Так хитроумные чиновники решили проучить того, кто не захотел «подмазать» чиновную машину. Воспользовавшись тем, что, в конечном счете, от них, а вовсе не от императрицы, зависит наделение заслуженного военного землей, они пытались получить от него «отступное». Не получив желаемого, они лишают Гарденина заслуженной награды.

Чиновники также требуют соответствующего вознаграждения, чтобы дело шло быстрее²⁹. Помещик Харлов, герой повести Тургенева, действие которой разворачивается в конце 1820-х – начале 1830-х гг., составляя раздельный акт своего имения, сам не пил, не ел, но в скором времени «и палата утвердила, и уездному суду предписано, и временное отделение земского суда... ох!.. к прибытию назначено». Денег на это, по его собственному признанию, не жалел [Тургенев И. С. Степной король Лир. X]. И в конце XIX в. помещик Волдырев герой рассказа Чехова «Справка» (1883) так и не мог добиться внимания чиновника, чтобы «навести справку... и взять копию с журнального постановления от второго марта», пока не положил перед ним три рубля. Зато после этого «он дал справку, распорядился, чтобы написали копию, подал просящему стул – и все это в одно мгновение. Он даже поговорил о погоде и спросил насчет урожая. И когда Волдырев уходил, он провожал его вниз по лестнице, приветливо и почтительно улыбаясь и делая вид, что он каждую минуту готов перед просителем пасть ниц».

Чтобы иметь возможность всегда быстро решать свои дела, некоторые дальновидные люди постоянно кормили чиновников. Так, у княгини Протозановой в конце 1810-х гг. губернские и уездные чиновники были «на пайке» и ее поверенный вел безотчетные расходы по выдаче им «наград» [Лесков Н. С. Захудальный род... I, 13].

Четче всех механизм чиновничьих злоупотреблений в конце 1810-х – начале 1820-х гг. выведен у Гоголя. Председатель казенной экспедиции, предупреждая Чичикова, «чиновным вы никому не давайте ничего, об этом я вас прошу. Приятели мои не должны платить», выдает обычную практику. Все чиновники присутственного места должны поживиться за счет просителя (впрочем, еще до этого распоряжения некто

²⁹ Впрочем, в этой черте можно видеть отголосок патриархальных представлений о том, что чиновника *надо кормить*, происходящий из-за узаконенной в XVI в. системы кормлений и традиционно невысокого жалования в последующее время. Даже в XIX в. крестьяне иногда платили чиновникам годовые оклады, раскладывая необходимую сумму на сходах по душам. См.: Миронов. 1999. Т. 2. С. 165.

Иван Антонович, со «свиным рылом», успел выманить у Чичикова ас-сигнацию, чтобы только пропустить его к председателю)³⁰. Кроме того, приятели председателя пользуются особым почетом: им платить не надо. Дальше произошло самое интересное: «известный Иван Антонович управился весьма проворно: «крепости были записаны, помечены, занесены в книгу и куда следует, с принятием полупроцентových и за припечатку в «Ведомостях», и Чичикову пришлось заплатить самую малость. Даже председатель дал приказание из пошлинных денег взять с него только половину, а другая, неизвестно каким образом, отнесена была на счет какого-то другого просителя». Итак, приятели председателя могут не только не давать чиновникам взяток, но и платить государственные подати в меньшем количестве! Недостающие суммы можно взыскать с других просителей. Чуть дальше оказывается, что и полицмейстер в городе N – настоящий чудотворец: «ему стоит только мигнуть, проходя мимо рыбного ряда или погребца, так мы, знаете ли, так закусим» [*Гоголь Н. В. Мертвые души. 7, сер.*] В этом плане полицмейстер оказался родственная душа Городничему из «Ревизора» (1836 г.). Кушцы на него жалуются: «Такого городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. <...> Если бы, то есть, чем-нибудь не

³⁰ Вспомним, что такой же порядок завел в своем ведомстве и сам Чичиков: «Дело устроено было вот как: как только приходил проситель и засовывал руку в карман, с тем чтобы вытащить оттуда известные рекомендательные письма за подписью князя Хованского, как выражаются у нас на Руси: «Нет, нет, – говорил он с улыбкой, удерживая его руки, – вы думаете, что я... нет, нет. Это наш долг, наша обязанность, без всяких возмездий мы должны сделать! С этой стороны уж будьте покойны: завтра же все будет сделано. Позвольте узнать вашу квартиру, вам и заботиться не нужно самим, все будет принесено к вам на дом». Очарованный проситель возвращался домой чуть не в восторге, думая: «Вот наконец человек, каких нужно побольше, это просто драгоценный алмаз!» Но ждет проситель день, другой, не приносят дела на дом, на третий тоже. Он в канцелярию, дело не начиналось; он к драгоценному алмазу. «Ах, извините! – говорил Чичиков очень учтиво, схвативши его за обе руки, – у нас было столько дел, но завтра же все будет сделано, завтра непременно, право, мне даже совестно!» И все это сопровождалось движениями обворожительными. Если при этом распахивалась как-нибудь пола халата, то рука в ту же минуту старалась дело поправить и придержать полу. Но ни завтра, ни послезавтра, ни на третий день не несут дела на дом. Проситель берется за ум: да полно, нет ли чего? Выведывает; говорят, нужно дать писарям. «Почему ж не дать? Я готов четвертак, другой». – «Нет, не четвертак, а по беленькой». – «По беленькой писарям!» – вскрикивает проситель. «Да чего вы так горячитесь? – отвечают ему, – оно так и выйдет, писарям и достанется по четвертаку, а остальное пойдет к начальству». Бьет себя по лбу недогадливый проситель и бранит на чем свет стоит новый порядок вещей, преследование взяток и вежливые, облагороженные обращения чиновников» [*Гоголь Н. В. Мертвые души. 11*].

уважили его, а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платье супружнице его и дочке - мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего этого мало – ей-ей! Придет в лавку и, что ни попадет, все берет. Сукна увидит штуку, говорит: “Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мне”. Ну и несешь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят <...> Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Если Городничего не уважить, то он “наведет к тебе в дом целый полк на постой”» [Ревизор. IV, 10].

Обращает на себя внимание тот факт, что не только коронные чиновники, но и выборные общественные должности предоставляют возможность для обогащения. Так в комедии «Завтрак у предводителя» (1846) И. С. Тургенев намекает на механизм подобных злоупотреблений уездным предводителем дворянства (пост этот, хотя и приравнивался к V рангу по Табели, но не оплачивался). Действующего предводителя упрекают том, что он якобы решает вопрос о наследовании в пользу одного из соискателей с расчетом затем у него купить за бесценок лес. Тем самым становится понятным, что посреднические функции (в частности, при решении родственных споров) могут быть использованы как возможность получения материальных благ. Великие реформы Александра II положили начало органам самоуправления: земствам и городским думам. Оказывается, и они были заражены типичной для чиновничества болезнью. Судя по тому, как персонаж комедии «Лес» (1870) А. Н. Островского молодой бедный дворянин Буланов стремится жениться на богатой Гурмыжской и... быть избранным на общественные должности, он желает последнего ради обогащения. Константин Левин в «Анне Карениной» (действие разворачивается в конце 1870-х гг.) прямо отказывается от участия в работе земства: «...я убедился, что никакой земской деятельности нет и быть не может... С одной стороны, играшка, играют в парламент... а с другой (он заикнулся) стороны, это – средство для уездной coterie наживать деньжонки... в виде незаслуженного жалованья» [Толстой Л. Н. Анна Каренина. I, 5]. Вирусом казнокрадства и разного рода злоупотреблений была заражена не только государственная машина, но и сами граждане этого государства, которые выбирали и выбирались в земства. Интересно, что деятели городского самоуправления не обвиняются в злоупотреблениях. Может высмеи-

ваться их тщеславность, недалекость, но не казнокрадство. Это может быть, связано с тем, что городское самоуправление было в руках наиболее состоятельных слоев населения – предпринимателей.

Еще одна интересная черта подмечена русской литературой. В середине XIX в. чиновничьи махинации нередко совершались ради «прекрасных дам». Так крупный чиновник Вышневецкий, персонаж «Доходного места» (1857) А. Н. Островского, пытается таким образом купить расположение своей молодой жены: «Я купил вам в нынешнем году подмосковную. Знаете ли, что деньги, на которые я ее купил... как бы это вам сказать?... ну, одним словом, я рискнул более, нежели позволяло благоразумие. Я могу подлежать ответственности» [*Островский А. Н. Доходное место. I, 1*]. В конце века женщины уже активно вмешиваются в подобные махинации. Именно об этом говорит дядюшка, Оскар Филиппович, мужу своей племянницы Половодову в «Приваловских миллионах» (1883) Д. Н. Мамина-Сибиряка:

– Для вас прежде всего важно выиграть время, – невозмутимо объяснял дядюшка, – пока Веревкин и Привалов будут хлопотать об уничтожении опеки, мы устроим самую простую вещь – затянем дело. Видите ли, есть в Петербурге одна дама. Она не куртизанка, как принято понимать это слово, во только имеет близкие сношения с теми сферами, где...

– Короче – у нее бывают большие люди? – перебил Ляховский, нетерпеливо ежа свои острые плечи...

– Именно... Если она возьмется за это дело, тогда можно все устроить, решительно все!.. Она берет известный процент с предприятия, смотря по обстоятельствам: пять, десять... Вообще неодинаково!.. Придется, конечно, сделать небольшой авансик, пустяки – каких-нибудь пятнадцать-двадцать тысяч одновременно ... Я согласен, что двадцать тысяч довольно круглая цифра, – невозмутимо продолжал дядюшка, потирая руки. – Но зато в какой безобидной форме все делается... У нее, собственно, нет официальных приемов, а чтобы получить аудиенцию, необходимо прежде похлопотать через других дам...

– Которым тоже нужно платить!! – вскричал Ляховский, скрипя зубами.

– Да, тысячи три-четыре...

– Да за что же? за что?

– Как за что? – удивился дядюшка. – Да ведь это не какие-нибудь шлюхи, а самые аристократические фамилии. Дом в лучшей улице, карета с гербами, в дверях трехаршинный гайдук, мраморные лестницы, бронза, цветы. Согласитесь, что такая обстановка чего-нибудь да стоит?..

[*Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы. II, 19*].

Как мы видим, за двести лет русское чиновничество мало изменилось. Оно как злоупотребляло своим положением в XVIII в., расценивая саму должность как дополнительный источник дохода, так и продолжало себя вести в начале XX в. Связано это было, видимо, с тем, что к началу XX в. законодательство так и не выработало норм привлечения к

ответственности за использование служебных полномочий в личных целях³¹. По злоупотреблениям чиновников, описанным в литературе, создается впечатление, что русское сознание, противящееся наживе³², охотнее мирится с неожиданно разбогатевшими нуворищами, чем с постоянно наживающимися слугами государства. Ведь образы купцов в русской литературе намного симпатичнее, а нередко даже к негативным персонажам читатель проникается уважением. Чиновничья служба была настолько неприятна, что окончивший филологический факультет Андрей Андреич в рассказе Чехова «Невеста» (1902–1903) говорит: «Отчего мне так противна даже мысль о том, что я когда-нибудь нацеплю на лоб кокарду и пойду служить?».

Но бросается в глаза одно обстоятельство: все негативные образы относятся к чиновникам русским по происхождению. Герой романа И. А. Гончарова «Обломов» Штольц, который «за надворного советника перевалил» (т.е. достиг больших чинов), – едва ли не единственный положительный чиновничий образ в русской литературе. Образы других чиновников иностранного происхождения крайне расплывчаты. Пожалуй, кроме немца-чиновника, съехавшего с того этажа, на котором жила старуха-процентщица в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского, фон Дыдырица (мужа чеховской дамы с собачкой), да и деда горьковского Барона, Густава Дебиля, занимавшего при Николае I «высокий пост», мы особо никого и не вспомним. Только в рассказе А. П. Чехова «Ушла» (1883) есть упоминание о казнокраде немце фон Трамбе: «Трамб подлец! Это такой негодяй... такой бессовестный человек! Без всяких принципов! Урод нравственный! Был у графа управляющим – нажился, теперь служит на железной дороге и ворует... Сестру ограбил...». Но в конце рассказа выясняется, что «Трамб – комашка сравнительно» с мужем негодующей женщины. А он, видимо, русский, поскольку вряд ли иностранец называл бы жену «бабенкой». Таким образом, даже если немец-чиновник ворует, то ему все равно далеко до русского коллеги! Но рассказ Чехова – беглая зарисовка, а упоминаемый в ней фон Трамб даже не появляется³³.

³¹ Лазаревский. 2008. С. 263–275.

³² Недаром М. Цветаева в своих воспоминаниях прямо писала: «Сознание неправды денег в русской душе невыправимо» (Цит. по: Боханов. 1989. С. 6).

³³ Примечательно, что если не в литературе, то в отечественном кинематографе есть даже положительный образ немца-чиновника; это Иван Афанасиевич Шиллер, персонаж фильма П. Лунгина «Дело о “Мертвых душах”».

Как представляется, почти полное молчание о служебных достоинствах или недостатках чиновников-иностранцев в русской литературе говорит о том, что для них привычна была сама служба, а не выгоды, связанные с занимаемым местом.

* * *

Впрочем, так ли уж чужд русскому человеку образ чиновника? Неужели в злоупотреблениях власть предержащих есть что-то антинародное, несвойственное русскому человеку?

Знаменитой стала фраза: «Воруют..», произнесенная Карамзиным в ответ на вопрос соотечественника о родине. В повести Сергея Довлатова «Чемодан» приводится следующий исторический анекдот:

«Двести лет назад историк Карамзин побывал во Франции. Русские эмигранты спросили его:

– Что, в двух словах, происходит на родине?

Карамзину и двух слов не понадобилось.

– Воруют, – ответил Карамзин...».

Этот односложный ответ, произнесенный около 1790 г. имеет аналогию с еще одним литературным высказыванием, правда чуть более позднего времени. И. А. Крылов, в басне «Купец», созданной не позднее 1830 г. (в этом году вышла 8-я книга «Басен», куда она и вошла), пишет:

Обманут! Обманул Купец: в том дива нет;

Но если кто на свет

Повыше лавок взглянет, –

Увидит, что и там на ту же стать идет;

Почти у всех во всем один расчет:

Кого кто лучше проведет,

И кто кого хитрей обманет.

Говоря о том, что «всюду и везде на ту же стать идет», Крылов оправдывает не только купца, но и другие категории населения (в частности, чиновничество), создавая своего рода коллективную ответственность за злоупотребления.

В неопубликованной сатирической пародии М. П. Погодина, относящейся к началу XIX в., чиновник молит:

Умилосердись и в ученые классы

Нас и профессоров не введи.

Нас от разорения, а *профессоров от обогащения* (выделение наше – В. Б.)

Да избежим тем все от лукавого.

О том, что «люди, дотоле известные чистотою правил бессеребрности – профессора осквернились взятками», сообщает и мемуарист Ф. Ф. Вигель³⁴.

Чичиков, сочинив купчие крепости, задумался над «мертвыми душами», которые «были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали бар (выделение наше – В. Б.)». О том, как крестьяне «обманывали бар», мы находим в других произведениях. В «Степном короле Лире», действие которого происходит, видимо, в 1830-е гг., зять главного героя сожалеет о незаконном выкосе крестьянами полусосьмиугольника помещичьего овса и констатирует: «Правду говорят, что не верь Еськову, Беськову, Ерину, Белину (так назывались четыре окрестные деревни)» [Тургенев И. С. Степной король Лир. VIII]. Помещик Левин, герой «Анны Карениной» (действие романа разворачивается накануне русско-турецкой войны 1877–78 гг.), едва не был обманут крестьянами, которые пытались выдать ему сена меньше, чем было оговорено. При этом они ссылались на «пухлявость» сена, на то, «как оно улеглось в стогах» и т.д. [Толстой Л. Н. Анна Каренина. III, 11]. Даже попа следует «ублаготворить как следует», чтобы он дал подходящее имя (а не Филофей, как герою тургеневского рассказа «Стучит» (1873–1874)³⁵. У доктора Старцева, земского врача, героя чеховского рассказа «Ионыч» (1897–1898), в конце концов, появляется «имение и два дома в городе, и он облюбовывает себе еще третий, повыгоднее».

Таким образом, русские писатели показывают, что коррупция – это черта, характерная не только для чиновничества, но и для всего народа. Возникает вопрос, почему же именно против чиновников нацелен обличительный пафос российского общественного мнения XIX–XX вв. в целом и большинства произведений литературы в частности?

Здесь возможны два ответа.

Первый, что русская ментальность по природе своей иррациональна. Так еще С. Л. Франк в работе 1930 г. определяет русское мышление (как «антирационалистичное»³⁶. Соответственно, государство, как носитель рационального начала, всегда должно восприниматься враждебно.

³⁴ Зайончковский. 1978. С. 32.

³⁵ Вообще, священнослужителям также досталось в русской литературе. Видимо, это объясняется тем, что священнослужитель – это тоже своего рода чиновник. Исполняя требы и ведя церковно-приходскую документацию, он становится выше окормляемой им паствы, которая оказывается от него, как и от чиновника, в административной зависимости.

³⁶ Франк. 1996.

Поэтому даже сама Табель о рангах, как олицетворение чиновничьей системы, в первую очередь в глазах интеллигенции, не пользовалась особым уважением³⁷. Отсюда и образы Городничего в «Горячем сердце» А. Н. Островского, который предлагает судить по совести, а не по закону, и фраза из фильма «12», что «русскому человеку по закону жить скучно»³⁸. Отсюда, возможно, и происходит подспудное желание отрешиться от бюрократического аппарата: мол, чиновники – «крапивенное семя». Если допустить иррациональность как основу российского мировоззрения, то невольно напрашивается вывод, что русские писатели **создавали негативные образы чиновников как некие фигуры речи.**

Второй, что русское чиновничество – **органическая часть русского социума.** Второе, как представляется, более верно³⁹. Как известно, Н. В. Гоголь, создавая первый том «Мертвых душ», хотел «показать хотя бы с одного боку всю Русь»⁴⁰ и показать российскую действительность во всей ее неприглядности. А для этого как раз и нужны были чиновничьи типы. Так главным героем становится чиновник. Он приезжает в город N и сталкивается, в первую очередь, с чиновниками и только потом уже с помещиками. В главе 11 1-го тома «Мертвых душ» Чичиков оправдывает себя тем, что: «Кто ж зевает теперь на должности? – все приобретают. Несчастливым я не сделал никого: я не ограбил вдову, я не пустил никого по миру, пользовался я от избытков, брал там, где всякий брал бы; не воспользуйся я, другие воспользовались бы. За что же другие благоденствуют, и почему должен я пропасть червем? И что я теперь? Куда я погужусь? какими глазами я стану смотреть теперь в глаза всякому почтенному отцу семейства? Как не чувствовать мне угрызания совести, зная, что даром бремени землю, и что скажут потом мои дети? Вот, скажут, отец, скотина, не оставил нам никакого состояния!». Во 2-м томе «Мертвых душ» уже

³⁷ Ярким примером этого может служить вышеприведенная фраза Пушкина в отношении М. С. Воронцова и своего чина губернского секретаря. Об этом же см.: Степанов. 2004. С. 762–263.

³⁸ Это примерная фраза героя А. Горбунова из фильма Н. С. Михалкова «12». Впрочем, можно вспомнить и «Горячее сердце» (1869 г.) А. Н. Островского, где городничий Градобоев предлагает горожанам судиться «по законам, или по душе, как мне бог на сердце положит». Причем на втором варианте настаивают те, кто сам пришел судиться [*Островский А. Н. Горячее сердце. III, 2*].

³⁹ Примечательно, что Н. А. Бердяев в работе «Судьба России» пытается примирить две точки зрения, выражая сущность России через антиномию: «Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире», «Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире» (*Бердяев. 1990*).

⁴⁰ Фраза из письма Н. В. Гоголя А. С. Пушкину от 7 октября 1835 г.

сам Гоголь оправдывает своего героя: «Ведь всякий из нас чем-нибудь попользуется: тот казенным лесом, тот экономическими суммами, тот крадет у детей своих ради какой-нибудь приезжей актрисы, тот у крестьян ради мебели Гамбса или кареты». Стало быть, для Гоголя (и, видимо, не только для него) чиновничество и было олицетворением всего самого плохого в России, но это была Россия («хотя бы и с одного боку»⁴¹). В этом плане примечательно, что взяточник Поярков, которого за разного рода злоупотребления в конце концов сняли с должности пристава, в конце жизни становится странствующим богомольцем [*Мельников-Печерский П. И.* Поярков].

Соответственно, в онтологическом плане русский народ из своей среды постоянно выделяет тех, у кого можно найти и обличить собственные недостатки. Здесь вспоминаются рассуждения Цезаря из романа Т. Уайлдера «Мартовские иды» о театральной публике: «Театральная публика — самое нравственное из сборищ. То обстоятельство, что все эти римляне сидят вместе, плечом к плечу, словно внушает им возвышенность суждений, какой они не проявляют больше нигде. Они не колеблясь решают, хорошо или плохо ведут себя персонажи пьесы, и требуют от них тех высоких добродетелей, каких и не думают спрашивать с себя. Пандар из публики дрожит от благородного негодования, когда видит такого же сводника на сцене. Десяток проституток, сидящих рядком в театре, целомудреннее любой девственной весталки...⁴²». Чиновники поневоле оказываются на сцене (только не театральной, а политической, административной и т.д.) и в этом случае народ оказывается зрителем. Поэтому он и обличает в них свои собственные недостатки, не слишком строго борясь с ними внутри себя. Таким образом, чиновный мир необходим русскому человеку не только как проводник государственной политики, но и как возможность списать собственные недостатки на какого-то Левиафана. Возможно ли на страницах художественных произведений увидеть положительные образы русских чиновников? В дореволюционных произведениях это было невозможно, как в будущем — многое зависит от нас...

⁴¹ С этой точки зрения представляется справедливой критика фильма П. Лунгина «Дело о “Мертвых душах”», высказанная С. А. Никольским и В. П. Филимоновым: «нелюбовь авторов фильма к персонажам картины вызвана их абсолютным отрицанием бюрократического государства... Бюрократическое государство... — главное воплощение дьявольской силы... Это чуждо не только Гоголю, но, и в определенном смысле, несвойственно русскому миросознанию» (*Никольский, Филимонов.* 2008. С. 393).

⁴² Уайлдер. 2000. С. 248.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бердяев Н. А.* Судьба России (Опыты по психологии войны и национальности). Сборник статей 1914–1917. М.: Советский писатель, 1990.
- Богданов В. П.* Служба, хозяйственная деятельность и духовная жизнь русского дворянства XVIII – начала XX в.: художественная литература как источник по социальной истории // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2010. С. 33–46.
- Боханов А. Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989.
- Взятка как способ существования // Санкт-Петербургские ведомости. 13.03.2009. Вып. № 044.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. И-О. М., 1881.
- Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978.
- Зарубина Н. Н.* Российский предприниматель в художественной литературе XIX – начала XX вв. // Общественные науки и современность. 2003. № 1.
- Кондаков И. В.* Введение в историю русской культуры: Учебное пособие для вузов. М. Аспект Пресс, 1997.
- Лазаревский Н. И.* Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. М. ООО ИнтелБилд, 2008.
- Лесков Н. С.* Автобиографическая заметка // *Лесков Н. С.* Собрание сочинение в 11 т. Под общей ред. В. Г. Базанов и др. Т. 11. М., 1958.
- Морозов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 1, 2.
- Никольский С. А., Филимонов В. П.* Русское мировоззрение. Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечественной философии и классической литературе 40–60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2008.
- Соколов А. К.* История, литература и искусство // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М.: Наука, 2004.
- Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.
- Троцкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке (формирование бюрократии). М.: Наука, 1974.
- Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта, Наука, 2001.
- Франк С. Л.* Русское мировоззрение. СПб., 1996.
- Цимбаева Е. Н.* Исторический анализ литературного текста. М.: Едиториал УРСС, КомКнига, 2005.

Богданов Владимир Павлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Межкафедральной археографической лаборатории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; vpbogdanov@gmail.com

М. М. СИРОТИНСКАЯ

МОЛОДЫЕ АМЕРИКАНЦЫ В НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ЖАНРОВОЙ ЖИВОПИСИ СЕРЕДИНЫ XIX в.

Нью-йоркское жанровое изобразительное искусство середины XIX в., в частности изображение городской детворы и подростков, прежде всего продавцов газет, вряд ли можно назвать реалистическим. На него в значительной степени накладывала печать идеология. Бытовая живопись отражала экономические, политические, социокультурные изменения. Творчество ряда жанристов (Т. ЛеКлира, Р. К. Вудвилла, Ф. Эдмондза) нередко созвучно идеям, которые развивались сторонниками движения «Молодая Америка».

Ключевые слова: жанровая живопись США, продавец газет, Молодая Америка, история Нью-Йорка.

В середине XIX столетия словосочетание «Молодая Америка» стало в Соединенных Штатах крылатой фразой. Судя по материалам “New York Times”, в 1850-е гг. оно употреблялось в газете около 2,5 тыс. раз. Подразумевалось, прежде всего, новое поколение, полное энергии, напористости, задора. Согласно переписи 1850 г., дети и молодые люди англосаксонского происхождения в возрасте до 30 лет составляли чуть более половины населения страны. «Джексоновская демократия» дала толчок вовлечению молодежи в общественно-политическую жизнь. «Молодые» демократы, сторонники движения «Молодая Америка», высказывались в поддержку либерального движения в Европе, за территориальную и торговую экспансию США, делали акцент на идеях молодости, прогресса, нации. Большое внимание уделялось городской культуре. В середине 1840-х гг. и в 1852 г. печатным органом «Молодой Америки» являлся журнал “United States Magazine and Democratic Review”, издававшийся в Нью-Йорке.

Какой представлялась Молодая Америка в бытовом изобразительном искусстве Соединенных Штатов? Как изображалась молодежь, в частности уличные дети и подростки, в городской, преимущественно нью-йоркской, жанровой живописи предвоенных десятилетий?¹

¹ Чисто портретное изобразительное искусство, как и репрезентация афроамериканцев, выходят за рамки исследования – это отдельные темы. Вне поля зрения остается творчество крупнейшего жанриста Уильяма Сиднея Маунта, который писал сцены из жизни фермеров Лонг-Айленда, в том числе и молодых чернокожих. Бытовые картины талантливой художницы Лилли Мартин Спенсер, в частности

Жанровое изобразительное искусство США, воспроизводившее сцены повседневной жизни, достигает расцвета в 1840–1850-е гг. Важную роль в распространении произведений жанристов сыграл «Американский Союз поощрения изобразительного искусства» (American Art Union), образованный, под этим именем, в 1844 г. В 1847–1851 гг. Союзом приобреталось в среднем около 400 живописных композиций в год. Регулярно проводились выставки картин, выпускались специальные бюллетени. За ежегодный взнос в пять долларов подписчики имели возможность получить в дар по крайней мере одну гравюру и, участвуя в лотереях (именно из-за их формальной незаконности Союз прекратил существование в 1852 г.), приобретали шанс выиграть какое-либо произведение искусства. В Нью-Йорке существовала и Национальная академия рисунка, основанная в 1826 г.

Промышленный переворот, строительство железных дорог и каналов, массовая эмиграция из Европы в Америку в середине XIX в. дали толчок бурному росту городов. Особенно быстрыми темпами увеличивалось население Нью-Йорка: он, обогнав Филадельфию, стал самым большим городом Соединённых Штатов. К 1850-м гг. почти половину его жителей составляли те, кто родился за пределами североамериканской республики. Но быстро росло, в том числе и за счет иммигрантов, население и других городов. К примеру, если в 1840 г. в Питтсбурге (штат Пенсильвания) проживало свыше 21 тыс. человек, то к 1850 г. число его жителей увеличилось более чем вдвое. Урбанизм ставил на повестку дня социальные проблемы: не хватало рабочих мест, жилья, антисанитарные условия способствовали возникновению и распространению эпидемий. Нарушались родственные связи, установившиеся между членами семьи в аграрной Америке. В 1840-е гг., по некоторым оценкам, на улицах Нью-Йорка насчитывалось несколько тысяч маленьких бродяг. Часть из них днем работала продавцами газет, цветов, спичек, яблок, перчаток или чистильщиками обуви. Некоторые уходили из дома, чтобы помочь родителям, другие – из-за ужасающих условий проживания или насилия. Были и сироты, и те, кого бросили родные.

Многих американских литераторов, художников привлекала фигура продавца газет. И это не случайно. Во второй четверти XIX в. в ряде крупных городов Северо-Востока США зарождается феномен дешевой прессы, т.н. «пенни-пресс» (газеты продавались за один цент, то есть е. за пенни), ориентированной на широкого читателя. Это было связано с

происходившими в стране социальными изменениями, с технологическими нововведениями – изобретением телеграфа (первая телеграфная линия Балтимор–Вашингтон была проведена в 1844 г.), появлением в 1846 г. ротационной печатной машины Р. Хоу². Резко увеличилось, в особенности в Нью-Йорке, количество печатной продукции.

Сам разносчик газет нередко ассоциируется с новизной, прогрессом³. Он, по словам литератора Джозефа Нила, выступает в качестве «основной идеи, символа, олицетворения» Молодой Америки, духа времени, американского национального характера. Он знаменует будущее республики, начало новой эпохи, которая приходит на смену войнам. Торговец прессой, согласно журналисту, репортеру газеты “New York Tribune” Джорджу Фостеру, воплощает современную цивилизацию⁴. Шедшая в 1854 г. в Бродвейском театре драма имела характерное название: «Дик, продавец газет, или Молодая Америка» (игравшей роль Дика Эллен Бейтман было около десяти лет)⁵.

Пареньки – продавцы газет – изображаются на фоне объявлений, рекламных щитов, театральных афиш, газетных вырезок. Слово несет особую смысловую нагрузку; подчеркивается значение текста, информации. В этом смысле можно выделить картины «Продавец газет» (1849)⁶ не столь известного портретиста Фредерика Спенсера (с 1831 г. жил в Нью-Йорке, входил в совет Национальной академии рисунка), «Продавец газет в Буффало» (1849) Томаса ЛеКлира⁷, «Торговец “New York Herald”» (1857) пейзажиста, жанриста Джеймса Генри Кафферти⁸. Подросток Спенсера устроился на пожарном гидранте, у его ног расположилась собака. Под мышкой он держит газеты, дотрагиваясь правой рукой до “New York Herald”, под которой находится “New York Sun”, –

² Алентьева. 2008. С. 114–119.

³ Часть американцев, напротив, была серьезно обеспокоена распространением дешевой прессы и относила уличных продавцов газет к «опасным классам» общества.

⁴ United States Magazine and Democratic Review (далее – DR). July 1843. Vol. 13. N 61. P. 89; Neal. 1844. P. 63–64; [Foster]. 1849. P. 103.

⁵ New York Times. 1854. Oct. 30, Nov. 1; Notable American Women. 1971. Vol. 3. P. 111.

⁶ <http://books.google.ru/books?id=kpkTHFJ739IC&pg=PA34&lpg=PA34&dq=frederick+spencer+newsboy&source=...>

⁷ http://www.artchive.com/web_gallery/T/Thomas-Le-Clear/Buffalo-Newsboy.html. С 1839 г. художник работал в Нью-Йорке, с середины 1840-х и до конца 1850-х гг. – в Буффало (штат Нью-Йорк). Ученик Г. Инмана. – Tuckerman. 1867. P. 440–442. Корреспондент “New York Times”, сообщая о смерти художника, называл его одним из самых знаменитых портретистов Америки (New York Times. 1882. Nov. 28).

⁸ http://www.zazzle.com/newsboy_selling_new_york_herald_james_cafferty_hat-148497905548429137.

это два влиятельных издания «пенни-пресс». Плакаты занимают всю стену сзади, так что не видно ни неба, ни городского пейзажа. Торговец газетами ЛеКлира, в широкополой шляпе, с яблоком, сидит на ящике, на котором выделяются крупные буквы «О.К.», и уверенно смотрит вперед. Сзади – забор с объявлениями, среди них бросается в глаза слово «мальчики». На находящейся в частной коллекции картине ЛеКлира, названной «В поисках развлечений», продавец газет, подросток лет 12-13-ти, с интересом разглядывает недавно повешенное объявление, где крупными буквами выведено: «развлечения»⁹. Как отмечал филантроп Чарльз Лоринг Брейс, почти все нью-йоркские мальчики, разносчики прессы, были грамотными. Часть из них хорошо умела читать¹⁰ (хотя, понятно, дети школу не посещали). Мальчик – «Торговец “New York Herald”» Кафферти – выглядит самым молодым и несколько растерянным, беззащитным на фоне афиш и стола с яблоками. Он единственный, кто представлен работающим, а не отдыхающим (насколько можно судить по рекламе в интернете, его фигура украшает современные футболки, кепки).

Отметим, что в этот период визуализация молодежи в бытовой живописи еще лишена психологической глубины. Стена как символ разъединения людей, одиночества в большом городе – метафора, как считают некоторые исследователи, развитая писателем Германом Мелвиллем в его повести «Писец Бартлби» (1853)¹¹, отсутствовала в американском жанровом изобразительном искусстве.

Современники часто характеризовали Молодую Америку как вечно торопящегося юношу¹². Как и читатели газет, которые в спешке, на бегу поглощают новости – им некогда изучать «толстые книги», американский разносчик газет бежит, оглашая улицу своими возгласами. Таков продавец газет на зарисовке (к рассказу Дж. Нила) известного иллюстратора Феликса О. Дарли в журнале “Democratic Review” (июль 1843 г.)¹³. Мальчик, дитя современности, как бы перечеркивающий свое прошлое, олицетворяет бег времени: важно то, что происходит сегодня, в настоящий момент. На будущее он также смотрит с оптимизмом, как и подросток ЛеКлира, застывший навеки со своим яблоком.

Продавец прессы связывается и с «джексоновской демократией», расширением избирательного права, приобщением широких масс к по-

⁹ Conlin. 2007. P. 41.

¹⁰ New York Times. 1854. March 22.

¹¹ См. подпр.: Сиротинская. 2010. С. 57–58.

¹² Everett. 1853. P. 6–8; New York Times. 1853. July 7.

¹³ DR. July 1843. P. 89; Neal. Op. cit. P. 64; [Foster]. Op. cit. P. 105; Мифы и реалии американской истории... 2008. Т. 1. С. 136.

литической жизни в 1830–1840-е гг. В это время появляется ряд сентиментальных литературных произведений, посвященных простому труженнику. Подобная литература пользовалась немалым спросом как среди уважаемых горожан, так и у «рабочих классов». Еще до Горация Эджера, автора имевшей большой успех повести «Оборванец Дик, или уличная жизнь в Нью-Йорке с чистильщиком обуви», впервые опубликованной в 1868 г.¹⁴, Дж. Нил внес вклад в распространение представления об «американской мечте» – возможности каждого простого американца самостоятельно продвинуться вверх по социальной лестнице. В «Democratic Review» литератор создал образ Тома Тиббза, мальчика из бедной многодетной семьи в Филадельфии – продавца газет. Том – дитя джексоновской демократии: он не будет блистать в шикарной гостиной, «свидетелями его пробуждения являются луна и звезды». Руководствуясь франклианской философией, он живет делами, а не занимается мечтаниями. Единственная его слабость – нелюбовь к «чопорному джентльмену старой школы» Сэппингтону Сэпиду, который приписывает все беды современности дешевой прессе. Благодаря трудолюбию, решительности, целеустремленности, опоре на собственные силы, здравому смыслу, «проникнутый духом прогресса» Том добивается успеха. Вот он уже подумывает о собственном литературном агентстве.

В центре романа «Продавец газет» Элизабет Оукс Смит (в будущем – участница движения за права женщин) – честный, добросердечный Боб, всегда готовый прийти на помощь. Писательница прославляет «опирающегося на собственные силы» паренька¹⁵. Молодой торговец прессой приравнивается к бизнесмену, подчеркивается его стремление к обретению уважительности. Герой пьесы «Дик, продавец газет, или Молодая Америка» – честный, благородный парнишка, который, найдя на улице пачку банкнот стоимостью 10 тыс. долларов, отдает деньги владельцу, а не жестокому тестю-уголовнику. Разъяренный родственник тщетно пытается ими завладеть¹⁶.

Подобный образ молодого продавца газет формируется и в жанровой живописи. Один из ранних¹⁷ – паренек Генри Инмана¹⁸, видного нью-йоркского портретиста, жанриста, пейзажиста. Его портреты, по словам дипломата, литератора Чарльза Э. Лестера, «почти всегда вы-

¹⁴ См.: Баталов. 2009. С. 241–244.

¹⁵ DR. July 1843. P. 90–96; Neal. Op. cit. P. 66–81; Smith. 1854. P. 33, 68–69.

¹⁶ New York Times. 1854. March 10, а также: 1853. Nov. 3; 1859. Oct. 19, Dec. 10.

¹⁷ Как считают исследователи, первый в жанровой живописи портрет разносчика газет был сделан Ф. Эдмондзом в 1839 г. Он не сохранился.

¹⁸ <http://www.fineart-china.com/htmlimg/image-39745.html>.

глядели лучше, чем оригиналы». Инман был самым высокооплачиваемым портретистом в Нью-Йорке¹⁹. Он являлся также одним из основателей Национальной академии рисунка и первым ее вице-президентом. После смерти художника в феврале 1846 г. в помещении «Американского Союза поощрения изобразительного искусства» была организована выставка его работ. Гравюра с данной картины Инмана появилась в 1843 г. в ежегодном подарочном издании “Gift” с 34-страничным рассказом о продавце газет Себы Смита, супруга Э. Смит.

10–11-летний мальчик на картине Инмана стоит, держа под мышкой стопку газет, поверх которой выделяется название одной из них – “New York Sun” (газета в правой руке паренька). Рядом с ним балюстрада с бронзовым сфинксом (это придуманная фигура). За ней – знаменитый Астор-хауз на Бродвее (построен в 1836 г.), самый фешенебельный нью-йоркский отель того времени, предлагавший все удобства, включая паровое отопление. Одна из целей художника – показать, что он вовсе не стремится приукрасить действительность. Как рассказывала газета “The Knickerbocker” в июле 1862 г., Инман заключил с маленьким оборвышем, которого приметил в толпе продавцов газет: тот должен был прийти к мастеру для позирования. И парнишка выполнил обещание, но полностью поменял свой облик, причесался, почистил и заштопал одежду. Инман отправил его домой, наказав предстать в обычном виде²⁰. Но, несмотря на то, что на мальчике – пальто с порванными локтями, которое ему явно велико, брюки в заплатках, пыльные ботинки, одет он стильно: галстук гармонирует с красным воротником пальто, небрежно накинута набекрень кепка. Поза молодого продавца, его искушенный, лукавый, несколько циничный взгляд, бросающееся в глаза надкушенное яблоко на балюстраде свидетельствуют о том, что для него открыт путь наверх. Он обладает предпринимательским даром, готов «перехватить» потенциальных клиентов. Сегодня он – продавец газет, как будто бы говорит нам художник, а завтра он уже будет подниматься вверх по ступеням Астор-хауз. Вряд ли что-либо напоминает нам о недавно потрясшем страну серьезном экономическом кризисе. Исследователи отмечают влияние романтизма на Инмана.

Благородные, ухоженные молодые торговцы портретиста Уильяма Пейджа²¹ (в 1830–1840-е гг. художник проживал в Нью-Йорке), продающие газеты и клубнику около нью-йоркского городского совета, на-

¹⁹ Lester. 1846. P. 42–43, 57.

²⁰ Gerds. 1977. P. 40; *Idem*. 1974. P. 2–6; Patterson. 2009. P. 146–147.

²¹ [http://americangallery.wordpress.com/2010/08/01/william-page-1811-1885/...](http://americangallery.wordpress.com/2010/08/01/william-page-1811-1885/)

поминают, скорее, античных героев и выглядят как отпрыски аристократических семей. Хотя на одном сапоге подростка на картине Ф. Спенсера – большая дыра, а брюки продавца прессы заштопаны, он, в своей элегантной куртке, производит впечатление самоуверенного дэнди, следящего за модой. Паренек ЛеКлира – прямо-таки будущий президент.

Историки показали, что подобное представление о городской бедноте отражало миф о социальной однородности американского общества, равных возможностях для начала предпринимательской деятельности в 1830–1840-е гг. Брат Генри Инмана, журналист Джон Инман, к примеру, утверждал: в североамериканской республике, в отличие от Старого Света, нет классов, за исключением рабов Юга. Здесь все обладают равными правами²². На самом деле, в США в данный период показатели вертикальной социальной мобильности, т.е. перемещения из одного класса в другой и, в особенности, восхождения в верхний класс, не были столь высокими²³. Хотя, действительно, городская беднота США порой находилась в лучшем положении, нежели социальные низы в Европе, лишь немногие продавцы прессы (Дж. Фостер приводит такие примеры²⁴) пополняли ряды среднего класса. Маленькие торговцы вынуждены были проявлять чудеса изворотливости и ловкости, дабы продать газеты, быть назойливыми, уметь сказать неправду (в то время им запрещалось возвращать нераспроданные экземпляры); многие спекулянты пытались нажиться на их труде.

По оценкам Дж. Фостера, в Нью-Йорке в середине позапрошлого столетия насчитывалось примерно 300–350 продавцов газет. В основном это были мальчики (согласно некоторым данным, прессой торговали и девочки) от шести до пятнадцати лет, преимущественно из бедных семей ирландских и немецких иммигрантов. Они спали в подвалах, дверных проемах, прямо на ступеньках зданий или возле печатных станков, в больших ящиках из-под древесного угля (иногда по 6–8 человек). На паренках – разносчиках газет, отмечал писатель, основатель литературно-политического объединения «Молодая Америка» Корнелиуз Мэтьюз, нельзя увидеть костюмы, их лица всегда грязные. Внешний облик соответствует характеру: мальчишки часто сквернословят, пьют, вступают в драки, любят дешевые театральные эффекты, карточные игры. Даже на картах в их колодах – названия городских утренних и вечерних газет и ежемесячников. Автор заметки о нью-йоркских продавцах газет в “New York Times” оценивал заработки наиболее актив-

²² DR. April 1842. Vol. 10. N 46. P. 345.

²³ Болховитинов. 1980. С. 253–281; Согрин. 2010. С. 167–168; Pessen. 1969; etc.

²⁴ Foster. 1850. P. 46–48.

ных из них в пределах от 62,5 центов до одного доллара в день²⁵. Средний же заработок мальчиков был гораздо ниже, порядка 30 центов. Это была в большой степени «мобильность вниз» – многие умирали в раннем возрасте от болезней, переутомления, спивались, становились преступниками. В 1851 г. по крайней мере четверть из 16 тыс. преступников, отправленных в городскую тюрьму Нью-Йорка, составляла молодежь в возрасте до 21 года, 175 детям не исполнилось еще и 10 лет²⁶.

Подобных маленьких оборванцев запечатлел Дэвид Гилмур Блайт (он родился в Огайо, а с 1856 г. работал в Питтсбурге) – жанрист опровергает заключения о возвышенном характере продавца газет. Его живопись напоминает карикатуру. Городские дети и подростки занимают центральное место в творчестве художника. Уличная детвора в его презентации откровенно порочна. «Продавцы газет» (конец 1840-х – начало 1850-х гг.)²⁷ – одна из первых жанровых картин Блайта. Мальчишка помладше держит “Pittsburgh Commercial Journal”, другой, с оборванным рукавом, пускающий кольца дыма в своего собеседника, – “Pittsburgh Daily Dispatch”. Они явно заключают какую-то сделку, о чем-то спорят, может быть, о разделе сфер влияния. Младший настаивает на своем, тыкает пальцем в газету. Работа «Уличные мальчишки» (1856–1858)²⁸ демонстрирует восемь собравшихся в «стаю» узкоглазых оборвышей, с одинаково дегенеративным выражением лица, с сигаретой во рту. Они наблюдают, как их предводитель собирается совершить хулиганский поступок. Определенно, в их голове зреют какие-то недобрые планы. Возможно, это будущие преступники. Блайт испытывал неприязнь к иммигрантам. Первоначально виг по партийным убеждениям, он поддержал нейтивистское движение и выступал противником всяких «измов», в том числе аболиционизма²⁹.

Дж. Г. Кафферти – один из немногих нью-йоркских художников, кто обратил внимание на контраст между бедной и богатой девушками («Тротуары Нью-Йорка или ‘Богатая девушка, бедная девушка’»³⁰), работа не имела успеха у публики), причем первая (мы видим ее со спины), в стертой обуви, похоже, просящая милостыню у разряженной молодой

²⁵ Foster. 1850. P. 44–51; *Idem*. 1849. P. 103–105; Mathews. 1863. P. 219–223; Stein. 1974. P. 81–85; New York Times. 1853. March 12.

²⁶ Whisnant. 1972. P. 269–284; DiGirolamo. 2002. P. 25; Sánchez-Eppler. 2005. P. 165–167.

²⁷ <http://www.google.ru/imgres?imgurl=http://www.museumsyndicate.com/image...>

²⁸ <http://www.google.com/imgres?imgurl=http://badatsports.com/blog/wp-content/...>

²⁹ Burns. 2006. P. 80; Flexner. 1962; Johns. 1991. P. 190–193; Piper. 2006. P. 27–29.

³⁰ <http://www.google.com/imgres?imgurl=http://www.1st-art-gallery.com/com/thumbnail/...>

женщины, вызывает сочувствие. А такую картину можно было наблюдать, и не только в Нью-Йорке. Как указывалось в отчете, представленном в нижнюю палату Законодательного собрания Массачусетса в 1853 г., девушки-попрошайки и мелкие мошенницы часто встречались во многих крупных городах Соединенных Штатов³¹. Примечательно, что девушки изображены на фоне газетных вырезок и театральных афиш.

В целом же, с точки зрения Э. Джонс, в нью-йоркской бытовой живописи предвоенных десятилетий низшие слои общества отнюдь не представлялись жертвами, достойными сочувствия. Напротив, можно было встретить утверждения, что беднякам следует винить самих себя за то, в каком положении они оказались. В издававшемся в 1840–1842 гг. К. Мэтьюзом и Э. Дайкинком журнале “*Argcturus*” рассказывалось об испытывавших нужду детях и пожилых женщинах в парке Нью-Йорка (апрель 1841 г.). Однако делалось заключение о том, что «у нас нет низших классов», за исключением тех, кто становится ими «по собственной глупости и в силу порочности своего характера»³².

Жанристы предпочитали писать городскую детвору и подростков отчасти потому, что многим тогда казалось, что молодежь наиболее подвержена совершенствованию. В этот период было распространено убеждение, что сами дети по натуре хороши. Достаточно лишь обеспечить их кровом, дать им религиозное воспитание, привить нравственные идеалы, приучить к чистоте и аккуратности, изолировать от тлетворного влияния родителей-иммигрантов или «плохих» работодателей, и они станут примерными гражданами³³. В это время активная деятельность была развернута различными проповедниками. В 1853 г. в Нью-Йорке Ч. Л. Брейсом было основано «Общество помощи детям», а в марте 1854 г. на верхнем этаже здания, где располагалась редакция газеты “*New York Sun*”, филантропом была открыта гостиница для мальчиков – продавцов газет. О них много писала “*New York Times*”, Брейс вел в газете колонку «Прогулки среди бедноты Нью-Йорка». Он придавал большое значение религиозному воспитанию и культурному просвещению мальчиков, сам читал лекции. В гостинице существовала хорошая библиотека. Брейс, однако, взимал плату за проживание. Он поощрял труд, развивая мысль о том, что мальчики должны опираться на собственные силы, дабы преуспеть, призывал их делать денежные сбережения³⁴.

³¹ Children & Youth in America ... 1970. Vol. 1. P. 419.

³² Johns. Op. cit. P. 182–183; см. также: *McCoubrey*. 1963. P. 33.

³³ См. напр.: *Lubin*. 1994. P. 215–217.

³⁴ *New York Times*. 1854. March 18, 20, Aug. 11; 1855. Febr. 13–14; etc.; *Brace*. 1866. P. 162–165.

Во Франции в 1830–1840-е гг. понятие молодости нередко ассоциировалось с идеей бунта, переворота, революции. Достаточно вспомнить произведения Оноре Домье, известную картину Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ» (1830). Держашую в руке трехцветный флаг полуобнаженную молодую женщину, которая воплощает свободу, окружают вооруженные студент и уличный мальчик в лохмотьях.

Брейс при основании гостиницы для мальчиков – продавцов газет не скрывал, что руководствовался и прагматическими соображениями: он опасался социального взрыва наподобие французского³⁵. В 1840-е гг. журнал “Democratic Review” постоянно позиционировал себя в отношении Старого Света, отмечал свое родство с революционными организациями «Молодая Италия», «Молодая Европа». В середине XIX в. многие американцы на Северо-Востоке и Северо-Западе США проявили живой интерес к революционным событиям в Европе, в частности к провозглашению Французской республики в феврале 1848 г. Свежие новости из Старого Света немедленно становились предметом обсуждения и поднимали заработки продавцов газет. По словам Фостера, мальчики, испытывавшие ненависть к королевской власти, к европейской аристократии, с особенным «пылом» выкрикивали известие о свержении Луи Филиппа в Париже³⁶.

Картина Ф. Спенсера «Продавец газет», думается, отражает напряженность в американском обществе. В центре полотна почти во всю ширину стены мы видим плакат со словами: «что-то приближается» (“something coming”) и надпись «бунт» (riot). Американская исследовательница Гейл Хасч проводит параллели между одеждой подростка, продающего прессу, и стилем молодых рабочих и подмастерьев района Пяти Точек в Нижнем Манхэттене, где проживала беднота, т.н. «парнями Бауэри». Пряди волос паренька изящно завиты и, возможно, смазаны мылом, шею покрывает шелковый платок, брюки подвернуты над массивными сапогами. Гидрант, на котором сидит продавец, – необходимое орудие добровольных пожарных команд и «парней Бауэри».

Аналогии с «парнями Бауэри» не случайны. Многие из них следили за тем, что происходило в Таммани-холл, штаб-квартире Демократической партии, любили театр, в особенности мелодраму, и часто ходили смотреть спектакли с американским актером Эдвином Форрестом. Собственно, именно противостояние между «рабочими классами», поклонниками Форреста, и более обеспеченной публикой, посещавшей театр Астор-плейс, где играл британский актер Уильям Макриди, привело в

³⁵ *Whisnant*. Op. cit. P. 287.

³⁶ *New York Times*. 1853. March 12; [*Foster*]. 1849. P. 106.

мае 1849 г. к вооруженному столкновению у театра Астор-плейс. Были убиты 22 человека, ранены случайные прохожие. Собственно, вырезку с описанием беспорядков у театра Астор-плейс можно заметить на стене.

По-видимому, художник обеспокоен отсутствием стабильности в американском обществе, о чем свидетельствует и плакат с просьбой не размещать объявления (но они размещаются!). Автор, возможно, усматривает некие параллели между событиями в Старом и Новом Свете. Он раскрывает свое намерение покинуть суетную городскую жизнь: повешено его объявление о поиске фермы в пять акров.

С точки зрения Г. Хасч, это произведение Спенсера – метафора апокалипсиса, усиленная революциями в Европе, последствиями войны США с Мексикой (1846–1848), волной иммиграции из Ирландии, золотой лихорадкой, эпидемией холеры. В характере репрезентации Спенсером фигуры торговца газетами исследовательница видит и некую идеалистичность академического искусства, представленного Национальной академией рисунка (над головой продавца газет висит объявление, сообщающее об открытии очередной ежегодной выставки Академии, членом оргкомитета которой являлся художник), в противовес «карнавализации культуры» прессой, «индустрией развлечений» и, в особенности, «Американским Союзом поощрения изобразительного искусства»³⁷.

Намек на события у театра Астор-плейс имеется и у Джорджа Генри Йувелла³⁸. Худой мальчик, примерно 12 лет, на картине, ныне известной как «Чистильщик обуви»³⁹, сидит на обочине дороги. Он производит впечатление крайне усталого, а, возможно, и больного ребенка. Он не по-детски серьезен, опирается на ящик с сапожными принадлежностями. Одет бедно: его собственные ботинки грязные, неначищенные. Сзади слева видна Гробница, городская тюрьма, а справа располагается доска с плакатами и театральными афишами, одна из которых рекламирует пьесу «Метамора», где главную роль индейского вождя играет Э. Форрест. Плакаты посвящены различным реформаторским движениям. На лицо мальчика падает тень, лишь над тюрьмой замечен кусочек голубого неба. Уже в самом первоначальном названии картины – она выставлялась в 1852 г. как: «Ничего неделание» (Doing Nothing) – звучит скрытый укор пареньку, чья пассивность может не довести до добра.

³⁷ Husch. 2000. P. 35–57.

³⁸ Йувелл приехал в Нью-Йорк в 1850-е гг. (родился в Мэриленде, рос в Айове).

³⁹ <http://www.bridgemanart.com/image/Yewell-George-Henry-1830-1923/The-Bootblack-1852...>

Революционный потенциал несут продавцы газет Мартина Джонсона Хида (1848)⁴⁰, но это торговцы, судя по всему революционной прессой, в Рим (художник в это время совершал путешествие по ряду городов Европы). Данная картина – его единственная сохранившаяся жанровая работа. Красная ленточка на кепке сидящего мальчика наводит на мысль о его связи с республиканскими организациями. На кепке же стоящего мальчугана, опирающегося согнутой ногой на стену с оборванными объявлениями и граффити, – имя папы Пия IX. Хид подчеркивает огромную пропагандистскую роль прессы.

На полотнах жанристов до Гражданской войны нечасто можно увидеть респектабельных молодых людей, представителей городского среднего класса. Исключения представляют, например, картины Фрэнсиса Эдмондза и Ричарда Катона Вудвилла. Последний родился и до 1845 г. проживал в Балтиморе, штат Мэриленд, затем учился живописи в Дюссельдорфской академии художеств и до своей ранней смерти в 1855 г. жил преимущественно в Европе. Ряд жанровых произведений художника экспонировался на выставках «Американского Союза поощрения изобразительного искусства». Они имели колоссальный успех в Нью-Йорке; с картин делали многочисленные копии.

Композиция «Старый '76 и молодой '48» (1849)⁴¹ молодого Вудвилла вводит войну с Мексикой в контекст европейских событий. Мексиканская война чрезвычайно обострила внутривнутриполитическую борьбу в Соединенных Штатах по проблеме рабства, в центре которой был вопрос о будущем статусе земель, которые могли быть присоединены к североамериканской республике. Достигнутый в 1850 г. компромисс не положил конец секционному противостоянию, вызвав недовольство как аболиционистов, так и южных радикалов. На картине привлекает внимание молодой офицер, с воодушевлением рассказывающий членам своей семьи об участии в войне. Его внимательно слушают дед, ветеран Американской революции, пара средних лет – вероятно, родители (изображены реальные отец и мать художника), молодая женщина, возможно, сестра. По-видимому, молодой человек пытается представить свою службу как продолжающую фамильную традицию – его рука указывает на портрет деда в форме участника Войны за независимость. Однако поза, отвлече-

⁴⁰ <http://www.martin-johnson-head.org/The-Roman-Newsboys.html>. Художник известен, прежде всего, своими пейзажами, натюрмортами, яркий представитель люминизма в искусстве. Первая его работа выставлялась в 1841 г. в Пенсильванской академии изобразительного искусства в Филадельфии.

⁴¹ <http://www.metmuseum.org/special/americanstories/objectView.aspx?sid=3&oid=16>.

ченный взгляд престарелого ветерана свидетельствуют о его недоверчивом, скептическом отношении к словам внука. Судя по названию работы (4 июля 1776 г. – принятие Декларации независимости), Американская революция ставится в один ряд с революционными событиями в Старом Свете 1848–49 гг., а также с борьбой США за расширение «зоны свободы» на североамериканском континенте. Старик явно отказывается ассоциировать Американскую революцию с Мексиканской войной.

Вудвилл часто обращается к изображению молодых американцев в городе, придавая особенное значение газете. В этом смысле можно упомянуть его композиции «Военные новости из Мексики» (1848), «Политика в таверне» (1848)⁴². На последней картине мы видим двух мужчин, одного молодого, с газетой в руках, другого – убеленного сединой, в отдельном кабинете балтиморской таверны, где подавали модные тогда устрицы (подобные заведения в XIX в. посещали только мужчины). Они явно обсуждают свежие политические новости, должно быть, события в Мексике, в Старом Свете. Молодой человек пытается в чем-то убедить собеседника – в пылу полемики отдельные листы газеты упали на пол. Но, судя по ироничному, обращенному к нам взгляду его искусственного в политических спорах собеседника, ему это не удастся⁴³.

Эта работа Вудвилла, как и его «Старый '76 и молодой '48» (1849), иногда интерпретируются в плане конфликта поколений⁴⁴. Под тем же углом зрения можно взглянуть и на картину Ф. Эдмондза «Новая шляпка» (1858)⁴⁵. По словам Г. Такермана, Эдмондз одинаково хорошо проявил себя на «противоположных» поприщах: он, будучи банкиром (сначала в г. Хадсоне, где он родился, а потом на Уолл-стрит), служил как Маммоне, так и Искусству. Эдмондз пользовался влиянием в нью-йоркских деловых кругах. В то же время в 1842–1859 гг. только в Национальной академии рисунка экспонировалось около тридцати его картин. Он входил в число управляющих «Американского Союза поощрения изобразительного искусства», затем являлся казначеем Национальной академии рисунка. Эдмондз был близок к демократам⁴⁶.

С одной стороны, художником осуждается экстравагантное стремление к роскоши молодой женщины, формирующаяся с развитием ры-

⁴² <http://gallerix.ru/album/American-painters-2/pic/glrX-785040823>.

⁴³ *Johns*. Op. cit. P. 179.

⁴⁴ См. напр.: *Wolf B.* 1984. P. 332.

⁴⁵ http://www.metmuseum.org/works_of_art/collection_database/american_paintings_and_sculpture/the_new_bonnet...

⁴⁶ *Tuckerman*. 1847. P. 158–159; *Mann*. 1970. P. 92–106; *Widmer*. 1999. P. 134–135, 252.

ночных отношений потребительская культура городского среднего класса⁴⁷. С укором смотрит на хозяйку бедная девочка-служанка. С другой стороны, не идеализируются и родители, явно шокированные счетом за купленную дочерью шляпку. Обращается внимание на любовь к спиртному престарелого отца, о чем свидетельствуют бутылочка с рюмкой на столе около карты, и тщеславие матери (его, согласно эмблематике голландской живописи, символизирует зеркало). Эдмондз посвящает молодым американцам и другие картины.

Как показывают произведения Вудвилла и Эдмондза, молодые белые американцы начинают осознавать себя как особую, имеющую свои интересы, возрастную группу. В 1840-е гг. “Democratic Review” придает большое значение профессиональному росту, воспитанию молодых людей, необходимости вовлечения их в общественно-политическую, культурную жизнь страны. Выступая в июне 1845 г. перед Эвклидовым обществом Нью-Йоркского университета, К. Мэтьюз делает акцент на различиях поколений. «Нам известны, – заявляет он, – достижения прошлого поколения государственных деятелей, юристов и писателей», однако «наш долг и наша судьба отличаются», ибо «мы являемся... новым поколением». В 1852 г. редакция “Democratic Review” под руководством Дж. Сэндерса разворачивает яростную и довольно грубую борьбу против «старых ретроградов» (old fogies), противников прогресса, к коим причисляются многие виги и некоторые современные лидеры Демократической партии. В число «старых ретроградов», правда, не включаются «отцы-основатели», в частности Т. Джефферсон и Дж. Вашингтон⁴⁸.

В середине XIX века употребляется в основном слово «молодежь» (youths). Как считает ряд исследователей, концепции «отрочества» (adolescence) как ранней ступени формирования индивидуума, подросткового возраста как промежуточной фазы между детством и зрелостью (adulthood), с присущими ему физиологическими и психологическими особенностями, со своей субкультурой, еще не существовало. Концепция “adolescence” была «изобретена» средним классом на рубеже XIX–XX вв., когда проблемы, как бы мы сейчас сказали, тинейджеров, детства, семейных отношений привлекли пристальное внимание специалистов – психотерапевтов, психологов, педагогов, юристов, историков, социологов, литературоведов, социальных работников. В предвоенные десятилетия в США понятие молодости было шире современного и

⁴⁷ Witkowski. 1999. P. 644–651.

⁴⁸ DR. June 1844. Vol. 14. N 72. P. 634–637; May 1845. Vol. 16. N 83. P. 495; Jan. 1846. Vol. 18. N 91. P. 29–30; March 1852. Vol. 30. N 165. P. 215; Apr. 1852. Vol. 30. N 166. P. 290–293, 367, 372; May 1852. Vol. 30. N 167. P. 474; etc.; Widmer. Op. cit. P. 60.

подразумевало не только возраст, но и определенный социальный статус: мужчина достигал зрелости к 30–35 годам, когда он обретал независимость, собственную семью⁴⁹.

На репрезентацию рядом жанристов молодых американцев порой накладывала отпечаток натурфилософия нидерландской бытовой живописи XVII в., включающая множество знаковых эмблем. Детство здесь предстает как начальная пора жизненного цикла, начальная ступень лестницы человеческих возрастов под руководством «матери-Природы». Подчеркивается его чистота, невинность, безмятежность, но в то же время подразумевается и его преходящий характер⁵⁰. В этом контексте анализируется творчество Г. Инмана, Ф. Эдмондза, Д. Г. Блайта и других художников⁵¹. Но на жанровую живопись Соединенных Штатов в данный период оказывало влияние не только голландское искусство. Портретист Чарльз Кромвелл Инэм, один из основателей Национальной академии рисунка, ее вице-президент (1845–1850), в 1846 г. создает неожиданный для нас образ нью-йоркской продавщицы цветов⁵². Его «Цветочница» несет корзину с огромным, великолепно подобранным, даже по современным меркам, букетом различных цветов; в левой руке она держит горшочек с цветком фуксии. Вряд ли здесь имеет смысл искать сходство с реальными продавщицами цветов на улицах Нью-Йорка. По мнению специалистов, Инэм мог находиться под впечатлением знаменитой «Цветочницы» Эстебана Мурильо (1665). Прекрасная андалусская девушка на картине великого испанского художника, в ниспадающей шали которой находятся розовые и белые розы, как и цветочница Инэма, могут рассматриваться как традиционные эмблемы богини Флоры, Весны. Но в современном прочтении композиции могут таить в себе и иной смысл. Цветок фуксии имеет скрытый символ продажной любви: девушки, обращаясь непосредственно к тем, кто на них смотрит, предлагают не только цветы, но и себя.

Можно согласиться с заключением американской исследовательницы Элизабет Джонс: вряд ли нью-йоркскую бытовую живопись США в середине XIX века, в частности репрезентацию молодых американцев, можно назвать реалистической. На нее в значительной степени накла-

⁴⁹ Kett. 1971. P. 283–298; Gillis. 1974. P. 95–133; Demos. 1986. P. 92–113; Teeter. Spring 1988. P. 15–18; Idem. Winter 1988. P. 909–912; Idem. 1995. P. 291–299; Neubauer. 1992; etc.

⁵⁰ О ранней западноевропейской жанровой живописи и, в частности, об особенностях визуализации детства в эту эпоху см.: Соколов. 1994. С. 100–109.

⁵¹ Gerdis. 1977. P. 36–37; Clark. 1982. P. 23–38; см. также: Юрьева. 2001.

⁵² <http://gallerix.ru/album/American-painters-2/pic/glr-x-1804915933>.

дывала печать идеология. Жанровое изобразительное искусство до Гражданской войны отражало экономические, политические, социальные изменения, происходившие в Соединенных Штатах.

Картины ряда художников (Г. Инмана, Т. ЛеКлира, Р.К. Вудвилла, Ф. Эдмондза) нередко имели политическое звучание. Поднимавшиеся ими темы – о роли дешевой прессы и вообще печатного слова в жизни города, о принципе равенства возможностей, об универсальной значимости Американской революции, ее близости современности, выбор ими сюжетов, обращение к «низшим» слоям общества, простым уличным мальчишкам, продавцам газет, – перекликаются с идеями «молодых» демократов. Движение «Молодая Америка», в свою очередь, может рассматриваться не только в политическом, но и в более широком социокультурном контексте. Судя по работам некоторых жанристов, в этот период молодые американцы англосаксонского происхождения, представители среднего класса, стали осознавать себя как значимую политическую силу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алентьева Т. В.* Революция в американской прессе в 1830–1840-х гг. // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. / Отв. ред. В. А. Коленко: В 3-х тт. Т. 1. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 109–135.
- Баталов Э. Я.* Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 382 с.
- Болховитинов Н. Н.* США: проблемы истории и современная историография. М.: Наука, 1980. 403 с.
- История США: В 4-х тт. / Гл. ред. Г. Н. Севостьянов. Т. 1. 1607–1877 / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Наука, 1983. 687 с.
- Мелвилл Г.* Повести. Пер. с англ. / Сост. и вступит. ст. А. Старцева. М.: Художественная литература, 1977. 286 с.
- Осбери Г.* Банды Нью-Йорка. Пер. с англ. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 349 с.
- Сиротинская М. М.* Город в восприятии «Молодой Америки» (середина XIX в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Гл. ред. Л. П. Репина. М.: ЛЕНАНД, 2010. Вып. 32. С. 45–64.
- Согрин В. В.* Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 579 с.
- Соколов М. Н.* Бытовые образы в западноевропейской живописи XV–XVII веков: реальность и символика. М.: Изобразительное искусство, 1994. 288 с.
- Чегодаев А. Д.* Искусство Соединенных Штатов Америки от войны за независимость до наших дней. М.: Искусство, 1960. 322 с.
- Юрьева Т. С.* Портрет в американской культуре XVIII века. СПб.: издательство «Бельведер», 2001. 103 с.
- American Iconology New Approaches to Nineteenth-century Art and Literature / Ed. by D. C. Miller. New Haven; L.: Yale Univ. press, 1993. 344 p.

- Brace Ch. L.* Short Sermons to News Boys: With a History of the Formation of the News Boys' Lodging House. N.Y.: Charles Scribner & Co, 1866. 244 p. URL: <http://books.google.ru>
- Burns S.* David Gilmour Blythe's Very Uncivil War // Seeing High & Low: Representing Social Conflict in American Visual Culture / Ed. by P. Johnston. Berkeley; etc.: Univ. of California Press, 2006. 308 p.
- Child L. M.* Letters from New York. N.Y.: C. S. Francis; Boston: J. H. Francis, 1845. 287 p. URL: <http://www.archive.org/details/lettersfromnewy02chilgoog>
- Children & Youth in America A Documentary History* / Ed. by R. H. Bremner. Vol. 1. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1970. 836 p.
- Clark H. N. B.* A Taste for the Netherlands: The Impact of Seventeenth-Century Dutch and Flemish Genre Painting on American Art 1800–1860 // American Art Journal. Spring 1982. Vol. 14. N 2. P. 23–38.
- Conlin J. H.* The Historian's Notebook: Thomas LeClear's Buffalo Newsboys // Western New York Heritage. 2007. Vol. 10. N 2. P. 41–42.
- Demos J.* Past, Present, and Personal: The Family and the Life Course in American History. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1986. 215 p.
- DiGirolamo V.* Newsboy Funerals: Tales of Sorrow and Solidarity in Urban America // Journal of Social History. Fall 2002. Vol. 36. N 1. P. 5–30.
- Everett E.* Stability and Progress. Remarks Made on the 4th of July, 1853, in Faneuil Hall. Boston: Eastburn's Press, 1853. 11 p. // New York State Library. Manuscripts and Special Collections.
- Flexner J.T.* The Dark World of David Gilmour Blythe // American Heritage Magazine. Oct. 1962. Vol. 13. N 6. URL: http://www.americanheritage.com/articles/magazine/ah/1962/6/1962_6_20.shtml
- [*Foster G. G.*] New York in Slices: by an Experienced Carver: Being the Original Slices Published in the N.Y. Tribune. N.Y.: W.F. Burgess, 1849. 128 p. URL: <http://ia700307.us.archive.org/BookReader>
- Foster G. G.* New York by Gas-Light: With Here and There a Streak of Sunshine. N.Y.: Dewitt & Davenport, 1850. 128 p. URL: <http://books.google.ru>
- Gerds W. H.* The Henry Inman Memorial Exhibition of 1846 // Archives of American Art Journal. 1974. Vol. 14. N 2. P. 2–6. URL: <http://www.jstor.org/stable/1557027>.
- Gerds W. H.* Henry Inman: Genre Painter // American Art Journal. May, 1977. Vol. 9. N 1. P. 26–48.
- Gillis J. R.* Youth and History: Tradition and Change in European Age Relations 1770 – Present. N.Y.; L.: Academic Press, 1974. 232 p.
- Groseclose B.* Nineteenth-Century American Art. Oxford; N.Y.: Oxford Univ. Press, 2000. 234 p.
- Harris N.* The Artist in American Society The Formative Years 1790–1860. N.Y.: George Brazille, 1966. 432 p.
- Husch G. E.* Something Coming: Apocalyptic Expectation and Mid-Nineteenth-Century American Painting. Hanover: Univ. Press of New England, 2000. 327 p. URL: <http://books.google.ru>
- Johns E.* American Genre Painting: The Politics of Everyday Life. New Haven: Yale Univ. Press, 1991. 288 p.

- Kett J. F.* Adolescence and Youth in Ninetenth-Century America // Journal of Interdisciplinary History. Aut. 1971. Vol. 2. N 2. P. 283–298. URL: <http://www.jstor.org/stable/202846>
- Klein R.N.* Art and Authority in Antebellum New York City: The Rise and Fall of the American Art-Union // Journal of American History. March 1995. Vol. 81. N 4. P. 1534–1561.
- Lester C. E.* The Artists of America: A Series of Biographical Sketches of American Artists; With Portraits and Designs on Steel. N.Y.: Baker & Scribner, 1846. 256 p.
- Lubin D. M.* Picturing a Nation: Art and Social Change in Nineteenth-Century America. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1994. 364 p.
- McCoubrey J. W.* American Tradition in Painting. N.Y.: George Braziller, 1963. 128 p.
- Mann M.* Francis William Edmonds: Mammon and Art // American Art Journal. Autumn 1970. Vol. 2. N 2. P. 92–106.
- Manoguerra P. A.* Classic Ground: Mid-Nineteenth Century American Painting and the Italian Encounter. URL: www.tfaoi.com/aa/4aa/4aa516.htm
- Mathews C.* The Career of Puffer Hopkins // The Various Writings of Cornelius Mathews. N.Y.: Harper and Brothers, 1863. P. 169-292. URL: <http://www.archive.org/details/variouswritings01mathgoog>.
- Mitchell W. J. T.* Iconology Image, Text, Ideology. Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1986. 226 p.
- Neal J. C.* Peter Ploddy, and Other Oddities. Philadelphia: Carey & Hart, 1844. 181 p. URL: <http://books.google.ru>
- Neubauer J.* The Fin-de-Siecle Culture of Adolescence. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1992. 288 p.
- New York Times. 1851–1859. URL: <http://www.nytimes.com/ref/membercenter/nytarchive.html>
- Notable American Women: 1607–1950: A Biographical Dictionary: In 3 vol. / Ed. by E. T. James et al. Vol. 3. Cambridge: Harvard University Press, 1971. 729 p. URL: <http://books.google.ru>
- Novak B.* American Painting of the Nineteenth Century: Realism, Idealism, and the American Experience. 2 ed. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1979. 351 p.
- Olsen R. D.* Genre Painting as Ideology // American Quarterly. March 1993. Vol. 45. N 1. P. 151–159.
- Patterson C.* “Illustration of a Picture”: Nineteenth-Century Writers and the Philadelphia Pictorials // American Periodicals: A Journal of History, Criticism, and Bibliography. 2009. Vol. 19. N 2. P. 136–164. URL: <http://muse.jhu.edu/journals/amp/summary/v019/19.2.patterson.html>
- Piper C. S.* David Gilmour Blythe’s Street Urchins and American Nativism. VCU Digital Archives. Virginia Commonwealth Univ., Richmond. Dec. 2006. 83 p. URL: http://digarchive.library.vcu.edu/bitstream/10156/1771/1/piper_crs_thesis.pdf
- Sánchez-Eppler K.* Dependent States: The Child’s Part in Nineteenth-Century American Culture. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2005. 288 p. URL: <http://books.google.ru>
- Smith E. O. P.* The Newsboy. N.Y.: J.C. Derby; Boston: Phillips, Sampson & Co; Cincinnati: H.W. Derby, 1854. 527 p.

- Spann E. K.* The New Metropolis New York City, 1840–1857. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1981. 546 p.
- Stein A. F.* Cornelius Mathews. N.Y.: Twayne Publishers, Inc., 1974. 175 p.
- Teeter R.* The Travails of 19th-Century Urban Youth as a Precondition to the Invention of Modern Adolescence // Adolescence. Spring 1988. Vol. 23. N 89. P. 15–18. URL: <http://82.179.249.32:2060/pqdweb?index=1&did=1499120&SrchMode=&sid=1&Fmt=6&VInst=PROD&V>
- Teeter R.* Coming of Age on the City Streets in 19th-Century America // Adolescence. Winter 1988. Vol. 23. N 92. P. 909–912. URL: <http://82.179.249.32:2060/pqdweb?index=2&did=1499220&SrchMode=2&sid=1&Fmt=6&VInst=PROD&VType>
- Teeter R.* Pre-School Responses to the 19th Century Youth Crisis // Adolescence. Summer 1995. Vol. 30. N 118. P. 291–299. URL: <http://82.179.249.32:2060/pqdweb?did=6657304&sid=2&Fmt=3&clientId=45975&RQT=309&VName=PQD>
- Tuckerman H. T.* Artist Life: Or, Sketches of American Painters. N.Y.: D. Appleton & Company; Philadelphia: Geo S. Appleton, 1847. 237 p. URL: <http://books.google.ru>
- Tuckerman H. T.* Book of the Artists. American Artist Life. N.Y.: G.P. Putnam & Son; L.: Sampson Low & Co, 1867. 639 p. URL: <http://books.google.ru>
- United States Magazine and Democratic Review. Washington, New York, 1837–1852. URL: <http://digital.library.cornell.edu/u/usde/index.htm>
- Wallach G.* Obedient Sons: The Discourse of Youth and Generations in American Culture, 1630–1860. Amherst: University of Massachusetts Press, 1997. 265 p. URL: <http://books.google.ru>
- Whisnant D. E.* Selling the Gospel News, Or: The Strange Career of Jimmy Brown the Newsboy // Journal of Social History. Spring 1972. Vol. 5. N 3. P. 269–284. URL: <http://www.jstor.org/stable/3786658>
- Widmer E. L.* Young America. The Flowering of Democracy in New York City. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1999. 290 p.
- Wilentz S.* Chants Democratic New York City & The Rise of the American Working Class, 1788–1850. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1984. 446 p.
- Witkowski T. H.* Painting the Domestication of Consumption in 19th-Century America // Advances in Consumer Research / Ed. by E. J. Arnould and L. M. Scott. 1999. Vol. 26. P. 644–651. URL: <http://www.acrwebsite.org/volumes/display.asp?id=8337>
- Wolf B.* All the World's a Code: Art and Ideology in Nineteenth-Century American Painting // Art Journal. Winter 1984. Vol. 44. N 4. P. 328–337. URL: <http://www.jstor.org/pss/776769>
- The Youth Revolution: The Conflict of Generations in Modern History / Ed. and with an Introduction. by A. Esler. Lexington (Mass.); etc.: D. C. Heath and Company, 1974. 173 p.

Сиротинская Мария Моисеевна, кандидат исторических наук старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; masha_sirovinskaja@mail.ru

О. Н. ШАНИНА

ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СЕРЕДИНЫ 1950-х гг.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВЕТСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ПРЕССЫ

Цель статьи – проанализировать как советские и английские СМИ преподносили читателям в середине 1950-х гг. создание европейской армии (ЕОС) и Женевский саммит стран-союзниц по антигитлеровской коалиции. Это яркий пример того, как с идеологической точки зрения может быть обработано на первый взгляд не самое важное в историческом плане событие для формирования целого ряда длительно существовавших в общественном сознании мифологем.

Ключевые слова: *холодная война, СССР, Великобритания, пресса, идеология.*

В наши дни уже ни у кого не вызывает сомнений, что холодная война, охватившая почти всю вторую половину XX века, представляла собой многогранный феномен. Порожденные ею противоречия затронули все стороны жизни мирового сообщества. На идеологическую сферу легла задача формирования соответствующих мисперцепций и мифологем. Знаковыми понятиями стали такие дихотомии, как «Восток – Запад», «враг – друг», «свободный мир – железный занавес», «поджигатели войны – прогрессивная общественность», «свой – чужой» и др. Идеология превратилась в оружие холодной войны; одним из основных его видов были СМИ: они играли важную роль по обе стороны «железного занавеса», формируя и насаждая в общественном сознании образы врага и союзника в строго разграниченном биполярном мире. При этом каждая из сторон стремилась создать у читателей позитивные представления о собственной политике, дискредитировав действия идеологического противника. В Советском Союзе СМИ подвергались жесткой цензуре со стороны государства в лице КПСС¹. В Западной Европе и США целенаправленно и с использованием самых разнооб-

¹ Как замечает А. Л. Петроченко, «принципы, идеи, политические взгляды, положения, лежащие в основе деятельности <...> средств массовой информации и пропаганды – это мысли, идеи, взгляды, принципы деятельности господствующей материальной силы и ее руководящего и организующего авангарда – Коммунистической партии». *Петроченко. 1988. С. 45.*

разных институтов и средств – средние школы и университеты, печатная пресса, радио, кино, литература, даже книжки комиксов и жевательные резинки – формировался миф о «русской угрозе»².

В 1950-е гг., когда телевидение еще только начинало свое становление, в формировании «правильного» общественного мнения главенствовала пресса. Отличительной чертой советской прессы было наличие почти в каждом номере политических карикатур. Хотя, несмотря на их отсутствие в изучаемой нами английской газете «Таймс», журналисты настолько метко и выразительно передавали мельчайшие подробности внешнего вида и особенностей поведения представителей СССР, что тем самым формировали в сознании читателей не менее яркие образы.

Интерес специалистов к идеологической борьбе эпохи холодной войны присутствовал постоянно, и этой теме посвящено немало работ разного характера³. Однако время беспристрастных оценок с обеих сторон наступило лишь с окончанием холодной войны, когда наметился диалог российских и зарубежных ученых, стали проводиться совместные конференции, издаваться коллективные труды, благодаря чему существенно расширилось исследовательское поле⁴. Изучение образа Другого явилось одним из новых направлений в этом контексте⁵. В этом контексте заслуживает внимания сравнительная перспектива в рассмотрении процесса конструирования образа Другого – как одна и та же проблема трактовалась в СМИ противоборствующих сторон.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать, как советские и английские СМИ преподносили читателям такие важнейшие события 1950-х годов, как создание европейской армии (ЕОС) и Женевский саммит стран-союзниц по антигитлеровской коалиции. Они оба были так или иначе связаны с германской проблемой в частности и проблемой безопасности в Европе в целом. Основными источниками для написания статьи послужили газеты «Правда» – центральный печатный орган КПСС, и «Таймс» – старейшее и одно из главных периодических изданий Великобритании, издаваемое с 1785 г.

² Рукавишников. 2005. С. 163.

³ См., напр.: по истории международных отношений: *Вайсс*. 2005; Всемирная история. Т. 12. 1979.; *Кальвокоресси*. 2003; Системная история международных отношений. Т. 3. 2003; по истории отдельных стран: *Иванян*. 1975.; *Лан*. 1978; *Филлитов*. 1993; специальные по истории холодной войны: *Марушкин*. 1996. С. 145–196; СССР и холодная война...; Сталин и холодная война...

⁴ См., напр.: «Круглый стол» в ИВИ РАН... С. 78; Российско-американские отношения в прошлом и настоящем...

⁵ См., напр.: *Рукавишников*. Указ. соч.; *Фатеев*. 2002. С. 112–125.

Такой выбор не случаен. Несмотря на то, что главным противником СССР по холодной войне считались США, Великобритания, согласно биполярной логике противоборства между Востоком и Западом, играла далеко не последнюю роль на идеологическом фронте. Англия практически всегда поддерживала США, в отличие от других европейских стран. Кроме того, британские политики никогда не отрывали себя полностью и от континентальной Европы. В середине 1950-х гг. ни германский вопрос, ни проблема европейской безопасности не могли решаться без участия как СССР, так и Великобритании; эти проблемы не могли не волновать и далеко не избавившуюся от ужасов Второй мировой войны общественность каждой из этих стран; наконец, они не могли не затронуть работников идеологического фронта, в том числе прессы.

Германия не могла оставаться вечно оккупированной страной, так как подобная ситуация способствовала созданию взрывоопасного очага в самом центре Европы. Одной из неудавшихся попыток решения данной проблемы явилось подписание в мае 1952 г. шестью державами (Франция, Бельгия, ФРГ, Италия, Люксембург и Нидерланды) соглашения в Бонне и Париже о создании Европейского Оборонительного Сообщества (ЕОС) и прекращении оккупации западными державами Германии после ратификации договора. Подписанный договор, будучи одновременно еще и отражением стремления решить проблему европейской военной интеграции, предполагал формирование немецких дивизий в составе общеевропейской армии, находящейся под общеевропейским руководством. Великобритания в союз не вступила, а лишь подписала вспомогательный договор, предусматривающий военную помощь в случае нападения на какого-либо партнера по ЕОС.

Особенностью внешнеполитической линии Англии состояла в том, что она, принимая активное участие во всех континентальных делах, действовала в первую очередь как морская и островная держава⁶. Проблема ЕОС не стала для Великобритании главенствующей. Но английская пресса не могла остаться в стороне, хотя статей по этому вопросу в «Таймс» было напечатано крайне мало. Сразу после подписания договора с 27 по 30 мая их вышло около 20-ти, а затем интерес к данному событию поддерживался эпизодически: лишь несколько статей было посвящено провалу ратификации договора во французском парламенте

⁶ «Англичане не были заинтересованы в образовании тесного и более постоянного объединения <...>. Англичане все еще считали себя морской и мировой державой, чья принадлежность к Европе была чем-то побочным, и не могли и помыслить об ограничении своего суверенитета». *Кальвокорресси*. 2003. С. 280.

и подписанию нового договора о ЗЕС. Тогда как в советской печати присутствовал непреходящий интерес к проблеме создания ЕОС из номера в номер на протяжении нескольких лет, были напечатаны сотни статей и карикатур. Это свидетельствует о том, что для СССР германская проблема по объективным обстоятельствам являлась одной из первостепенных, а советская пресса была более ангажированной.

Английская же печать была менее идеологизирована, что связано, прежде всего, с разницей в политических режимах двух государств. Обзоры носили скорее информативный характер, чем оценочный, подробно раскрывали статьи договора, содержали меньше идеологических штампов, хотя по ним четко прослеживается принадлежность Великобритании к западному блоку в разделенном биполярном мире, и как следствие, в них присутствует критика СССР. Европейское оборонительное сообщество связывалось в английской прессе, прежде всего, с восстановлением германского суверенитета и окончанием оккупации Германии. По словам премьер-министра Э. Идена, процитированным в одной из статей, соглашение является историческим, оно может открыть окно в будущее и дать Европе шанс освободить себя от войн, которые мучили два поколения⁷. Примечательно, что слова Э. Идена соседствовали с приведенным в этой же статье приветствием Д. Ачесона⁸ от лица США и американского народа о возвращении ФРГ в содружество наций, которое стало возможным только после подписания договора о ЕОС⁹, что соответствовало духу североатлантической солидарности.

В статье «Европейская защита» говорилось, что главная цель ЕОС, по замыслам Р. Плевена, дать возможность Западной Германии содействовать защите Европы, не становясь опасной для нее, и что подобный союз может привести к закрытому объединению Европейского континента и, возможно, даже к Европейскому федеральному союзу. ЕОС – это «реальная и выдающаяся мера в интеграции», «революционный эксперимент в интернациональном объединении»¹⁰. Пресса называет Германию главной проблемой Европы, считая единственно возможным ее решением достижение уверенности, что Германия будет жить в мире и дружбе с соседями, что возможно лишь в рамках структуры, где она не сможет доминировать. Таким требованиям удовлетворяет НАТО¹¹.

⁷ The Times. Tuesday, May 27, 1952. P. 6.

⁸ Государственный секретарь США...

⁹ The Times. Tuesday, May 27, 1952. P. 6.

¹⁰ The Times. Wednesday, May 28, 1952. P. 7.

¹¹ The Times. Friday, May 30, 1952. P. 5.

Английская пресса поддерживала в массовом сознании ощущение русской угрозы на континенте, называя одной из целей достигнутого дипломатического компромисса «усиление защиты Западной Европы от превосходящего веса русских войск»¹². Еще в одной из первых статей, увидевших свет сразу после подписания договора, были приведены слова Р. Шумана – его ответ на советские нападки по поводу ремилитаризации Германии – в которых он отметил, что единственное желание создателей договора – это безопасность, достоинство и свобода всех людей¹³. А ответ на ключевой вопрос, действительно ли советские ноты предлагают что-то существенное, что могло бы убедить западные державы отложить подписание договора, звучал в «Таймс» отрицательно: объединение Германии может произойти только после проведения свободных выборов на всей территории, на что не согласен СССР, следовательно, ЕОС на данный момент является единственным возможным вариантом решения германского вопроса¹⁴. Хотя английская пресса даже в период холодной войны, давала весьма сдержанные оценки и раскрывала подробное содержание всех советских нот и предложений¹⁵.

В целом в статьях, посвященных ЕОС, постоянно говорилось об общности интересов Великобритании и США, их заинтересованности в создании ЕОС, непременно подчеркивалась приоритетность нахождения в НАТО, считавшейся единственным гарантом сохранения баланса сил на европейском континенте¹⁶. Корреспонденты настаивали на том, что договор НАТО не ограничен временными рамками, в отличие от ЕОС, и уже успел показать свою эффективность в послевоенном мире¹⁷. В последующих статьях о вступлении ФРГ в ЗЕС¹⁸ и НАТО, внимание читателей было обращено на то, что ЗЕС не мыслится как конкурент НАТО, который по-прежнему остается «центром гравитации». В подтверждение были приведены слова Э. Идена о том, что со вступлением ФРГ в НАТО Западная Европа вошла в «эру великого доверия»¹⁹.

¹² The Times. Wednesday, May 28, 1952. P. 6, 7.

¹³ The Times. Tuesday, May 27, 1952. P. 6.

¹⁴ The Times. Tuesday, May 27, 1952. P. 7.

¹⁵ См.: Там же; The Times. Monday, Oct. 25, 1954. P. 5, 6.

¹⁶ См.: The Times. Wednesday, May 28, 1952. P. 6; Friday, May 30, 1952. P. 5.

¹⁷ The Times. Wednesday, May 28, 1952. P. 5.

¹⁸ ЗЕС – Западноевропейский союз, образован в 1955 году путем преобразования послевоенного Западного союза после вступления в него ФРГ. С подписанием договора о ЗЕС ФРГ также вступала в НАТО, тем самым вопрос о европейской военной интеграции отпал сам собой.

¹⁹ The Times. Friday, Oct. 22, 1954. P. 6.

В Советском Союзе линия, связанная с ЕОС, являлась одной из важнейших во внешней политике 1954–1955 гг. Для СССР в сложившейся ситуации Германия была интересна в стратегическом плане как удобный плацдарм в Западной Европе. Главная задача состояла в том, чтобы не допустить втягивания ФРГ в западный военный блок и в НАТО. Хотя советская пропаганда создавала у читателей впечатление, что для Советского Союза, как миролюбивой страны, была лучше нейтральная объединенная Германия, в тех условиях это уже было невозможным. Для осуществления этого плана каждая из сторон должна была бы отказаться от своей оккупированной территории и провести независимые выборы, результаты которых предсказать было сложно.

В рамках данной проблемы Великобритания интересовала СССР, во-первых, как главная союзница США при создании ЕОС и, во-вторых, в контексте вопроса вооружения в Европе. Англия на страницах советской прессы существовала в двух образах: тощего британского льва или абстрактного представителя правящих кругов, одетого в британскую военную форму со значком фунта стерлингов на рукаве (это подчеркивало тот факт, что за действиями правительства стоят интересы военных и финансовых кругов)²⁰. Она подавалась советскому читателю как приспешница Соединенных Штатов, «Атомный авианосец» США или «младший партнер» (в унизительном смысле), который потерял былую самостоятельность во внешней и внутренней политике. А поддерживаемый Великобританией договор о ЕОС – «направленным на возрождение гитлеровского вермахта»²¹. Все это подкреплялось яркими карикатурными образами, созданными советскими художниками.

В «Правде» 26 ноября 1954 г. была напечатана карикатура Кукрыниксов «Истинное назначение «Западноевропейского блока»²². В одном углу была изображена клетка с надписью «Вермахт», в которой сидит страшный лохматый зверь в каске со свастикой и крепко зажатой дубиной в лапе. Далее перед читателем разворачивается следующее действие: при помощи лебедки с пометкой «Западноевропейский союз» американец, англичанин и француз открывают клетку и выпускают это чудовище. Причем американец, держась за самый верх веревки и стоя на плечах у англичанина, остается цел и невредим, а вот англичанин, в свою очередь, опирается на несчастного француза, который и становится основной приманкой и первой жертвой (прил. 1). В другом номере в карика-

²⁰ См.: Правда. 13 марта, 1955. С. 4; 4 декабря, 1954. С. 4; 5 декабря, 1954. С. 4.

²¹ Правда. 25 декабря, 1954.. С. 4.

²² Правда. 26 ноября, 1954. С. 4.

туре Кукрыниксов ЗЕС был представлен в виде огромного инструмента для заточки ножей, ручки которого держат англичанин и француз, а сверху страшный представитель возрожденного германского фашизма, руководимый рукой американца, спускает для заточки громадный топор с надписью «Вермахт», но держит он его так, что самый острый его конец упирается в горло французу. Эта страшная картина сопровождается лаконичным комментарием: «Заостряют вопрос»²³ (прил. 2).

Вопрос создания ЕОС освещался советской прессой и при помощи акцентирования внимания на сомнениях Франции при подписании Парижского и Боннского договоров. Она представлялась несчастной жертвой возрождавшегося германского фашизма, американского капитала и британского эгоизма. В статье «Англо-американское вмешательство в дела Франции. США и Англия навязывают Совету республики парижские соглашения» говорилось об опубликовании переписки между П. Мендес-Франсом и У. Черчиллем, который угрожал Франции, что «если она согласится на переговоры с Советским Союзом по германскому вопросу до ратификации парижских соглашений, Англия и Америка вооружат Западную Германию»²⁴ без ее участия. Это было названо бесцеремонной попыткой запугать Францию, а по поводу провала Францией ратификации договора в «Правде» было напечатано заявление советского МИДА: «Решение французского парламента, который в условиях глубокого иностранного нажима отверг указанный договор, является глубоко патриотическим актом, продиктованным требованиями обеспечения подлинной безопасности Франции, сохранения ее национальной независимости. Эти национальные интересы Франции совпадают и не могут не совпадать с требованием обеспечения общеевропейской безопасности. Именно поэтому решение французского парламента было встречено с удовлетворением всеми теми, кто не на словах, а на деле стоит за мир и безопасность»²⁵. Наиболее ярко проблема создания ЕОС была отображена на карикатуре Кукрыниксов под названием «Западной Европе от заокеанского дядюшки». На ней представитель американского империализма тянет подгоняемую сзади Великобританией «кобылу» Европейского сообщества, на которой гордо восседает вооруженный немецкий фашист с портретом Гитлера в руке. Таков «новогодний подарок» для Европы от США и Англии²⁶ (прил. 3).

²³ Правда. 4 декабря, 1954. С. 4.

²⁴ Правда. 23 марта, 1955. С. 4.

²⁵ Правда. 25 сентября, 1954. С. 3.

²⁶ Правда. 1 января, 1955. С. 4.

Тема включения Западной Германии в Европейское Оборонительное Сообщество в советской пропаганде также связывалась с проблемой вооружения, так как вступление туда ФРГ предполагало создание немецких дивизий под общеевропейским руководством. Этот факт подавался как возрождение Вермахта, которому активно потворствовали США и Великобритания. В «Правде» за 15 января 1955 г. была напечатана следующая заметка, что львиную долю барышей от военных поставок для нового Вермахта получат американские монополии, однако, достанется и западноевропейским фабрикантам, если Парижские соглашения будут ратифицированы. Поэтому между монополистическими кругами Франции, Западной Германии и Великобритании уже «началась грызня» из-за того, чтобы урвать побольше прибылей. Вышесказанное было наглядно воплощено в очередной карикатуре Кукрыниксов «Лакомый кусок». На ней представители Франции, Англии и Германии, изображенные в виде псов, грызутся между собой за выброшенный американцами кусок колбасы с пометкой «военные заказы»²⁷ (прил. 4).

В другом номере «Правды» в статье «Признание генерального стряпчего Англии» говорилось о том, что в газете «Дейли мейл» опубликовано сообщение о переправке американских атомных бомб в Великобританию. Кукрыниксы изобразили ситуацию следующим образом. На острове с надписью Англия сидит британский лев, к хвосту которого узлом в виде значка американского доллара привязана атомная бомба. Сверху на него нападает коршун, на спине которого написано вермахт, несущий символ немецкого фашизма – свастику. Лев и хотел бы укрыться от нападения, но не может сдвинуться с места. Комментарий лаконичен: «Опасная привязанность»²⁸ (приложение 5).

Таким образом, пресса двух государств давала противоположные оценки договору о ЕОС: «реальная и выдающаяся мера в интеграции», «революционный эксперимент в интернациональном объединении» (английская) и «возрождение Вермахта и немецкого милитаризма» (советская). Но несмотря на то, что «Таймс» называла различия между СССР и западными державами в их политике по отношению к Германии «фундаментальными», и Советский Союз, и Великобритания на тот момент были едины в одном – ЕОС не лучший вариант решения германской проблемы. Великобританию не устраивали наднациональные элементы договора, и более эффективным казалось включение ФРГ в Североатлантический блок, который соответствовал духу североатлан-

²⁷ Правда. 15 января, 1955. С. 4.

²⁸ Правда. 22 декабря, 1954. С. 4.

тической солидарности. Для Советского Союза – либо единая нейтральная Германия, либо оставить все как есть.

Место главного события в международной жизни в 1955 г. заняла первая послевоенная встреча бывших союзников по антигитлеровской коалиции (Великобритании, Франции, США и СССР) на высшем уровне, которая проходила в июле в Женеве. Основными обсуждаемыми проблемами на совещании опять же были: европейская безопасность и Германия, разоружение, развитие контактов Восток-Запад, хотя достигнуть каких то конкретных результатов по ним не удалось. В отличие от проблемы создания ЕОС, и Англия, и Советский Союз, были активными участниками Женевского совещания, и как следствие, пресса этих стран одинаково широко освещала столь важное событие.

Интересно отметить, что и «Правда», и «Таймс» печатали одни и те же выдержки из выступлений всех участников конференции, и Д. Эйзенхауэра, и Н. Булганина, и Э. Идена, и Э. Фора,²⁹ (пытаясь создать у читателя ощущение нейтральной передачи информации, когда у него есть возможность ознакомиться с полным вариантом речи даже главы государства-соперника), однако давали им совершенно разные комментарии. Хотя на время проведения конференции, соответственно новой атмосфере сотрудничества, ослабли выпады в прессе друг против друга, идеологическая борьба не затихала никогда. Яркий пример – в заметке «Таймс» («Советский перевод конференции») было отмечено, что советские переводчики умышленно вычеркивают нежелательные места из заявлений, причем даже лидеров СССР. В качестве примера упоминалось пропущенное заявление Булганина о нереальности требования отмены Парижских договоров и невозможности СССР полагаться в обеспечении своей безопасности на гарантии других стран³⁰.

В том, что касается Женевского совещания, оба государства были единодушны в стремлении создать через прессу ощущение международной разрядки, в распространении которой видели главную цель конференции. И «Таймс», и «Правда» всячески подчеркивали радушную и расслабляющую атмосферу первой послевоенной встречи глав правительств. Уже в одной из первых статей о совещании «Таймс» сообщала, что встреча прошла «гладко и успешно, и радушная расслабляющая атмосфера первого дня, очевидно, будет поддерживаться»³¹. В последующих статьях использовались такие эпитеты, как «удивительный» и «об-

²⁹ См.: Правда. 19 июля, 1955. С. 4; The Times. Tuesday, Jul. 19, 1955. P. 7.

³⁰ The Times. Wednesday, Jul. 20, 1955. P. 8.

³¹ The Times. Wednesday, Jul. 20, 1955. P. 8.

надеживающий» день, нормальная рабочая дружественная атмосфера³². В статье «Американские предложения России о разоружении» прямо говорилось: «без сомнения, легко найти различия во всех этих предложениях, но все они единодушны в своей демонстрации того, что все четыре главы правительства, очевидно, желают дать новый импульс разоружению и расширению ощущения международной разрядки, распространение которой главная цель конференции»³³. Однако в следующих статьях подчеркивалось, как, впрочем, и в советской прессе, что все это не означает достижения конференцией каких-либо быстрых результатов; она не сможет сделать больше, чем от нее ожидали, – лишь наметить пути дальнейших переговоров по обсуждаемым вопросам³⁴.

«Таймс» указывала на то, что Н. Булганин говорил «искренне», слова его были «дружественные и примирительные по тону, без разоблачений, которыми известна советская политика»³⁵. Отмечалась разница в атмосфере предыдущих встреч и встречи июля 1955 г. Как писала газета, прибытие русских значительно отличалось от их приезда в Женеву в прошлом году на конференцию по Азии. Тогда советский министр иностранных дел прибыл в закрытой пуленепробиваемой машине, торопился в здание, сильно защищенный телохранителями. Сегодня Н. Булганин и его коллеги прибыли на открытых машинах. Казалось, они совсем не торопились войти в здание, а стояли, разговаривали и шутили, пока не получили несколько видимых знаков от охраны³⁶.

По мнению английской прессы, германское объединение – необходимое условие для долговременного урегулирования европейского вопроса, а это предполагает, что объединенная Германия после свободных выборов может присоединиться к западному военному блоку³⁷. Советский Союз такого допустить не мог и предлагал сначала подписание широкого пакта об общеевропейской безопасности и постепенной ликвидации НАТО и ОВД. «Таймс» отмечая, что советский премьер-министр заявил о силе России, которая не нуждается в гарантиях и заверениях, оставила открытым вопрос, почему тогда русских так волнует вхождение 12 немецких дивизий в ЗЕС и НАТО³⁸. Говоря о советских предложениях о сокращении обычных вооружений и запрещении атом-

³² The Times. Friday, Jul. 22, 1955. P. 8; Wednesday, Jul. 20, 1955. P. 8.

³³ The Times. Friday, Jul. 22, 1955. P. 8.

³⁴ The Times. Tuesday, Jul. 19, 1952. P. 8.

³⁵ The Times. Monday, Jul. 18, 1955. P. 8; Tuesday, Jul. 19, 1952. P. 8.

³⁶ The Times. Tuesday, Jul. 19, 1952. P. 8.

³⁷ The Times. Monday, Jul. 18, 1955. P. 8.

³⁸ The Times. Tuesday, Jul. 21, 1952. P. 8.

ного оружия, корреспонденты газеты заостряли внимание на том, что при запрещении атомного оружия Россия будет самой сильной страной на континенте, так как она имеет самую большую сухопутную армию³⁹. То есть опять в общественном мнении формировался страх перед русской военной угрозой в Европе, хотя в целом тон статей и оставался дружественным, соответствующим атмосфере Женевской встречи.

Советская пропаганда, в отличие от английской, пошла по пути создания целого виртуального пространства, именуемого «Духом Женевы». В него вкладывался следующий смысл: это дух взаимопонимания, дух переговоров, дух доверия, отказ от политики диктата, от политики с позиции силы, это стремление искать и находить мирные пути урегулирования назревших международных проблем⁴⁰. Еще в заявлении, сделанном до отъезда и напечатанном в «Правде» Н. Булганин так говорил о целях поездки: «правительственная делегация Советского Союза направляется в Женеву с искренним желанием найти средства для смягчения напряженности и восстановления доверия в отношениях между государствами, изыскать пути для урегулирования нерешенным международными вопросам»⁴¹. «Правда» уделяла много внимания освещению позиций всех стран-участниц, которые именовались не иначе, как «великими державами»⁴², «Правда» опубликовала все основные предложения английского премьер-министра Э. Идена по проблемам объединения Германии и безопасности в Европе: скорейшее создание единой Германии, предоставление ей свободы сотрудничества, система взаимного контроля вооружений, соглашение о безопасности под наблюдением ООН. Передавая читателям атмосферу дружественных переговоров в Женеве, советская пресса печатала не только те пункты, по которым возможны соглашения, но и те, которые вызывали значительные разногласия, подчеркивая тем самым, что происходит свободный обмен мнениями: так, из речи Э. Идена не была исключена фраза, что причиной провала Берлинского совещания была боязнь СССР присоединения объединенной Германии к НАТО⁴³. Постоянно подчеркивалось, что советские предложения имеют успех у иностранных коллег. Говорилось о реакции Э. Идена на заявление Н. Булганина: это очень интересное предложение по германскому вопросу, и очень ценным яв-

³⁹ The Times. Friday, Jul. 22, 1955. P. 8.

⁴⁰ См., напр.: Правда. 19 июля, 1955. С. 1; 26 июля. С. 3; 25 сентября. С. 1.

⁴¹ Правда. 17 июля, 1955. С. 1.

⁴² Правда. 16 июля, 1955. С. 1.

⁴³ Правда. 19 июля, 1955. С. 5.

ляется сам тон выступления⁴⁴. Кроме того, появлялись обзоры западной прессы, посвященной Женевскому совещанию, большое внимание уделялось всем основным английским газетам. В рамках поддержания «Духа Женевы» советские журналисты писали о том, что английская пресса тоже уделяет много внимания сообщениям о ходе переговоров и оценивает их как «хорошее начало» для будущих договоренностей⁴⁵.

Однако, подобно английской прессе, советская также подчеркивала, что хотя и назрела жизненная необходимость сопоставления позиций великих держав, поиски таких решений – не легкое дело⁴⁶. И здесь советская пропаганда вновь возвращается к излюбленному методу – разоблачению деятельности неких «реакционных кругов», «провокаторов» и «поджигателей холодной войны», которые существуют во всех западных государствах и препятствуют разными способами торжеству «Духа Женевы». В «Правде» был напечатан ряд статей под следующими заголовками: «Дух Женевы» и английская общественность⁴⁷, «Английская общественность требует сохранения «Духа Женевы»⁴⁸, «Покончить с политикой «холодной войны»⁴⁹ и др. В них говорилось о том, что после Женевского совещания в отношениях между советским и британским народами постепенно складывается новая дружественная атмосфера, что простые англичане стремятся преградить путь холодной войне и гонке вооружений, искренне приветствуют появление реальных перспектив дальнейшего ослабления напряженности и укрепления доверия между государствами. Однако «поклонники холодной войны в Британии еще не сдались и не сложили свое отравленное оружие»⁵⁰, хотя и не они определяют настроения общественности. Эти борцы с «Духом Женевы» используют разнообразные методы для ухудшения отношений между государствами, среди которых – тенденциозное комментирование фактов, заключающееся в том, что нарочито подчеркиваются разногласия между государствами; во-вторых, преуменьшение значения новых важных мероприятий правительства СССР, имеющих целью ослабление международной напряженности.

Итак, публикации в английской и советской прессе свидетельствовали, прежде всего, о первостепенной важности германского вопроса в

⁴⁴ Правда. 20 июля, 1955. С. 3.

⁴⁵ Правда. 21 июля, 1955. С. 3; 21 июля. С. 3.

⁴⁶ Правда. 16 июля, 1955. С. 1.; 19 июля. С. 1; 20 августа. С. 3.

⁴⁷ Правда. . 25 сентября, 1955. С. 1.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Правда. 26 июля, 1955. С. 3.

⁵⁰ Правда. 25 сентября, 1955. С. 1.

контексте проблемы европейской безопасности в середине 1950-х гг. по обе стороны железного занавеса. Хотя, как отмечалось выше, «Таймс» по объективным причинам гораздо меньше внимания уделяла проблеме создания ЕОС, но в целом германская проблема тоже не сходила с ее страниц. В исторической литературе, посвященной холодной войне, как правило, мало внимания уделяется двум рассматриваемым в данной статье событиям. Довольно часто лишь упоминается, что ЕОС – это первая неудавшаяся попытка европейской военной интеграции, а встреча в Женеве – не принесшее результатов первое послевоенное совещание бывших союзников по антигитлеровской коалиции на высшем уровне. Тогда как подробное рассмотрение британской и советской прессы вскрывает несколько иную логику внешнеполитического поведения, свойственную непосредственным участникам. Для современного исследователя подобное погружение в атмосферу идеологической борьбы того времени представляет огромный интерес и позволяет по-новому взглянуть на многие события. Подписание договора о ЕОС и встреча в Женеве, хотя и не получили развития в международной жизни, представляют для нас интерес с точки зрения процесса создания стереотипов, анализ прессы позволяет уловить важные штрихи в формировании долгосрочных образов друг друга. Имея изначально одни и те же факты (речи политических деятелей, тексты подписанных договоров, информация о встречах), используя похожие методы (создание метких словесных образов в английской и ярких художественных – в советской прессе, апелляции к мнениям неких третьих лиц, общественности), журналисты, тем не менее, делали на их основе разные заключения. Итогом стало насаждение в массовом сознании определенных стереотипов, просуществовавших вплоть до конца холодной войны. Советский вариант: ЕОС и любые другие попытки перевооружения Германии – возрождение Вермахта, Британия – приспешница США в решении международных проблем; на другом полюсе – некий абстрактный Дух Женевы как дух взаимопонимания, который был создан на переговорах четырьмя державами, однако поддерживается только СССР – самым миролюбивым государством, стремящимся к прекращению холодной войны. В английской прессе подобные стереотипы, имели более сглаженные черты: ЕОС и перевооружение Германии – необходимые элементы нормальной жизни в Европе, на континенте постоянно существует угроза превосходящей силы русских войск, которая не известно как может быть использована, учитывая недоброжелательность Советского Союза, следовательно, единственным гарантом безопасности может быть только НАТО. Таким образом, встреча в Женеве и проблема ЕОС – это яркий пример того, как с идеологической точки зрения может быть обра-

ботано на первый взгляд не самое важное в историческом плане событие для формирования целого ряда длительно существовавших в общественном сознании мифологем и взаимопредставлений.

Приложение 1

Приложение 2

Приложение 3

Приложение 4

Львиную долю барышей от военных поставок для нового вермахта намерены получить американские монополисты. Однако западно-европейским фабрикантам оружия обещана также немалая толща, если парижские соглашения будут ратифицированы и вступят в силу. Между монополистическими кругами Западной Германии, Франции, Англии уже началась грызня из-за того, чтобы урвать побольше прибылей, которые сулит усиление гонки вооружения и милитаризация Западной Германии. (Из газет).

Рис. КУКРЫНИКСЫ.

Приложение 5

БИБЛИОГРАФИЯ

- «Круглый стол» в ИВИ РАН: «Феномен «холодной войны» в международных отношениях XX века: итоги и перспективы исследования» // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 73–100.
- Вайсс М. Международные отношения после 1945 / Пер. с фр. М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2005. 336 с.
- Всемирная история. Т. 12 / Гл. ред.: Е. М. Жуков и др. М.: Мысль, 1979. 671 с.
- Иванян Э. А. От Джорджа до Джорджа Буша. Белый дом и пресса. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
- Кальвокоресси П. Мировая политика 1945–2000. Кн. 1 / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2003. 624 с.
- Лан В. И. США в военные и послевоенные годы. М.: Наука, 1978. 688 с.
- Марушкин Б. И. Феномен холодной войны // XX век. Многообразие, противоречивость, целостность. М.: Наука, 1996. С. 145–196.
- Медяков А. С. История международных отношений в новое время. М.: Просвещение, 2007. 463 с.
- Петроченко А. Л. Система средств массовой информации и пропаганды (Компоненты, структура, функции, интегративные свойства, связь со средой). Т.: Узбекистан, 1988. 257 с.
- Правда. 1954. 1955.
- Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: образы, мифы, реальность. М.: РГГУ, 2007. 452 с.
- Рукавишников В. О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М.: Академический проект, 2005. 864 с.
- Системная история международных отношений. Т. 3. События. 1945–2003. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003. 720 с.
- СССР и холодная война. М.: Мосгорархив, 1995. 312 с.
- Сталин и холодная война. М.: ИВИ РАН, 1997. 366 с.
- Фатеев А. В. Советский вариант образа врага: 1945–1954 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М.: Ин-т российской истории РАН, 2002. С. 112–125.
- Филлитов А. М. Германский вопрос. От раскола к объединению. М.: Международные отношения. 1993. 240 с.
- The Times. 1952. 1954. 1955.

Шанина Ольга Николаевна, аспирантка кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; shgm@uniyar.ac.ru

Д. Н. КОПЕЛЕВ

ИСКУССТВО НАВИГАЦИИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НА ФРАНЦУЗСКОМ КОРОЛЕВСКОМ ФЛОТЕ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

В статье анализируются вопросы становления профессионального военно-морского офицерства на французском флоте в раннее Новое время. Автор показывает значение Дьеппской школы навигации, деятельности священников и иезуитов в формировании военно-морских образовательных традиций.

Ключевые слова: навигация, флот, корсары, Дьеппская школа картографии, священники, иезуиты, раннее Новое время, великие географические открытия.

Важное место в цивилизационных преобразованиях, происходивших в Западной Европе в раннее Новое время, занимали процессы, связанные с освоением морского пространства. В историографии они получили название «морской революции»¹. Доминирующим фактором, определившим специфику этого явления, выступало стремление молодых военно-морских держав монополизировать рычаги контроля над морем. С одной стороны, раздвинулись океанские границы, попавшие под прицел европейских государств. Если ранее в зону их контроля входили Северное море, Ла-Манш, побережье Атлантики, Балтийское море и акватория Средиземноморья, то в XVI–XVIII вв. ареной европейского вмешательства стали Атлантический, Индийский и Тихий океаны. С другой стороны, концентрация морского могущества приобретала все более агрессивный характер и обернулась вторжением военно-морских держав в международную торговлю и попытками захвата колоний. Применение пороха, линейные корабли с пушками на борту, введение агрессивного морского законодательства, заостренного на охоте за призами, рост грузоподъемности торговых судов и океанские плавания – составные элементы европейской экспансии, позволившие военно-морским империям завоевать морские трассы мира². Располагая

¹ Историографию и основной круг проблем, связанных с «морской революцией», см.: Glete. 1993.

² Padfield. 1980; Scammel. 1981; Gray. 1992; Tallett. 1992; Танстолл. 2005; Копелев. 2009.

технологическими возможностями для осуществления океанских плаваний и регулируя правовые вопросы владения морем, европейские страны модернизировали систему государственного строительства, превращая флот в мощное орудие продвижения державных интересов. Создание регулярных военно-морских сил стало одним из направлений в осуществлении так называемой «бюрократической революции», которой сопровождался длительный процесс формирования военных сил раннего Нового времени – начального этапа развития современной Европы. В ходе этого процесса складывался профессиональный офицерский корпус, штат чиновников и судостроителей; происходила формализация боевой тактики флота; учреждались органы центральной и местной военно-морской администрации; строились крупные военно-морские базы, оснащенные верфями и арсеналами³.

Исследователю, анализирующему феномен европейской экспансии, неминуемо приходится рассматривать проблему освоения океана комплексно. Общие вопросы морского переустройства Европы на пороге Нового времени были тесно связаны с «фактором рационализации» – с миром бесконечно совершенствующихся технических новаций, со все более ощутимыми переменами в ментальном укладе и разрастанием социума моряков-профессионалов. На рубеже раннего Нового времени этот технологический перелом предстал во всей своей необратимости. Однако прорыв Европы в океан, обусловленный новыми научными технологиями, произошел не вдруг, и масштабность преобразований никоим образом не должна заслонить будничного и кропотливого развития и совершенствования географической науки, навигационной практики, судостроительных умений и навыков ранней эпохи. Размышляя о влиянии технического переустройства на развитие цивилизации, Ф. Бродель заметил: «Общество – это медленная, незаметная сложная история, это память, упрямо повторяющая уже найденные, знакомые решения, которая избегает сложностей и опасных мечтаний о чем-либо ином. Всякое изобретение, постучавшееся в дверь, должно было ждать годы или даже столетия, чтобы войти или быть внедренным в реальную жизнь»⁴. Глубоко в Античность и Средневековье уходят явления и формы, характерные для Нового времени. Ничего удивительного: вся предшествующая история готовила океанический бросок Европы.

Система традиционного европейского мореплавания начала рушиться с выходом за Гибралтар в Атлантический океан. Как заметил

³ *Glete*. 1993. I. P. 12.

⁴ *Бродель*. 1986. Т. I. С. 358–359.

В. И. Вернадский, «движение корабля вдоль берегов возможно было без всяких наблюдений звезд и солнца, но в открытом море невозможно было идти более или менее сознательно без руководящих, неизменных точек сравнения»⁵. Бурная штормовая Атлантика предполагала совершенно иные условия плавания и требовала от людей, не привыкших к многомесячному пребыванию в открытом море, иного навигационного опыта. «Цепляясь за побережье, они знать не желают о карте или игле», – в сердцах говорил еще на заре экспансии о мастерах каботажного плавания, итальянцах, португальский принц Энрики Навигатор⁶. «Эти моряки боятся открытого моря,» – снисходительно обронил в 1611 г. севилец Томе Канне⁷. Подобные категорические суждения, разделенные двумя веками, при всей их пристрастности подчеркивают тенденцию, определявшую серьезные сдвиги, которые Европа переживала в XVI–XVII вв. Еще на заре океанской экспансии принц Энрики поручил капитану Жилу Эаннешу обогнуть мыс Бохадор, дав ему указание идти как можно дальше от берега. На подступах к мысу следовало выйти в открытое море, чтобы избежать «обрушивающихся с берега ужасных водопадов» и воронок, «затягивающих корабли на дно»: ими, по суеверным представлениям тогдашних моряков, изобиловали здешние воды⁸. Подобная стратегия открывала широкие возможности для исследования морских широт. Континент, во времена Античности и Средневековья тяготевший к Средиземному морю, начинает переносить свои интересы в океан. Два указанных столетия стали, по определению Броделя, свидетелями наступающей «смерти Средиземноморья», превращения европейской экономики из средиземноморской в атлантическую. На фоне столь принципиальных перемен падает и приоритет итальянских мореплавателей, оставшихся на протяжении многих веков пионерами морских трасс, «мастерами навигации», учителями всех народов.

Стоит ли удивляться, что такое смещение акцентов нашло отражение в смене навигационных школ и приобретении иберийскими и северо-европейскими моряками все большего влияния на навигационное знание. «Можно насчитать по крайней мере с полдюжины приморских территорий от Андалузии до Бристольского залива, которые располагали судами с хорошими мореходными качествами, умелыми моряками и мастерами, благоприятными условиями, прибрежными ресурсами и

⁵ Вернадский. 1981. С. 121.

⁶ Бизли. 1979. С. 94.

⁷ Бродель. 2002. Ч. 1. С. 142

⁸ Мензис. 2004. С. 516.

торговыми связями, чтобы быть готовыми пуститься в рискованные заокеанские предприятия,» – констатирует Дэвид Мейниг⁹. Навигаторы, мореплаватели, лоцманы, моряки на заре Нового времени – это люди, располагавшие целым арсеналом постоянно совершенствовавшихся инструментов и приборов, позволявших выходить в открытое море, ориентируясь по небесным светилам¹⁰. Так, компас – «душа корабля», по образному выражению Виктора Гюго, – появился, по-видимому, на английских кораблях еще в царствование Эдуарда III. Мы обнаруживаем его упоминание и в судовых ведомостях времен Генриха V на кораблях «Мэри оф Уэймут» («солнечные часы и морская игла»), «Кристофер» («три компаса и солнечные часы») и «Кэтрин оф Тауэр» («компас и солнечные часы»)¹¹. В 1486 г. по три компаса числились на кораблях королевского флота «Мэри оф Тауэр», «Говене» и «Риджент». В практике навигации шаг за шагом закреплялись астролябия¹², буссоль¹³, градшток («посох Иакова»),¹⁴ квадрант,¹⁵ компас («генуэзская игла»)¹⁶,

⁹ Meinig. 1968. I. 6.

¹⁰ Об истории мореходных инструментов см.: Корякин, Хребтов. 1994.

¹¹ Nicolas. 1847. II. P. 180, 444.

¹² Астролябия (от *греч.* *astron* – «звезда» и *labe* – «схватывание») служила на морских судах для определения высоты светил над горизонтом. Представляла собой плоский бронзовый круг, на котором вращался визир-алидада с двумя диоптрами с прорезями на пластинках. Специальное приспособление позволяло подвешивать астролябию за кольцо и визировать светило с помощью алидады.

¹³ Буссоль (*итал.* *bossolo*, *франц.* *boussole*) – инструмент для измерения горизонтальных углов между меридианами и направлением на какой-либо предмет.

¹⁴ Этот инструмент (от *лат.* *gradus* – «шаг, ступень» и *нем.* *Stock* – «стержень») позволял определять высоту до звезды и свое второе название получил по имени предполагаемого изобретателя Иакова бен Макира. Был известен также как «астрономический луч», «золотой жезл», «геометрический крест». Он представлял собой два перпендикулярных стержня, один из которых (короткий – *брусок*), плотно прилежавший ко второму (длинному – *штоку*), свободно перемещался вдоль него. На концы бруска были нанесены маленькие отверстия (*диоптры*), а вдоль штока – деления и мушка для глаза. Глядя в глазную мушку и передвигая брусок, наблюдатель добивался такого положения, при котором в верхней диоптре была видна звезда, а в нижней – линия горизонта, – после чего снимал показания.

¹⁵ Квадрант (от *лат.* *quadrans* – «четверть» [круга]), служивший для измерения высот светил над горизонтом, имел вид деревянного сектора, соответствовавшего четверти круга, в вершине которого укреплялся отвес в виде тонкой шелковой нити со свинцовым грузом.

¹⁶ Легенда приписывала изобретение морского компаса (из *ит.* *compasso* – «циркуль», от «*compassare* – вымерять шагами, измерять») итальянскому моряку из Амальфи Флавио Джойя, предложившему скрепить свободно вращающуюся магнитную иглу (*стрелку*) с бумажным диском (*картушкой*), на который были нанесены градусные измерения и 16 румбов. По-видимому, уже в конце XIV в.

лаг¹⁷, лот¹⁸, армиллярная сфера¹⁹ – даже если командирам судов и приходилось, опасаясь обвинений в колдовстве, скрывать приборы от экипажа. Эта морального рода трудность сочеталась с трудностями технического плана. Дело в том, что европейские корабли той эпохи – по большей части небольшие «скорлупки», подверженные качке, препятствовавшей правильной установке инструментов и точным расчетам, тем более что сложные наблюдения, например, с помощью астролябии или квадранта, проводились не одним человеком²⁰.

Высокого уровня достигла и картография. В XIII–XV вв. карты-планисферы без сетки координат и компасных линий соседствовали с картами-портоланами, своеобразными лоциями, предназначенными для подробного изображения береговой линии и оснащенными «розой ветров». В конце XV в. появились карты мира, выполненные с помощью псевдоконической проекции Птолемея (карты Иоганна Мюллера Региомонтана и Мартина Вальдземюллера). Со второй половины XVI в. настало время новой картографической проекции, разработанной фламандскими учеными Герардом Кремером (Меркатором) и его учеником, картографом испанского короля Филиппа II Адамом Ортелием.

итальянские моряки начали пользоваться этим прибором, постепенно совершенствуя его. Так, в плаваниях Колумба компас – котелок с картушкой на шпильке, установленный в специальном деревянном ящике (*битагоре*), – размещался на специальной площадке палубы между ютом и фок-мачтой.

¹⁷ Лаг (от *голланд.* *log* – «чурбак, брусок» или из *др.-исланд.* *lág* – «чурбан») – прибор, появившийся, по-видимому, в XVI в. и позволявший измерять скорость судна и пройденное им расстояние. Делалось это следующим способом: с носа судна бросали щепку, определяли время ее дрейфа до кормы и, зная длину судна, вычисляли скорость. Впоследствии вместо щепки стали применять деревянный брусок, привязанный к размеченному узлами тросу-лаглиню, стравливаемому на ходу судна, а скорость измерялась по числу узлов, которое успело уйти за борт за определенное время (как правило, 30 секунд).

¹⁸ Лот (*голланд.* *lood*, *нем.* *Lot*) – свинцовая или чугунная продолговатая или пирамидальная гиря, прикрепленная к тонкому тросу (лотлиню), разбитому на отрезки определенной длины; использовался для измерения глубины под килем.

¹⁹ Армиллярная сфера (от *лат.* *armilla* – «кольцо») – модель небесной сферы с ее важнейшими точками, кругами – полюсами и осью мира, меридианом, горизонтом, небесным экватором и эклипстикой.

²⁰ Например, снятие отсчета с астролябии поначалу проводилось тремя наблюдателями. Один держал инструмент за кольцо, другой измерял высоту светила, направляя визир-алидаду на Солнце или Полярную звезду, а третий снимал отсчет. Два наблюдателя требовалось и для расчетов с квадрантом, позволявшим определять высоту стояния какого-либо небесного светила. Один человек устанавливал квадрант таким образом, чтобы он находился в вертикальной плоскости, проведенной от глаза к наблюдаемому объекту, а другой снимал отсчет.

Обширная естественнонаучная программа эпохи Великих географических открытий с поразительной точностью и широкой эрудицией изложена Франсуа Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле»²¹. Со страниц романа перед нами предстает мир новых инструментов навигации, демонстрирующих богатство открывающихся перспектив²². Вспомнив, как «главный лоцман, Жаннэ Брейе, разметил весь путь и наставил стрелки всех буссолей»²³, можно домыслить, с какой тщательностью велись подготовительные работы, предшествовавшие отправлению в плавание, и корректировка приборов на судах экспедиции. Важной роли на судне специалистов-навигаторов Рабле касается на страницах четвертой и пятой книг, повествующих о морском плавании Пантагрюэля. Бравый моряк благодаря своей мореходной сметке спасает гибнущий корабль во время бури: лоцман, «подняв бизань-мачту и направив руль прямо по стрелке компаса... пробился через вихрь»²⁴; ученость Эпистемона, определившего при помощи астрологии, «на какой высоте от нас находится полюс»²⁵ помогает кораблю не затеряться в океанских просторах. За строками великого писателя стоит опыт сотен безвестных нормандских, гасконских, бретонских, фламандских, баскских, андалузских, кастильских, португальских лоцманов и кормчих, проводивших торговые, исследовательские, корсарские и пиратские суда в Атлантике и Индийском океане. В документах остались списки знатока навигации Коллена Вассера, сопровождавшего француза Полмье де Гоннвиля в плавании к берегам Бразилии, «астрологов» Пьера Мокле и Пьера Криньона, участвовавших в путешествии братьев Пармантье к Суматре, космографа Джироламо Веррацано, помогавшего своему брату Джованни найти дорогу к берегам Северной Америки. Однако большинство лоцманов и кормчих так и остались безликим множеством, растворившимся в повседневности морского ремесла. Таковыми и предстают они из донесения испанского агента, отправленного в апреле 1541 г. из Сен-Мало. Сообщая о судах, подготовленных для экспедиции сьера де Ро-

²¹ Историографию вопроса см.: *Julien*. 1947. P. 351–360.

²² Исследуя творчество Рабле, М. М. Бахтин обратил внимание на эту особенность его мировосприятия: преобладает в нем «все новое, свежее, первичное», это «энциклопедия нового мира. Она была конкретной и вещной, и многие из этих вещей впервые вступали в живой кругозор современников Рабле, впервые обрели имя или обновляли старое имя новым значением» (*Бахтин*. 1990. С. 503). Противоположные взгляды см.: *Jal*. 1840. II. P. 496–560.

²³ *Рабле*. 1956. С. 361, 362.

²⁴ Там же. С. 530.

²⁵ Там же. С. 477.

бервала в Канаду на поиски золотой страны Сагены, шпион писал, что на них насчитывалось «400 матросов и 20 кормчих»²⁶.

Плавания и экспедиции XVI в. продемонстрировали неплохую оснащенность навигационными инструментами и картографическими материалами. Красноречиво выглядела, например, комплектация французского королевского галеона «Шьен» в июне 1561 г.:

Капитан Лодоньер:

Часы в футляре из ярко-красного бархата, отороченном золотыми блестками.

Книга морских карт.

Клеман:

Морская карта.

Астролябия.

Контр-метр:

Морская карта.

Астролябия.

Кормчий Нормандии:

Две морские карты.

Астролябия.

Два арбалета для небесной выси.

Таблица склонений²⁷.

Обращает на себя внимание серьезная научно-техническая подготовка первого плавания Мартина Фробишера в 1576 г. На изготовление инструментов в лондонской мастерской Хэмфри Кола было израсходовано около 100 фунтов, навигационную карту по специальному заказу исполнил Уильям Борроу, знаменитый астролог и математик Джон Ди привез из Нидерландов «посох Иакова». В ведомости приборов экспедиции значились морская астролябия («медный обод») и обычная астролябия, не менее двадцати «компасов различного вида», восемнадцать получасовых песочных часов и армиллярная сфера²⁸. Флотилия Магеллана (5 кораблей) располагала 23 морскими картами, изготовленными служившим в Совете Индий итальянским космографом Нуньо Гарсией, 6 парами циркулей, 7 астролябиями (в том числе одной медной), 21 квадрантом, 35 компасными иглами и 78 получасовыми песочными часами. Когда флагманское судно «Тринидад» попало на Молуккских островах в руки португальцев, они первым делом конфисковали судовые книги главного кормчего Андреса де Сан-Мартина, две карты-планисферы Педро Рейнеля и все найденные карты и инструменты²⁹.

²⁶ Morison. 1978. P. 255.

²⁷ La Roncière. 1900. II. P. 534, 535.

²⁸ Morison. 1978. P. 282, 283.

²⁹ Ibid. P. 569.

Навигационные карты всегда были ценным приобретением и вместе с дорогими инструментами нередко попадали к корсарам и пиратам в качестве морской добычи. Мишель Молла со ссылкой на документы португальских архивов приводит записи о взятии французскими корсарами астролябий, буссолой и карт на португальских судах «Галуш» в марте 1524 г. и «Санту-Спириту» в январе 1529 г. В 1533 или 1534 г. руанцы завладели морскими приборами (в том числе «арбалетом для небесной выси») на взятом у Мадейры португальском судне³⁰. Рукопись, датированная 1544 г. и обнаруженная Шарлем де Ларонсьером в Парижской Национальной библиотеке, своего рода «записная книжка» синдиката руанских купцов во главе с арматором Ж. Кордые, зафиксировала любопытную опись вещей, необходимых для плавания и ведения торговли на африканском побережье и в Америке. В ней перечислены портолан, франко-бразильский словарь, франко-гвинейский словарь, таблица приливов и отливов, а кроме того – запись расходных средств на изготовление морских карт³¹. И подобных материалов в конторах европейских торговых компаний и на кораблях, идущих в испанские и португальские моря, год от году становилось все больше, секреты мореплавания становились все более доступными.

Но, как нам представляется, не следует питать иллюзий в отношении научной подготовки основной массы специалистов по навигации. Чтобы пользоваться морскими приборами, прокладывать курс и пользоваться навигационными картами были необходимы разносторонние технические знания, и не только практические, но и теоретические. Умения же большинства командиров военных кораблей и кормчих того времени – это, скорее, навыки и опыт знающих лоцманов побережий, постигших природу ветров и течений в Атлантике, выучка профессиональных навигаторов, способных найти обратную дорогу в родной порт. «Почему мы терпим этих кормчих, их грубую речь, варварские нравы, – вопрошал в 1537 г., в разгар великих географических открытий, математик, изобретатель верньера португальский еврей Педру Нуньеш. – Они лишены всяких знаний о солнце, о звездах, о луне; им неизвестны расположение и движение небесных светил, магнитное склонение; нет у них никакого понятия ни о широте и долготе, начертанных на глобусе, ни об астролябии, квадранте, «посохе Иакова» или о часах; не отличают они обычный год от високосного, равноденствие от солнцестояния»³². В

³⁰ *Mollat*. 1952. P. 352.

³¹ *La Roncière*. 1906. III. P. 299.

³² *Morison*. 1974. P. 175.

словах Нуньеша – горькая констатация несоответствия между научными достижениями в навигации и реальным положением дел.

Оставшись без профессионалов, способных сладить с «инструментами моряка», простые матросы зачастую были совершенно беспомощны. О том, сколь мало изменилась ситуация и спустя век после Нуньеша, свидетельствует рассказ кардинала де Реца. В сентябре 1654 г., спасаясь из Нанта от преследовавших его солдат Мазарини, коадьютор пустился на рыбацьем баркасе в морское плавание из Бель-Иля в Испанию. Путь был неблизкий, и чтобы добраться до ближайшего безопасного порта Сан-Себастьян, где он мог высадиться, «не страшась опасности», жожаку фрондеров нужно было преодолеть Бискайский залив. Баркас потрепал сильный ночной шторм, стихший лишь к утру. Каков же был ужас беглецов, когда они обнаружили, что лишились единственного компаса, по нелепой случайности упавшего в море. «Наши моряки совершенно растерялись и, будучи к тому же людьми невежественными, не могли определить, где мы находимся; они, – пишет де Рец, – взяли курс туда, куда принудило направиться погнавшееся за нами судно». А ведь с де Рецем в море вышли опытные бретонские рыбаки – пять человек, неплохо знавших местные воды и ходивших здесь на лов сардин. В течение целого дня они пытались уйти от преследовавшего их марокканского корсара и только к вечеру увидели, что преследователи, отчаявшись догнать лодку, убрали паруса. Расценив поведение мавров, прекративших погоню, как свидетельство близости берега и, кроме того, заметив каких-то птиц, садившихся на мачту, де Рец и его сопровождающие начали терзаться новыми сомнениями: у каких берегов они находятся («ибо мы одинаково боялись и французов, и турок»). Всю ночь и следующий день морские путники лавировали вдоль побережья, пытаясь разобраться, куда их занесло, пока, наконец, не заметили на рассвете рыбачью шлюпку, которая и привела беглецов в Сан-Себастьян³³.

Наивно было бы думать, что и командиры кораблей все сплошь до одного владели искусством обращения с морскими инструментами и знали основы навигационной науки. Вопрос о том, кто поведет военные и торговые корабли в безбрежном океане и насколько командиры смогут управлять ими в открытом море, следить за показаниями навигационных инструментов и работать с картами, превратился в один из самых насущных, «ведь решение, – как справедливо подметил Бродель, – не было в первую очередь техническим»³⁴. В конечном счете, мореплава-

³³ Рец. 1997. С. 587.

³⁴ Бродель. 1986. I. С. 439.

ние в океане во многом определялось, как мы сказали бы сегодня, человеческим фактором.

Не случайно при реформировании европейских военно-морских сил совершенствование навигационного искусства моряков выходит на первый план. Ведь в конечном итоге создание флота было немислимо без подготовки квалифицированного офицерского корпуса и компетентных управленческих кадров. На первых порах флотский состав рекрутировался по большей части из сухопутных войск, откуда и приходили многие офицеры и командующие. Однако трудно представить, как можно было бы без губительных последствий передать им командование фрегатом и линейным кораблем. Поэтому на протяжении второй половины XVII в. происходит модернизация военно-морских сил и формируются национальные школы мореплавания, а подготовка будущих офицеров полностью переходит в руки государства³⁵. И в первую очередь это коснулось обучения навигации.

Дело в том, что на протяжении всей ранней истории великих географических открытий искусство навигации находилось в монопольном владении лоцманов и кормчих, главных фигур на корабле. Когда же началось строительство государственных военно-морских сил, «искусство моряка» все более специализировалось и усилиями инженеров, гидрографов и астрономов превращалось в самостоятельную отрасль знания, вобравшую в себя комплексные достижения топографии, географии, картографии, гидрографии и астрономии.

Одним из важнейших очагов навигационной науки во Франции был старинный порт Дьепп, один из крупнейших центров торговли в Атлантике и в Восточной и Юго-Восточной Азии. Дьеппские моряки и рыболовы, занимавшиеся промыслом сельди и трески, всегда отличались отвагой. На своих легких судах они ходили к берегам Канады, основали колонию на реке Сенегал, плавали к Доггер-Банке, в Левант и вокруг Кольского полуострова³⁶. В 20–40-х годах XVI в. здесь задавал тон влиятельнейший купец Жан Анго. Выходец из семьи руанских неготиантов (он родился около 1480 г.) Анго унаследовал жесткий расчет и практичность своего отца, судовладельца, прибавив к ним широту понимания проблем, необыкновенную деловую хватку, способность вести рискованную игру. Это был один из влиятельнейших коммерсан-

³⁵ *Vergé-Franceschi*. 1991.

³⁶ О плавании дьеппского капитана Жана Соважа в Россию см.: *Relation du voyage en Russie ...* P. 385–396; *Memoire du voyage en Russie ...*; *Соваж*. С. 223–230; *Ларин*. 1936; *Ларин*. 1948; *Алексеев*. 1957; *Алексеев*. 1983; *Ларин*. 2002.

тов Франции. Банкир, финансист, арматор, он контролировал торговую и коммерческую жизнь в портах Нормандии. Любитель пожить на широкую ногу, вдохновенный и щедрый покровитель искусств, Анго любил роскошь и проводил много времени в обществе одаренных людей: скульпторов, художников, литераторов. Этот сказочно богатый человек был посвящен в секреты французской короны, находился в центре корсарской паутины, свитой во Франции в первой половине XVI в., охватившей европейские моря и достигавшей Бразилии, Лонг-Айленда и Индии. Он играл ведущую роль в финансировании и стратегической разработке военно-морских операций и окружил себя когортой прекрасных моряков, которые, в соответствии с принципом «свободы морей», колонизовали новые земли для Французского королевства³⁷.

В окружении Анго было немало авторитетных географов, картографов и гидрографов. Известность приобрел капитан Пьер Криньон – знаток астрономии и гидрографии, который получил от моряков почетное прозвище Великий капитан. Знаменитыми на весь мир стали братья Жан и Рауль Пармантье, в 1529 г. пересекшие экватор и первыми после португальцев открывшие скрываемую теми дорогу к Островам пряностей. По-видимому, вместе с ними к Суматре плывал шотландец Жан Ротц, получивший морское образование в Дьеппе. В 1539 г. он побывал в Гвинее и Бразилии, в 1542 г. стал картографом английского короля Генриха VIII, которому преподнес карты с удивительными точными для того времени очертаниями Китая, Азии, Индии и Африки, а также неизвестной земли, напоминающей северные очертания Австралии³⁸.

В Дьеппе плодотворно соединились практический опыт сотен моряков, выходящих в просторы океана, и традиции научной культуры, которую поддерживали католические священники и отцы-иезуиты, ставшие настоящими хранителями навигационных знаний. Благодаря усилиям духовных лиц в Дьеппе в середине XVI в. сформировалась знаменитая школа картографии³⁹. Ведущие картографы Дьеппской школы были известны всей Европе точностью и аккуратностью изготавливаемых ими карт и морских лоций и обучали шкиперскому искус-

³⁷ Окунева. 2005; Guénin. 1901; Julien. 1947; Mollat. 1952; Morison. 1971; Michel. Jehan Ango....

³⁸ Полемику относительно открытия Австралии в XVI в. см: Wallis. 1982. P. 40–42; Мензис. 2004. С. 261, 262, 211–218. Следует, впрочем, учитывать, что в картографии XVI в. научное знание соседствовало с вымыслом, и реальные знания об устройстве мира попадали в плен противоречивых теоретических представлений ученых, по-разному определявших координаты исследуемого объекта. См.: King. 2009.

³⁹ Vergé-Franceschi. 1991. P. 153–155.

ству пилотов, кормчих и командиров торговых судов⁴⁰. Известнейшими специалистами Дьеппской школы были священник из Арка аббат Пьер Деселье, автор знаменитых портуланов 1546, 1550 и 1553 гг., космограф и навигатор Никола Вайяр, составивший «Атлас» 1547 г. с 15 морскими картами, Никола Дельен, начертивший в 1566 г. карту мира, застолбившую притязания французских монархов на территорию Канады, пилот Жак де Во де Клее, составивший в 1579 г. план колонии «Антарктическая Франция» с бухтой Гуанабара и написавший специальное руководство для лоцманов.

Особую страницу в историю французской навигации вписал нормандский кормчий Гийом Ле Тестю, выходец из Гавра, получивший образование в Дьеппской школе. В 1550-х гг. он в качестве лоцмана участвовал в секретных плаваниях французов в Бразилию⁴¹. Проведя несколько лет в «Антарктической Франции», Ле Тестю в 1655 г. возвратился в родной Гавр и получил должность королевского лоцмана. В эти годы он создал знаменитый атлас мира «*Cosmographie universelle*», последнее слово географической науки на тот момент, и преподнес свой труд королю Генриху II. В разгар Религиозных войн Ле Тестю, убежденный гугенот, не прекращал морских плаваний и, командуя 80-тонным корсарским судном, в 1573 г. отправился в Вест-Индию и у побережья Панама встретился с Фрэнсисом Дрейком. Договорившись о совместных действиях против испанцев, корсары в марте 1573 г. атаковали «караван мулов», идущий в Номбре-де-Диос. Захватив его, англичане и французы постарались уйти от погони и, взяв с собой столько серебра, золота и драгоценностей, сколько каждый из них мог унести, оставшуюся «добычу» закопали в лесу. На беду, во время боя самого Ле Тестю ранили в живот, и он был так плох, что его решили оставить в джунглях. Испанцы, преследуя пиратов, захватили капитана и двух матросов, добровольно оставшихся со своим начальником. «Географ короля» погиб на месте, а его голову испанцы водрузили на шест и выставили на городской площади Номбре-де-Диос⁴².

В правление кардинала де Ришелье, перекупившего в 1626 г. у герцога Анри де Монморанси должность адмирала Франции⁴³ и в качестве сюринтенданта навигации и торговли сосредоточившего в своих руках

⁴⁰ См. подробнее: *Julien*. 1947; *Maps and Text ...*; *Wallis*. 1988.

⁴¹ О них подробнее см.: *Слезкин*. 1970; *Окунева*. 2003.

⁴² О Ле Тестю см: *Anthiaume*. 1911.

⁴³ *Люблинская*. 1965. С. 298. См. также: *Vergé-Franceschi* 1991. P. 45, 46; *James*. 2004. P. 55–64.

руководство колониальными делами, Дьеппская школа получила новые импульсы для развития. Появлялись новые рукописные и печатные руководства по мореплаванию: Гийом Левасер написал в Дьеппе «Трактат по гидрографии, или искусству навигации», а лоцман Жан Летелье в 1639 г. опубликовал «Плавание в Восточные Индии, сведенное в таблицы, дабы обучать определять долготу по колебаниям магнита». В Дьеппе работали известные специалисты по навигации и кораблевождению: священник Бретон, аббат Прескот и Жан Кодерон, утонувший 2 ноября 1655 г. на пути к Мадагаскару. На какое-то время здесь, в доме иезуитов, обосновался преподобный Жорж Фурнье, профессор математики иезуитского коллежа Ла Флеш, автор знаменитой «Гидрографии» 1643 г.

С 1655 г. Дьеппская шкиперская школа находилась в ведении местного уроженца, «весьма ученого» теоретика аббата Гийома Дени, собиравшего в своем доме моряков и преподававшего им бесплатно курс навигации. Генеральный контролер финансов Жан-Батист Кольбер внес изменения в эту устоявшуюся практику и основал для Дени «бесплатную государственную школу» со штатом 200 учеников. 18 марта 1666 г. Дени был назначен «учителем гидрографии» и «комиссаром-экзаменатором» всех лоцманов королевства с пенсионом в 1200 ливров. Фактически в его руках сосредоточилось преподавание навигации офицерам королевского флота, а труд Дени «Искусство навигации, дополненное знанием о колебаниях магнита, или Трактат о колебаниях магнитной стрелки» стал основополагающим руководством для всех лоцманов Франции. Спустя несколько лет одним из учеников шкиперской школы аббата Дени стал молодой нормандец Жан Дубле.

Корсар Жан Дубле не столь известен, как его «коллеги», корсары Жан Бар, Рене Дюге-Труен и граф де Форбен. В его послужном списке значится немало плаваний и корсарских рейдов в Балтийском и Средиземном морях, к Ньюфаундленду, в Вест-Индию, вдоль западных берегов Африки и тихоокеанского побережья Южной Америки. Однако вписал он свое имя в историю французского флота, оставив потомкам рукопись воспоминаний, названных «Вахтенный журнал». В 1883 г. нормандский историк Шарль Бреар подготовил записки Дубле к изданию и опубликовал их в издательстве «Charavay frères»⁴⁴.

Биография Дубле условно распадается на два больших этапа. Путь, пройденный им в начале жизни, был вполне характерен для француз-

⁴⁴ Journal du corsaire Jean Doublet... Мы пользовались современным изданием воспоминаний Дубле, подготовленных Ивоном Ле Козанне и Жераром Дюкаблем (Le corsaire du Roi-Soleil...).

ского моряка из приморской провинции, для которого высшим достижением могло бы стать командование торговым судном. Второй этап, на котором Жана Дубле стал командиром дюнкеркских корсаров и офицером аристократического королевского флота, никогда бы, по видимому, не состоялся, если бы моряк недворянского происхождения не прошел обучение в школе аббата Дени и не получил здесь блестящую теоретическую подготовку.

Начал Дубле свою морскую одиссею так стремительно и авантюрно, что его судьба вполне могла бы послужить сюжетом для приключенческой повести. Часто рассуждают о том, как рвутся мальчишки в морское путешествие. Обратившись к ранним страницам жизнеописания французского корсара, мы можем увидеть, как сильно повлияла на его формирование атмосфера родного дома. Он родился в конце 1655 г. в довольно зажиточной семье в портовом Онфлере. Его отец, Франсуа Дубле, был известным в морских кругах человеком, владел аптекой, и у него подрастало шестнадцать детей, причем родители рассчитывали и дальше продолжать свой род. Разумеется, отец будущего корсара ломал голову над тем, как ему прокормить огромную семью. В конце концов, он решил поменять род занятий и с фармацевтики переключился на колониальную торговлю, став в 1663 г. командиром торгового судна⁴⁵. При помощи своих родственников – богатых буржуа из Парижа и Руана, входивших в управление Компании ста акционеров⁴⁶ – Дубле-старший добился в январе 1663 г. концессии на колонизацию островов Брион и острова Сен-Жан (соврем. остров Принца Эдуарда) в заливе Св. Лаврентия к западу от побережья Французской Акадии (соврем. Новая Шотландия). Французские власти, предоставив Дубле королевский патент на право разработки всех богатств на островах и привилегию поместить в свой герб двух дикарей с дубинками и голову грифа, разрешили ему также переименовать острова Брион в острова Магдален, по имени его супруги⁴⁷.

Закупив в Голландии три судна, Дубле подготовил все необходимое корабельное снаряжение, приобрел орудия для обработки земли, рыболовные снасти и в феврале 1663 г. стал готовиться к отплытию. По традиции отслужили большую мессу, и с приливом суда вышли в море. Провожавшие корабли родственники оставались на борту флагманского

⁴⁵ Le corsaire du Roi-Soleil. P. 6.

⁴⁶ Компания ста акционеров, созданная в 1627 г. при участии кардинала де Ришелье, занималась колонизацией Французской Канады и обанкротилась в 1663 г.

⁴⁷ Последнее название так за ними и осталось.

судна «Сен-Мишель» до выхода на внешний рейд – оттуда открывался вид на часовню на побережье, словно провожавшую уходивших в плавание. Никто тогда и не подозревал, что к морякам тайком присоединился и семилетний Жан.

«Замыслив совершить путешествие, я спрятался в каюте нижней палубы и накрылся с головой, чтобы меня не было видно. Я отлично слышал, как при прощании раздавались крики: «сажай, сажай всех в лодку, сейчас последняя отойдет». Но я и носа не казал, хоть и проголодался. Потом корабль закачался на волнах, и я уснул. Около девяти вечера в каюту пришел боцман Жан Эспуар и стал устраиваться на ночлег как раз там, где я спрятался. Он очень устал и рухнул на койку – прямо на меня. “Вы меня раздавите!” Он с ворчанием поднялся: “Кто попал ко мне в каюту?” Я назвался. Он взял меня на руки и отнес в постель к отцу, который уже спал. Отец, увидев меня, очень удивился и рассерженно спросил, почему я не вернулся на берег. Я ответил, что уснул и хочу плыть вместе с ним. Он очень разгневался и сказал, что, как только встретит идущее в порт судно, отправит меня на нем. Потом он распорядился дать мне поужинать и положил меня спать рядом с собой. Но ему пришлось-таки разрешить мне идти в плавание, так как случая отправить меня обратно не представилось»⁴⁸.

На протяжении следующих десяти лет жизнь Дубле складывалась вполне буднично: с торговыми судами он ходил к берегам Новой Франции, участвовал в невольничьих рейсах к побережью Сенегала, побывал с торговым конвоем на Французских Антильских островах и в 1672 г. потерпел кораблекрушение у острова Сан-Доминго. Традиционный ритм жизни молодого нормандца изменился, когда Франция начала войну с Голландией, и Дубле, уже неплохо овладевшим мастерством кораблевождения, явился в Онфлер, где попытался устроиться на французский военный корабль.

Узнав о приезде из Дюнкерка капитана Пьера Делаттра, набиравшего команду добровольцев, матросов и солдат, Дубле отправился на постоянный двор, где тот остановился, и предложил свои услуги в качестве лоцмана. «Да их у меня достаточно, – услышал он в ответ, – и все люди известные». После второй предпринятой им попытки Дубле все же попал к Делаттру шкипером шлюпки и вместе с ним и завербованным экипажем отправился в Дюнкерк, поступив на 18-пушечный фрегат «Випер» («Гадюка») в эскадру капитана 1-го ранга Франсуа Паннесье⁴⁹. Более всего после выхода в море Дубле сетовал на свое низкое положение. По заведенному на кораблях правилу, все лица командного состава,

⁴⁸ Le corsaire du Roi-Soleil... P. 43–45.

⁴⁹ Подробности ранней карьеры Дубле и критический анализ первой и второй частей его мемуаров см.: Villiers. 2002. P. 163–186.

в том числе и шкиперы, столовались с командиром в кают-компани. Дубле же «не получил ничего», ел с матросами и никак не выделялся из общей массы. Донельзя огорченный, он чувствовал себя униженным и потерял всякий аппетит. «Однажды в час обеда я стоял, – писал Дубле, – опершись о борт, и наш корабельный лекарь спросил меня, не болен ли я, коль не ем с другими матросами. Я вздохнул и поспешил поведать о причинах моей грусти». Слово за слово, и Дубле раскрыл душу, поделившись, сколь тяжело образованному человеку, непривычному к такому обращению, столоваться не с офицерами, а с обычными работягами. Лекарь спросил, как его имя, кто был его отец. «Так я его знал и служил под его началом», – воскликнул лекарь и пообещал переговорить с Делаттром, с которым был на короткой ноге. Тот приказал привести Дубле к себе в каюту и расспросил о причинах его печали. Выслушав молодого человека и пожурился за несвойственное возрасту «уныние», Делаттр задал юноше неожиданный вопрос: «Знакомы ли вы с основами навигации?» – то есть с математикой, главным образом тригонометрией, необходимой для прокладывания курса корабля. «Я ответил, что знаю гораздо больше элементарных основ, иначе не просил бы о должности шкипера». Тогда Делаттр предложил ему выпить вина и за столом расспросил о том, насколько сложно овладеть основами навигации⁵⁰. «Я сказал, – вспоминает Дубле, – что такого смышленного человека, как он, я обучу менее чем за полтора месяца и преподаю ему на месте первое правило. Он пригласил меня поужинать за его столом и сказал, что оставляет столоваться с ним на всю кампанию. Он очень меня полюбил и поселил в соседней каюте. Экипаж меня сразу зауважал»⁵¹.

Обучая господина Делаттра, Дубле не забывал и о дальнейшем совершенствовании собственного навигационного мастерства. В первой же кампании Делаттра Дубле сумел отличиться. Со своими людьми на шлюпке он абординировал несколько призов, одним из первых поднимаясь на борт противника. Положенные за отличия премии позволили ему собрать деньги и продолжить свое образование. Он замыслил поехать в шкиперскую школу аббата Дени. Делаттр, правда, немало удивился научному пылу своего «учителя» – он не мог взять в толк, зачем учиться

⁵⁰ Заинтересованность Делаттра в наставнике по навигации вполне объяснима. Из корреспонденции интенданта флота в Дюнкерке Юбера явствует, что по профессии Делаттр был хирургом и служил корабельным лекарем на корсарских судах. Во вполне уже зрелом возрасте (28 лет) Делаттр был в 1673 г. назначен командовать 10-пушечным фрегатом.

⁵¹ *Le corsaire du Roi-Soleil...* P. 65, 66.

лоцманскому делу, когда доступна карьера военно-морского офицера. Но капитана удалось «уломать», и Дубле поехал в Дьепп. Он отыскал школу и договорился с аббатом об условиях обучения: за ежемесячную плату в 50 ливров ему предоставляли пансион с едой, ночлегом и стиркой, и аббат еще брал на себя обязательство предоставлять ученику все нужные книги. Дени предложил своему ученику обычный курс навигационного мастерства и ознакомил Дубле с науками об устройстве земного шара, теориями приливов и течений, науками о долготе, преподавал ему «синусы, тангенсы и логарифмы». И тем не менее объем полученных знаний показался Дубле недостаточным, и он потребовал дальнейшего «совершенствования». Аббат «раздобрился» и продолжил учение.

Прошло шесть месяцев, и в июне 1675 г. Дубле получил письмо от Делаттра, сообщавшего, что дюнкеркский отряд Паннетье перевооружился и командир эскадры отдал ему приказ возвращаться. Перед молодым корсаром встала дилемма: или отправиться в море и заработать, или продолжать учение. Он решил показать письмо своему наставнику, а заодно выяснить размеры платы за обучение. «Что вы делаете, – воскликнул аббат. – Вы хотите прервать учение, когда все хорошо пошло. Оставайтесь на два-три месяца. Вы слишком быстро проглотили то, чему научились, и поэтому усвоили все недостаточно прочно. Поработайте у меня классным надзирателем. Это укрепит ваши знания, и я ничего не возьму за пансион». Дубле, ничего не имевший против продолжения учебы, воспротивился лишь отказу аббата от оплаты. «Буду платить», – заявил он безапелляционно. «Нет. Нет. Вы бесконечно меня обяжете. Вы же будете заниматься моими учениками, а большинство из них – твердолобые тупицы!» В конце концов, Дубле остался еще на три месяца. Узнав об отказе Дубле вернуться на эскадру, Паннетье показал Делаттру патент на чин лейтенанта: «Раз он не захотел идти со мной, отдам-ка я этот патент кому-нибудь другому».

Дубле совершенствовал свои знания еще три месяца, а аббат так и не взял с него денег. Более того, сочтя, что его ученик добился больших успехов, он предложил Дубле сдать экзамен на «шкипера адмиралтейства». Дубле согласился. Аббат пригласил в экзаменационную комиссию четырех капитанов и четырех шкиперов. Они гоняли молодого моряка по всем разделам навигационной науки, пока, наконец, не убедились в его отличной подготовке и не согласились аттестовать его. После экзамена все отобедали у аббата, который как лицо духовного звания отказался идти на постоялый двор. Теперь Дубле с чистой совестью мог ехать в Дюнкерк. Задержавшись по просьбе аббата еще на

день, чтобы доесть остатки праздничной стряпни, он, наконец, отбыл на эскадру, в дальнейшем совершив блестящую карьеру⁵².

Разумеется, аббат Дени был не одинок, когда жаловался Дубле на «каменные головы» своих незадачливых учеников. Те же трудности испытывали и другие специалисты-навигаторы, распространявшие ученые знания в других портах королевства: де Кайяк в Тулоне и Ларош-Курбон в Рошфоре. Тем не менее Дени сумел подготовить себе достойную смену. Уроженец Дьеппа Франсуа Голетт преподавал гидрографию в Тулоне, Вутремер – в Байонне, Кубар в Бресте, Ле Кордые из Гавра и Бертело из Нанта вели занятия в Марселе, а Жан-Батист Франклен передавал свой опыт в Новой Франции⁵³. Тем самым, в результате деятельности специалистов Дьеппской шкиперской школы навигационные знания постепенно переходили из рук интеллектуальной элиты в широкие слои офицерства, становясь важным фактором в формировании научных традиций французского королевского флота.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев М. П.* Эпизоды из русской истории в «Опытах» Монтеня / Романо-германская филология. Сборник статей в честь академика В. Ф. Шишмарева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. 352 с.
- Алексеев М. П.* Эпизоды из русской истории в «Опытах» Монтеня / Сравнительное литературоведение / Ред. Г. В. Степанов. Л.: Наука, 1983. 447 с.
- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
- Бизли Ч. Р.* Генрих Мореплаватель: 1394–1460 / Пер. с англ. М.: Наука, 1979. 340 с.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1–3. М.: Прогресс, 1986–1992.
- Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1–3. М.: Языки славянской культуры, 2002–2005.
- Вернадский В. И.* Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. 359 с.
- Копелев Д. Н.* Раздел Океана в XVI–XVIII веках: Истоки и эволюция пиратства. СПб.: Крига, 2009. 735 с.
- Корякин В. И., Хребтов А. А.* От астролябии к навигационным комплексам. СПб.: Судостроение, 1994. 240 с.
- Ларин Б. А.* Парижский словарь москвитов 1586 г. / Исследование, издание текста, комментарии, указатели. Рига: Латвийский гос. ун-т, 1948. 216 с.
- Ларин Б. А.* Парижский словарь русского языка 1586 г.: (Исследование об авторе словаря) // Советское языкознание. Т. II. Посвящ. В. Ф. Шишмареву. Л.: Изд-во ЛГУ, 1936. С. 65–91.

⁵² Le corsaire du Roi-Soleil... P. 68–70.

⁵³ Vergé-Franceschi. 1991. P. 154, 155.

- Ларин Б. А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 683 с.
- Люблинская А. Д.* Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.–Л.: Наука, 1965. 361 с.
- Мензис Г.* 1421 – год, когда Китай открыл мир. Пер. с англ. А. Кашина. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 640 с.
- Окунева О. В.* В погоне за «красным золотом»: франко-португальское соперничество в Бразилии в первой половине XVI века // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 198–210.
- Окунева О. В.* Французы–первооткрыватели Бразилии? // Латинская Америка. 2003. № 4. С. 66–77.
- Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Правда, 1956. 640 с.
- Рец. Ж. Ф. де.* Мемуары / Изд. подг. Ю. В. Виппер и др.; пер. с фр. и послесл. Ю. Я. Яхниной; прим. А. Ф. Строева. М.: Ладомир, Наука, 1997. 832 с.
- Слезкин Л. Ю.* Земля Святого Креста: Открытие и завоевание Бразилии. М.: Наука, 1970. 160 с.
- Соваж Ж.* Записка о путешествии в Россию в 1586 году. / [Пер. по рукописи с франц.] // Русский вестник. 1841. Т. 1. Вып. 1. С. 223–230.
- Танстолл Б.* Морская война в век паруса, 1650–1815: Сражения великих адмиралов. М.: Эксмо, 2005. 448 с.
- Anthiaume A.* Un pilote et cartographe havrais au XVIth siècle. Paris: Imprimerie nationale, 1911. 70 p.
- Glete J.* Navies and nations. Warship, navies and state building in Europe and America, 1500–1860. Vol. 1–2. Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1993.
- Gray C. S.* The Leverage of seapower. The strategic advantage of navies in war. New York: The Free Press, 1992. xii, 372 p.
- Guénin E.* Ango et ses pilotes d'après les documents inédits tirés des archives de France, de Portugal et d'Espagne). Paris: Imprimerie nationale, 1901. ix, 292 p.
- Jal A.* Archéologie navale. Vol. I–II. Paris: Arthus Bertrand, 1840.
- James A.* Navy and government in early modern France, 1572–1661. Suffolk; Rochester: Royal Historical Society, Boydell and Brewer Inc., 2004. ix, 198 pp.
- Journal du corsaire Jean Doublet de Honfleur, lieutenant de frigate sous Louis XIV / Publié d'après le manuscrit autographe avec introduction, notes et addition par Charles Bréard.* Paris: Charavay Frères Éditeurs, 1884. 402 p.
- Julien Ch.-A.* Les voyages de découverte et les premiers établissements (XV-e–XVI-e siècles). Paris: Presse Universitaires, 1947. 533 p.
- King R.* The Jagiellonian Globe, a Key to the Puzzle of Jave la Grande // The Globe: Journal of the Australian Map Circle. 2009. № 62. P. 1–50.
- La Roncière Ch. de.* Histoire de la marine Française. T. I–VI. Paris: Plon–Nourrit et Cie, 1899–1932.
- Le corsaire du Roi-Soleil / Éd. par Yvon Le Cozannet et Gérard Ducable.* Paris: Éditions du Rocher, 1990. 348 p.
- Meinig D. W.* The shaping of America. A geographical perspective on 500 years of history. Vol. I: Atlantic America, 1492–1800. New Haven: Yale University Press, 1988. 528 p.

- Memoire du voyage en Russie fait en 1586 par Jehan Savvage / Le Trésor des pieces rares ou inédites. Publié pour la premiers fois d'auprès les manuscrits de la Bibliothèque Impériale par Louis Lacour de La Pijardievre. Paris: August Aubry, 1855. x, 30.
- Michel P.* Jehan Ango. L'armateur dieppois de la Renaissance // dieppe.fr/quiquengrogne/quiquengrogne35-ango.pdf
- Mollat M.* Le commerce maritime normande à la fin du Moyen-Âge. Étude d'histoire économique et sociale. Paris: Plon, 1952. xxxv, 617 p.
- Morison S. E.* The European discovery of America: The Northern voyages. A. D. 500–1600. New York: Oxford University Press, 1971. xiv, 712 pp.
- Morison S. E.* The European discovery of America: The Southern voyages. 1492–1616. New York: Oxford University Press, 1974. xvii, 758 p.
- Morison S. E.* The great explorers: The European discovery of America. New York: Oxford University Press, 1978. xxv, 752 p.
- Nicolas H. N.* A History of the royal navy, from the earliest times to the wars of the french revolution. Vol. 1–2. London: Richard Bentley, 1847.
- Padfield P.* Tide of Empires: Decisive naval campaigns in the rise of the West. Vol. I: 1481–1654. London: Routledge & Kegan Paul Books, 1979. vi, 266 p.
- Relation du voyage en Russie fait par Jehan Sauvage de Dieppe, en l'an 1586 / La Chronique de Nestor. Par Louis Paris. T. I. Paris, 1834. P. 385–396.
- Scammel G. V.* The world encompassed: The first European maritime empires. C. 800–1650. London, New York: Metuen, 1981. 538 p.
- Tallett F.* War and society in early-modern Europe, 1495–1715. London: Routledge, 1992. xv, 314 p.
- The Maps and Text of the Boke of Idrography Presented by Jean Rotz to Henry VIII: now in the British Library / Ed. by Helen Wallis; with a foreword by Viscount Eccles. Oxford: Printed for presentation to the members of the Roxburge Club, 1981. 96 p.
- Vergé-Franceschi M.* Marine et éducation sous l'Ancien régime. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1991. xvi, 470.
- Villiers P.* Jean Doublet, à Dunkerque au temps de Louis XIV, corsaire ou officier du roi // Les Tyrans de la mer. Pirates, corsairs et flibustiers / Textes réunis par Sylvie Requemora et Sophie Linon-Chipon. Paris, 2002. P. 163–186.
- Wallis H.* Did the Portuguese discover Australia // History today. 1988. Vol. 38. Issue 3. P. 30–35.
- Wallis H.* The Dieppe Maps // The Globe: Journal of the Australian Map Curator's Circle. Canberra. 1982. №. 17. P. 23–51.

Копелев Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); kopelll07@list.ru

А. Н. ПТИЦЫН

«РЕЛИГИЯ ИЗ КАНЦЕЛЯРИИ»

СОЗДАНИЕ ЧЕШСКО-ГУСИТСКОЙ ЦЕРКВИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В статье рассматривается проект организации чешской гуситской церкви в России, который был разработан российским правительством с целью раскола католической церкви, а также для сближения чехов с православием. Изучается опыт создания и деятельности гуситской церкви на Волыни в 70–80-е гг. XIX в., где ее прихожанами стали чешские колонисты. Выявлены причины неудачи гуситского проекта, показано его историческое значение.

Ключевые слова: *гуситство, церковь, чехи, колонисты, переселенцы, Волынь.*

В середине XIX в., в связи с чешским национальным Возрождением, как в чешских землях, так и в России резко возрос интерес к изучению гуситского движения. И если чешские интеллектуалы рассматривали гуситство как проявление «чешского национального духа», то российские ученые считали его народным движением за «возврат к православию», которое мыслилось как «национальная славянская религия»¹. Эти представления были восприняты и российской политической элитой, которая в 1870–1880-е гг. осуществила масштабный «религиозный эксперимент» по воссозданию гуситской церкви на базе чешской переселенческой общины в нашей стране.

Многочисленная чешская диаспора в России сформировалась в результате массовой трудовой миграции, начавшейся в 1860-е гг., и состояла, в основном, из крестьян-колонистов. При этом более половины российских чехов было сосредоточено в Волынской губернии. По данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., всего в России проживало 50,4 тыс. чехов, в том числе 27,7 тыс. – на Волыни².

Конфессиональная принадлежность чешских переселенцев в России, в целом, соответствовала распределению конфессий в чешских землях. Среди прибывших в Россию чехов около двух третей составляли католики, остальные были протестантами (евангеликами, реформатами и баптистами). Небольшую долю российских чехов составляли также члены религиозной общины «чешских (моравских) братьев», или

¹ Славяноведение в дореволюционной России. С. 145–146.

² Общий свод по империи.... С. IX.

«гернгутеров» (селение Гернгут в Саксонии было их религиозным центром). «Чешские братья» и евангелики считали себя наследниками гуситов. В России «чешские братья» впервые появились еще в 1765 г., создав колонию Сарепта под Царицыном. Они жили также на польских землях, вошедших в конце XVIII – начале XIX в. в состав России³.

Первые чешские колонисты появились на Волыни в 1859 г., в селах Погорельцы и Подгайцы Дубенского уезда. Это были переселенцы из российской Польши, принадлежавшие к общине «чешских братьев». Первая группа колонистов непосредственно из чешских земель переселилась на Волынь в 1863 г., основав поселение Лютгардовка в том же Дубенском уезде⁴. С 1868 г. чешская миграция на Волынь приобрела массовый характер, чему способствовала деятельность частной переселенческой компании, организованной российскими поляками и чехами. Переселенцев привлекали близость Волыни, ее природные богатства и, особенно, дешевизна местных земель. Число чешских колонистов росло быстрыми темпами: в 1869 г. их было 3 тыс., в 1874 г. – уже 15 тыс.⁵.

Чешская колонизация Волынской губернии встретила поддержку со стороны российских властей, которые рассчитывали с ее помощью сократить удельный вес и влияние польской общины в данном регионе, что рассматривалось в качестве первоочередной задачи после подавления польского восстания 1863–1864 гг. Однако при покупке земли на Волыни чешские переселенцы столкнулись с серьезными проблемами, поскольку по законам 1864–1865 гг. католикам запрещалось покупать землю в данном регионе. Принятые с целью ограничения польского землевладения в Юго-Западном крае, эти законы в данном случае «работали» и против чехов, большинство из которых были католиками⁶.

Чтобы обойти данный запрет, чешские колонисты нашли весьма оригинальный ход. По свидетельству осведомленного современника, чиновника Е. М. Крыжановского, они стали заявлять представителям власти, что «все чешские переселенцы не католики, а гуситы, каковыми они были и на родине, но принуждены были скрывать свою веру пред австрийским правительством, которое навязывало им католичество, что они переселились в Россию, не стерпев насилий над совестью своей, и надеясь найти среди братского русского народа свободу для своего исповедания, что это исповедание близко к православию и здесь, на Во-

³ Nečporová. 2005. S. 99.

⁴ Auerhan. 1920. S. 12.

⁵ Vaculík, 2002. S. 202; Doubek. 2002. S. 180.

⁶ Бармак. 1999. С. 9.

лыни, скоро приведет всех чехов в лоно православной церкви»⁷. И хотя «из бесед с переселенцами можно было заключить, что о гуситизме те имеют лишь смутное представление», российские власти «удовлетворились» сведениями о «гуситстве» переселенцев и разрешили покупать землю в регионе всем чехам, независимо от их вероисповедания⁸. Причины заключались в том, что на Волыни чехи в роли землевладельцев устраивали российское правительство гораздо больше, чем поляки.

В то же время, сведения о «гуситстве» волыньских чехов подтолкнули российские правящие круги к идее организовать настоящую гуситскую церковь на Волыни. Эта идея родилась из двух стремлений российских политиков того времени. Во-первых, они всячески старались ослабить в России влияние католической церкви, которая рассматривалась как «антироссийская сила», покровительствующая польскому национальному движению. В 1866 г. российское правительство разорвало конкордат с папским престолом и отозвало из Ватикана российских послов из-за заступничества папы Пия IX за польских католиков (отношения с Ватиканом были восстановлены только в 1883 г.)⁹. Организация гуситской церкви, по мысли авторов проекта, должна была привести к расколу католической церкви в России и падению ее влияния.

Во-вторых, многие представители правящей элиты мечтали о сближении чехов (как и других зарубежных славян) с русским народом, для чего старались организовать их взаимодействие в религиозной сфере. Так, в 1874 г. в Праге был открыт русский православный храм¹⁰. В этом контексте гуситская церковь рассматривалась как своего рода «переходная ступень» на пути чехов к православию.

Проект возрождения гуситской церкви на Волыни родился в администрации киевского, волынского и подольского генерал-губернатора А. М. Дондукова-Корсакова, который возглавлял юго-западные губернии в 1869–1878 гг. Он активно интересовался славянским вопросом и покровительствовал чешским переселенцам. Впервые «гуситский проект» был сформулирован в его донесении министру внутренних дел А. Е. Тимашеву от 24 февраля 1870 г. Основываясь на сведениях, полученных от самих колонистов, генерал-губернатор отмечал, что «переселившиеся чехи, за исключением самого ограниченного числа стариков, все – последователи Гуса, и, по-видимому, очень далеки от истинного

⁷ Крыжановский. 1887. С. 9-10.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Лиценбергер. 2001. С. 125, 139.

¹⁰ Ненашева. 2009. С. 206.

католицизма»¹¹. Поэтому российским властям следовало уделить «первостепенное внимание» развитию гуситства на Волыни. С этой целью нужно организовать в чешских селениях «гуситские» приходы, для чего пригласить из чешских земель священников, разделяющих гуситские идеи, и взять их на государственное содержание. При этом чешские приходы ни в коем случае не должны находиться в ведении католической епархии, а могут пользоваться полной самостоятельностью, находясь лишь под надзором российских гражданских властей. Примечательно, что просвещенный сановник указывал на то, что «гуситство, по мнению некоторых ученых, не что иное, чем православие, по крайней мере, оно ближе к православию, чем к католичеству»¹².

В своем проекте А. М. Дондуков-Корсаков на первый план выдвигал борьбу с католицизмом. Он считал, что создание «альтернативной» гуситской церкви «произведет раскол, который может распространиться от чехов между русскими католиками». Далее он с военной прямоотой заявлял: «Мне кажется, что для политических требований правительства появление такого раскола будет только благоприятно <...> Кто знает <...> не будет ли чешское дело первым шагом к образованию независимой от Рима и чуждой антинациональных стремлений католической церкви в России? Я не вижу причин ограждать наши пределы от раскола римско-католической церкви, когда австрийское правительство поощряет таковой в своих пределах в белокрыницком монастыре»¹³ (здесь речь шла о существовании на территории австрийской Буковины, в селе Белая Криница старообрядческой русской митрополии, открытой в 1846 г. с разрешения габсбургского правительства). Генерал-губернатор полагал, что гуситство не только ослабит силу католицизма в Юго-Западном крае, но и даст местному польскому населению пример «национальности славянской, преданной России, и церкви католической, сочувственной православию». Он также выражал уверенность в том, что благодаря развитию гуситства «вопрос о полном слиянии чехов с русским народом и православием станет только делом времени»¹⁴.

Предложения киевского генерал-губернатора с энтузиазмом были встречены в руководстве министерства внутренних дел, которое курировало вопросы «иностранных исповеданий» в России, и получили там дальнейшее развитие. Главным лоббистом гуситского проекта в высших

¹¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 189. Д. 971. Л. 26.

¹² Там же. Л. 22–23.

¹³ Там же. Л. 23–23 об.

¹⁴ Там же. Л. 24.

эшелонах власти стал правитель канцелярии МВД (впоследствии товарищ министра и министр внутренних дел) Л. С. Маков¹⁵.

Планы по организации гуситской церкви быстро стали достоянием общественности. Уже 10 марта 1870 г. газета «Киевлянин» отмечала: «Замена польского землевладения на Волыни единоплеменными нам чехами, которые выражают явное стремление слиться с русским населением края, должно, по справедливости, обратить на себя внимание и заботы правительства. На чехов возложено очень важное задание в интересах Российской державы – создание особой религии, которая привлечет к себе католическое население и внесет раскол в католицизм, и таким образом ослабит его силу»¹⁶.

Гуситский проект стимулировал интерес правительства к положению чешских колонистов в Волынской губернии и способствовал предоставлению им льгот и привилегий. 10 июля 1870 г. Александр II утвердил решения Комитета министров о «об устройстве дел» чешских переселенцев на Волыни. Колонисты получили право вступать в российское подданство, создавать органы самоуправления, они освобождались от воинской повинности и от всех налогов (на 5 лет). Было разрешено создание специальных «чешских волостей» и открытие чешских школ. Переселенцам была дарована и «свобода вероисповедания», что в свете разработки «гуситского проекта» выглядело лишь декларацией¹⁷.

Конкретный план по организации гуситской церкви в России был разработан в МВД. Его основные пункты были сформулированы во «всеподданнейшем» докладе министра внутренних дел А. Е. Тимашева 17 декабря 1870 г. и получили одобрение Александра II. Согласно предложением министра, гуситскую церковь следовало создавать постепенно и строить «снизу», на основе отдельных приходов. Отказ от католичества в пользу гуситства должен был выглядеть как инициатива самих чехов. А. Е. Тимашев призывал к постепенности и осторожности, говоря, что «во избежание всякого недоразумения надлежит, не вмешиваясь в самое дело отпадения чехов от католической церкви, лишь ограничиться допущением нового исповедания, как свершившегося факта»¹⁸.

Представленный план включал ряд последовательных мероприятий: приглашение из чешских земель священников – сторонников гуситства, организацию в местах компактного проживания чехов на Волыни осо-

¹⁵ Крыжановский. 1887. С. 77.

¹⁶ Киевлянин. 1870. 10 марта.

¹⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 189. Д. 971. Л. 82 об.

¹⁸ Крыжановский. 1887. С. 51.

бых гуситских приходов, выработка чешскими священниками с помощью российских богословов основ гуситского вероучения.

Для практической разработки вопросов, связанных с организацией гуситской церкви в начале 1871 г. в Петербурге была организована специальная комиссия, в которую вошли представители МВД, Святейшего Синода и православного духовенства. Примечательно, что представителей чехов к работе комиссии не привлекли, они могли лишь представлять свои предложения властям. Таким образом, гуситская церковь в России являлась, прежде всего, продуктом бюрократической мысли. Как заметил преемник А. М. Дондукова-Корсакова на посту киевского, волынского и подольского генерал-губернатора М. И. Чертков, гуситский проект представлял собой «попытку создать новую религию из канцелярии и провести ее в жизнь административными распоряжениями»¹⁹. Такой характер проекта, во многом, predetermined его неудачу.

Создаваемая церковь получила название «чешско-гуситской». Одним из ее главных принципов было непризнание власти папы римского, что означало принципиальный разрыв с католицизмом. Кроме того, отменялось безбрачие для священников. Языком церковной службы становился чешский язык²⁰.

В феврале 1871 г. на Волынь по приглашению местной чешской общины прибыли из Богемии два священника – Ян Саска и Вацлав Грдличка (их кандидатуры, разумеется, были предварительно согласованы с российскими властями). Они окончили богословские факультеты, были посвящены в священнический сан по католическому обряду и служили в собственных приходах. Оба священника принадлежали к реформистскому крылу католической церкви чешских земель²¹.

В городе Дубно, центре чешских поселений на Волыни, прибывшим священникам устроили торжественную встречу, после которой они принесли присягу, носившую символический характер. В частности, священники публично отреклись от главы католической церкви – римского папы. Далее произошло еще одно символическое событие, закрепляющее разрыв с католической церковью – Я. Саска совершил обряд венчания В. Грдлички и его невесты. Таким образом, гуситские священники на практике отходили от священнического celibата и уподоблялись в своем отношении к браку православным священникам. Обряд венчания был проведен в католической часовне села Мирогоща, которая

¹⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 3314. Л. 125.

²⁰ Бармак. 1999. С. 77.

²¹ Doubek. 2002. S. 190.

была занята чехами вопреки запретам местных католических иерархов. Венчание священника произвело весьма сильное впечатление. Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что сам обряд был совершен во время Великого Поста. Католические епископы тотчас же обратились к российским властям с протестом, оставленным без внимания²².

После приглашения чешских священников на Волыни были организованы два прихода новой чешско-гуситской церкви: Дубенский (центр – село Подгайцы) во главе с В. Грдличкой и Глинский (центр – село Глинск) во главе с Я. Саской. В 1875 г. к ним добавился третий приход – Острожский (центр – село Гульча) во главе с Франтишеком Кашпаром (примечательно, что он вначале приехал на Волынь как обычный колонист, а затем уже стал священником)²³. В будущем предполагалось организовать гуситские приходы и в других районах компактного проживания чехов, однако на практике до этого дело не дошло.

Все чешские священники на Волыни вступили в брак. Они получали содержание от российской казны и также организовывали церковные сборы с прихожан. Богослужения стали проводиться на чешском языке. В то же время, ходатайства чехов о строительстве особых, гуситских храмов властями были отклонены²⁴.

После организации гуситских приходов их настоятели совместно с руководителями чешской переселенческой общины начали среди колонистов широкую пропагандистскую кампанию за переход в гуситскую веру. Ее активно поддержали представители российских властей, что имело большое значение для убеждения колонистов. Идея возрождения гуситства нашла наибольший отклик у представителей чешской переселенческой элиты – руководителей местного самоуправления, крупных землевладельцев, предпринимателей, учителей. Мотивы при этом были различными – чешский патриотизм, желание возродить «национальную» религию, стремление «угодить» российским властям, желание консолидировать чешских переселенцев под своим руководством вокруг религиозного знамени. И, самое главное, гуситская церковь представлялась переселенческой элите важнейшим средством сохранения чешской национальной идентичности в иноязычном окружении²⁵.

Простые колонисты, в своем большинстве, отнеслись к созданию гуситской церкви достаточно индифферентно. Чехи вообще являются

²² Крыжановский. 1887. С. 51.

²³ Nešporová. 2005. S. 97.

²⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 189. Д. 971. Л. 325–325 об.

²⁵ Nešporová. 2005. S. 96.

малорелигиозным народом, процент верующих у них один из самых низких среди всех европейских народов. Чешские крестьяне слабо разбирались в религиозных вопросах, их религиозность ограничивалась, как правило, сферой привычных обрядов. Они также слабо улавливали отличия между разными христианскими конфессиями, в их домах часто соседствовали изображения православных и католических святых²⁶.

Примечательно, что многие чешские переселенцы прямо заявляли, что готовы быть приверженцами того вероисповедания, на которое им укажут власти: «Пускай правительство само изберет для нас священников, каких оно пожелает, и мы будем слушаться их. Пускай правительство объявит, какую веру оно назначает для чехов, и прикажет всем быть одной веры, все послушают, разве бабки и деды да фанатики упрутся»²⁷. Таким образом, стремление обеспечить благосклонность со стороны российских властей для многих чехов было более важным, чем сохранение религиозной идентичности.

Религиозная индифферентность большинства переселенцев облегчала создание гуситской церкви, которая нашла немало прихожан, однако они были весьма нестойкими, и в будущем так же легко отказывались от новой веры. В первые годы реализации «гуситского проекта» число прихожан новой церкви росло быстрыми темпами. Гуситами становились как католики, так и протестанты – реформаты, евангелики, баптисты. Вошли в новую церковь и члены общины «чешских братьев». В то же время, многие колонисты оказались стойкими к гуситской пропаганде и сохранили приверженность традиционным конфессиям²⁸.

Образование гуситской церкви вызвало серьезную озабоченность со стороны католического духовенства. В частности, католический архиепископ чешских земель Ф. Шенборн посвятил осуждению отступников ряд своих посланий, которые пересылались на Вольны²⁹.

Впрочем, гуситская церковь так и не смогла включить в состав своих прихожан большинство чехов Вольны. В 1888 г., накануне ликвидации гуситских приходов, к гуситской церкви принадлежало только восемь тысяч из 21,6 тысяч вольнских чехов (37%), остальные являлись католиками или протестантами³⁰.

Развитию гуситской церкви препятствовал ряд объективных обстоятельств. Чешские колонисты проживали рассеянно, их поселения были

²⁶ Крыжановский. 1887. С. 93.

²⁷ Там же. С. 102.

²⁸ Nešporová. 2005. S. 97.

²⁹ Doubek. 2002. S. 191.

³⁰ Шпиталенко. 2003. С. 12.

разбросаны на обширной территории Волынской губернии. К началу 1880-х гг. чехи жили в более чем 60 селениях, находящихся в 8 различных уездах, и подчас удаленных друг от друга на десятки километров. Поэтому жители колоний, находившихся далеко от центров трех чешских приходов, гуситской агитацией были затронуты слабо и продолжали сохранять верность традиционным конфессиям³¹. Реализации «гуситского проекта» мешала и изначальная принадлежность волынских чехов к различным конфессиям. Это касалось, прежде всего, разработки нового вероучения, поскольку бывшим католикам и протестантам было сложно найти консенсус по многим вопросам³². Бюрократический характер организации гуситской церкви также серьезно препятствовал ее развитию. Церковными делами полностью распоряжались чиновники департамента иностранных исповеданий МВД, Синода и администрации генерал-губернатора Юго-Западного края. Гуситские приходы находились под управлением светских властей, собственно церковного руководящего центра российского гуситства так и не было создано.

Несмотря на организацию церковных приходов, основы нового вероучения так и не были сформулированы. Предполагалось, что их должны постепенно выработать чешские священники, с помощью православных богословов и по согласованию с российскими властями. Но между самими священниками возникли острые противоречия по этому вопросу, которые осложнялись еще и личным соперничеством. Внутри формирующейся гуситской церкви стали формироваться различные течения, что немало мешало ее деятельности.

Одно из течений представляли Грдличка и его последователи. Они считали, что в основу нового вероучения должно быть положено учение «чешских братьев», что даст новой чешской церкви опору на традицию и обеспечит преемственность с историческим гуситством. Этот проект поддерживала большая часть чешской переселенческой элиты, поскольку он в наибольшей степени отвечал задаче сохранения чешской национальной идентичности. Кроме того, Грдличка в силу своих личных качеств пользовался популярностью у многих простых прихожан³³.

Второе течение возглавлял Саска. Он относился к доктрине «чешских братьев» скептически и предлагал строить гуситскую церковь на основе учения старокатоликов, которое возникло в 1870-е гг. в нескольких европейских странах, объединив священников, не признавших ре-

³¹ Nečporová. 2005. S. 98.

³² Auerhan. 1920. S. 18.

³³ Бармак. 1999. С. 78.

шений Первого Ватиканского собора, прежде всего, догмата о непогрешимости папы. Старокатолики призывали возродить «первоначальное» христианство, очищенное от «искажений», внесенных римскими папами. Саска утверждал, что старокатоличество по своей сути близко к православию, поэтому принявшие его в будущем смогут легко перейти в православную веру. Старокатоличество получило распространение, главным образом, в Глинском приходе, где служил сам Саска³⁴.

Третий священник – Ф. Кашпар, в отличие от своих коллег, склонялся в сторону протестантизма реформатского толка. В религиозной борьбе он, впрочем, поддерживал В. Грдличку, хотя и действовал менее активно³⁵.

Создание гуситской церкви и религиозные споры, сопровождавшие этот процесс, вызвали брожение в умах чешских переселенцев, даже тех, кто был вначале далек от религиозных исканий. Религиозная борьба среди волыньских чехов стала предметом пристального внимания со стороны российских властей. Обращала на нее внимание и российская пресса, в частности, в начале 1880-х гг. этот вопрос неоднократно обсуждался на страницах влиятельных «Московских ведомостей».

Несмотря на споры среди священников и прихожан, работа по организации церкви и выработке нового вероучения продолжалась. В 1879 г. по инициативе МВД в Киеве состоялось совещание, в котором приняли участие чешские священники и некоторые православные богословы. Его решения говорили о признании старокатолической программы. Предполагалось, в частности, за основу нового вероучения взять догматы раннехристианской церкви, которые существовали до ее раскола на православную и католическую, использовать раннехристианскую литургию, в школах чешских поселений проводить обязательное изучение православного Катехизиса, переведенного на чешский язык. Чешские священники, принимавшие участие в этом совещании, высказали также пожелание уравнивать в правах гуситскую церковь с другими распространенными в России вероисповеданиями³⁶.

Не согласные с решениями киевского совещания В. Грдличка и Ф. Кашпар провели в волыньском селе Квасилове в 1880–1881 гг. два альтернативных собрания чешских священников и наиболее активных прихожан. На них было решено признать для гуситской церкви наилучшим вероучение «чешских братьев» в изложении Грдлички. Много споров вызвало принятое тогда же решение разрешить вступившим в

³⁴ Крыжановский. 1887. С. 107.

³⁵ Auerhan. 1920. S. 16.

³⁶ Бармак. 1999. С. 79.

гуситскую церковь католикам сохранять прежние обряды. Второе ква-силловское собрание, состоявшееся в сентябре 1881 г., избрало комиссию из священников и прихожан для разработки устава гуситской церкви³⁷.

Решения квасилловских собраний вызвали горячие протесты Саски и его сторонников. Внутрицерковная борьба осложнялась тем, что чешские священники часто апеллировали не только к прихожанам, но и к российским властям. Со временем противоборствующие группировки приобрели влиятельных сторонников в разных эшелонах российской власти, что вывело их соперничество на новый, более высокий уровень. Грдличку поддерживали те представители правящих кругов, которые разделяли более или менее либеральные взгляды. Деятели, придерживающиеся правых, националистических представлений и православные иерархи сделали ставку на Саску, поскольку считали существование самостоятельной гуситской церкви нецелесообразным и предполагали, что старокатоличество быстрее привлечет чехов к православию. Наличие в российских правящих кругах сторонников двух противоборствующих течений не позволило выработать единую политику в отношении гуситской церкви. Раскол внутри нее так и не был ликвидирован.

На фоне раздоров внутри гуситской церкви среди волынских чехов стали усиливать свои позиции сторонники традиционных религий. Так, на второе совещание в Квасилове прислали своих делегатов только 26 чешских селений Волыни, а 35 чешских колоний отказались это сделать. Это фактически означало разрыв их жителей с гуситскими священниками, стремление сохранять приверженность католицизму либо протестантизму³⁸.

Перипетии религиозной жизни волынских чехов в то время можно рассмотреть на примере чешского села Борятин. Среди его жителей преобладали протестанты евангелического толка. В 1870-е гг. большинство жителей села, благодаря деятельности часто посещавшего это село В. Грдлички, стали прихожанами гуситской церкви. Однако после квасилловских собраний авторитет гуситской церкви стал падать, и началось возвращение колонистов к евангелической церкви. Этому способствовала деятельность местного евангелического проповедника и по совместительству школьного учителя Йозефа Мотла, который со временем в глазах односельчан приобрел больший авторитет, чем Грдличка³⁹.

³⁷ Auerhan. 1920. S. 16.

³⁸ Крыжановский. 1887. С. 78–79.

³⁹ Nešporová. 2005. S. 101.

Избранная на втором квасилловском собрании комиссия чешских священников и прихожан в 1883 г. представила проект «Устава чешско-братской церкви в Российской империи», который был отправлен генерал-губернатору Юго-Западного края и в МВД. Цель была сформулирована в «верноподданническом духе»: «силою народной идеи соединить чехов под светлым скипетром великого императора с братским народом русским». Далее говорилось, что гуситство является выражением национального чешского духа и должно служить возрождению чешской нации. Примечательно, что в уставе были подробно охарактеризованы догматы, отличающие гуситство от православия (таинство приобщения, почитание Богородицы, святых, икон, пост и т.д.). В уставе также содержалось положение о том, что чешско-братская церковь «для своего утверждения и процветания» должна получать финансирование от российского правительства. В целом, проект устава был составлен в духе идей В. Грдлички и ни в коей мере не отвечал надеждам сторонников сближения чехов с православием, поэтому был руководством МВД отклонен. Данное решение означало, что проект создания гуситской церкви в России фактически снимался с повестки дня⁴⁰.

Российские власти, убедившись в том, что гуситский проект не достиг поставленных целей, коренным образом изменили свою политику в отношении чешских колонистов. Примечательно, что в годы правления Александра II в правящих сферах преобладали сторонники либерального взгляда на гуситство, а после прихода к власти Александра III на первые роли вышли сторонники идеи скорейшего обращения российских чехов в православие, среди которых был и влиятельнейший обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев⁴¹. Правительство взяло курс на «русификацию» чешских переселенцев и обращение их в православие, что соответствовало его общему националистическому курсу. Чешские колонисты постепенно лишились предоставленных им ранее прав и льгот, было ликвидировано чешское самоуправление и закрыты чешские школы. 27 декабря 1884 г. был издан указ, запрещающий чехам-переселенцам впредь покупать землю на Волыни, что фактически прекратило чешскую колонизацию региона⁴².

Неудача гуситского проекта, таким образом, привела к заметному ухудшению положения чешских переселенцев. Чешские приходы «по инерции» просуществовали еще несколько лет. Наконец, в апреле 1888

⁴⁰ Крыжановский. 1887. С. 80.

⁴¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 3315. Л. 235.

⁴² Крыжановский. 1887. С. 80.

года Александр III на основе совместного доклада министра внутренних дел Д. А. Толстого и обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева санкционировал упразднение чешских гуситских приходов на Волыни и прекращение деятельности гуситской церкви в России. В данном докладе говорилось о том, что поставленная при организации гуситской церкви цель – «создать из российских чехов силу, противостоящую католицизму», так и не была достигнута. Также делался акцент на религиозных распрях среди чехов, отмечалось, что значительная часть чехов так и не примкнула к гуситам, сохранив верность католицизму⁴³.

Лишившись своих приходов, чешские священники стали частными лицами, получающими пенсию от правительства. Я. Саска торжественно принял православие и стал активно агитировать за это других чехов, что всячески обыгрывалось официальной пропагандой. К 1897 г. под давлением властей православие приняли две трети волыньских чехов⁴⁴.

Таким образом, проект организации гуситской церкви на российской почве потерпел неудачу в силу как объективных, так и субъективных причин. Но в дальнейшем опыт возрождения гуситской церкви был востребован уже в независимой Чехословакии, где в 1920 г. католическими священниками-реформаторами при поддержке правительства была организована самостоятельная Чехословацкая гуситская церковь, которая остается крупнейшей и в современной Чехии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бармак М. Н.* Німецьке, чеське та єврейське населення Волинської губернії (1796–1914 рр.). Тернопіль: Тернопільський державний педагогічний університет, 1999. 208 с. Киевлянин. 1870. 10 марта.
- Крыжановский Е. М.* Чехи на Волыни. СПб.: Синодальная типография, 1887. 160 с.
- Лиценбергер О. А.* Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. 384 с.
- Ненашева З. С.* Русская православная церковь в Праге // Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. Памяти Т. М. Исламова / Отв. ред. А. С. Стыкалин. СПб.: Алетейя, 2009. С. 176–206.
- Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1905. Т. II. 418 с. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 125. Д. 3314, 3315; Ф. 1284. Оп. 189. Д. 971.

⁴³ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 3315. Л. 236–238.

⁴⁴ *Auerhan.* 1920. S. 17.

- Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / Отв. ред. Д. Ф. Марков, В. А. Дьяков. М.: Наука, 1988. 400 с.
- Штуталенко Г. А.* Соціально-економічне і духовне життя чехів Волині (друга половина XIX – початок XX ст.). Автореф. дис ... канд. іст. наук. Івано-Франківськ: Прикарпатський університет імені Василя Стефаника, 2003. 25 с.
- Auerhan J.* České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze. Praha: A. Hajn, 1920. 67 s.
- Doubek V.* Česká emigrace do Ruska v druhé polovině 19. století. Dobové interpretace // 150 let Slovanského sjezdu (1848). Historie a současnost. Praha: Národní knihovna ČR., 2002. S. 171–194.
- Nečporová O.* Proměny religiozity volyňských Čechů // Lidé města. 2005. Č. 3. S. 93–115.
- Vaculík J.* K počátkům českého zemědělského vystěhovalectví do Ruska ve 2. polovině 19. století // 150 let Slovanského sjezdu (1848). Historie a současnost. Praha: Národní knihovna ČR., 2002. S. 195–205.

Птицын Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета; ptiandr@rambler.ru

И. Ю. ЗАРИНОВ

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ В ИСТОРИИ РУССКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА*

В статье в контексте краткой истории русского драматического театра прослеживаются основные этапы эволюции российского общества (включая советский и постсоветский периоды) в социально-культурном и политическом аспектах. Работа является начальной стадией предполагаемого проекта по изучению антропологии русского драматического театра и кино.

Ключевые слова: история, русский театр, культура, драматургия, публика, социум, антропология, власть, трансформация, советский, постсоветский.

Русский драматический театр прошел иной путь формирования и развития, чем европейский, восточный или американский театры подобного типа. Этапы этого пути обусловлены своеобразием развития российской цивилизации. Генезис русского драматического театра, как и других зрелищ, получивших распространение в России (цирк, спортивные состязания, массовые манифестации и др.), многие исследователи выводят из языческих культовых практик восточных славян, имевших две основные формы выражения. Первая включала в себя обряды, используемые в борьбе за выживание в повседневной жизни (различные заговоры, мольбы, колдовство и просьбы к высшим потусторонним силам). Вторая – праздники, характеризующиеся как «сакральное» время, противопоставленное повседневному «профанному» времени будней¹. В них центральное место занимал фольклор во всех его жанрах: вербальном, музыкальном, танцевальном и песенно-танцевальном. Кроме того, важным проявлением языческих праздников восточных славян были всевозможные игрища, воспринимаемые церковью Киевской Руси после принятия христианства как «богомерзкие».

В древнем поучении «Слове о твари и о дни, рекомом неделе» говорится, что воскресные дни в средневековой Руси были днями ежене-

* Статья посвящена в основном русскому драматическому театру, поскольку этот вид театрального искусства превалирует над всеми остальными. Объяснение этому лежит на поверхности: драматический театр менее условен, чем, скажем, оперный и балетный, и по форме ближе к обыденной жизни. Таким образом, в смысловом плане он более антропологичен, на что указывает и количественный показатель: драматических театров в мире на порядок больше, чем всех остальных.

¹ Славянская мифология. С. 322.

дельного острого соперничества христианства и язычества, православного духовенства и волхвов-гуслиаров. Автор «Слова» пишет, что очень трудно завлечь народ в церковь, где нет ни дождя, ни выгои, где «покрову сущю и заветрию дивну». Люди, которых приглашают в храм, позевывают, почесываются, сонно потягиваются и всячески отговариваются непогодой. «Но аще плясцы или гудци (танцоры и скрипачи), или ин кто игрецъ позоветь на *игрище* или на какое *зборище идольское* – то вси тамо текут, радуясь... и весь день тот предстоят озорьствующе тамо... А на позорищех (театрализованных представлениях) ни крову сущю, ни затишью, но многажды дождю и ветром дышущю или въялици (метель) – то все приемлем радуясь, позоры дея на пагубу душам»².

Здесь речь идет о скоморошьях выступлениях, имевших место, вероятно, еще до крещения Руси, но по древнерусским источникам (летописи³, писцовые книги) скоморохи известны с XI в., получив особую популярность и распространение в XV–XVII вв. По Далю, скоморох – это «музыкант, дудочник, сопельщик, гудочник, вольтничек, гуслиар; промышленяющий этим, и пляскою, песнями, штуками, фокусами; потешник, ломака, гаер, шут»⁴. Действительно, скоморошье искусство было универсальным; в нем органически сочетались драматическое, музыкальное и цирковое мастерство. Одной из особенностей скоморохов был бродячий образ жизни, что наследовали от них антрепризные труппы русских театров XVIII–XIX вв., в отличие от уже существовавших в это время «оседлых» государственных и крепостных театров.

Интересен вопрос о социальном статусе скоморохов и о том, из каких слоев русского общества они рекрутировались. Несомненно, что это были деклассированные группы городского общества, образованные из покинувших село крестьян, пополнявших ряды городских люмпенов. Отсутствие базовых социальных привязанностей толкало их к асоциальным занятиям, одним из которых было скоморошество. Это объясняло нравственный нигилизм, свойственный содержанию и форме выступлений скоморохов, которые, по Н. И. Костомарову, «были большею частью содержания, оскорбляющего стыдливость, их танцы были непристойны; наконец, их позоры также имели предметом большею частью что-нибудь соблазнительное и тривиальное...»⁵.

Существует несколько версий этимологии слова «скоморох», три из которых заслуживают наибольшего внимания. Одни исследователи

² Рыбаков. 1987. С. 458.

³ Первое упоминание слова «скоморох» находим в ПВЛ под 1068 г.

⁴ Даль. 1991. Т. 4. С. 203.

⁵ Костомаров. 1995. С. 118.

выводят его из древнерусского слова «скомати», то есть шум⁶. Другие, полагая, что скоморошье искусство пришло на Русь из Византии, объясняли происхождение этого слова от греческого «скоммарх», обозначающее смехотворца⁷. По Марру, согласно исторической грамматике русского языка, «скоморох» – множественное число слова «скомороси» (скомраси), восходящее к праславянским формам и имеющее общий индоевропейский корень “*scomors-os*”, изначально обозначавший бродячего музыканта, плясуна, комедианта. Из этого корня, считал Марр, происходит самостоятельный русский термин «скоморох», параллельно существовавший в европейских языках при обозначении комических персонажей: например, итальянский “*скарамучча*” и французский “*скарамуш*”⁸. Эту точку зрения подтверждает принятый в искусствоведении взгляд на средневековых бродячих артистов (мимов, музыкантов) как международное явление. Что же касается русских скоморохов, то концепция Марра позволяет говорить об их самостоятельном появлении на Руси на основе профессионализации участников языческих религиозных обрядов восточных славян, сопровождавшихся музыкой, пением и плясками. Таким образом, скоморохи органически соединили в себе две функции – религиозную и артистическую, реализуемые в разные эпохи, что указывает на фольклорную составляющую этого феномена⁹.

Библиография по русскому скоморошеству ограничивается в основном историей его появления и развития. Что же касается места и роли скоморохов в духовной культуре русских, то эта проблема в научной практике почти не освоена. Предполагаемое мною исследование антропологии русского драматического театра и кино дает основание высказать некоторые самые общие соображения относительно русского скоморошества как явления весьма значимого в формировании менталитета русского человека.

Начнем с того, что древнеримский лозунг *panem et circenses* (хлеба и зрелищ) универсален для всех культур мира. Человек в стремлении вырваться из оков повседневной рутины (добывания хлеба насущного) ищет всевозможные способы эмоциональной разрядки, которую русские люди получали из различных источников, в том числе из выступлений скоморохов. Они, как было сказано выше, беря свое начало из языческих сакральных практик и являясь впоследствии их трансформированным рецидивом в течение нескольких веков, резко контрастирова-

⁶ Веселовский. 1883. С. 207.

⁷ Киртичников. 1891. С. 3.

⁸ Марр. 1936. Т. 2. С. 87.

⁹ Фрэнсис. 2007. С. 14.

ли с христианским благочестием. В этой связи, русская православная церковь всячески старалась противодействовать этим «бесовским игрищам». Однако, несмотря на это, скоморошество, в течение долгого времени влияло на многие стороны русской культуры. Особенно это касается «русского смеха», который, если перефразировать Пушкина, вовсе не бессмысленный, но весьма беспощадный. И более всего – к его же носителям. Можно сказать, что самоирония русского человека, порой принимающая форму духовного самоуничтожения, является одной из составляющих его характера. Гоголи и салтыковы-щедрины – хорошее подтверждение этой мысли, как и то, что ни в одной из стран мира не встретишь аудиторию, которая так откровенно смеется сама над собой на выступлениях современных юмористов и сатириков. Тут нельзя не вспомнить вопрос-восклицание Городничего из гоголевского «Ревизора»: «Чему смеётесь? над собою смеётесь!.. Эх вы!»¹⁰.

Исходя из сказанного, возникает мысль спорная, но имеющая основания: определенный аспект юродства видится в таком проявлении «русского смеха». А ведь юродство является одним из проявлений религиозной практики в России. Юродивых, правда, часто отождествляют с блаженными, однако существует несколько фактов, противоречащих этому утверждению. «По виду подвижнической жизни, – говорится в книге «Православие для всех», – мы усваиваем святым различные наименования. К примеру: *Апостолы, Блаженные, Исповедники, Мученики, Преподобные, Пророки, Равноапостольные, Святители*»¹¹. Из них блаженные – это «святые, прославившиеся подвигом смирения и юродства»¹². Стало быть, юродство есть лишь одна из форм проявлений блаженства. Раздваиваются эти два понятия и в психотипе русского человека. Русская религиозная благочинность и смирение тесно соседствует с противоположным качеством русскости: необузданностью характера и непредсказуемостью поведения. Обе эти контрастирующие друг с другом черты русского этоса гениально прописаны в романах Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и «Идиот»¹³.

¹⁰ Гоголь. 1937. Т. 4. С. 105.

¹¹ Православие для всех. С. 20.

¹² Еще одним доказательством неодинаковости этих понятий являются *Блаженства Евангельские* (нагорная проповедь Христа).

¹³ В «Братьях Карамазовых» – необузданные выходки Федора и Мити Карамазовых на грани юродства, с одной стороны, и святая благочинность с элементами юродства в поведении Алеши Карамазова – с другой. В «Идиоте» – главный герой князь Мышкин, воплощающий смирение и духовную чистоту, воспринимается окружением как юродивый. Но совсем иной характер юродства, проявляемого в буйной страсти и непредсказуемости поведения, писатель показывает в образе купца Рогожина.

Все виды русского зрелища генетически связаны с фольклором и одной из форм его выражения – скоморошеством. Трудно переоценить значение последнего и в становлении русского театра, хотя формально он пришел в Россию из соседних европейских стран¹⁴. В XVII в. параллельно со скоморошскими представлениями¹⁵ в России появляются два вида театра. Сначала это был балаганный кукольный театр с постоянным героем Петрушкой (полное имя Петр Петрович Уксусов). Несколько позже при царе Алексее Михайловиче возник придворный драматический театр, начало которого связано с именем боярина Артамона Матвеева¹⁶. Для того времени оба эти театра, наряду с другими видами русской культуры, были свидетельством вступления Российского государства в новую фазу развития, которую условно можно назвать эпохой Русского Возрождения. Главным его признаком было стремление российского политического класса интегрироваться в западноевропейскую культуру, и театр стал одним из проявлений этой интенции. Царь Алексей Михайлович не мог уже себе позволить скоморошью пляски, которые, по свидетельству некоторых источников, иногда вместе со своими опричниками практиковал Иван Грозный. Несмотря на первоначальное мнение церкви о греховности театрального действия (в нем, видимо, естественным образом усматривались скоморошья выступления), второй царь из династии Романовых поручил в 1660 г. поискать за границей «мастеров комедию делать». Однако, как оказалось, среди иноземных актеров желающих ехать в далёкую Московию не нашлось. Выход был найден Артамоном Матвеевым с помощью пастора немецкой слободы Иоганна Грегори, который силами местных немцев и русских¹⁷ в 1672 г. подготовил в селе Преображенском под Москвой в специально возведенной «комедийной храмине» постановку «Артаксерксова действия»¹⁸. По свидетельству современников, спектакль царю понравился: он смотрел его целых десять часов, не вставая с места. Царица и дети смотрели сквозь щели специально отгороженного помещения: им нельзя было

¹⁴ Некоторые исследователи считают, что последним пунктом перед приходом драматического театра в Россию была Польша.

¹⁵ К этому времени скоморохи все больше начинают сдавать свои позиции под давлением церкви и государства.

¹⁶ Он был женат на шотландке Гамильтон и некоторое время жил во Франции, поэтому западнические настроения и вкусы ему были не чужды. Это касалось и театра, имевшего к тому времени большое распространение в европейских странах.

¹⁷ Не исключено, что некоторые из русских, призванных в качестве артистов, могли быть бывшими или даже настоящими скоморохами, по определению обладавшими навыками актерского мастерства.

¹⁸ Кудрявцев. 1957.

показываться в театре. Вельможи стояли перед сценой и на самой сцене. Никто из посторонних на представление допущен не был¹⁹. Трудно сказать, чем был обусловлен такой регламент просмотра «Артаксерксова действия». Можно только предположить, что в спектакле усматривалось нечто похожее на скоморошьи представления, которые якобы не приличествует в кругу царственных особ видеть женщинам и детям. На стремление подражать западным образцам жизнеустройства накладывались старые стереотипы поведения, продиктованные традицией и церковными установлениями. Однако сам факт появления русского театра, хотя бы в такой форме, указывал на начавшийся процесс секуляризации российского общества, на трансформацию средневекового сознания в сторону новой общественной идеологии, в основе которой лежали общеевропейские ценности²⁰.

Несмотря на то, что после смерти Алексея Михайловича (при его жизни было осуществлено девять постановок) первый придворный театр прекратил существование, он предвосхитил появление русского театра, наполненного уже отчётливо видимыми национальными чертами, чему способствовало развитие в России школьного дела²¹. Именно в учебных заведениях появляются театры, организованные силами учеников и преподавателей (часто под патронажем церкви, поэтому театроведами они называются «школьно-церковными театрами»). Один из первых таких театров возник в Москве при Славяно-греко-латинской академии²². Опиравшийся на русскую школьную драму, воспитавший русских актеров и имевший в первой четверти XVIII в. большое культурное значение, этот театр гораздо больше отвечал требованиям Петра I, чем это могли сделать приглашенные им иноземцы Кунст и Фюрст, руководившие публичным театром²³. Сюжеты спектаклей московской

¹⁹ История всемирной литературы... С. 358.

²⁰ В этой связи, неслучайным представляется раскол русской православной церкви. Это только на первый взгляд кажется, что реформы патриарха Никона были внутрицерковным делом. На самом деле они стали актом изменения не только церковной догматики и форм богослужения, но и средством обновления всей русской жизни.

²¹ «Стоглавый» собор Русской православной церкви 1551 г. сыграл решающую роль в утверждении идеи религиозно-государственного единства и возложил на духовенство обязанность создавать духовные учебные заведения.

²² Справедливости ради надо сказать, что первый такой театр под патронажем церкви появился в Киеве, и только затем в Москве и других крупных городах России.

²³ Петр Великий был любителем театра; в 1702 г. он послал в Данциг за актерами некоего Яна Славского, который уговорил антрепренера Кунста с труппой приехать в Московию. В построенной около Никольских ворот в Кремле «комедийной хоромине» артисты на святках начали представления. После смерти Кунста, в 1703 г. его место занял Отто Фюрст, золотых дел мастер. При нем только что по-

Славяно-греко-латинской академии были связаны с современностью, в частности, некоторые из них были посвящены военным успехам России. Этот факт свидетельствовал о появлении в поле зрения русского искусства того времени самой русской действительности и новых общественных ценностей. В театральном деле это происходило, правда, на фоне еще заметного зарубежного влияния, особенно в таких вопросах, как окончательное отделение актера и сцены от зрителя и зрительного зала, а также в вопросах создания теоретической театральной системы и решения дидактических и эстетических задач. С профессиональной точки зрения школьно-церковный театр, если его сравнивать со скоморошными представлениями и первыми опытами придворного театра царя Алексея Михайловича, представлял собой уже более организованное пространство. Он был менее монологичен²⁴, что усиливало взаимодействие между зрителем и актером, для которого важнее становилась не столько внешняя, сколько внутренняя реакция зрителя. Это приближало сценическое действие к обыденной жизни, повышая, таким образом, социальную значимость театра. Значительно возросла роль театра в аксиологическом аспекте; его новая ценностная ориентация стала важной движущей силой развития российского общества. Такой театр претендовал уже на статус искусства, отражая видимую трансформацию традиционной культуры в культуру светскую.

И все же в петровскую эпоху создание постоянно действующего публичного театра не увенчалось успехом. Со смертью Петра I государственная забота о развитии русского профессионального театра на время прервалась. Более того, при дворе Анны Иоанновны оживилась шутовская культура, продолжающая традиции «оседлых» скоморохов²⁵. Это были великаны и карлы, шуты и шутихи. Самым известным театрализованным праздником стала курьезная свадьба шута князя Голицына с шутихой-кальмычкой Бужениновой в Ледяном доме 6 февраля 1740 г. Все это проходило параллельно с попытками продолжить практику придворного театра с привлечением зарубежных театральных деятелей. К коронации императрицы во дворец пожаловали итальянские комеди-

ставленный на ноги театр стал приходить в упадок, и в 1707 г. спектакли прекратились. Спектакли труппы Кунста и Фюрста давались в 1704 г. на немецком и русском языках, а с 1705 г. – только на русском (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 55. С. 717.)

²⁴ Актерские монологи, которые были отличительной чертой прежней драматургии, произносятся уже не так длинно и не так часто.

²⁵ Кроме основной массы бродячих скоморохов с некоторого времени в России, несмотря на негативную реакцию церкви, появились скоморохи, получившие «прописку» при дворах крупной аристократии, включая и царский двор.

анты, актёр Томазо Ристори и композитор Рейнгард Кейзер, а в 1737 г. в Зимнем дворце были построены театральные зал и сцена.

В царствование Елизаветы Петровны внедрение европейского театра в России продолжалось: при дворе гастролировали итальянские, немецкие, французские труппы, среди них – драматические, оперно-балетные, комедия дель арте. Однако так случилось, что именно дочь Петра I заслуженно считается «матерью русского театра». Ею 30 августа 1756 г. был подписан указ за №10599, в котором говорилось:

«Повелели мы ныне учредить Русский для представления трагедий и комедий театр, для которого отдать Головинский каменный дом, что на Васильевском острове близ Кадетского дома. А для оного повелено набрать актёров и актрис... На содержание оного театра определить, по силе сего Нашего указа, считая от сего времени в год денежной суммы по 5000 рублей, которую отпустить из Штатс-Канторы всегда в начале года по подписании Нашего указа. Для надзирания дома определяется из копиистов Лейб-Компании, Алексей Дьяконов... Дирекция того Русского театра поручается от нас Бригадиру Александру Сумарокову, которому из той же суммы определяется, сверх его бригадирского оклада, рациональных и денщиных денег по 1000 рублей... А какое жалование как актёрам и актрисам, таки прочим при театре производить, о том ему Бригадиру Сумарокову от Двора дан реестр. О чем Нашему Сенату учинить по сему Нашему указу»²⁶.

Для появления данного указа были серьезные предпосылки: открытие новых театров при российских учебных заведениях (1749 г. – Петербургский Шляхетный корпус, 1756 г. – Московский университет), организация театральных представлений с русскими актёрами в Санкт-Петербурге (рук. И. Лукин), в Москве (рук. К. Байкулов), Ярославле (рук. Н. Серов, Ф. Волков). Но главное, в это время появляется человек, которого смело можно назвать первым русским драматургом и истинно театральным деятелем. Имя ему Александр Петрович Сумароков – автор первой стихотворной трагедии «Хорев» и многих литературных произведений разных жанров. Ведь неслучайно этот человек в приведенном указе императрицы занял центральное место в деле организации общедоступного публичного театра в России, дальнейшее развитие которого состоялось в результате переезда в Санкт-Петербург в 1752 г. части труппы ярославского театра вместе с его организатором (1750 г.) Федором Волковым²⁷. Сменив Сумарокова на посту директора театра, он играл ведущую роль в его деятельности до своей смерти (1763 г.)²⁸.

²⁶ Полное собрание законов Российской Империи. 1830. С. 613.

²⁷ Некоторые театроведы считают театр Волкова в Ярославле первым русским профессиональным театром.

²⁸ В 1832 г. этот театр, в честь жены Николая I, получил название «Александровского».

Указ Елизаветы Петровны инициировал и развитие театрального дела в Москве. В 1756 г. учащиеся университетской гимназии под руководством директора – поэта М. Хераскова, образовали театральную труппу, на основе которой двадцать лет спустя был создан драматический театр, получивший название Петровского (театр Медокса)²⁹.

С середины XVIII в. параллельно с театрами, функционирующими под эгидой государства, появляются так называемые «крепостные театры»³⁰, просуществовавшие до середины XIX в. Они были двух типов: городской и усадебный. Первый функционировал в двух формах: 1) театр с хорошо устроенным помещением, разнообразным репертуаром, постоянной труппой актёров из крепостных, оркестром, балетом, хором и солистами, и 2) так называемый «балаганный театр», показывавший свои спектакли на больших ярмарках в уездных городах, в посадах при монастырях и т.д.³¹ Второй тип существовал при усадьбах государственных вельмож³². Предназначенные в основном для развлечений их владельцев, они, тем не менее, отражали важный аспект общественной и культурной жизни России. Ко второй четверти XIX в. усадебные театры стали некоторым образом конкурировать со столичными, государственными театрами. Наиболее известными были театры И. Д. Шепелева (дед А. В. Сухово-Кобылина по матери) в городе Выкса (Владимирская губерния) и Н. П. Шереметева в Кускове, который, по свидетельству современников, считался лучшим из русских частных театров.

И в городских, и в усадебных крепостных театрах подневольных актёров обучали профессионалы: артисты, композиторы, балетмейстеры. Бывали случаи, что крепостные артисты сдавались своими владельцами «напрокат» государственным императорским театрам, что часто позволяло им освобождаться от крепости.

²⁹ От этого театра ведут свои родословные Большой (оперы и балета) и Малый (драматический) театры России.

³⁰ Некоторые историки театра относят их появление на полвека раньше, но документально это мнение не подтверждается.

³¹ Можно сказать, что такие театры были неким продолжением в новой форме скomorошых представлений, что делало их доступными простолюдинам.

³² Среди наиболее известных таких театров были театры графов Шереметевых в Останкине и Кускове, князя Юсупова на Мойке и подмосковном Архангельске, графов Шуваловых на Фонтанке, князя Потемкина в Таврическом дворце, графов Апраксиных в Ольгове, графов Закревских в Ивановском, графов Паниных в Марфине, графов Закряжных в Яропольце Волоколамском. Имена многих крепостных актёров вошли в историю русского драматического театра (Жемчугова, Шлыкова-Гранатова, Щепкин, Мочалов, Семенова). Крепостные театры стали основой русской провинциальной сцены.

При сравнении данного этапа развития русского театра с предшествующими периодами зрелищного искусства в России, особенно со временем расцвета скоморошества, обнаруживаются несколько важных моментов историко-культурологического свойства. Прежде всего, следует отметить трансформацию театрального зрелища из условно массово-демократичного (скоморохи «обслуживали» почти все слои русского общества) в зрелище замкнуто-элитарное (профессиональный театр, хоть и назывался общедоступным, был достоянием небольшой группы людей из городского населения). Зритель площади, рынка, ярмарки превратился в зрителя ограниченного пространства, т.е. специального помещения со зрительным залом и сценой. Произошли изменения и в среде индивидов, создающих зрелище: анонимные прежде³³, теперь они становились известными многим людям и навсегда останутся в истории русского театра. Это свидетельствовало об изменении соотношения двух парных, но противоположных парадигм в культуре вообще, и в русской, в частности: «человек в культуре» и «культура в человеке». Решающее значение в этом процессе сыграла русская православная культура во всех её проявлениях³⁴. Её доминирование с определенного времени способствовало развитию многих сторон жизни, в том числе и отечественного драматического театра³⁵. Все это, правда, имело место преимущественно в городе. Явное различие элитарно-светской (в городе) и сакрально-традиционной культур (в деревне) дает основание говорить о существовании в России культуры, состоящей как бы из двух отдельных культур³⁶. По мнению В. В. Пастухова, «...это была особая, единая, но внутри себя расчлененная *надвое* культура. В одном народе

³³ Кто из скоморохов и первых артистов придворных театров оставил свое имя в истории? Почти никто.

³⁴ Христианство, и православие в частности, в отличие от язычества, в котором отдельный человек как бы утопал в коллективной стихии, обращалось в основном к духу и душе отдельного человека.

³⁵ Из истории полупрофессионального театра известно, что он зародился непосредственно при церковном участии и заменил собой праздничные богослужебные инсценировки. Первые русские драматурги, священник Симеон Полоцкий и святитель Димитрий Ростовский, писали свои пьесы на библейские сюжеты.

³⁶ Широко известен тезис В. И. Ленина о существовании в России двух культур: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, – но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть *также* же две культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т.д.» (Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1967. Изд. 5-е. Т. 20. С. 16). Видно, что данная точка зрения имеет не культурологическую, а идеологическую основу.

как бы сосуществовало два социума, различавшихся между собой не условиями жизни, а своим бытом, ментальностью и даже таким индикатором культуры как язык. Иногда кажется, что «верхи» и «низы» (условно) российского общества в XVII–XIX вв. имели разную историю, настолько велика пропасть между ними. На самом деле то были две ветви одной культуры, а сама раздвоенность – определенный способ ее бытия в рамках данного исторического периода³⁷. Если использовать эту фразеологию применительно к театру, то он был маленькой веточкой культурной ветви «верхов» российского общества, несмотря на существование в XVII–XIX вв. городских «балаганных» театров, доступных достаточно широкому слою населения. Последние в некотором роде представляли собой в трансформированном виде скоморошья выступления, официально запрещенные указом Петра I.

Важным моментом при оценке роли и места драматического театра в жизни российского общества до отмены крепостного права можно считать привлечение к театральному делу крепостных крестьян³⁸, способных, оказывается, творить то, что как будто противоречило их социальной природе. Можно предположить, что этот факт усиливал антикрепостнические настроения в обществе и увеличивал ряды тех, кто видел в крепостном праве тормоз для дальнейшего развития России³⁹.

Совершенствование театрального дела в России в XIX в. во многом было связано с упадком феодализма и нарастанием буржуазных отношений. Открытие Александринского (1832 г.) и Мариинского (1860 г.) театров в Санкт-Петербурге и Большого (1825 г., а после пожара 1842 года открылся вновь в 1856 г.) и Малого (1824 г.) театров в Москве было вполне закономерным следствием дальнейшего развития русского театрального искусства.

³⁷ Пастухов [1990]. – URL.: www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/system/

³⁸ И это касалось не только театра, но и других видов искусства, особенно изобразительного. Крепостными графа Шереметьева были живописцы Иван и Николай Аргуновы, сыном крепостного тульского помещика Шатилова был скульптор Б. И. Орловский, из крепостных происходил украинский кобзарь и художник Т. Г. Шевченко.

³⁹ В «просвещенном абсолютизме» эпохи Екатерины II парадоксальным образом сплелись гуманистические начала и крайние формы крепостничества, прогрессивные тенденции развития многих сторон общественной жизни страны и заботность ее основной производительной силы – крестьянства. Парадокс еще состоял в том, что якобы слабо продуцируемая нравственность и личное достоинство этого сословия в действительности оборачивались истинным благочестивым смирением и пониманием своего места в жизни.

Несомненную роль в этом развитии сыграла русская литература первой трети XIX столетия, обратившаяся к важнейшим проблемам истории, культуры, быта, религии и многих других сторон российской действительности. Главной же темой таких гигантов русской литературы как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь становится исследование самосознания русского человека, по-пушкински – «русского духа»⁴⁰. И театральная сцена была важным средством в этом деле. Видимо, это обстоятельство повлияло на то, что лицедейство в первой половине XIX в. приобретает статус профессии, если еще и не очень уважаемой, то уже не настолько асоциальной, как было прежде⁴¹. К этому можно добавить, что театр к этому времени превращается в определенную субкультуру, в которой отношения выстраивались как братские или даже семейные⁴², с естественной дифференциацией на «старших» (мастеров сцены) и «младших» (подмастерьев сцены). И, как в любой социальной группе, взаимоотношения эти не лишены были таких негативных моментов как зависть, угодничество, подсиживание, власть сильного над слабым и т.д. Эти качества театр пронес через всю свою историю, сохранив их вплоть до наших дней⁴³.

Тема взаимоотношения актера со зрителем требует отдельного разговора. Здесь же следует только сказать, что с самого начала, театр, как искусство синтетическое, призван был максимально воздействовать на духовный мир человека. Несмотря на то, что зритель в театре понимает, что все происходящее на сцене – это некая другая реальность, чем та, которая имеет место в жизни, он под воздействием актерской игры смеется, плачет, страдает, размышляет. В этом и состоит непостижимая тайна театрального зрелища: в нем актер и зритель находятся в связи, похожей на телепатическую и вызывающей в том и другом такое состояние человеческого духа, которое Аристотель назвал «катарсисом» (очищение духа). Можно предположить, что сила и мощь этого явления во многом зависит от этнокультурного багажа человека, и российский зритель в этом отношении, как отмечают многие специалисты, выгодно

⁴⁰ По Пушкину «русский дух» – это с одной стороны, «безмолвие народа», с другой – бунт «бессмысленный и беспощадный».

⁴¹ Одно время актеров даже хоронили за оградой кладбища, приравнивая их к самоубийцам.

⁴² Нередкими были случаи образования семейных пар среди «актерской братии», а также появления актерских династий.

⁴³ 06.10.10. в телепередаче об актере Викторе Павлове известный актер и режиссер Армен Джигарханян поведал, что в театре существует право сильного и естественный отбор.

отличается от зрителей многих других стран. В этом смысле, опираясь на строчку Евгения Евтушенко о том, что «в России – поэт больше, чем поэт...», то же самое можно сказать и о русском драматическом театре. Он, кроме зрелища, является в России еще и отражением тенденций общественного развития страны.

Почти вся вторая половина XIX столетия подарила русскому театру А. Н. Островского – драматурга, творчество которого было основано на национальных традициях. В его пьесах ярко и образно отразился мир русского человека во всей его полноте и разнообразии, особенно городских его слоев: мещан, купцов, разночинцев и т.п. Это требовало от актерского ансамбля искать новые пути в изображении своих персонажей в языке, пластике и манере поведения на сцене. Первым на эти требования отозвался Малый театр⁴⁴, ставший кузницей артистов, прославивших русский театр⁴⁵, и предвосхитивший появление в русском сценическом искусстве конца XIX – начала XX в. такого эпохального явления, как Московский Художественный Театр. Но все это ждало своего часа. А пока именно Островский «взорвал» русский театр с его простенькими водевилями или с переделанными с французского языка мелодрамами. Его драматургия трансформировала природную условность театрального действия в сторону большей правдивости в изображении русскости как феномена в историко-культурном смысле одновременно исключительного и всемирного. Можно сказать, что идеологически Островский был близок к «почвенникам», не разделявшим взглядов на русскую историю ни западников, ни славянофилов⁴⁶. Ф. М. Достоевский в своей критике последних (западнические настроения ему были еще более чужды) писал: «славянофильство не любит, в сущности, Пушкина... и, может быть, до сих пор еще чуждается современной народной литературы, во главе которой стоит Островский. По крайней мере, оно ни разу не выражало к ней, к этой новой литературе, своего сочувствия. К народу и к народному быту относилось это, впрочем весьма почтенное и много доброго сделавшее, направление учительно и даже иногда испра-

⁴⁴ Сотрудничество Малого театра с Островским не исключало существования в его репертуаре романтической трагедии зарубежных писателей, где особенно проявился талант великой М. Н. Ермоловой.

⁴⁵ Наиболее известными из них были П. Садовский, И. Самарин, С. Шумский, Г. Федотова, С. Васильев, Н. Рыкалова, С. Акимова, Н. Музиль, Н. Никулина.

⁴⁶ По моему мнению, о чем я пишу в моей книге «Поляки в диаспоре», оба эти течения русской мысли не отражали истинного смысла и содержания российской истории и культуры. Более того, в действительности их слова и дела были и остаются до сих пор, как и любой радикализм, вредны для стратегии развития России.

вительно. *Своего идеального* народа оно отыскивало только в допетровском быту и в степях, которых не коснулась еще до сих пор реформа»⁴⁷.

Народность Островский черпал из практического изучения русско-го человека. В 1856 г. он участвовал в поездках русских литераторов по провинции, взяв на себя исследование Волги от ее верховьев до Нижнего Новгорода. Его отчет, впоследствии обработанный известным этнографом С. В. Максимовым, почетным академиком Петербургской Академией наук, содержал много живых впечатлений, которые расширили и углубили знание русского быта в его художественном выражении – в метком слове, песне, сказке, историческом предании, в сохранявшихся еще по захолустьям нравах и обычаях старины. Все это затем отразилось в позднейших произведениях Островского и еще более упрочило их национальное значение. Со свойственной ему эпической силой он заботился только о правде изображения русской жизни. По его собственным словам, он «спокойно зрел на правых и виновных, не ведая ни жалости, ни гнева»⁴⁸. Он не скрывал своей любви к простому человеку, в котором даже среди уродливых проявлений быта всегда умел находить привлекательные черты. Он говорил, что заботится прежде всего о том, чтобы показать на сцене русского человека: «пусть видит себя и радуется. Исправители найдутся и без нас. Чтобы иметь право исправлять народ, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее»⁴⁹.

Островский повлиял на дальнейшее развитие русской драматургии и русского театра в целом. Его творчество, так или иначе, повлияло на драматургию А. П. Чехова. Например, А. М. Ранчин в статье с многоговорящим названием «Вишневый лес: А. Н. Островский и А. П. Чехов» отмечает: «Лес» Островского и «Вишнёвый сад» Чехова – сходство сюжетных ситуаций и расстановки действующих лиц в этих двух комедиях столь значительно, что никак не может быть случайным. Переключки с пьесой Островского в «Вишнёвом саде» – отнюдь не бессознательное заимствование и не произвольное совпадение. Чехов преподносит читателям-зрителям свою комедию так, словно на втором плане сцены, на её «задворках», идёт одновременно другая драма, созданная иным автором, – называется она «Лес», сочинитель – Александр Николаевич Островский»⁵⁰. Не случаен, наверное, и тот факт, что оба эти литератора творили в Москве, где на протяжении всего XIX столетия создавалась кон-

⁴⁷ *Достоевский*. 1861. С. 176.

⁴⁸ *Островский* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulex.ru/01150232.htm>

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ *Ранчин* [Электронный ресурс]. – URL: <http://articles.excelion.ru/science/literatura/soch/13138.html>

цептуальная платформа дальнейшего развития русского драматического театра. Санкт-Петербург в этом отношении заметно уступал Москве. Различный стиль жизни двух столиц и их традиционное соперничество во многих областях общественного бытия страны отразились и в театральном деле. В сравнении с Малым, Александринский театр, несмотря на отдельные постановки Островского, Тургенева, Сухово-Кобылина, Писемского, в основном ориентировался в своем репертуаре на водевили и мелодраму. Соответственно и режиссуре северной столицы не были свойственны поиски новых путей развития русского драматического искусства и русской школы актерского мастерства. В этом проявились социально-культурные различия двух столиц, прежде всего московский традиционализм и петербургский модернизм, отражавшие различные векторы стратегии общественного развития страны.

Видимо, этим можно объяснить возникновение в Москве в конце XIX в. такого театрального феномена, как Московский Художественный Театр. Любительский драматический кружок под руководством купца Константина Сергеевича Алексева (будущий корифей русско-советского театра под псевдонимом Станиславский) с официальным названием «Общество искусства и литературы», объединившись с коллективом профессионального литератора В. И. Немировича-Данченко, в 1878 г. образовали Негласное товарищество для учреждения в Москве общедоступного театра, плавно перетекшее в Московский Художественный театр (МХТ). Новый театральный организм, к счастью, избежал участи многих частных и провинциальных театров (антреприз и товариществ) с их очень короткой и бродячей жизнью, которые, однако, в театральном деле России сделали немало. Во-первых, их значительное число и перемещение с места на место способствовали распространению театрального искусства почти по всей территории страны, что указывало и на хозяйственное освоение новых ее территорий⁵¹. Во-вторых, театр в его антрепризной форме, может быть, как ни один из видов искусства, играл роль интегратора русской культуры с культурами нерусских народов, и прежде всего в языковой области, активно участвуя в так называемом процессе «русификации»⁵². В-третьих, в антрепризных

⁵¹ Например, к концу XIX в. театр достигает Дальнего Востока.

⁵² Часто этот процесс оценивается негативно, а именно – как насильственное подавление русской культурой других этнических культур России. На практике случаи насильственной русификации, исходящие от правительственных кругов, не являлись постоянно действующим универсальным методом. В сущности, русификация была естественным процессом ассимиляции нерусских народов со стороны до-

театрах оттачивалось и совершенствовалось актерское и режиссерское мастерство, приведшее, в конце концов, к возникновению самобытной русской театральной школы. Можно сказать, что в антрепризе накапливалась энергия, без которой вряд ли был возможен феномен Московского Художественного Театра. Именно в нем появились теория и методология сценического искусства, разработанные К. С. Станиславским и известные под условным названием «система Станиславского», в которой центральное место занимает императив сознательного управления подсознательными процессами творчества⁵³.

Появление театрального феномена под названием «Московский Художественный Театр» можно объяснить кардинальными изменениями, происходившими в российском обществе на стыке XIX и XX вв. Колоссальные трансформации в социально-экономической и политической сферах не могли не повлиять на культуру в целом. Феномен МХТ хорошо согласуется с возникновением и развитием русского модернизма. В литературе – это поэзия «Серебряного века», в изобразительном искусстве – такие направления как «Мир искусства», «Голубая роза», «Бубновый валет» и др. Человек как уникальная личность становится краеугольным камнем в философии многих видов искусств, что в театральном деле впервые отчетливо прозвучало в постановках МХТ, особенно в пьесах А. П. Чехова. Ведь именно «... в человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа и мысли...»⁵⁴. И тогда, добавим от себя к словам Астрова из пьесы «Дядя Ваня», общество, состоящее из отдельных людей, будет много лучше и чище, чем оно есть. Заметим попутно: акцент в художественном мире Чехова делается не столько на русском человеке, сколько на человеке вообще, что позволяет говорить о существовании в его творчестве элементов космополитизма⁵⁵.

Русский драматический театр после Октябрьской революции, как и многие другие виды искусства, включился в дело формирования и пропаганды пролетарской культуры. В большинстве своем театры такой направленности имели короткий век по причине отсутствия в них четкой художественной концепции. Выполнив поставленные перед ними

минирующей культуры, что происходило всегда и происходит сейчас в мультикультурных обществах во многих регионах мира.

⁵³ «Истинное искусство, – считал Станиславский, – должно учить, как сознательно возбуждать в себе бессознательную творческую природу для сверхсознательного творчества». *Станиславский*. 1954. Т. 1. С. 287.

⁵⁴ Чехов. 1986. Т. 13. С. 83.

⁵⁵ Видимо, этим можно объяснить то, что его пьесы и инсценировки его рассказов идут во многих странах мира.

прикладные задачи, они в лучшем случае вливались в другие, более жизненные коллективы, в худшем – вовсе исчезали. Наиболее известным из таких театров был московский агитационный эстрадный коллектив под названием «Синяя блуза»⁵⁶, просуществовавший с 1923 г. по 1933 г. Очень похожие театральные группы возникали и в других городах⁵⁷, тематика выступлений которых ограничивалась злобой дня. Формы их выступлений были весьма разнообразными: пропагандистские стишки, хоровые декламации, спортивные упражнения, танцы и т.п. Часто, не имея своих помещений, такие театральные коллективы перемещались с места на место, выступая в городах (на заводах и фабриках) и в деревнях (в сельских клубах)⁵⁸.

Очень похож по эстетике на «Синюю блузу» был ленинградский Театр рабочей молодежи (ТРАМ), просуществовавший с 1925 г. по 1936 г. Строил он свою работу на опыте любительских клубных постановок «агитбригад» и «живых газет». Главными героями спектаклей были молодые рабочие, воинствующие строители новой жизни, утверждающие в быту и на производстве новое отношение к труду и новую мораль. Важную роль играли новые принципы организационной жизни коллектива и форма спектаклей, рассматриваемых руководителями театра как средство прямого вмешательства в повседневную жизнь. Этим были обусловлены такие художественные приемы как «наплывы» (резкие выходы актеров на авансцену), разрушение непрерывности сценического действия прямыми и неожиданными ораторскими обращениями в зрительный зал и другими формалистическими приемами.

Существовали и другие пролетарские театры, очень похожие друг на друга по своим художественно-эстетическим принципам, во многом противоположным традиционным нормам русского драматического искусства. По форме они напоминали площадные скоморошьи представления и были выражением быстро нарождающейся общественной идеологии, ставящей своей целью воспитание нового человека, отрицающего «старый мир», вплоть до его тысячелетней истории. Можно сказать, что ранний русско-советский драматический театр был незаменимым агитатором и пропагандистом коммунистического образа жизни. Это отразилось на его репертуарной политике, в которой всегда прева-

⁵⁶ Название это было взято потому, что все участники выступали в синей блузе – обычной одежде рабочих.

⁵⁷ Одно время их насчитывалось около четырехсот.

⁵⁸ В эстрадных спектаклях «Синей блузы» начинали творческую деятельность многие, ставшие затем известными, советские писатели, композиторы, актеры, режиссеры, художники.

лировала тематика, связанная с революционной героикой и советской действительностью.

В межвоенный период, распространяясь по всей территории страны, русский драматический театр играл важную роль интегратора различных культур Советского Союза и инициатора создания в республиках собственных национальных театров, которые участвовали как в процессе формирования советской полиэтнической нации, так и в укреплении «титულных наций» с их особым социально-политическим статусом в границах своих республик⁵⁹. Сценическое мастерство этих театров зиждилось на опыте русских драматических театров.

Изменилась в межвоенный период и зрительская аудитория; она становилась более разнообразной по социальному составу, чем в дореволюционный период. Этот факт воздействовал и на трансформацию самого драматического искусства. Оно, вместе с традиционно существующими эстетически-познавательными функциями, теперь должно было нести в массы импульсы воспитательно-агитационного характера. На исторической арене возникал новый социум, кардинально отличавшийся от дореволюционного. В нем формировались иные социально-культурные ориентиры, что было обусловлено, прежде всего, повышением общегосударственного образовательного уровня граждан СССР.

В контексте аксиологии всей советской культуры появляется и новая драматургия, ставящая своей целью прославление социалистической революции и последовавшей за ней эпохи строительства нового общества⁶⁰. Человек-революционер, человек-атеист, человек-строитель новой жизни заполняет театральные подмостки. Классическая драматургия, если и остается на них, то исполняет роль фиксатора ушедшего в прошлое человека. Пожалуй, из всех видов советского искусства русский театр вместе с развивающимся кинематографом нес на себе самую внушительную идеологическую нагрузку. Они, пользуясь фразеологией того времени, «ковали нового коммунистического человека». Неслучайно «вождь всех народов» так пристрастно опекал эти два вида зрелищного искусства. Мало кто удостоивался личной переписки со Сталиным, которая была у писателя и драматурга М. А. Булгакова, хотя его творчество во многом противоречило канонам так называемого «социалистического реализма». Его, хоть и не долгое и не совсем удачное, со-

⁵⁹ Трудно переоценить и культурное значение этих театров, особенно в сохранении этнических языков и этнической идентичности нерусских групп населения.

⁶⁰ Методическая основа любого литературного жанра была сформулирована в 1934 г. на Первом съезде советских писателей под названием «социалистический реализм».

трудничество с МХАТом было санкционировано политическими вер-
хами, взамен просьбы писателя эмигрировать из СССР.

Во время Великой Отечественной войны русский драматический театр⁶¹ в прямом и переносном смысле оказался на передовых позициях. Передвижные актерские бригады почти с самого начала боевых действий выступали перед бойцами Красной Армии, часто даже в непосредственной близости от линии фронта. И на фронте, и в тылу русский драмтеатр выполнял задачи пропагандистско-патриотического характера, способствуя углублению уже начавшегося до войны процесса интернационализации страны⁶². Не без его участия, особенно в послевоенное время, происходили общественные трансформации, приведшие к появлению типа человека, получившего теперь несколько иронично-уничижительное прозвище «гомо советикус», однако вполне адекватно отражающее суть присутствовавшего в нем социокультурного образа, который был вовсе не простым по содержанию и форме. С одной стороны, этот образ нес в себе незыблемость основ советского общественного устройства, с другой, в нем начали вызревать сомнения относительно правильности путей дальнейшего развития советского общества (что прежде всего было заметно в среде творческой интеллигенции). Именно такой человек стал заполнять зрительные залы драматических театров. Это хорошо почувствовало высшее руководство страны, приняв меры идеологического давления по всем направлениям, в том числе и по отношению к театру. 26 августа 1946 г. выходит Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению»⁶³. В Постановлении содержится прямой упрек ведущим драматическим театрам в том, что пьесы советских авторов на современные темы оказались фактически вытесненными из их репертуаров. Документ из 10-ти постановляющих пунктов фактически диктует различным культурно-идеологическим инстанциям, вплоть до центральных советских газет, сделать все надлежащее, чтобы коренным образом улучшить качество современных советских пьес, выделяя для их постановок лучших режиссеров и артистов. Если к этому прибавить

⁶¹ Театры, ведущие свою деятельность на языках других этносов Советского Союза, не могли участвовать в выступлениях на фронте из-за интернационального состава Красной Армии. Русский же язык к этому времени являлся уже основным средством общения людей различных культур (национальностей) СССР.

⁶² После распада Советского Союза многие ветераны Великой Отечественной войны свидетельствовали, что на фронте никто не придавал никакого значения национальной (читай – этнической) принадлежности сослуживцев, что все они осознавали друг друга советскими людьми, несмотря на национальные различия.

⁶³ Журнал «Большевик». 14 августа 1946. С. 581.

другое Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором велась жесткая (на грани приговора) критика писателя М. М. Зощенко и поэтессы А. А. Ахматовой⁶⁴, то можно предположить, что уже в первый послевоенный год советское политическое руководство как бы предугадывало будущий нонконформизм советской творческой интеллигенции. Для этого, правда, потребовалось еще около семи лет, когда смерть Сталина приоткрыла дверь для либерализации советского общества, получившей в отечественной истории название «хрущевская оттепель». Трудное и противоречивое течение этого процесса (достаточно вспомнить так называемую «бульдозерную выставку» в Манеже, некоторых художников которой Хрущев обозвал нецензурным словом) обернулось при попытке его замораживания в брежневскую эпоху расколом между политическим классом страны и культурной общественностью. В результате возникло (сначала подпольное, а затем открытое) такое социальное движение как диссидентство. Прямо русский драматический театр в нем не участвовал, но косвенно, посредством скрытых форм художественного воздействия на зрительскую аудиторию, он становился одной из культурных платформ советского либерализма. В большинстве своем это были театры Москвы, Ленинграда и нескольких других крупных городов СССР. В столице таким раньше других стал театр-студия «Современник». Он возник из группы выпускников школы-студии МХАТ, показавших в 1956 г. самостоятельно подготовленный спектакль по пьесе Виктора Розова «Вечно живые» в постановке Олега Ефремова – будущего художественного руководителя театра. Официальное открытие «Современника» произошло в 1958 г. В годы после разоблачения культа личности Сталина этот театр стал первым, заговорившим об истории страны и проблемах простого человека без всяческой идеологической начинки. И это со стороны зрителя не осталось незамеченным. Почти каждый спектакль «Современника» при постоянных аншлагах становился событием. К 50-летию Октябрьской революции была поставлена трилогия, состоящая из пьес «Декабристы» Зорина, «Народовольцы» Свободина и «Большевики» Шатрова и повествовавшая об истинных целях и идеалах русского революционного движения за почти столетний период. Запрещенная цензурными органами РСФСР трилогия вышла к зрителю только под личную ответственность министра культуры Е. А. Фурцевой.

В 1964 г. в ранее мало посещаемом Московском театре драмы и комедии произошло эпохальное событие: педагог театрального учили-

⁶⁴ Журнал «Большевик». 26 августа 1946. С. 587.

ща им. Щукина Ю. П. Любимов, поставив выпускной спектакль по пьесе Б. Брехта «Добрый человек из Сезуана», вместе с игравшими в нем артистами перенес его на сцену этого театра. Через некоторое время театр стал называться по своему московскому адресу «Театр на Таганке», а в народе – просто «Таганка»⁶⁵. В условиях советских идеологических установок спектакли «Таганки» были настоящим откровением. Политическое звучание каждого нового спектакля становилось все более противоречащим советскому официозу. Демократичные, антимишанские и весьма эстетически сложные спектакли насчитывали среди своих поклонников не только либеральную интеллигенцию, но и управленческую, чиновничью элиту. «В 1970-х билет в Театр на Таганке стал знаком престижа и у т.н. “буржуазной” прослойки, – наряду с дубленкой, фирменными джинсами, машиной, кооперативной квартирой»⁶⁶.

Либеральные настроения «хрущевской оттепели» не обошли и драматические театры Ленинграда, хотя справедливости ради надо сказать, что таких острых эксцессов с властью, которые наблюдались в Москве, им удалось избежать. Элементы свободомыслия и острой публицистики наблюдались в постановках таких ленинградских театров, как Большой драматический театр под руководством Г. А. Товстоногова («Мещане» А. М. Горького, «Идиот» Ф. М. Достоевского, «История лошади» Л. Н. Толстого) и Театр им. Ленсовета («Таня» и «Мой бедный Марат» А. Н. Арбузова, «Человек со стороны» И. М. Дворецкого).

Таким образом, русский драматический театр послевоенного периода вместе с другими сферами советской культуры и искусства активно участвовал в процессе трансформации советского общественного сознания, приведшего страну к «горбачевской перестройке». В ходе её вновь, но в более острой и радикальной форме, чем в хрущевское время, развернулась антисталинская риторика⁶⁷, постепенно перераставшая в откровенный антисоветизм, и театр не остался в стороне от этого процесса. В конце 1980-х гг. на сценах не только русских драматических театров, но и драмтеатров так называемых «титовых наций», шли спектакли, отображавшие радикальные перемены советском обществе и

⁶⁵ Может быть, в этом названии просматривалась ассоциативная память о когда-то существовавшей недалеко от театра тюрьме, прозванной в простонародье «Таганкой» и прославленной в одной из блатных песен, многие из которых на заре своего творчества пел Владимир Высоцкий – один из ведущих актеров театра.

⁶⁶ Онлайн Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. – URL: www.krugosvet.ru/enc/kultura.

⁶⁷ Достаточно вспомнить роман А. Н. Рыбакова, в котором особое разоблачение автора пало не столько на весь период тоталитарного советского строя, сколько на 1930-е гг. – время чистки партии «отцом всех народов».

в «гомо советикусе». Драматический театр этого времени констатировал конец длительного процесса исчезновения советского человека и появления на его месте предтечи человека постсоветского.

Либерализм постсоветского периода утвердил уже ранее нарождавшуюся тенденцию развития постмодернизма во всех областях общественного бытия. В драматическом искусстве постмодерн наиболее остро проявил себя в форме театрального действия⁶⁸, когда сплошь и рядом на сцене обнаженные актеры изображают весь набор физиологических отправления человека. Главной целью нынешних театральных режиссеров является эпатаж публики, когда разум зрителя судорожно мечется и никак не может отыскать на сцене хоть какого-нибудь подобия логики и смысла. Тексты, чаще всего скороговоркой проговариваемые актерами (тут уж нет ни малейшего места для «не верю» Станиславского), настолько бредовы и нелепы, что вызывают ассоциации с пациентами чеховской палаты номер шесть.

Драматический театр, освободившись от цензуры и находясь в свободном плавании «без руля и без ветрил», стал неким зеркалом постсоветского общества. «Героями нашего времени» на театральной сцене являются теперь или преуспевающий человек, как правило, пришедший к этому своему социальному статусу, мягко говоря, не совсем честным путем (он совершенно незаслуженно назван СМИ «олигархом»), или напротив – падший до самого основания маргинал, беспощадно-уничтожительно звучащий в русской аббревиатуре как «бомж». Правда, как считают некоторые театральные критики, «пьесы современных драматургов сегодня в России мало ставят, их, кажется, почти никто не читает, поскольку это как будто и не литература. Когда начинают оперировать числом новых пьес, поставленных за год, сезон или полусезонье, не считаются с общим числом премьер, в котором современная “составляющая” теряется. Давит груз классических “забот” русской сцены»⁶⁹. «Заботы» эти, правда, игнорируют время и место действия: Ромео и Джульетта выходят на сцену, обустроенную строительными лесами, в джинсах и любят друг друга как-то бесстрастно, обыденно, буднично, а средневековая кровная вражда Монтекки и Капулетти происходит как бы понарошку. И так почти со всеми пьесами и инсценировками классиков мировой литературы. Увидеть и услышать на сцене человека навсегда ушедших времен с его мыслями, чувствами, скорбями, искусше-

⁶⁸ Формалистические приемы театров Культпросвета и Мейерхольда были детской забавой по сравнению с тем, что можно увидеть в последние двадцать лет на сценах многих российских театров.

⁶⁹ *Заславский* [Электронный ресурс]. – URL: www.zaslavski.ru

ниями (в соответствующих декорациях) в современном театре – вещь почти невозможная. Осовремененные Чехов и Достоевский (произведения этих гениев русской литературы чаще всего ставятся на наших сценах) предстают такими, что узнать их можно лишь с подсказчиком, прошедшим специальный курс разгадывания нынешних сценических изощрений. Человек как личность, как индивид, наконец, как представитель социума с театральными подмостков просто исчез; по сценам бродят сплошные «тени отца Гамлета». Сюжетно-смысловая составляющая драматургии, даже классической, утопает в формалистических трюках, и на этом фоне, как ни странно это прозвучит, пьесы классиков театра абсурда Ионеско, Мрожека и Беккета⁷⁰ кажутся хорошо логически выстроенными и в смысловом плане абсолютно завершенными. В них стулья, море, магнитофон и разные другие предметы одушевляются и олицетворяют на сцене человека с его вечными проблемами: жизнь и смерть, любовь и ненависть, вера и неверие и т.д. В нынешних же постановках русской классики все происходит наоборот: Лопухины, дяди Вани, Опискины, Карамазовы в «режиссерских находках» – существа не совсем живые, если не сказать – мертвые. Они лишь имитируют чувства и мысли, что, по мнению создателей таких постановок, и есть «правда жизни»; однако воспринимать такую правду из зрительного зала грустно, ибо она узнаваема из нашей обыденности, и поэтому скучна и неинтересна. Она, если так можно выразиться, бесчеловечна в своей обнаженной человечности. Театр призван нести зрителю художественную правду, которая, по меткому замечанию писателя А. М. Максимова «...отличается от обычной тем, что она – уникальна, для того чтобы ее увидеть и воспроизвести, нужен как минимум талант. Мне кажется, что на сегодняшней сцене явный дефицит именно такой правды»⁷¹. Парадоксальным является то, что это явление стало результатом полной творческой свободы в искусстве, тогда как в тоталитарную эпоху при жестком давлении со стороны коммунистической идеологии, художественной правды на сцене было значительно больше. Да и гениев русской сцены в те времена зритель мог видеть гораздо чаще, чем теперь.

Либералы всех мастей постоянно твердят, что все наши нынешние проблемы в социуме и отдельном человеке есть следствие переходного периода. Но весь вопрос вот в чем: переход, откуда – более или менее ясен, но вот куда?! На место «гомо советикуса» постепенно, но неумолимо приходит так называемый «постсоветский человек», похожий на

⁷⁰ Парадокс: пьесы этих авторов все реже идут на наших сценах.

⁷¹ Максимов. 2010.

героя мультфильма «Ёжик в тумане», и именно таким он предстает в современном русском драматическом театре.

Попытка смоделировать этот образ современной публицистикой также выглядит не очень убедительной. Например, по мнению российского журналиста М. Л. Шевченко, «постсоветский человек является... ухудшенной (в смысле социальной дисциплины) копией западного буржуа, столь долго бывшего идеалом для элит (антисоветских проектировщиков будущего) советского времени, реализовавших свои убогие мечты в 1991 году»⁷². Будущее постсоветского человека видится автору приведенной выше цитаты в становлении новой ментальности. Это, по его мнению, должен быть «...человек, воплощающий в себе самое лучшее, что выражено и проявлено в русской свободной культуре, и осмысливший и отринувший соблазны, приводящие человека в состояние социально-психической матрицы»⁷³. Красиво сказано, но уж очень высокопарно, а поэтому не очень понятно.

Остается лишь надеяться, что российская общественная мысль, включая социальные науки, в содружестве с культурой, сначала нащупают, а потом создадут наиболее оптимистический сценарий развития постсоветского человека. И пусть русский драматический театр, занимающий во всемирной истории культуры одно из передовых мест, внесет в этот сценарий свою ощутимую лепту. Тем более, что его кризис, пик которого пришелся на рубеж второго и третьего тысячелетия, кажется, постепенно уходит в прошлое⁷⁴.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. / Вступ. ст. и ком. И. М. Кудрявцева. М.-Л., 1957.
- Большевик. 14, 26 августа 1946.
- Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. VII. Гл. II. М., 1883.
- Гоголь Н. В.* Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. М., 1937.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. Т. 4. Репринтное издание. М., 1991.
- Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. VII. Гл. II. М., 1883.

⁷² *Шевченко* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rosbalt.ru/2006/06/27/258225.html>

⁷³ Там же.

⁷⁴ На это указывает появившаяся в последние время тенденция критического осознания позднесоветского и постсоветского периода в истории русского драматического театра.

- Гоголь Н. В.* Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. М., 1937.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. Т. 4. Репринтное издание. М., 1991.
- Достоевский Ф. М.* // Время. 1861.
- История всемирной литературы в девяти томах. Т. 4. М., 1987.
- Кирпичников А. И.* К вопросу о древнерусских скоморохах. Сб. ОРЯС. Т. 52. СПб. 1891.
- Костомаров Н. И.* Русские нравы. М., 1995.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. М., 1967. Изд. 5-е. Т. 20.
- Максимов А. М.* Поговорим со Станиславским? // Российская газета. Федеральный выпуск № 5326 (247). 1.11.2010.
- Марр Н. Я.* Избранные работы. В 5-ти томах. Т. 2. Л., 1936.
- Онлайн Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. – URL: www.krugosvet.ru/enc/kultura
- Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). Т. XIV. № 10559. СПб., 1830. Православие для всех. Кострома. 2000.
- Ранчин А. М.* Вишневый лес: А. Н. Островский и А. П. Чехов: опыт сопоставительного анализа [Электронный ресурс]. – URL: <http://articles.excelion.ru/science/literatura/soch/13138.html>
- Пастухов В. Б.* Культура и государственность в России: эволюция евроазиатской цивилизации [1990] [Электронный ресурс]. – URL: www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/system/
- Русская история в портрете. Островский А. Н. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulex.ru/01150232.htm>
- Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
- Станиславский К. С.* Моя жизнь в искусстве. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. М., 1954 [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.rus/s/stanislavskij_k_s/text_0010.shtml
- Театральное дело № Григория Завлавского [Электронный ресурс]. – URL: www.zaslavski.ru
- Фрэнсис Е. П.* Скоморохи и церковь // Скоморохи в памятниках письменности. СПб., 2007.
- Чехов А. П.* 1986 – Чехов А. П. Сочинения в восемнадцати томах. Т. 13. Пьесы 1875–1904. М., 1986.
- Шевченко М. Л.* Постсоветский человек: становление ментальности // Информационное агентство «Росбалт» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rosbalt.ru/2006/06/27/258225.html>
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. М., 1991.
- Заринов Игорь Юрьевич**, кандидат исторических наук, Институт этнологии и антропологии РАН, старший научный сотрудник; izarinov@yandex.ru

ИСТОРИЯ ЧЕРЕЗ ЛИЧНОСТЬ

В. С. САВЧУК

АНАТОЛИЙ МОСКАЛЕНКО И ДРУГИЕ

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ИСТОРИКА КАК ИСТОЧНИК ПО ПРОБЛЕМЕ ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Анализируя особенности мировоззрения и поведенческие практики университетских преподавателей 1960–80-х гг., автор выделяет в их среде определенную групповую идентичность, сутью которой были сохранение культурной традиции во всей ее полноте и расширение интеллектуальной свободы. Статья написана на основе личных воспоминаний и художественной литературы.

Ключевые слова: *групповая идентичность, интеллектуальная свобода, культурная традиция, университетская интеллигенция, воспоминания историка.*

Как нетрудно догадаться, первой частью названия этой статьи я «обязан» Максиму Горькому (помните, его известные пьесы «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие»?), но сразу хотел бы заметить, что в последующих размышлениях «другие» персонажи будут занимать не меньшее место, чем Анатолий Евсеевич Москаленко. Более того: первые импульсы, или, как модно теперь говорить, интенции, к написанию этих заметок были связаны с общением в последние годы его жизни с другим моим преподавателем по Воронежскому университету – А. И. Немировским и публикацией в ростовском издании его воспоминаний и материалов (В. И. Уколовой и моих) о самом Александре Иосифовиче¹. Вспоминая некоторых воронежских преподавателей, а также своих, увы, тоже ушедших из жизни коллег по Ростовскому университету, я все чаще задумывался над вопросом: что объединяло, не так уж похожих друг на друга, а порой и резко отличавшихся по характеру, по стилю поведения, по эстетическим предпочтениям, людей, которые были моими учителями, старшими коллегами и, смею надеяться, друзьями и которым я многим обязан в жизни? Почему мне было с ними не только интересно беседовать, но, и это главное, я чувствовал себя *своим* человеком в их обществе? В поисках ответа на эти не оставлявшие меня вопросы я стал размышлять и над некоторыми теоретическими проблемами. В частности над тем, какое место в кругу других источников должны занимать личные наблюдения и воспоминания историка, если

¹ См.: Немировский. 2006; Савчук. 2006; Уколова. 2006.

он, конечно, пишет о современных ему событиях и явлениях? Или другой вопрос: почему так слабо используется историками огромный пласт художественной литературы? Как «функционирует» коммуникативная и культурная память и в чем их различие? На пересечении этих теоретических раздумий и воспоминаний сложилась настоящая статья.

Хорошо известно, что при написании исторических сочинений древние и средневековые авторы считали собственные наблюдения важнейшим источником информации. Так, Геродот, хотя ему и были известны многие литературные произведения и некоторые документальные данные, следующим образом, излагая историю Египта, сообщает об источниках повествования: «До сих пор я рассказывал *о том, что видел своими глазами* (выделено мною – В. С.), руководствуясь собственным суждением или сведениями, которые я собирал лично. Теперь же я хочу сообщить то, что я узнал по рассказам из египетской истории» (II, 99; пер. Г. А. Стратановского). Даже Фукидид, в гораздо большей степени, чем Геродот, использовавший документальные источники, подчеркивает значение личных свидетельств о Пелопоннесской войне: «Что же касается событий этой войны, то я поставил себе задачу описывать их, получая сведения не путем расспросов первого встречного и не по личному усмотрению, но изображать, с одной стороны, лишь *те события, при которых мне самому довелось присутствовать* (выделено мною – В. С.), а с другой – разбирать сообщения других со всей возможной точностью» (I, 22; пер. Г. А. Стратановского).

Нечто подобное находим мы и в сочинениях средневековых авторов, хотя едва ли не каждый из них с благодарностью указывает имена своих предшественников. Например, Григорий Турский в своей «Истории франков» смиренно замечает: «И хотя речь моя простовата, я не мог, однако, умолчать о том, что *я или сам видел, или узнал из рассказов людей надежных* (выделено мною – В. С.)»². Беда Достопочтенный, начиная свою «Церковную историю народа англвов», констатирует, что о ранних событиях «узнавал из всех достойных доверия источников, главным образом из книг предшествующих авторов», а в описании некоторых более близких по времени событий «не опирался ни на что, кроме достоверных свидетельств множества очевидцев, которые знали точно либо припоминали то, *чего я не знал сам* (выделено мною – В. С.)»³. Есть все основания присоединиться к мнению И. В. Дубровского о том, какова была в представлениях средневековых авторов «иерар-

² Григорий Турский, 1987. С. 121 (пер. В. Д. Савуковой).

³ Беда Достопочтенный. 2003. С. 6 (пер. В. В. Эрлихмана).

хия» источников информации: «Разные источники заслуживают доверия в разной степени. С уверенностью и обилием подробностей историк сообщает виденное собственными глазами. Если приходится оперировать иными данными, предпочтительны свидетельства очевидцев. (...) Впрочем, правилом скорее было принимать в расчет также и “людскую молву”. Ее, имевшую своего рода “срок годности” в 100–110 лет, всегда отличали от более надежных свидетельств»⁴. Таким образом, на протяжении многих столетий при рассказе о событиях, по меньшей мере, полувековой давности «виденное своими глазами» представлялось важнейшим источником информации для историка.

Ни в коей мере не претендуя на полноту обзора, замечу, что в середине XIX в., в первую очередь благодаря Леопольду фон Ранке, формируется принципиально иное отношение к работе профессионального историка с источниками⁵. Ранке был убежден, что «объективные факты содержатся главным образом в архивных материалах политического характера – в донесениях послов, переписке государственных деятелей и т.д.: то, чего нет в документе (мнения, слухи), не существует для истории»⁶. Не говоря уж о том, что «мнения, слухи», как и «объективные факты», тоже являются исторической реальностью⁷, хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. К документальным данным советской эпохи, в том числе и 1960–80-х гг., о которых идет речь в настоящей статье, надо относиться с большой осторожностью.

Во-первых, потому что в официальной обстановке (на партийных собраниях, производственных совещаниях, заседаниях диссертационных советов и т.п.) многие люди вынуждены были говорить *не совсем то, а, может быть, даже далеко не то, что они думали*. Поэтому про-

⁴ Дубровский. 2007. С. 203. См. также: Польская. 2007.

⁵ На это обращает внимание в своей книге Бернар Гене, подчеркнувший, что в средние века «о событиях своего времени историки рассказывают исключительно на основе того, что сами видели и слышали, обо всех событиях новой эпохи и даже частично о событиях старого времени они осмеливаются рассказывать, прибегая к устным источникам. В XIX веке, напротив, ученые-историки и любители старины, изучавшие прошедшие времена, с одной стороны, и журналисты и мемуаристы, свидетельствовавшие о настоящем времени, с другой стороны, были очень далеки друг от друга, и устные источники обесценились по сравнению с письменными» (Гене. 2002. С. 99.).

⁶ Савельева, Поletaев. 2007. С. 80.

⁷ Более того: с точки зрения исторической феноменологии, как пишет А. Л. Юрганов, «история есть самосознание» и прежняя «антитеза “легенда – быль” уже не самодостаточна: легенда, если к ней присмотреться, – такая же “быль” сознания современников, как “быль” выявленных новых фактов – легенда нашего исторического сознания» (Юрганов. 2003. С. 35.).

токолы таких собраний необходимо читать *между строк*. Так, нельзя было усомниться в истинности марксистского учения и в необходимости борьбы с буржуазной идеологией, но можно было подчеркнуть важность знания своего идейного противника. Нельзя было, ибо это грозило члену партии исключением из ее рядов, а, следовательно, потерей работы и фактически утратой хоть сколько-нибудь приемлемого социального статуса, отказаться выполнять жесткую партийную установку – будь то одобрение вторжения советских войск в Чехословакию или репрессии против коллеги. Так, мои знакомые по Калужскому педагогическому институту рассказывали мне о закрытом партийном собрании (сам я не был членом КПСС), на котором остракизму был подвергнут один доцент-филолог, неосторожно заметивший на семинарском занятии, что есть мнение, будто бы отнюдь не М. А. Шолохов является истинным автором «Тихого Дона» (и это в юбилейном для писателя 1975 году!). Едва ли не в тот же день это опрометчивое суждение стало известно т.н. *компетентным* органам, и была дана команда осудить его как «идеологически враждебное выступление». Судя по рассказам, многие сочувствовали «провинившемуся» доценту, но прямо его защищать никто не решился. Однако о степени порядочности выступавших судили по резкости или мягкости предлагаемых санкций.

Во-вторых, даже фактические сведения, в частности статистические данные, в течение десятилетий сплошь и рядом не соответствовали действительности. Сошлюсь, и считаю это научно корректным, на многократно слышанные рассказы своих близких, представителей наиболее массового слоя интеллигенции советского времени – преподавателей школ и вузов, экономистов, бухгалтеров, библиотекарей. Все они вынуждены были довольно часто заниматься *фальсификацией*: от учителя школы требовали необходимый процент успеваемости, от экономиста завода – ожидаемые в министерстве производственные показатели, от сельского библиотекаря (смешно и грустно вспомнить!) – нужное число т.н. «книговыдач», причем не только художественной литературы (ее тогда с охотой читали), но и политической, а последнюю брать на абонемент никто не желал... Из подобных сфальсифицированных данных и составлялись *источники документального характера советской эпохи*.

Этим я не хочу сказать, что свидетельства очевидцев, в отличие от документов, выступают в качестве более надежных источников. Нет, они тоже весьма субъективны, особенно в тех случаях, когда люди вспоминают о событиях, происходивших несколько десятков лет назад, причем в совершенно иной социально-политической и культурной обстановке. На это, кстати, обращают внимание отнюдь не только профес-

сиональные историки. Вот что пишет литературовед Станислав Рассадин: «То, что мы называем своей историей, – в какой она степени есть череда непреложных фактов? Больше того, возможна ли непреложность, если мы век от века, десятилетие от десятилетия, а то даже год от года подвергаем эти факты переосмыслению? И что больше влияет на наше сознание, индивидуальное и общественное, то есть уже причастное к деланию истории, – сами ли эти факты и даты или же то, в каком осмыслении мы их восприняли? Я говорю не о грубой вульгаризации, которой их подвергает та или иная власть в недалеких своих интересах, а о естественной прихотливости нашей памяти, об усилиях тех, кто творил свою реальность, свою историю, свою Россию. Ежели говорят: “врет, как очевидец”, имея в виду совсем не намеренное вранье, но всего лишь разноречивость, то что сказать о тех, кто напрягает память в надежде вспомнить?»⁸. Уместно, думаю, привести и суждение П. Вайля и А. Гениса: «Но, конечно, никакие документы, никакие архивы, никакие мемуары не восстанавливают прошлое. Они формируют настоящее, создавая миф о прошлом»⁹. Действительно, иногда я просто поражаюсь, когда слышу, *как и что вспоминают* некоторые люди моего поколения о жизни в Советском Союзе в 1960–70-е годы. Их нельзя заподозрить в неискренности, поскольку речь идет не о каких-то официальных суждениях, а о высказываниях в ходе приятельской беседы. Но мне в подобных случаях кажется, что мои знакомые и я жили не в одной и той же, а в разных странах! Очевидно, таковы метаморфозы памяти.

Неслучайно проблема «история и память» в последние годы стала предметом многочисленных научных дискуссий¹⁰, а также и то, что некоторые авторы с большим недоверием относятся и к попыткам анализа недавней истории, и к использованию мемуаров для ее воссоздания, в том числе свидетельств самих историков. Так, М. Ямпольский, один из участников исследовательского проекта «Нового литературного обозрения», посвященного изучению событий недавнего прошлого на примере одного, 1990-го года, пишет: «Те, кто приглашал меня участвовать в

⁸ Рассадин. 2005. С. 351.

⁹ Вайль, Генис. 1996. С. 42. Кстати, это, на мой взгляд, превосходное культурологическое исследование дает достаточно ясное представление о «мире» советского человека 60-х годов. Но, поскольку предметом изучения авторов были гораздо более широкие круги советского народа, чем выделенное мною «воображаемое сообщество», то совпадение в том и другом случае «картины мира», нравственных установок и поведенческих практик может быть лишь частичным.

¹⁰ См., в частности: Kultur und Gedächtnis...; Ассман. 2004; Эксле. 2001; Арнаутова. 2003; Образы прошлого..., 2003; Савельева, Полетаев. 2005; История и память...; Время – История – Память...; Диалоги со временем... 2008.

исторических проектах, вероятно, считали, что я способен что-то сказать о недавнем прошлом потому, что был свидетелем или участником событий. Но именно поэтому я и считал себя абсолютно непригодным для поставленной задачи. Совершенно неизбежно позиция историка в таком случае подменилась бы позицией мемуариста. История оказалась бы неотличимой от искаженных следов в моей памяти. Мемуары относятся к жанру, который я откровенно не люблю. Под видом интереса к истории тут обычно процветает интерес автора к самому себе»¹¹.

При изучении эпохи 1960–80-х гг., наряду с воспоминаниями и наблюдениями авторов исторических исследований, нельзя игнорировать такие источники как литературные произведения. Между тем бросается в глаза, что историки склоняются то к одной, то к другой крайности в этом сложном вопросе. Одни, видимо, помня знаменитые строки Владимира Маяковского («Мало ли что можно в книжке намолоть!»), явно негативно оценивают роль художественных произведений в качестве исторического источника. Другие – назову Б. А. Рыбакова и его известные труды о «Слове о полку Игореве – считают возможным непосредственно извлекать из фольклорных и литературных памятников конкретную историческую информацию и прямо сопоставлять ее с данными других исторических источников. Мне представляется, что Л. Н. Гумилев, развивая идеи В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, справедливо подчеркивал, что «основное различие между Б. А. Рыбаковым и мною заключается в принципиальной оценке самого существа литературного произведения как исторического источника. (...) Однако, с нашей точки зрения, *каждое великое и даже малое произведение литературы может быть историческим источником, но не в смысле буквального восприятия его фабулы, а само по себе, как факт, знаменующий идеи и мотивы эпохи* (выделено мною – В. С.). Содержанием такого факта является его смысл, направленность и настроенность, причем вымысел играет роль обязательного приема»¹². Полагаю, что для воссоздания *самого духа* эпохи 1960–80-х гг. литературные произведения незаменимы, ибо тогда о многом нельзя было сказать открыто, но то, о чем молчала политическая публицистика, многие читатели находили (в латентной форме) в сочинениях поэтов и писателей. Уверен, что повести Ю. Трифонова или И. Грековой могут быть превосходными *историческими* источниками для изучения мировоззрения и повседневной жизни городской, в том числе вузовской, интеллигенции.

¹¹ Ямпольский, 2007. С. 51.

¹² Гумилев. 1972. С. 82.

Наконец, хотелось бы остановиться на трактовке роли памяти в формировании различных форм идентичности. Как справедливо отмечает А. Мегилл, «термины “идентичность” и “память” находятся сегодня в широком и неоднозначном обращении. Идентичность превратилась в предмет обязательств, дискуссий и сомнений. Не без связи с ней, память стала рассматриваться как привилегированный тип дискурса, предъявляющий специфические требования к подлинности и истинности»¹³. Мегилл приходит к следующим выводам: «А. Неопределенности в истории, идентичности и памяти взаимны. В. История и память резко отличны, что, прежде всего, проявляется в радикально различных историях, которые помнят разные люди или группы. С. Границы между историей и памятью тем не менее не могут быть установлены точно. D. В отсутствие единственного, бесспорного авторитета или структуры, напряженность между историей и памятью не может быть снята»¹⁴. С этими суждениями любопытно сопоставить замечания Яна Ассмана: «Для того, чтобы к прошлому можно было обращаться, оно должно осознаваться как прошлое. Для этого необходимы два условия: 1) нельзя, чтобы оно исчезло полностью, должны иметься свидетельства; 2) эти свидетельства должны обладать характерным *отличием* от “сегодня”»¹⁵. Полагаю, что, став на подобную точку зрения, временную дистанцию в 30–40 лет можно расценить как оптимальную.

Большинство исследователей, обращаясь к проблеме «история и память», ссылаются на труды социолога Мориса Хальбвакса, еще в 20–40-е гг. поставившего ключевые вопросы «взаимоотношений» памяти и истории. Его работы, вышедшие при жизни ученого, не нашли должного отклика в среде профессионалов. И только в конце XX в. они, как и посмертно опубликованный его обобщающий труд «Коллективная память»¹⁶, вызвали широкий резонанс в интеллектуальном сообществе. Как пишет А. Мегилл, «его (Хальбвакса – В. С.) ключевое утверждение заключалось в том, что память индивидов жестко детерминирована существующими в обществе категориями понимания. (...) Он также предположил, что исторические интерпретации особенно зависимы от сознания производящих их социальных групп. Согласно модели Хальбвакса, память детерминирована идентичностью (коллективной или индивидуальной), которая уже надлежащим образом определена.

¹³ Мегилл, 2007. С. 133.

¹⁴ Там же. С. 168.

¹⁵ Ассман, 2004. С. 32.

¹⁶ Изданный в 1950 г., этот труд позже был опубликован на англ. языке. См.: Halbwachs, 1980.

(...) Его анализ исторической памяти направлен на то, как идентичность, целостность которой в данный момент устанавливается, приходит к конструированию прошлого, соответствующего этой идентичности. (...) Существенный момент здесь состоит в том, что для Хальбвакса социальные идентичности возникают еще до коллективных воспоминаний, которые они конструируют. Безусловно, через какое-то время коллективные воспоминания придают новую форму идентичности, которая их выстроила, но идентичность всегда *предшествует* памяти»¹⁷.

Другой аспект концепции М. Хальбвакса подчеркивает Я. Ассман: «Отношение памяти и истории видится Хальбваксу как отношение последовательности. Там, где прошлое уже более не помнится, то есть не переживается, начинается история. (...) Сфера деятельности историка начинается там, где прошлое перестает быть обитаемым, то есть там, где на него уже не претендует коллективная память живых групп»¹⁸. Из исследований конце XX в., значительный резонанс в профессиональной среде вызвала книга Джеймса Фентресса и Криса Уикхема «Социальная память»¹⁹, в которой иначе, чем в концепции М. Хальбвакса, трактуется соотношение индивидуального опыта, исторического сознания и коллективной памяти. Если М. Хальбвакс делал акцент на том, что в структуре памяти индивида коллективные воспоминания играют определяющую роль, то Д. Фентресс и К. Уайкем оставляют существенное место «свободе выбора» того, условно говоря, *что и как* помнить.

В отечественной науке проблема соотношения «памяти» и «истории», роли памяти в формировании различных типов идентичности исследуется как историками, так и философами, социологами, культурологами. В частности, В. Г. Николаев определяет идентичность как «психологическое представление человека о своем Я, характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самотождественности и целостности; отождествление человеком самого себя (частично осознаваемое, частично неосознаваемое) с теми или иными типологическими категориями (социальным статусом, полом, возрастом, ролью, образцом, нормой, группой, культурой и т.п.)». При этом В. Г. Николаев выделяет четыре типа идентичности: социальную, культурную, этническую и групповую²⁰. Именно групповая идентичность будет предметом исследования в настоящей статье. Но, поскольку любой человек одновременно идентифицирует себя с несколькими общностями, то прояв-

¹⁷ Мегилл. 2007. С. 145–146.

¹⁸ Ассман. 2004. С. 46.

¹⁹ Fentress, Wickham. 1992.

²⁰ Николаев. 2007. С. 725, 726.

ления групповой идентичности трудно «жестко» отделить от отождествления с культурной традицией, с профессиональным статусом.

Очень важные соображения по проблеме идентичности высказывает Г. С. Кнабе. По его мнению, то, что получило в науках об обществе название *идентификации*, выражает «присущую человеку потребность ощущать себя частью более широкого множества и воспринимать такую принадлежность как ценность»²¹. Г. С. Кнабе называет четыре основных свойства идентификации. Во-первых, «она всегда предстает в макро- и микроформах» (скажем, отождествление себя с государством, его историей и, вместе с тем, привязанность к городу, где ты родился, к улице, на которой прошло детство, и т.п.); во-вторых, «одна из самых естественных и массовых ее форм – этническая и национальная»; в-третьих, макроидентификация обычно ведет к формированию в общественном сознании социально-исторического и культурно-исторического *мифа*, вытесняющего реальную действительность, и это обстоятельство способствует изменению характера микроидентификации, которая перестает быть интимно-задушевым, экзистенциально личным «освоением» макроидентификации и трансформируется в «самостоятельную субъективность», одинокую или групповую («кружок немногих»), духовно развитого человека; в-четвертых, в основе любой идентификации лежит пережитый опыт, который, по мнению Г. С. Кнабе, всегда неоднороден: «двусоставность опыта» выражается в том, что его основа, «отложившаяся в душе каждого как исходное слагаемое его органического бытия», «мало рефлексирована, сказывается во вкусах, привычках, склонностях, в подчас безотчетных жизненных ориентирах и образует личность как таковую в ее естественной данности», а, с другой стороны, приобретаемый в течение жизни опыт «обогащается нравственными, социальными или политическими идеями, художественными или философскими впечатлениями, которые становятся содержанием рефлексированного сознания, выражаются в слове и в поведении человека». При этом «расслоение опыта на органический и идеологический никогда не может быть проведено последовательно и до конца, поскольку он всегда – содержание единой цельной личности»²².

Полезно вспомнить и о тех идеях, которые высказывал известный психолог Эрик Эриксон, соотносивший проблемы идентичности с половозрастными, социальными, идеологическими потребностями человека. Он отмечал, что «идентичность содержит взаимодополнитель-

²¹ Кнабе. 2006б. С. 221.

²² Там же. С. 221–235.

ность прошлого и будущего: как в индивидуе, так и в обществе она связывает актуальность уходящего прошлого с актуальностью открывающегося будущего»²³. Не менее интересна и другая мысль ученого, обратившего внимание, что «человек как биологический вид выжил, будучи подразделен на группы, которые я называю *псевдовидами*. Сначала такими псевдовидами были отдельные стаи или племена, классы, нации, но затем и каждое религиозное сообщество стало считать себя единственным настоящим представителем человечества, а всех остальных – странным и непонятым изобретением какого-нибудь незначительного божка. Иллюзия избранности укрепляется наличием у каждого племени собственной теории, мифологии, а позднее – и истории (...) Итак, псевдовиды – один из самых зловещих аспектов любой групповой идентичности»²⁴. Не думаю, что можно согласиться с подобным пафосом размышлений Э. Эриксона, хотя, несомненно, надо учитывать, что любая идентичность покоится на противопоставлении *себя – другим*, а оно, в свою очередь, нередко приводит, будь то национальная, социальная или групповая идентичность, к утверждению в сознании идеи превосходства по отношению к представителям иной идентичности.

В научной литературе последних десятилетий наибольшее внимание уделялось, пожалуй, изучению этнической идентичности, что, видимо, объясняется реактуализацией национального фактора на рубеже XX–XXI вв. Но для исследования истории общества и его культуры, полагаю, не меньшее значение имеет анализ других типов идентичности и той роли, которую играют в их становлении различные формы коллективной памяти о прошлом. Эвристическую ценность имеет, в частности, модель Бенедикта Андерсона, согласно которой «воображаемые сообщества» (он имеет в виду нации) можно представлять как «воображаемые идентичности»²⁵. Б. Андерсон подчеркивает, что «оно (сообщество – *В. С.*) *воображенное*, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности». При этом он полемизирует с Э. Геллнером, который как бы «предполагает, что существуют “подлинные” сообщества, которые было бы полезно сопоставить с нациями. На самом деле, *все сообщества* крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а, может быть, даже и они), – *вооб-*

²³ Эриксон, 1996. С. 323.

²⁴ Там же. С. 50–51.

²⁵ Его исследование, вышедшее в 1983 г., позже было переведено на рус. язык. – См.: Андерсон. 2001.

ражаемые (выделено мною – В. С.). Сообщества следует различать не по их ложности/ подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются»²⁶. Думаю, модель Б. Андерсона вполне можно использовать при анализе других типов идентичности: ведь по сути дела «воображаемым сообществом» является не только многомиллионная конфессия или нация, но и, к примеру, профессорско-преподавательский коллектив крупного университета. Ведь практически *никогда* представители подобного сообщества вместе не собираются и большей частью лично хорошо (или вообще) не знают друг друга, хотя *формально* принадлежат к одному и тому же, в данном случае профессиональному, сообществу.

Термин Б. Андерсона *imagined communities* близок термину *imaginary communities*, распространившемуся в последние десятилетия под влиянием работ английского историка Эрика Хобсбаума²⁷. По мнению Г. С. Кнабе, это выражение, используемое «для обозначения материальных и духовных форм культуры, призванных восстановить распавшуюся связь с прошлым ради придания весомости и престижа традициям и воссоздания ощущения идентификации – уже утраченного и еще востребованного»²⁸, можно понимать не только как «воображаемые сообщества», но и как «придуманные традиции». Г. С. Кнабе полагает, что современные воображаемые сообщества «воплощают придуманную, условную и искусственную форму идентификации», и, «разворачиваясь на фоне постмодернистской дискредитации всяких традиций и всякой идентификации, они приобретают игровой характер, еще более подчеркивая утрату допостмодернистских форм и ощущений исторической жизни, и одновременно искреннюю и эгегическую, но и карнавальную потребность снова и снова пережить их»²⁹. При этом Г. С. Кнабе ссылается на Жюль Делёза, который, анализируя диалоги Платона, разделяет, вслед за древнегреческим мыслителем, *копии* («это вторичные обладатели, законные претенденты, гарантированные сходством») и *симулякры* («это как бы лжепретенденты, построенные на несходстве, предполагающие некоторую сущностную перверсию») ³⁰. Полагаю, модель «воображаемого сообщества» может неплохо послужить как для изучения *неинституционализированных и неформализованных* групп (в том числе тех, члены которых, возможно, *субъективно не осознавали своей идентичности*), так и для понимания еще существующих в современ-

²⁶ Там же. С. 31.

²⁷ The Invention of Traditions...

²⁸ Кнабе. 2006б. С. 262.

²⁹ Там же. С. 266, 262.

³⁰ Там же. С. 266.

ном российском обществе и элегически переживаемых *придуманных традиций*. Как пишет А. Мегилл, «чем меньше сообщество укоренено в существующих и хорошо функционирующих социальных практиках, тем более проблематична его идентичность, тем более конститутивным является для него его “вспоминаемое” прошлое»³¹.

По мнению Я. Ассмана, можно выделить и в определенной мере противопоставить коммуникативную и культурную память. Под первой он понимает «те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками. Типичный случай – память поколения. Группа приобретает ее исторически. Эта память возникает во времени и проходит вместе с ним, точнее, со своими носителями. Когда носители, воплощавшие ее, умирают, она уступает место новой памяти»³². В отличие от коммуникативной, «культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом. В ней прошлое также не может сохраняться как таковое. Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание»³³. При этом Я. Ассман делает еще одно важное замечание: «Противоположность коммуникативной и культурной памяти выражается также социологически в том, что мы позволим себе назвать *структурой причастности*. Она так же различна для обеих форм коллективной памяти, как и их временная структура. Причастность группы к коммуникативной памяти разлита по всему ее составу. (...) В противоположность общераспространенной причастности к коммуникативной памяти, причастность к культурной памяти всегда дифференцирована»³⁴. Действительно, смерть И. В. Сталина и возвращение сотен тысяч (если не миллионов!) людей из советских концентрационных лагерей запечатлелись в памяти поколений, а вот бурное обсуждение книги Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», несомненно, это та «символическая фигура», тот «фиксированный момент в прошлом», на который направлена культурная память лишь определенной группы людей³⁵. В целом можно согласиться с мнением Л. П. Репиной в том что «различие между индивидуальной и социальной памятью относительно. Даже наши индивидуальные воспоминания представляют собой смесь персонального и социального. Сама по себе

³¹ Мегилл. 2007. С. 147.

³² Ассман. 2004. С. 52–53.

³³ Там же. С. 54.

³⁴ Там же. С. 56.

³⁵ Мне об этом обсуждении рассказывал, вспоминая свою поездку в Москву, Ю. В. Кнышенко, подчеркивая запомнившуюся ему фразу (вероятно, сказанную в конце обсуждения романа): «Добро восторжествовало, но зло не наказано».

память субъективна, но одновременно она структурирована языком, образованием, коллективно разделяемыми идеями и опытом, что делает индивидуальную память также социальной»³⁶.

Говоря о манере поведения, характере общения ряда моих старших коллег в 60-80-е годы, надо, несомненно, иметь в виду, что сам *тип поведения* этих людей менялся в зависимости от ситуации и от того, с кем они общались. Здесь уместно привести мысль Ю. М. Лотмана, высказанную им при характеристике дворянского быта конца XVIII – начала XIX в.: «Один и тот же человек вел себя в Петербурге не так, как в Москве, в полку не так, как в поместье, в дамском обществе не так, как в мужском, на походе не так, как в казарме, а на балу иначе, чем “в час пирушки холостой” (Пушкин)»³⁷. Конечно, различия типов поведения одного и того же человека не должны быть взаимоисключающими, ибо тогда естественно возникает мысль о неискренности и даже лицемерии. Но поведенческие практики могут и должны быть разными: странно было бы, если бы профессор вел беседу со своим давним другом или любимым учеником в том же тоне, как и на официальном заседании Ученого совета. Поэтому, уверен, если эти заметки прочтут некоторые люди, знавшие в свое время их «персонажей», они очень удивятся и решат, что я «сочиняю». Но, как мне представляется, дело в другом: меня объединяло с героями моего повествования одно, а их – другое.

Хорошо эта *неуловимая общность* известного круга людей определена в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»: «“Наш человек”, – с усмешкой говорила Вика (второстепенный персонаж романа – В. С.), и не требовалось никаких по этому поводу разъяснений. Что же именно включало в себя это притяжательное местоимение? Не социальное происхождение и не национальную принадлежность, не профессию и не образовательный уровень – нечто неуловимое, отчасти связанное с неприятием советской власти, однако этим не исчерпанное. Чтобы быть “нашим”, надо было еще испытывать неопределенное беспокойство, *неудовлетворенность всем тем, что предлагается и доступно* (выделено мною – В. С.), недовольство существующим миром в целом, от алфавита до погоды, вплоть до Господа Бога, который все так паршиво устроил...”³⁸.

*Неудовлетворенность и несогласие с существующими порядками*³⁹, безусловно, отличали ту группу людей, которую я хочу попытаться

³⁶ Ретина. 2003. С. 13.

³⁷ Лотман. 1997. С. 189.

³⁸ Улицкая. 2005. С. 322.

³⁹ В известном романе Фридриха Горенштейна «Место» «оппозиция обывателя», как нечто для нашего общества *исключительное*, противопоставляется оппози-

ся выделить и охарактеризовать. К ней принадлежали университетские преподаватели, с которыми я был близок знаком, и общение с ними происходило не только и не столько на официальном, сколько на дружеском уровне. Интересные замечания о роли дружеского круга сделал Ю. Я. Глазов: «В условиях атеистического общества дружеский круг выполняет весьма важные функции. Через его влияние человек входит в контакт со всеми сферами жизни: духовной, интеллектуальной, политической, производственной, развлекательной. Нарботавшись и поднакопив мыслей, человек тянется к друзьям. Этот дружеский круг может быть вовсе не закрытым, равно как может состоять из нескольких параллельно функционирующих подкругов. Интеллигентный круг любого, даже очень большого, города не столь уж широк, и при известном уровне связей интеллигента все более или менее достойные люди города – знакомые его знакомых или знакомые знакомых его друзей»⁴⁰.

В настоящих заметках речь пойдет о двух моих учителях по Воронежскому университету (Анатолии Евсеевиче Москаленко и Александре Иосифовиче Немировском) и двух моих старших коллегах по Ростовскому университету (Михаиле Абрамовиче Люксембурге и Юрии Венедиктовиче Кнышенко). Мне представляется, что их взгляды, круг интересов, манера поведения – при всех, порой резко бросающихся в глаза, различиях – позволяют *объединить* героев моего повествования, хотя, вполне допускаю, при жизни они могли бы весьма удивиться подобной идентичности. Действительно, они существенно отличались даже по возрасту: старшим из них был А. Е. Москаленко (1909 г.р.), младшим – Ю. В. Кнышенко (1921 г.р.)⁴¹. Двое из них были евреями, а

ции интеллигента, *перманентно существующей*: «Оппозиция интеллигента существует всегда, разумеется, в той или иной форме, в зависимости от обстоятельств и исторического периода. Даже искренно и откровенно поддерживая официальность, интеллигент по внутренней сути своей оказывает ей невольное, иногда от себя даже не зависящее сопротивление» (*Горенштейн*. 1991. С. 682.).

⁴⁰ Глазов. 2001. С. 224.

⁴¹ По мнению Ю. Я. Глазова, в середине 1960-х в советском обществе «взаимодействуют целых четыре поколения, каждое из которых наделено специфическими признаками» (*Глазов*. 2001. С. 219.). В таком случае А. Е. Москаленко следует отнести к старшему, а остальных героев моих заметок – ко второму поколению. Ю. Глазов также подчеркивает, что в русском обществе принципиальные различия в поколениях «способствуют обновлению ценностей жизни» (Там же. С. 218). При этом он ссылается на примеры из отечественной литературы – от знаменитого романа И. С. Тургенева до поэзии Евгения Евтушенко. Вероятно, речь идет о нашумевшем в свое время стихотворении «Давайте, мальчики!», где есть такие строки:

«Другие мальчики, надменные и властные,
придут, сжимая кулачки влажные,

Москаленко и Кнышенко – типичными «русаками»⁴², понимая под этим человека славянской внешности и славянского характера и не делая при этом никаких различий между русскими и украинцами. По-разному они относились к своему быту и даже внешнему облику: М. А. Люксембург был, как раньше говорили, франтом, а А. Е. Москаленко я что-то не припомню в изысканном костюме. И все же общего у них было гораздо больше. При этом сразу хочу подчеркнуть, что это *общее* определялось отнюдь не только той чертой, которую я условно определяю как *несоветскость*. Более того: все они были членами КПСС, но при этом следует учитывать, что в партию вступали в военные годы (Кнышенко, кажется, после войны), а это вносит определенные нюансы в нынешнюю оценку данного факта. Все они занимали, по советским понятиям, высокооплачиваемые преподавательские должности: А. И. Немировский был профессором, остальные – доцентами, но при этом А. Е. Москаленко и Ю. В. Кнышенко некоторое, хотя и непродолжительное, время заведовали кафедрами в университетах. Все они печатали свои работы исключительно в «подцензурных» советских изданиях. Иными словами, никто из них не был и не собирался становиться диссидентом.

Говоря о социокультурной идентичности определенной группы университетских преподавателей, можно вспомнить известные суждения Х. Ортеги-и-Гассета: «В тех группах, которые не являются толпой или массой, желания, идея, идеал, которые движут составляющими ее индивидуумами, совпадают, что само по себе исключает большое количество людей. Прежде чем образуется небольшая группа, какова бы ни была ее деятельность, необходимо, чтобы каждый из этих людей отделился от толпы по каким-либо особым причинам, в достаточной степени индивидуального характера. Совпадение его идеалов и устремлений с устремлениями и идеалами других людей, образующих эту небольшую группу, является вторичным, поскольку каждый из этих людей имеет на то свои собственные причины»⁴³. И далее он указывает, чем отличается «человек-масса» от тех, кто принадлежит к «избранному меньшинству». «Посмотрев на одного-единственного человека, мы можем сказать, является ли он человеком-массой или нет. В силу ряда причин человек-масса – это тот, кто не может оценить самого себя, как с плохой, так и с хорошей стороны, это тот, кто чувствует себя “таким,

и, задыхаясь от смертельной сладости,

обрушатся они на ваши слабости». (Цит. по: *Евтушенко*, 1987. С. 224–225.)

⁴² Именно это слово употребил в разговоре со мной Юрий Венедиктович для характеристики А. Е. Москаленко после первого знакомства с ним в начале 80-х гг.

⁴³ *Ортега-и-Гассет*. 1991. С. 43.

как все” и отнюдь не переживает из-за этого. Ему нравится чувствовать себя таким, как все. (...) “Избранный” требует больше, чем другие, хотя ему и не удастся претворить в жизнь эти высокие требования»⁴⁴.

Я не уверен, что именно эта черта – *ощущение себя «не таким, как все»* – была присуща той группе, о которой я пишу. Ведь подобное определение иногда понимают в том смысле, что речь идет о высокомерных людях⁴⁵. Но «не такой, как все» означает скорее – «иной, не похожий на других». Более того, полагаю, что некоторые из моих героев субъективно стремились «быть как все». О подобном желании даже исключительно одаренных творческих натур упоминает в своих эссе, датированных 1980 г., Л. Я. Гинзбург: «На этом праве особенно упорно настаивал Пастернак. Об этом есть в записях о Пастернаке Гладкова: “Б. Л. рассказывает, что в месяцы войны в Переделкине и в Москве до отъезда у него было отличное настроение, потому что события поставили его в общий ряд и он стал “как все” – дежурил в доме в Лаврушинском на крыше и спал на даче возле зениток...”»⁴⁶. И далее Л. Я. Гинзбург подчеркивает, как в советское время многие талантливые люди «напряженно искали в себе или создавали в себе участки тождества. Это участок, занимая который можно сказать: и я того же мнения. И выразить это мнение с некоторым отклонением от эталона, другими вроде бы словами. Техника тождества имела множество градаций. И вполне честное тождество, и, на другом полюсе, циническое: “масло каши не портит”, и выискивание в себе подходящих участков, причем оставались и другие, неподходящие, так что менялись реакции – в зависимости от той или иной из систем ценностей, сосуществующих в сознании человека»⁴⁷.

Однако удел подобных людей, как писал Аркадий Белинков в своей книге «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша», труден: «Особенно тяжело несут свой крест те, кто так старался, так старался всегда идти в ногу со временем (да еще при этом на цыпочках). Самое неприятное было то, что слишком часто приходилось переменять ногу. Но ведь не все могут это делать легко и быстро, гуляючи, припеваючи, играючи, напевая, танцуя, плюясь и сморкаясь»⁴⁸. Гораздо суще-

⁴⁴ Там же. С. 43–44.

⁴⁵ В определенной мере снобизм был присущ М. А. Люксембургу, любившему «прихвастнуть», рассказывая то об обучении его отца (кажется, в Венском университете), то о знании чуть ли не всех европейских языков его сыном (позже – профессором-филологом), то о напечатанных на французском языке его главах в «Истории Франции».

⁴⁶ Гинзбург, 1989. С. 311.

⁴⁷ Там же. С. 313–314.

⁴⁸ Белинков, 1997. С. 380.

ственнее другое: они были способны к рефлексии, к полному сомнений анализу собственного поведения, что, на мой взгляд, в первую очередь отличает яркую личность от «человека-массы». Склонность к тому, чтобы рефлексировать по поводу своих поступков, высказываний, своей позиции в обществе, всегда отличала русскую интеллигенцию, к какой бы этнической группе ни относился ее представитель.

Подобная рефлексия иногда становилась мучительной, учитывая *раздвоенность* социальной позиции советской интеллигенции, о чем с болью и гневом писал В. Ф. Кормер: «...На всем бытии интеллигенции лежит отпечаток всепроникающей раздвоенности. Интеллигенция не принимает Советской Власти, отталкивается от нее, порою ненавидит, и, с другой стороны, меж ними симбиоз, она питает ее, холит и пестует; интеллигенция ждет крушения Советской Власти, надеется, что это крушение все-таки рано или поздно случится, и, с другой стороны, сотрудничает тем временем с ней; интеллигенция страдает, оттого что вынуждена жить при Советской Власти, и вместе с тем, с другой стороны, стремится к благополучию. Происходит совмещение несовместимого»⁴⁹. В. Ф. Кормер полагал, что история интеллигенции советской эпохи «может быть понята как непрерывный ряд таких соблазнов, вернее, как модификация одного и того же соблазна, соблазна поверить, что исправление нравов наконец совершилось, что облик Власти начал меняться. Все эти годы интеллигенция жила не разумом, не волей, а лишь обольщением и мечтою. Жестокая действительность каждый раз безжалостно наказывала интеллигенцию, швыряла ее в грязь, на землю, разочарования были такой силы, что, казалось, от них никогда не оправиться, никогда снова не суметь заставить себя поддаться обману. Но проходило время, и интеллигенция снова подымалась в прежнем своем естестве, легковёрная и легкомысленная, страдания ничему не научали ее»⁵⁰.

В этой связи я вспоминаю, как в 1983 г. А. Е. Москаленко с определенной надеждой и даже воодушевлением рассказывал мне об аудиенции, которую дал ряду московских гуманитариев недавно ставший Генеральным секретарем ЦК КПСС Ю. В. Андропов. На этой встрече присутствовал кто-то из знакомых Анатолия Евсеевича (если не ошибаюсь, историк общественной мысли Б. Г. Сафронов), подробно рассказавший ему об «интеллигентной, едва ли не дружеской, обстановке», в которой проходила беседа. Судя по всему, и Сафронову, и Москаленко в очередной раз не удалось избежать, говоря словами Владимира Кор-

⁴⁹ Кормер, 1997. С. 225–226.

⁵⁰ Там же. С. 236.

мера, «соблазна поверить, что исправление нравов наконец совершилось, что облик Власти начал меняться».

Но, даже констатируя известную *раздвоенность* социальной позиции той группы вузовской интеллигенции, которую я пытаюсь выделить, хочу подчеркнуть, что она могла *обольщаться*, но не умела *пре-смыкаться*. Приведу такой случай. В начале 1970-х мы были вместе с А. Е. Москаленко на одной из Всесоюзных конференций историков-славистов. На пленарном заседании выступает известный ученый, облеченный многочисленными званиями, и начинает безудержно восхвалять (тогда это еще не стало общепринятым!) «дорогого Леонида Ильича Брежнева», причем, по-моему, впервые было употреблено слово «вождь». Помню реакцию А. Е. Москаленко, с ужасом сказавшего мне: «Что *имярек* (в разговоре была названа конкретная фамилия – *В. С.*) совсем уже одурел? Или возвращаются сталинские времена?». Вспоминаю и рассказ М. А. Люксембурга, учившегося в Ростове в одной школе с А. И. Солженицыным, как он опасался в 70-е гг., что власти потребуют от него «гневногo осуждения» своего бывшего одноклассника. К счастью для Михаила Абрамовича, власти не догадались об этой возможности, а, может быть, и решили, что кандидатура Люксембурга не подходит для реализации подобной задачи.

Но ведь были среди университетских преподавателей и совсем другие люди, *сервиллизм* которых переходил порой все границы. Их удивительно точно изобразил в своих воспоминаниях о преподавателе латинского языка Ростовского университета Сергее Федоровиче Ширяеве⁵¹ его друг, поэт и переводчик Л. Григорьян: «Помню, как после знаменитой речи Хрущева растерянные преподаватели истории ВКП(б) толпились на лестничной площадке пятого этажа, нервно курили и сокрушенно вздыхали: “Что же теперь с нами будет?” Проходивший мимо Мэтр (имеется в виду С. Ф. Ширяев – *В. С.*) гаркнул во весь голос: “Выше головы, орлы! Не все потеряно. Новая жопа для лизания не за горами!” Сталинисты смущенно потупились. Увидев известного своей продажностью лекторантирелигиозника ВД, Мэтр проорал с противоположной стороны улицы: “Ну что, прохвост, идешь за семь пятьдесят доказывать, что Бога нет?”»⁵².

Несомненно, что на откровенные высказывания по политическим вопросам члены моего «воображаемого сообщества» могли решиться

⁵¹ С. Ф. Ширяев умер до моего переезда в Ростов-на-Дону, но мне о нем много рассказывали и М. А. Люксембург, и Ю. В. Кнышенко.

⁵² Григорьян. 1991. С. 13. К сожалению, воспоминания Л. Г. Григорьяна мало известны даже в среде вузовских преподавателей Ростова-на-Дону.

лишь в кругу тех людей, кому они доверяли. *Да и не ставили они перед собой цели изменить ту политическую систему, которая существовала в 60–80-е годы*, ибо были, полагаю, в душе уверены, как и большинство их современников, что она «выстроена» если не на века, то еще на многие десятилетия, во всяком случае – что она гораздо прочнее, чем оказалась в реальной действительности. А вот к чему они, убежден, субъективно стремились, так это, во-первых, к *сохранению культурного наследия во всей его полноте* и, во-вторых, к *расширению интеллектуальной свободы*. Впрочем, эти два фактора были друг с другом тесно связаны. Современным молодым людям трудно понять все лицемерие культурной политики в Советском Союзе. С одной стороны, чуть ли не в каждом классе и каждой студенческой аудитории бросалась в глаза вывешенная на стене знаменитая цитата, согласно которой «коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». С другой стороны, любому более или менее осведомленному человеку было ясно, что подавляющая часть «духовных богатств, выработанных человечеством» (особенно в сфере философской, исторической, религиозной мысли, но также и в области искусства и литературы) в XX веке, а в какой-то мере и в другие эпохи, остается недоступной рядовому читателю, ибо подобные сочинения хранятся в спецхранах, доступ в которые имеют лишь проверенные лица. Цитаты, как правило, дозволялось приводить лишь из тех произведений, которые были опубликованы в советской подцензурной печати. Любая публикация западного или отечественного автора с «сомнительной», по трактовке властей, репутацией (философа или историка немарксистской ориентации, поэта-авангардиста, и т.д.) вызывала в определенных кругах повышенное внимание. Одни были возмущены «протаскиванием» чуждых советскому человеку идей; другие, напротив, умиленно показывали друг другу книгу или журнал с появившимся текстом, радуясь, что теперь этого автора можно будет безбоязненно цитировать в статьях или упоминать в лекциях.

А. И. Немировский, не только крупный историк-антиковед, но и литератор, сумел еще в середине 1960-х гг. добиться публикации стихов О. Э. Мандельштама из «Воронежской тетради», а позже опубликовал собственные переводы замечательных немецких поэтов Р. М. Рильке и Г. Гессе. Но не менее важно и другое. Мне уже доводилось писать, как много интересного рассказывал Александр Иосифович о своих товарищах – поэтах военного поколения (Н. Майорове, П. Когане и др.), как он водил меня (и еще нескольких молодых людей) в гости к Н. Е. Штемпель – воронежской «музе» Осипа Мандельштама, как он, лежа на мор-

ском берегу, читал нам, когда мы были с ним на археологических раскопках в Херсонесе, стихи Бориса Пастернака... Сейчас, по прошествии нескольких десятилетий, эти имена – Пастернак и Манделштам, Рильке и Гессе – стали хорошо всем знакомой классикой мировой культуры XX в. Но ведь в середине 60-х гг. было далеко не так!

Вспоминаю и многочисленные, порой очень забавные, рассказы А. Е. Москаленко⁵³ об историках старшего поколения. С одними из них он был лично знаком, о других немало узнал, работая, в том числе в архивах, над историографическими исследованиями. В этих беседах, как и на его занятиях, часто звучала мысль о том, что не надо ограничивать себя «уверенностью в добытой на все времена истиной», что дореволюционная, как и современная западная, наука «тоже кое-что значат». Поскольку иногда он вынужден был выражать свои суждения не совсем прямо, это приводило к курьезным случаям. Помню, как-то на занятиях спецсеминара по средневековой истории он показывал нам дореволюционное издание источника (*Lex Salica*), подготовленное выдающимся русским медиевистом Д. Н. Егоровым⁵⁴. Оно включало латинский текст и подробный комментарий с указанием научной литературы на нескольких языках. Потом он взял в руки вышедшую в начале 60-х гг. «Хрестоматию по истории средних веков» и иронично заметил: «Вот, сравните, по каким изданиям учили студентов в дореволюционной России и по каким мы вас учим...» Одна из моих сокурсниц не поняла «подтекста» этого замечания и начала говорить в том духе, что «конечно, за 50 лет наша наука и наше образование достигли совсем иного уровня». И тут Анатолия Евсеевича «прорвало»: «Что за чушь Вы говорите! Какого уровня?! Да если б Вы учились до революции в университете, то к каждому семинару читали бы статьи на нескольких иностранных языках! А теперь я в лучшем случае добыю, что Вы прочтете работы Неусыхина и Грацианского!». Вспоминаю и другой характерный эпизод. Дело было в 1966 или 1967 г. Только что вышел большой («синий») том избранной прозы Михаила Булгакова (между прочим, в 1924 г. в Киеве 15-летний Анатолий Москаленко брал уроки игры на фортепиано у родной сестры писателя, В. А. Булгаковой). Но замечательный писатель еще не стал «модным» (это случится буквально через несколько лет, с публикацией в журнале «Мастера и Маргариты») – даже большинство университетских историков о нем мало что знают. И

⁵³ Об А. Е. Москаленко см.: Вопросы истории славян, 1999.

⁵⁴ О Дмитрие Николаевиче Егорове, погибшем в ссылке в Ташкенте в 1931 г., А. Е. Москаленко собирался написать большую статью, работал немало в архивах, разыскал жену и дочерей ученого. См.: *Горяинов*. 1999. С. 31.

вот картина: А. Е. Москаленко закупил в каком-то воронежском книжном магазине целую пачку «синих» томов булгаковской прозы (с предисловием В. Я. Лакшина⁵⁵), пришел, возбужденно-радостный, на факультет, ходит по кафедрам и всем предлагает приобрести книгу («Не пожалеете! Потом еще меня будете благодарить!»). Но многие отказываются, думая в душе, что он навязывает «неходовой товар»...

В меру своих возможностей Анатолий Евсеевич стремился не только донести до своих младших коллег и учеников лучшие традиции отечественной культуры, но и горькую правду о печальных, а иногда и постыдных, явлениях в истории нашей науки. Не будет преувеличением сказать, что в каком-то смысле он работал для будущего⁵⁶, конечно, не подозревая, что уже через несколько лет после его кончины произойдут глобальные социально-политические перемены. Он стремился сохранить многие, в том числе документальные, свидетельства о политической обстановке и нравственной атмосфере, в которой приходилось работать ученым. И вот, через 23 года после кончины А. Е. Москаленко, «Одиссей» публикует сбереженную Анатолием Евсеевичем стенограмму заседания московских медиевистов по вопросу «о борьбе с буржуазным космополитизмом в исторической науке» от 23 марта 1949 г.⁵⁷

Очень широкой эрудицией отличались и мои старшие коллеги по Ростовскому университету М. А. Люксембург (между прочим, он был дальним родственником знаменитой Розы Люксембург) и Ю. В. Кнышенко. К сожалению, опубликованные ими научные исследования лишь в очень незначительной мере отражают многообразие и богатство их духовного мира. Мне не довелось слышать лекций Михаила Абрамовича (я с ним общался лишь в дружеском кругу), но все его бывшие слушатели и сейчас, по прошествии более двадцати лет после его кончины, вспоминают их как едва ли не самое яркое впечатление студенческих

⁵⁵ По ассоциации вспомнил, как в разговоре со мной в середине 80-х гг. Ю. В. Кнышенко назвал В. Я. Лакшина «современным Белинским».

⁵⁶ В апреле 1989 г. А. Н. Горяинова и меня пригласили выступить на совместном заседании кафедр истории средних веков и истории южных и западных славян МГУ, посвященном 80-летию А. Е. Москаленко. Зав. кафедрой истории средних веков, профессор С. П. Карпов тогда, помню, заметил, что «именно такие люди, как Анатолий Евсеевич, готовили “перестройку”». Со своей стороны, хочу подчеркнуть, что хотя в Московском университете А. Е. Москаленко, естественно, не играл той роли, что ранее в Воронежском, но и по прошествии нескольких десятилетий его с благодарностью вспоминают бывшие студенты МГУ, занимавшиеся в его семинаре и ставшие позже известными медиевистами. См., напр.: *Бойцов*. 2009. С. 9.

⁵⁷ См.: Стенограмма объединенного заседания... С. 253–340; *Горяинов*. 2007; *Гуревич*. 2007.

лет. «Кудесник слова», – так недавно определил в разговоре со мной ораторский дар М. А. Люксембурга один из его бывших студентов. А другой мой ростовский коллега, учившийся на рубеже 70-80-х годов и сам ныне считающийся превосходным лектором, как-то заметил: «Когда готовлюсь к лекции, всегда думаю, как бы достичь в этом деле “уровня” Михаила Абрамовича...». М. А. Люксембург, о чем бы ни шла речь, всегда умело и как бы естественно «вплетал» в ткань разговора самые разнообразные примеры из мировой литературы, истории науки и пр. Знаток книг, он умел отделить истинные произведения от иногда вызывающих шумные дискуссии литературных «поделок». Помню, в середине 80-х гг. я поинтересовался его мнением об одной повести, которую тогда читала «вся интеллигенция». Он мне ответил иронично и одновременно с печалью: «Вы знаете, Слава, мне уже скоро предстоит встреча с Всевышним, и он меня не спросит, читал ли я эту повесть, а вот почему я не прочитал всего Фолкнера может спросить...».

Стремление к расширению *сферы дозволенного* было характерно и для Ю. В. Кнышенко. Вот лишь два эпизода. Юрий Венедиктович пригласил нас, членов кафедры истории древнего мира и средних веков, которую он тогда, в первой половине 80-х годов, возглавлял, на свою открытую лекцию по такой дисциплине как «история и теория атеизма». Лекция всем понравилась, поскольку, как и Люксембург, Кнышенко был прекрасным лектором. Однако при обсуждении специалист по античности Ю. Е. Журавлев, всегда стремившийся к объективности, задал вопрос, который, вероятно, и другим хотелось задать: «Юрий Венедиктович, лекция очень содержательная, но ведь это лекция по истории религий, а не по истории атеизма?». Упоминая об этом, хочу подчеркнуть, что вузовские преподаватели советской эпохи *в одних и тех же обстоятельствах* поступали по-разному: если Ю. В. Кнышенко «атеизм» свел к «истории религий» и читал ее с культурно-исторической точки зрения, то другой преподаватель на его месте свел бы курс «атеизма» к вульгарной антирелигиозной пропаганде. Примерно к тому же времени относится и второй эпизод. Мы с Юрием Венедиктовичем «кураторы» на первом курсе. И он предлагает мне на часах «политзанятий» провести совместную беседу на «темы культуры». Я удивлен и вместе с тем рад, тем более что *в случае чего* ответственность падает на него, как на старшего. Поразмыслив, решаю познакомить своих подопечных с современной поэзией и приношу целый портфель поэтических сборников – здесь и Евгений Евтушенко, и Давид Самойлов, и Юрий Кузнецов... Но – не тут-то было: Ю. В. Кнышенко приносит «ворох» изданных в Италии альбомов по искусству – Амедео Модильяни, Рене Магритт,

Сальвадор Дали... Не знаю, что поняли первокурсники в этой, непривычной для них, западной живописи XX в., но важен сам факт: стремление Кнышенко показать *разнообразие* форм искусства, не сводящегося только к «передвижничеству» и т.н. соцреализму.

Представителям того «воображаемого сообщества», которое я пытаюсь охарактеризовать, присуще было далеко *не прагматическое* отношение к своей профессии историка и к своей преподавательской деятельности. Этим я не хочу сказать, что они были лишены честолюбия, стремления продвинуться на избранном ими поприще. Но ни материальные соображения, ни административная карьера никогда *не составляли смысла их жизни*. Главным оставалось *любимое дело*. Правда, здесь заметны определенные нюансы: полагаю, что для А. И. Немировского на первом плане всегда была научно-исследовательская работа, а, к примеру, Ю. В. Кнышенко я не могу представить вне преподавательской деятельности. Помню, как-то зашла речь о том, что исторический факультет, расположенный в главном университетском корпусе в центре Ростова-на-Дону, могут перевести в другое здание, в далекий микрорайон города. Юрий Венедиктович заметил: «Да какая разница, где читать лекции! Скажут, что надо ехать в Сальский район (довольно далекий район Ростовской области – В. С.), поедem и туда. Лишь бы студенты были!» Важно и то, что свои профессиональные знания герои моего повествования не стремились использовать в конъюнктурных целях, как это делали раньше (и как это еще циничнее стали делать сейчас!) многие гуманитарии, выстраивая свою карьеру за счет *идеологического обслуживания* «сильных мира сего». В связи с этим хочу привести стихотворение А. И. Немировского, написанное в 1995 г.:

Поймите же, ценители
Сегодняшнего дня –
История с политикой
Не сестры, не родня.
Политиком освистана
Седая старина.
Политику не истина,
А выгода нужна.

Готов он и историю
Прибрать к своим рукам,
Ту самую, которая
Есть ключ ко всем замкам.
Иди к далекой пристани,
Историк, сквозь костры:
История и истина –
Родные две сестры»⁵⁸.

И пусть даже в начале XXI в. профессиональному историку приходится смириться с мыслью о *недостижимости* объективной истины в историческом исследовании, но *субъективное стремление к ней* ученого, его *искренность* в выражении своей научной позиции⁵⁹ не только

⁵⁸ Немировский. 2003. С. 17.

⁵⁹ См.: Савчук. 2007. С. 120–150, особ. с. 143.

заслуживают уважения, но и, в конечном счете, определяют его место в профессиональном сообществе.

Представителей «воображаемой идентичности», на мой взгляд, характеризует и определенная манера руководства работами учеников (или младших коллег). Это не была мелочная опека, постоянные «подсказки» и «неусыпный» контроль. Со стороны вообще могло показаться, что никакого научного руководства нет. Помню, что А. Е. Москаленко, придирчиво читавший начало моей дипломной работы, но вскоре убедившийся, что я, по его словам, «могу писать», затем предоставил мне полную свободу, и я (без его ведома!) даже несколько изменил структуру дипломного сочинения. Внимательно всю работу он прочел лишь года через два, когда я готовил статью для сборника Института славяноведения АН СССР. Прекрасно о подобном типе руководства говорит герой романа И. Грековой «Пороги», отвечая на вопрос, почему же профессор, впервые увидевший его диссертацию уже переплетенной, числился его научным руководителем:

«Он не числился, он был им. Он не проверял мою работу, как тетрадь школьника, он учил меня за нее отвечать. Он подавал мне пример во всем: в правильности речи, в знании языков, в манерах, в научной порядочности, в скрупулезной точности. И общались мы с ним не только в институте, но и на теннисном корте, и в воде, на плаву. Он учил меня ценить в жизни не только дела, но и промежутки, интермедии между делами. Нельзя, конечно, превращать жизнь в одни интермедии, но и их нужно делать значительными, наполнять смыслом. Может быть, именно в них-то, в интермедиях, и происходит *самое главное: создается взгляд на мир* (выделено мною – В. С.)»⁶⁰.

Представление о том, каков был «взгляд на мир» героев моих заметок, будет неполным, если я не коснусь еще двух черт их «натуры». Склонность к шутке, к иронизированию была характерна для большинства из них. Диапазон велик – от дружеского подтрунивания до саркастических суждений. Вот фрагмент из уже цитированных воспоминаний Л. Г. Григорьяна о С. Ф. Ширяеве («Мэтре»): «К университетским историкам Мэтр относился ревниво. О МЛ (имеется в виду М. А. Люксембург – В. С.) говорил: “Ну что может знать историк, не читавший ничего, кроме предисловий?” Тут он был скорее всего (на мой взгляд, несомненно – В. С.) несправедлив. О ЮК (Ю. В. Кнышенко – В. С.): “Знаете, как он писал свою диссертацию о Сулле? Не владея ни одним иностранным языком, он листал иноязычные книги, и все места, где встречалось имя – Сулла, заставлял для себя переводить, потом он лихо их цитировал, список использованной зарубежной литературы прило-

⁶⁰ Грекова. 1986. С. 98.

жил огромный (доля истины в этом язвительном замечании, думаю, была – В. С.)”. Но АП (подразумевается А. П. Пронштейн, пожалуй, крупнейший ростовский историк и, между прочим, с молодых лет приятель А. И. Немировского – В. С.) уважал: “Настоящий историк, ничего не скажешь!” Вообще его симпатии и антипатии были непредсказуемы⁶¹.

Сам я припоминаю такие случаи. В начале 1969 г., когда я был на пятом курсе и жил в студенческом общежитии, мы с моим товарищем Николаем Калугиным сделали шутивную магнитофонную запись якобы хоккейного репортажа о матче между кафедрами исторического факультета Воронежского университета (шумовой фон «стадиона» удавалось неплохо имитировать, включая рядом транзистор и настраивая его на волну одной из западных радиостанций: поскольку их глушили наши доблестные органы, создавалась полная иллюзия, что матч происходит при разбушевавшейся зрительской аудитории!). В числе нападающих кафедры всеобщей истории, согласно репортажу, были и Немировский, и автор этих строк, и, конечно, Москаленко. Прошло немного времени и ко мне в общежитие, не помню уже по какому поводу, зашел Анатолий Евсеевич. Мы не «сплоховали», а, дав ему прослушать шутивный репортаж и видя, что он пришелся по вкусу, тут же включили магнитофон на «запись» и взяли у «лучшего нападающего Анатолия Москаленко» интервью, якобы сразу после матча. Потом Анатолий Евсеевич попросил у нас кассету, чтобы «прокрутить» этот репортаж (вместе с интервью) для своих коллег после заседания Ученого совета факультета...

А вот другой эпизод. Как-то на рубеже 60–70-х гг. А. Е. Москаленко, часто «чистивший» свою библиотеку, решил избавиться от многочисленных брошюр и авторефератов, главным образом – по новейшей истории славянских стран. Об одной диссертации, апологетически изображавшей советско-болгарское сотрудничество, он едко заметил: «Написал о болгарских помидорах в советских магазинах – и стал доктором!». Но беда заключалась в том, *каким образом* Анатолий Евсеевич решил уничтожить ненужную «научную макулатуру»: импульсивный по натуре, он стал сжигать брошюры... в углу на кафедре. Чуть было не начался большой пожар! На следующий день А. И. Немировский (его

⁶¹ Григорьян. 1991. С. 12. А вот еще анекдот, рассказанный мне Ю. В. Кнышенко о том же С. Ф. Ширяеве: «Первого сентября преподаватели истфака часто стремились оказаться в деканате во время перерыва, зная, что сейчас войдет Ширяев и, бросив тетрадь или книгу на стол, устало-раздраженным голосом скажет свою коронную фразу: “Когда же только этот учебный год закончится?!” Всем эта фраза была известна, но все равно никто не хотел лишиться себя удовольствия еще раз увидеть и услышать эту “заготовку” Сергея Федоровича».

кафедра находилась рядом с кафедрой А. Е. Москаленко) с явным сарказмом ухмылялся: «Ну что, Вашему Анатолию Евсевичу захотелось прославиться? Хотя бы как Герострат!».

Очень любил иронизировать над коллегами М. А. Люксембург. Об одной даме, неожиданно для всех ставшей профессором, он так отозвался в разговоре со мной: «Ну что Вы хотите от ЕД? Ведь она искренне считает, что все написанное в сегодняшнем номере газеты “Правда” – истина в последней инстанции. Во вчерашнем номере уже могут быть ошибки, в сегодняшнем – нет!»

Еще одна особенность биографий членов моего «воображаемого сообщества»: все они были женаты не один раз... Случайность? Не думаю. Ведь они были не только творческими, но и *увлекающимися* натурами, и это сказалось на их семейной жизни. Вероятно, в отношениях с женщинами они стремились оставаться столь же искренними, как и в своем творчестве. Наконец, людям этого типа не свойственно ханжеское поведение, и притворно изображать, как это делали очень многие, «счастливую советскую семью» они не считали нужным. Возможно, имело значение и то обстоятельство, что все они пользовались успехом у женщин (что касается А. И. Немировского и Ю. В. Кнышенко, то этот успех был просто исключительным, даже когда они были уже далеко не молодыми!). Говоря обо всем этом, я отнюдь не хочу «бросить камень» в тех добропорядочных и счастливых людей, кто в любви и согласии прожил с единственной супругой всю жизнь. Но, откровенно говоря, полагаю, что таких, увы, совсем немного. Часто существенное воздействие оказывают «побочные факторы»: материальные интересы, нежелание осложнять карьеру, общественное мнение и пр. При сходных обстоятельствах, вероятно, не последнюю роль играет и мировоззрение человека: консервативно настроенные люди в большей степени дорожат «устоями», сложившимся семейным бытом; склонные к либерализму, как герои моего повествования, выше ценят искренность и свежесть человеческих чувств и отношений, свободу в их выражении.

Завершая свою статью, мне хотелось бы сопоставить выделенную мною «воображаемую идентичность» «несоветских» (или, точнее, не во всем «советских») вузовских преподавателей 1960–80-х гг. с той «арбатской цивилизацией», о которой писал Г. С. Кнабе, по мнению которого, арбатская цивилизация и арбатский миф «существовали актуально в 30-е гг. и кончились вместе с ними, точнее – с войной и с первыми послевоенными годами». «В довоенном Арбате запоминались чаще всего ценность человеческого если не единения, то возможности взаимного понимания, интеллигентская способность видеть в другом такого же

человека, как ты сам, и потому жить в некотором регистре, не исчерпывающем конфликтами окружающей реальности. Вряд ли есть необходимость напоминать ни что то был миф, ни что этот миф был частью действительности»⁶². При этом Г. С. Кнабе подчеркивает, что «отличительной чертой арбатской цивилизации было отсутствие самосознания, ощущения Арбата как некоторой духовной ценности, его исключительности»⁶³. В 1960-е гг. складывается новый арбатский миф. Как пишет Г. С. Кнабе, «то был миф мифа, мифологизированный образ 30-х, востребованный мифом 60-х»⁶⁴, причем «архитектором» второго арбатского мифа, несомненно, можно считать Булата Окуджаву. «Содержанием мифа была особая жизненная установка, которой Булат Окуджава оставался верен всю жизнь и с исчерпанием которой он из жизни ушел. Сформулировать ее на языке анализа и академически однозначных определений затруднительно. Вначале поэт обозначал ее словами: “Возьмемся за руки, друзья, / Чтоб не пропасть поодиночке”, потом – “Надежды маленький оркестрик под управлением любви”, в конце –

Они сидят в кружок, как пред огнем святым,
забытое людьми и богом племя,
каких-то тайных дум их овеает дым,
и приговор нашептывает время»⁶⁵.

Это «арбатское» мироощущение Г. С. Кнабе связывает с традициями русской демократической интеллигенции, которые могли укорениться лишь в исторически определенной системе общественных отношений. Парадокс заключается в том, что, несмотря на суровость советского режима, «объективная возможность интеллигентского мировосприятия, его этика и его ценности» могли существовать до середины 1980-х гг. Г. С. Кнабе объясняет это тем, что среди многочисленных, положительных и отрицательных, черт интеллигенции было «одно, имеющее капитальную, принципиальную важность: материально-бытовая непритязательность, жизненная активность, измеряемая способностью обеспечить себе и семье достаточно средств для хотя бы минимального культурного досуга, но исключающая восприятие обогащения как цели и самодовлеющей ценности»⁶⁶. В последние двадцать лет положение принципиально изменилось – прежде всего потому, что произошло обесценивание *внутренней нормы интеллигентского бытия*. Людям интеллектуального

⁶² Кнабе. 2006а. С. 1001–1002.

⁶³ Там же. С. 1003.

⁶⁴ Там же. С. 1007.

⁶⁵ Там же. С. 1009–1010.

⁶⁶ Там же. С. 1011.

труда, чтобы «держать руку на пульсе времени», нужен сейчас и «высокий материальный уровень, заботы о котором всегда были интеллигентному человеку чужды, но нужна также в прошлом не менее ему чуждая (или, во всяком случае, бывшая для него не всегда обязательной) высокая степень практической активности, подвижности, вовлеченности в конкурентную эмпирию времени»⁶⁷.

В другой работе трактовка Г. С. Кнабе феномена интеллигенции приобретает историософскую глубину. Он подчеркивает, что «суть феномена интеллигенции, ее живая душа, как раз и заключена в... традиционно европейском противоречивом равновесии между человеком и обществом, человеком и народом, человеком и культурой. В свете сказанного по-новому представляется положение об открытости интеллигенции мировому и, в частности, западноевропейскому культурному опыту. (...) Она выступает как реализация глубоко, но постоянно сквозящей в русской истории тенденции не исчерпываться ни авторитарностью, ни бесшабашным самоволием, а тяготеть к явлениям *диалогическим* – исходящим из культуры как переживания развитой личностью общественной субстанции и как взаимной ответственности каждого из этих начал перед другим»⁶⁸. По мнению Г. С. Кнабе, «"перевернутой страницей" оказываются не только сама русская интеллигенция, но и сыгравшая такую существенную роль при ее рождении и веками составлявшая ее активный фон культурная традиция Европы»⁶⁹. «Исходная аксиома интеллигенции – превосходство духовных ценностей над материальными. (...) Условия, наступившие после 1991 г., оказались для этой аксиомы неблагоприятными, а с течением времени и губительными. (...) Фундаментальные и традиционные нормы интеллигентного поведения – подход к общественным проблемам на основе совести, к научным решениям на основе анализа и истины, к художественным явлениям на основе убеждения – оказываются подверженными в этих условиях искажающему, но и решающему влиянию выгоды и личной заинтересованности»⁷⁰. Причем Г. С. Кнабе делает важное уточнение: отклонение на практике от подобных норм в советское время казалось *вынужденным*, а «в постсоветских условиях такое отклонение свободно избирается и потому предполагает уверенность в его, этого отклонения, естественности и целесообразности, а значит, и в несущественности интеллигентского кодекса, в его устарелости, несоответствии духу вре-

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Кнабе. 2006в. С. 1098–1099.

⁶⁹ Там же. С. 1099.

⁷⁰ Там же. С. 1099–1100.

мени и т.д.»⁷¹. Пессимистически смотрит Г. С. Кнабе и на ситуацию, складывающуюся «с другой конститутивной чертой интеллигенции – с образованностью, традиционно реализуемой в научной или преподавательской деятельности. Решающим элементом этой деятельности, придающим ей этический смысл, являются поиск и пропаганда доступной и доказуемой истины, ее аргументация и проверка. Между тем в становящейся к концу века универсальной цивилизации постмодерна понятие истины стало сомнительным и прогрессивно исчезающим»⁷².

Пора уже, однако, вернуться к моему «воображаемому сообществу». Мне кажется, тем людям, которых я к нему «причислил», были присущи *некоторые* конститутивные черты «арбатской цивилизации», как периода ее реального существования, по версии Г. С. Кнабе, в 30-е гг. (кстати, и А. Е. Москаленко, и А. И. Немировский в то время жили в Москве), так и эпохи «арбатского мифа». Но некоторые присущие им характеристики были *иными*. Полагаю, что сама *профессия историка* накладывала определенный отпечаток на их личности, способствовала более раннему избавлению от многих иллюзий и надежд советского времени. Я не знал этих людей в 1957 г., когда был написан «Сентиментальный марш» Булата Окуджавы, но сомневаюсь, что даже тогда М. А. Люксембург или А. И. Немировский могли бы вполне искренне повторить вслед за замечательным поэтом: «...я все равно паду на той, на той единственной Гражданской, / и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной». Полагаю, что герои моих заметок стремились в первую очередь не к восстановлению и очищению идеалов революционной эпохи, а, еще раз повторю, к возобновлению утраченной культурной традиции, к расширению интеллектуальной свободы. В этом, возможно, они видели свое предназначение, и в этом, на мой взгляд, состояла *суть их групповой идентичности*.

И последнее соображение. Выделяя «воображаемое сообщество» вузовских преподавателей 60–80-х гг., я, естественно, задумывался о судьбах интеллигенции в наше время. В уже многократно цитированных мною работах Г. С. Кнабе констатируется, что с середины 90-х гг. идентификация интеллигенции стала практически невозможной. Примерно в том же духе высказывается и С. Б. Рассадин (ему, кстати сказать, в свое время посвящал некоторые стихи Б. Окуджава): «Думаю, в нынешнем нашем обществе интеллигенции попросту нет, и давно, – притом не в распространенном и уничижительном смысле, что, мол,

⁷¹ Там же. С. 1100.

⁷² Там же. С. 1101.

куда уж нам, недотягиваем, рылом не вышли. Нет, дотягивающие особи, полноценные интеллигенты – есть, попадаются, даже не так, чтобы очень редко. Но интеллигенция кончилась, как кончилось в свое время дворянство, так неуклюже сегодня реанимируемое⁷³. Но печален, на мой взгляд, не только сам факт *исчезновения интеллигенции* как сколько-нибудь значительного социокультурного слоя. Печален вдвойне тот иронически-снисходительный взгляд, который бросает нынешнее поколение интеллектуалов («молодых и успешных»), как любят они себя позиционировать на людей, пытающихся сохранить (вероятно, безуспешно?) традиции выделенного мною «воображаемого сообщества».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. 2001.
- Арнаутова Ю. Е. От мемуа к “истории памяти” // Одиссей. 2003. М.: Наука, 2003. С. 170–198.
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
- Астуриас М. А. Сеньор Президент // Асуэла М. Те, кто внизу. – Гальегос Р. Донья Барбара. – Астуриас МА. Сеньор Президент. М.: Художественная литература, 1970. С. 369–590.
- Беда Достопочтенный. Церковная история народа англоv. СПб.: Алетейя, 2003. 362 с.
- Белинков А. В. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша. М.: РИК «Культура», 1997. 539 с.
- Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: РОССПЭН, 2009. 550 с.
- Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. М., 1996.
- Вопросы истории славян. Сб. научных трудов. Вып. 14: Памяти Анатолия Евсевича Москаленко (1909–1984). Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1999. 214 с.
- Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2007. 320 с.
- Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
- Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. Л.: Советский писатель, 1989. 608 с.
- Глазов Ю. Я. Тесные врата. Возрождение русской интеллигенции. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. 383 с.
- Горенштейн Ф. Место / Горенштейн Ф. Избранное. В 3-х т. Т. 1. М.: СП «Слово», 1991. 847 с.
- Горяинов А. Н. А.Е. Москаленко в его воспоминаниях // Вопросы истории славян. Вып. 14. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1999. С. 16–34.

⁷³ Рассадин. 2005. С. 469.

- Горяинов А. Н. О публикуемой рукописи и ее судьбе // *Одиссей*. 2007. М.: Наука, 2007. С. 250–252.
- Грекова И. Пороги. М.: Советский писатель, 1986. 543 с.
- Григорий Турский. История франков. М.: Наука, 1987. 462 с.
- Григорьян Л. Г. Мэтр // *Контур: Литературно-информационный журнал для всех*. Ростов-на-Дону, 1991. С. 10–21.
- Гумилев Л. Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // *Русская литература*. 1972. № 1.
- Гуревич А. Я. Грехопадение московских медиевистов: дискуссия 1949 г. и ее последствия // *Одиссей*. 2007. М.: Наука, 2007. С. 341–349.
- Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: Кругъ, 2008. 800 с.
- Дубровский И. В. Историография // *Словарь средневековой культуры* / Под ред. А. Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2007. С. 199–208.
- Евтушенко Е. А. Стихотворения и поэмы. В 3-х т. Т. 1. 1952–1964. М.: Советская Россия, 1987. 527 с.
- История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: Кругъ, 2006. 768 с.
- Кнабе Г. С. Арбатская эпопея и обязанность помнить // *Кнабе Г. С. Избранные труды: Теория и история культуры*. М., СПб.: Летний сад, М.: РОССПЭН, 2006а. С. 962–1017.
- Кнабе Г. С. Жажда тождества: Культурно-антропологическая идентификация вчера, сегодня и завтра // *Кнабе Г. С. Древо познания и древо жизни*. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006б. С. 219–271.
- Кнабе Г. С. Перевернутая страница // *Кнабе Г. С. Избранные труды: Теория и история культуры*. М., СПб.: Летний сад, М.: РОССПЭН, 2006в. С. 1061–1106.
- Кормер В. Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура. М., 1997.
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1997. 399 с.
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+», 2007. 480 с.
- Немировский А. И. Владимир Сергеевич. Из неопубликованной книги «Пройденное и забытое» // *Человек второго плана в истории*. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 2006. С. 44–54.
- Немировский А. И. Погружение. М.: Лабиринт, 2003. 174 с.
- Николаев В. Г. Идентичность // *Культурология. Энциклопедия*. В 2-х т. / Гл. ред. С. Я. Левит. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2007. С. 725–726.
- Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: Кругъ, 2003. 408 с.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / *Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы*. М. 1991.
- Польская С. А. Инструментарий средневекового историка // *Cogito. Альманах истории идей*. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2007. С. 11–34.
- Рассадин С. Б. Русские, или Из дворян в интеллигенты. М.: Текст, 2005. 479 с.
- Репина Л. П. Образы прошлого в памяти и в истории // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*. М.: Кругъ, 2003. С. 9–18.

- Савельева И. М., Полетаев А. В. “Историческая память”: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М., 2005. С. 170–220.
- Савельева И. М., Полетаев А. В. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 68–96.
- Савчук В. С. Он мог бы быть «своим» среди людей эпохи Ренессанса... // Человек второго плана в истории. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 2006. С. 27–43.
- Савчук В. С. «Портреты историков» и «портрет» науки // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2007. С. 120–150.
- Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета 23 марта 1949 г. // Одиссей. 2007. М.: Наука, 2007. С. 253–340.
- Трифонов Ю. Другая жизнь / Трифонов Ю. В. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1986. С. 217–360.
- Уколова В. И. А. И. Немировский: жизнь как путь к истине // Человек второго плана в истории. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 2006. С. 55–69.
- Улицкая Л. Е. Казус Кукоцкого. М.: Эксмо, 2005. 462 с.
- Эксле О. Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. 2001. М.: Наука, 2001. С. 176–198.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
- Юрганов А. Л. “Неразгаданный Барклай” // Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. М., 2003.
- Ямпольский М. Настоящее как разрыв. Заметки об истории и памяти // Новое литературное обозрение. № 83 (Спец. выпуск. 1990 год: Опыт изучения недавней истории). В 2-х кн. 2007. Кн. 1. С. 51–74.
- Fentress J., Wickham C. Social Memory. Oxford, 1992.
- Halbwachs M. The Collective Memory. New York, 1980.
- Kultur und Gedachtnis / Hg. V. J. Assmann, T. Holscher. Frankfurt a. M., 1988.
- The Invention of Traditions / Ed. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1984.
- Савчук Вячеслав Сергеевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); v.s.savchuk@mail.ru

Н. Ю. СТАРКОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ В «ОПИСАНИИ ЭЛЛАДЫ» ПАВСАНИЯ СПАРТА И ПЕЛОПОННЕСКИЙ СОЮЗ

В статье рассматривается историческая концепция «Описания Эллады» Павсания. Внимание сосредоточено на изучении самого текста и приоритетах Павсания при характеристике Спарты и Пелопоннесского союза. Актуализация подобных сюжетов позволяет лучше понять историю и культуру древней Греции.

Ключевые слова: «Описание Эллады», Павсаний, Спарта, Мессения, Лакония, Пелопоннесский союз.

При обзоре источников греческой истории нельзя обойти молчанием географов и путешественников. Первоначально история и география не были разделены, и первые логографы нередко были и географами. Если из географов особенно приходится иметь в виду Страбона, то из периегетов – Павсания¹. Необычный по жанру принадлежал азиатскому греку, жившему во времена Марка Аврелия. «Описание Эллады» Павсания состоит из 10 книг, в которых описана большая часть Греции – области, наиболее важные в культурном и политическом отношении и богатые памятниками древности и искусства. Довольно оригинально оценил жанр сочинения один из авторитетнейших российских антиковедов Ю. В. Андреев, заметив, что «Описание Эллады» – нечто вроде путеводителя для путешествующих по Греции иностранных туристов².

Сочинение Павсания потерпело в свое время полный провал – его не читали. Нет ни одного упоминания об авторе, ни одной цитаты, ни намек вплоть до Стефания Византийского (VI в. н.э). Пострадал Павсаний и при передаче текста, все рукописи поздние, начиная с XV в., и все дефектные³. Уже в XX в. У. Вилламовиц–Меллендорф обвинил Павсания его в том, что хотя он цитирует около 120 более ранних работ, сам он читал невероятно мало, в своем большинстве его цитаты – из

¹ См.: Бузескул. 2005. С. 286.

² См.: Андреев. 1998. С. 63.

³ См.: Kalkmann. 1886; Robert. 1901; Жебелев. 1909. С. 395–441; Pasquali. 1913. S. 161–223.

вторых рук, и видел он немного, списав все из утерянных путеводителей, в основном из Полемона⁴. Этому мнению вторил А. Калькман, считая, что Павсаний не проявил ни дарований, ни аккуратности, а проводники для иностранцев были – и в древности, как и в настоящее время – невежды худшего сорта, как мы знаем из Плутарха. Устное же предание во II столетии вообще не могло быть неподдельного достоинства⁵. К счастью, крайняя точка зрения У. Вилламовица-Меллендорфа не получила серьезной поддержки со стороны основной массы антиковедов.

В дореволюционной отечественной историографии специально этим автором практически не занимались. Помимо общих очерков, посвященных «Описанию Эллады» в учебных пособиях, можно отметить лишь несколько работ. И. Шубарт заметил, что Павсаний много путешествовал, объездив греческий континент по всем направлениям вплоть до Фессалии. По его мнению, перед нами тщательно подготовленный труд; в нем сказывается достойная удивления начитанность автора, в отношении книг не только распространенных, но и редких специальных сочинений⁶. В отличие от И. Шубарта М. Мандес, выступая с позиции гиперкритики источников, не видел возможности по Павсанию реконструировать историю Мессенских войн⁷. Но все же в русской науке труд Павсания чаще оценивался позитивно. С. А. Жебелев проделал кропотливую работу по изучению композиции «Описания Эллады». Особенно ценны выводы историка о специфике изображения Павсанием Аркадии, Элиды, Коринфа, Мегариды, то есть областей пелопоннесских союзников⁸. В. П. Бузескул также достаточно высоко оценил этот источник, заметив, что Павсаний интересовался преимущественно стариной – вещественными памятниками всякого рода, развалинами, надписями, изображениями, предметами, хранящимися в святилищах, преданиями и т.д. Это не столько путешественник-периэгет, сколько антикварий. Его труд чрезвычайно важен для греческой мифологии, археологии, истории искусства, быта, а отчасти и политической⁹.

В середине прошлого столетия подробный комментарий к тексту Павсания составил С. П. Кондратьев. В 1983 г. Г. П. Чистяков защитил диссертацию по теме «Павсаний как исторический источник», в которой обратил внимание на некоторые особенности труда, цель которого

⁴ Willamowitz-Moëllendorf. 1905. S. 231–232.

⁵ Kalkmann. Op. cit. S. 35.

⁶ Шубарт. 1887–1889. С. VIII–IX.

⁷ См.: Мандес. 1898.

⁸ См.: Жебелев. Указ соч. С. 417–423.

⁹ См.: Бузескул. Указ соч. С. 290.

«описывать то, что не попало а историю» (I, 23,2), а не повторять хорошо рассказанное до него¹⁰. Особое место в «Описании Эллады» занимают исторические экскурсы, язык в них напоминает язык исторической прозы (прежде всего, Полибия). Исследователь выделил в тексте Павсания декламацию: «О том, как Эллада потеряла свое величие», что явилось новым словом в изучении наследия Павсания.

В 1985 г. К. Хабиخت подвел определенный итог более чем столетнему изучению жизни и творчества Павсания¹¹. По его мнению, у Павсания был общий план сочинения, исторические пассажи и отступления являются частью его замысла. Он опирался в своей работе на два типа сведений: традицию и непосредственные впечатления при осмотре достопримечательностей. Павсаний всегда был в чести у археологов: достаточно вспомнить, что с опорой на этот источник Г. Шлиман отыскал в Пелопоннесе Микены с их Львиными воротами. Раскопки города Месены показали, что он во многом был прав, описывая эллинистический период в истории города, восстановленного Эпаминондом¹².

Таким образом, в настоящее время в науке сформировался позитивный подход к оценке рассматриваемого сочинения. Несомненно, Павсаний очень много странствовал, и не только в Малой Азии и Элладде. Анализ его книги показывает, что он был в Сирии, видел реку Иордан, посетил Иерусалим, Антиохию, любовался в Египте пирамидами и статуей Мемнона возле Фив, совершил поход в оазис Амона и, конечно, не оставил без внимания Александрию, добрался до острова Родос, а во время путешествия с родины в Элладу оказался в Византии. Хотя описания Северной Греции мы не имеем, писатель, бесспорно, изучал Фессалию, Македонию, и, возможно, Эпир, проходил по Италии, где видел города Кампанию и Рим с его окрестностями¹³. В этом отношении Павсаний – типичный носитель древнегреческого менталитета, которому в целом был присущ «пространственный», чем «временной» модус¹⁴.

Личные наблюдения он дополнил анализом книжного материала сверяя данные своих источников с личными воспоминаниями и впечатлениями. Источниками Павсания были его предшественник Полемон, географ Артемидор, историк Истр и другие; для истории Мессенских войн он пользовался Рианом и историком Мироном, а для истории Ла-

¹⁰ Чистяков. 1983.

¹¹ См.: *Habicht*. 1985. P. 220–224.

¹² См.: *Ibid*. P. 215–216.

¹³ См.: *Кондратьев*. 1994. С. III.

¹⁴ См.: *Суриков*. 2006. С. 57.

конии – возможно, Сосибием¹⁵. Приступая к написанию своего сочинения, Павсаний составил план, о чем напомнил читателю в книге, посвященной Спарте: «Я с самого начала в своем изложении решил выбрать наиболее достойное упоминание из того многого, не стоящего передачи, что каждый народ рассказывает о самом себе. Так как этот план хорошо продуман, то незачем его нарушать» (Paus. III, 11,1). Принцип построения каждой книги географический, поскольку Павсаний описывал один регион за другим.

В историческом контексте изучения спартанской внешней политики четвертая книга Павсания «Мессения» существенно отличается от остальных девяти, в которых история присутствовала лишь в объеме, необходимом для характеристики той или иной местности. Эта книга полностью посвящена описанию войн Мессении со Спартой, и благодаря этому современная наука смогла реконструировать основные этапы завоевания Мессении и превращения Спарты в Лакедемон.

Дискуссии о причинах такого выбора Павсания продолжают. Некоторые современные историки полагают, что он увлекся сюжетной канвой и литературными достоинствами исторического сочинения Мирона и эпосом Риана о Мессенских войнах. Другая точка зрения сводится к тому, что осталось мало достоверной информации об истории этого региона, столько лет находившегося в зависимости от Спарты, и этот пробел Павсаний попытался восполнить. Павсаний сконструировал прошлое с помощью мифа, который стал «звеном исторической памяти» для понимания взаимоотношений Спарты и Мессении.

О других этапах развития спартанского полиса «Описание Эллады» также содержит ценнейшую информацию. В третьей книге – история Спарты с вкраплениями мифологического и антикварного характера (Paus. III, 2–10). К большому сожалению, автор практически не уделил внимания «Великому пятидесятилетию» или Пентеконтаэтии (479–431 гг. до н.э.), времени расцвета древнегреческой цивилизации в промежутке между Греко-персидскими и Пелопоннесской войной.

Павсаний выдвинул на первый план роль эфора Сфенелаида в развязывании Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н.э.), поскольку тот нарушил шаткое перемирие между Афинской архэ и Пелопоннесским союзом. Павсаний оценил и саму войну, которая потрясла до основания Элладу, бывшую прежде крепкой и организованной, а впоследствии Филипп, сын Аминта, низверг ее, уже расшатанную и совершенно пришедшую в упадок, и покорил своей власти (Paus. III, 7, 10). Павсаний

¹⁵ См.: Бузескул. Указ. соч. С. 290.

критичен в отношении действий Спарты и ее союзников: «что же касается тех, которые во время Пелопоннесской войны сражались против афинян, даже самых прославленных из них можно назвать только самоубийцами, пустившими ко дну в точном смысле этого слова все могущество Эллады» (Paus. VIII, 51, 3). Павсаний рассказывал об окончании Пелопоннесской войны, подчеркивая жестокость Спарты и Лисандра персонально (Paus. IX, 22, 9–10). Оценка последнего негативна – Лисандр принес лакедемонянам больше вреда, чем пользы (Paus. IX, 22, 10)¹⁶. Перечисляя «патриотов и благодетелей» Греции (Paus. VIII, 52, 16), Павсаний исключает из их числа тех, кто руководил Пелопоннесской войной, в том числе и Лисандра.

В «Описании Эллады» Павсания немало сведений об отношениях внутри Пелопоннесского союза. При характеристике Коринфа, Фив, Элиды автор обязательно подчеркивал непростой характер их взаимоотношений со Спартой. Имеется в тексте подробная информация о конфликте Спарты с Элидой 402–400 гг. до н.э. (Paus. III, 8, 3–6, VI, 2, 3). Именно благодаря «Описанию Эллады» возможно реконструировать историю спартанско-элейского конфликта¹⁷. Рассказывая о междоусобных войнах греков, Павсаний оценивает их негативно (Paus. III, 7, 11).

Павсаний упомянул, каким именно способом Агесилай комплектовал свое войско в 395 г. до н.э. перед походом на персов в Малую Азию, куда были приглашены в союзники все, кроме аргиев (Paus. III, 9, 1–2). Можно предположить, что в этом сказалась застарелая вражда Спарты и Аргоса, несмотря на заключенный в годы Пелопоннесской войны договор. Характеризуя личные качества Агесилая, Павсаний заметил, что Агесилай считал себя царем более могущественного государства, чем царь Агамемнон, и, что, подобно Агамемнону, он является вождем всей Эллады; он льстил себя мыслью, что победить Артаксеркса и овладеть всеми богатствами Персии будет более славным подвигом, чем разрушить владычество Приама (Paus. III, 9, 4).

Подробно рассказано о постоянном соперничестве Лисандра и Агесилая на заключительном этапе карьеры Лисандра и о гибели Лисандра в битве при Гилиарте (Paus. III, 5, 3–4).

Ответственность за развязывание Коринфской войны Павсаний возлагал на лакедемонян, которые решили начать войну с фиванцами, обвиняя их в оскорблении, нанесенном Агесилаю в Авлиде при жертвоприношении (Paus. III, 9, 10–11). Но он не отвергает и версию о роли

¹⁶ Кроуermann. 1935. S. 34–39.

¹⁷ О нем подробнее: Старкова. 2003б. С. 3–17.

персидского золота в развязывании Коринфской войны¹⁸. Павсаний, в отличие от других источников, поименно перечисляет тех союзников лакедемонян, которые польстились на персидский подкуп, привезенный Тимократом от Артаксеркса, и вступили в Коринфскую войну. Им были подкуплены, как говорят, из аргосцев Килон и Содам, в Фивах – Андроклид, Исменей и Амфифемис: приняли в этом участие и афиняне – Кефтал и Эпикрат, а также те из коринфян, которые сочувствовали аргосцам, – Полиант и Тимолай (Paus. III .9, 8).

Важна для исследования истории Пелопоннесского союза также информация о конфликте с Беотийским союзом, военной катастрофе при Левктрах и основании Мессены. Мотив Эпаминонда, согласно Павсанию, это создание города, который сможет соперничать с лакедемонянами (Paus. IV, 26, 5–6). В целом Павсаний дал очень высокую оценку талантам Эпаминонда, подчеркивая, что он не уступал никому. В то время как полководцам лакедемонским и афинским поддержкой служила древняя слава их государств и соответственная уверенность в себе воинов, не обладавших ничем из этого фиванцев, лишенных всякой бодрости и привыкших повиноваться другим, Эпаминонд в короткое время сделал первенствующим государством (Paus. VIII, 11, 9).

Для характеристики жанра «литературы путешествий» сегодня особенно актуально обратиться к исследованию сочинения Павсания «Описание Эллады». Этот труд занимает совершенно особое место среди тех источников, которые позволяют понять цивилизацию древней Эллады. Искусство, история, религия, даже технология и топография той эпохи без сообщаемых Павсанием данных были бы менее ясны в общем и лишены множества деталей¹⁹. Раскопки в Лаконии реконструировали картину бытия святилищ, в которых почитались боги и герои. По votivным дарам и надписям они идентифицированы, что в очередной раз подтвердило историчность сведений Павсания.

Кому адресовал Павсаний свой текст? Это могли быть греки Эгеиды, интересующиеся прошлым своей родины, или же римские филэллы периода греческого Возрождения. В любом случае ясно, что это сочинение было рассчитано на человека неравнодушного, образованного и интеллигентного, каковым и являлся сам автор.

«Описание Эллады» Павсания – важным дополняющий и корректирующий источником к сведениям других античных историков для понимания особенностей древнегреческой истории V–IV вв. до н.э.

¹⁸ См.: Старкова. 2003а. С. 97–104.

¹⁹ См.: Кондратьев. 1994. С. I.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. М., 1998.
- Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. / Вступ. ст. и общ. ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2005.
- Жебелев С. А. К вопросу о композиции «Описания Эллады» Павсания // ЖМНП. 1909. Октябрь.
- Кондратьев С. П. Павсаний: жизнь и творчество // Павсаний. Описание Эллады. Т. 1. М., 1994.
- Мандес М. Мессенские войны и восстановление Мессении. История и традиция. Одесса, 1898.
- Старкова Н. Ю. Начало Коринфской войны как проявление кризиса союзнических отношений в Пелопоннесской лиге // Историк и его дело. Спец. выпуск. Ижевск, 2003а.
- Старкова Н. Ю. Система спартанской власти и место в ней Пелопоннесского союза (404–395 гг. до н.э.) // Вестник Удмуртского ун-та. Ижевск, 2003б.
- Суриков И. Е. Парадоксы исторической памяти в античной Греции // История и память. М., 2006.
- Чистяков Г. П. Павсаний как исторический источник: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983.
- Шубарт И. Историко-литературное значение Павсания // Павсаний. Описание Эллады. СПб., 1887–1889.
- Habicht C. An Ancient Beadeker and his Critics: Pausanias "Guide to Greece" // Proceeding of the American philosophical society. Vol. 129. № 2, 1985.
- Kalkmann A. Pausanias der Perieget. Untersuchungen über seine Schriftstellerei und seine Qellen. Berlin, 1886
- Kroymann J. Sparta und Messenia. Untersuchungen zur Überlieferung der Messenische Kriege. Berlin. 1935.
- Pasquali G. Die schriftstellerische Form des Pausanias // Hermes 48. 1913.
- Robert C. Pausanias als Schriftsteller. Studien und Beobachtungen. Berlin, 1901.
- Willamowitz-Moëllendorf U. Die griechische Literatur des Altertums. Bd. I. Berlin, 1905. S. 231–232.

Старкова Надежда Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков, декан исторического факультета Удмуртского государственного университета; history@udsu.ru

А. А. ВОЙТЕНКО

ОАЗИС ИАННИЯ И ИАМВРИЯ В АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ IV В.*

Статья посвящена исследованию апокрифической традиции, связанной с египетскими магами Ианнием и Иамврием, известной по сохранившимся фрагментам апокрифа и упоминаниям в раннехристианских источниках, а также в иудейской и византийской литературе. Автор попытался проследить, как это апокрифическое повествование, известное в монашеской среде Египта IV в., а затем зафиксированное в агиографии, соединилось с монашескими преданиями и использовалось в назидательных целях.

Ключевые слова: агиография, египетское монашество, апокрифы, «Лавсаик», «История египетских монахов».

Специально писать об особой роли, которую играла апокрифическая литература в период поздней Античности и Средневековья, нет необходимости. По сути, наряду с агиографией апокрифы являлись своего рода средневековой «беллетристикой», выполняя функцию не столько душеполезного, сколько занимательного чтения. Но каковы были границы распространения подобной литературы? Насколько глубоко она проникала (и проникала ли вообще) в те социальные группы, которые находили довольно опасным ее читать? В частности, речь идет о монашестве и более конкретно – о египетском монашестве IV в. Известно грозное предостережение аввы Сопатра против такого занятия: «Не приводи женщину в свою келью, не читай апокрифов (ἀπόκρυφα) и не исследуй образа»¹. Как видно из примера, чтение подобной литературы сравнивается с общением с женщинами, то есть представляет собой достаточно высокий уровень опасности для монаха. Косвенным подтверждением этого может служить список новозаветных книг, специально составленный для того, чтобы отделить канон от апокрифов, и приведенный свт. Афанасием Александрийским в одном из своих Пасхальных посланий (*Athan. Alex. Ep. 39*) – ведь хорошо известно, каким авторитетом этот александрийский патриарх пользовался в монашеской среде.

* Выражаю благодарность Дому наук о человеке (MSH, Париж) за возможность работы в греческой секции Института исследования текстов (IRHT) в июне 2007 г., где и сложился замысел этой статьи, а также проф. Полю Жеэну (IRHT, section grecque, Париж) за ценные замечания и дополнения.

¹ *Starowieyski*. 1989. P. 295.

Ясно, однако, что при всех запретах апокрифы – прямо или косвенно – не могли не проникать и в монашескую среду. Делались попытки обнаружить их следы в столь известном монашеском памятнике, как *Apophthegmata Patrum*. В расцветшем посохе одного старца (Кассиан, 2) видели сходство с рассказом про Иосифа из «Протоевангелия Иакова», в одной из апофтегм про Евпрепия (7 224 = PG. T 65. Col. 172)² – отголосок из «Евангелия детства», в апофтегме про архиепископа Феофила, где приводится фрагмент его проповеди о смерти, зависимость от описания смерти в «Истории Иосифа плотника», в апофтегме аммы Синклитикии – совпадения с «Поучением Силуана», обнаруженным среди текстов Наг-Хаммади. Однако на поверку многое из этого оказывается далеко не бесспорным: расцветший посох праведного аввы имеет больше шансов зависеть от вполне канонической Книги чисел, (Чис. 17: 17-36), проповедь о смерти Феофила и «История Иосифа» может иметь источником общие представления, которые нашли отражение как у александрийского патриарха, так и у автора апокрифа. В «Лавсаике» и «Истории монахов», известных агиографических памятниках IV – начала V в., есть сюжет о заколдованной женщине превращенной в кобылу, которую излечивает авва Макарий, а в арабской версии «Евангелия детства» – о юноше превращенном в мула и исцеленном Христом. Но это вряд ли может указывать на их зависимость, поскольку мы имеем дело с сюжетом, хорошо известным еще со времен «Метаморфоз» Апулея³.

Однако в тех же «Лавсаике» и «Истории монахов» находим еще один интересный эпизод, который может сказать нам гораздо больше о путях проникновения апокрифических сюжетов в монашескую среду и их дальнейшего развития там. Я имею в виду рассказ о путешествии аввы Макария в так называемый оазис (или сад) Ианния и Иамврия⁴.

Начнем с «Истории монахов», как предположительно более ранней по времени написания. Данный эпизод в 21-ой главе этого известного агиографического текста выглядит так⁵:

² Апофтегма Евпрепий, 7 на самом деле принадлежит Евагрию Понтийскому, впоследствии осужденному за оригенизм. Имя Евагрия стоит в латинской, сирийской и коптской версиях текста, а также в некоторых греческих рукописях, что доказывает его приоритет – об этом см.: *Guillaumont*. 1962. P. 52.

³ Подробнее об этом см. *Starowieyski*. 1989. P. 294–295.

⁴ Есть еще один текст об этом путешествии – в так называемом «Житии святого Макария Александрийского» (PG. t. 34. Col. 185D-188D), но он, по сути, является вариантом рассказа из «Лавсаика», имеющим некоторые расхождения с последним.

⁵ Текст см.: *Festugière*. 1961. P. 125–126 (cap. XXI, 5-12). Мы приводим существующий русский перевод, сделанный по этому изданию (История Египетских Монахов... С. 75–77), немного уточнив его.

«В другой раз после долгого поста и молитвы Макарий⁶ попросил Бога показать ему сад (τὸν παράδεισον), который насадили в египетской пустыне Ианний и Иамврий по образу истинного райского сада. Макарий скитался по пустыне три недели, не имея пищи, и его, уже почти умершего, ангел привел к тому месту. Со всех сторон вход в сад охраняли бесы и не позволяли ему войти. А сад был огромным и протянулся на длинное расстояние. Когда же помолвившись, он осмелился войти, то обрел там двух святых мужей, которые пришли туда тем же путем и жили в саду уже долгое время. Они совместно помолвились и приветствовали друг друга, весьма радуясь встрече. Омыв Макарию ноги, они дали ему плодов из сада. Он же, попробовав, поблагодарил Бога, удивляясь величию плодов и их многообразию. Говорили они друг другу: “Хорошо было бы здесь жить всем монахам”. “Посреди сада – рассказывал Макарий, – были три больших источника, бьющие из бездны и питающие сад, огромные деревья, приносящие обильные плоды всех родов из существующих под небом”. Прожив там семь дней, решился Макарий просить о возвращении в мир, чтобы привезти с собою монахов. Святые мужи говорили, что ему невозможно это сделать: велика пустыня и протяженна, и много бесов в ней повсюду, которые заставляют монахов блуждать по пустыне и губят их, как уже погубили многих, желавших прийти сюда.

Однако Макарий не остался там: “Нужно мне привести монахов в сад, чтобы они вкусили наслаждения”. Он устремился в населенные места, взяв с собою некоторые плоды для показа. Он также собрал пальмовые ветви, и понес с собою, отмечая ими в пустыне дорогу, так как боялся заблудиться на обратном пути. Задремав где-то на пути в пустыне, он, проснувшись, нашел все ветви около изголовья – бесы собрали их. Встал он и сказал им: “Если есть на то воля Божия, не сможете помешать войти в сад!”.

Макарий вернулся в населенные места и, показывая плоды монахам, убеждал их пойти в сад. Многие отцы собрались у него и сказали: “Может на погибель наших душ появиться тот сад? Если теперь вкусим его сладости, мы получим наше добро на земле. Какую плату даст нам Господь, когда мы придем к Нему, или какую добродетель вознаградит?” И они убедили Макария больше не возвращаться в то место».

А вот как выглядит этот же сюжет в 18-ой главе «Лавсаика», где в оазис путешествует уже другой известный Макарий⁷:

«Захотелось ему (Макарию – А. В.) однажды, как он сам рассказывал нам, сходить к Ианнию и Иамврию. (Место это) есть могила (κρητόταφιον), которую прежде устроили (эти) маги, правившие с фараоном. Ибо они, приобретя власть на долгое время, соорудили (эту) постройку из камней длиной в четыре фута⁸, и сделали себе там могилу (μνήμα) и много золота сложили, насадили

⁶ Имеется в виду св. Макарий Египетский или Великий. В IV в. было два известных подвижника с именем Макарий – Египетский и Александрийский. Уже в самых ранних текстах их часто путали. – См.: *Guillaumont*. 1980. Col. 5.

⁷ То есть св. Макарий Александрийский.

⁸ Греч. ἐν τετραπόδιοις. Такой перевод дает словарь Лампа, ссылаясь на это место в изданиях Батлера. – См.: *Lampe*. 1961. P. 1390. Возможен вариант перевода – «из четырехугольных (камней)».

деревьев и вырыли здесь колодец, ибо место было влажным. Так как святой не знал дороги, то, пересекая пустыню, он сверялся со звездами, как (делают) те, кто в море. И, взяв связки тростинок, он ставил по одной каждую милю, отмечая (дорогу), чтобы найти путь назад. Пройдя девять дней, он подошел к этому месту. Но дьявол, всегда истине Христовой препятствующий, собрал все тростинки и положил возле главы Макария, когда тот задремал в версте от гробницы. Встав, он нашел все тростинки и тотчас (понял), что Господь соделал это ему в совершенное назидание, чтобы он имел надежду не на тростник, но на столп облачный, который водил Израиль сорок лет по пустыне. Сказал (Макарий): «Семьдесят бесов вышли мне навстречу из гробницы, крича и хлопая крыльями передо мной как вороны и говорили: “Чего хочешь, Макарий? Чего хочешь, монах? Зачем пришел в место наше? Не можешь оставаться здесь”. Я же отвечал им: “Пришел только узнать (что здесь есть) и ухажу”. И сказал Макарий: “Войдя (внутри), нашел только подвешенный медный кувшин и железную цепь от колодца, от времени уж порченную, и плод гранатовый, уж не имеющий внутри ничего, ибо иссушен был солнцем”. После чего, повернув назад, он шел (обратно) двадцать дней⁹».

Итак, с первого взгляда уже ясно, что мы имеем дело с отголоском какой-то апокрифической традиции. Попробуем выделить ее «субстрат». При всей разнице рассказов объединяет их следующее: речь идет о некоем саде-могиле (κητοτάφιον / παράδεισος / μνήμα) Ианния и Иамврия, волхвов (μάγοι), а, вероятнее всего, жрецов фараона, довольно могущественных («правивших вместе с фараоном»)¹⁰, сад этот был устроен ими для своего безбедного посмертного существования, и находился, видимо, где-то на самом краю внутренней пустыни (чтобы вернуться в Скит авве Макарию Великому требуется двадцать дней). В саду растут (или росли) разные виды деревьев, по сути, он напоминает земной рай, здесь, возможно, находятся богатства жрецов и колодец (или источники), бьющие из бездны. Все это, еще раз повторимся, сильно напоминает часть какого-то предания.

Чтобы понять его возможные истоки следует обратиться к личностям самих Ианния и Иамврия. Как выясняется, апокрифическая традиция о них действительно существует. Ее отголосок мы находим во втором Послании апостола Павла к Тимофею, где сказано: «Как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине, люди раз-

⁹ Перевод сделан нами по тексту *Butler*. 1898–1904. I. P. 49–50 (cap. XVIII). К сожалению, существующий русский перевод (Лавсаик. С. 42–44), сделан, вероятнее всего, по тексту Патрологии Ж.-П. Миня (PG t. 34, данный фрагмент – Col. 1051D–1057A), который не отражает оригинальной редакции «Лавсаика». Соответственно, и существующий русский перевод более пространен, а в ряде случаев и неточен.

¹⁰ В других упомянутых нами версиях из «Лавсаика» говорится, что эти маги, благодаря своему превосходству в искусстве магии, снискали себе высокое положение (τὰ πρῶτα) при фараоне (PG t. 34. Col. 185D; Col. 1052A).

вращенные умом, невежды в вере» (2 Тим. 3: 8). Таким образом, речь идет о неких двух жрецах, противостоявших Моисею и Аарону во время диспута у фараона перед исходом евреев из Египта. Но в самой книге Исход (Исх. 7: 11-12: 22) упоминание этих имен отсутствует. Зато они упомянуты у языческих авторов I-II вв. – Плиния Старшего (Hist. Nat. XXX, 2, 11), Апулея (Apol. 90)¹¹ и философа-неопифагорейца Нумения¹². Правда, сведения языческих авторов неточны: Плиний, например, считает, что речь идет об иудейских магах, а Нумений – возможно, по ошибке, возможно, из полемических соображений – пишет, что они оказались способны противостоять всем знамениям Моисея¹³.

Первым возможным упоминанием о них в иудейской литературе служит место из «Дамасского документа» (V, 17-18), принадлежавшего кумранитам (ок. 100 до н.э.), где некий Йахне и его брат являются порождением Ваала, и противостоят Моисею и Аарону, «поставленных рукою Князя Света»¹⁴. Йахне и Мамре встречаются в Талмуде и мидрашах¹⁵. Несколько упоминаний об Ианни и Имаврии есть в христианской апокрифической литературе: в «Евангелии Никодима» (=Деяния Пилата) (Evang. Nicodemi, 5); «Деяниях Петра и Павла» (Acta Petri et Pauli, 55), а также в «Апостольских постановлениях» (Const. Apost. VIII, 1, 6) – раннехристианском памятнике канонического права. Как минимум три упоминания об этих магах есть у Оригена, два в комментариях на Евангелие от Матфея (In Mt. (Comm. Ser.) 23: 37; 27: 9) и один в трактате «Против Цельса» (Contra Cels. IV, 51¹⁶). Они упомянуты также у свт. Киприана Карфагенского, автора III в. (De Cath. Eccles. Unitate, 16), в «Церковной истории» Филосторгия, IV–V вв. (Hist. Eccl. IX, 2) и в «Декрете» папы Геласия (Decretum. V). Еще интереснее то, что у Оригена и Геласия речь идет о некоей книге Ианния и Иамврия. Причем, свидетельства не оставляют сомнений, что книга эта – апокриф. Вот, например, что пишет Ориген в комментариях на Евангелие от Матфея (In Mat. 27, 9 =PG t. 13. Col. 1769): «не содержится (это) в книгах обыкновенных (publicis), но в книге тайной (libro secreto) Иамна и Мамбра

¹¹ Апулей упоминает одного Ианния.

¹² Высказывание Нумения об этих магах из его трактата «О благе» сохранилось у Евсевия Кесарийского (Prep. Evang. IX, 8, 1).

¹³ См.: Bertelot. 2004. P. 45.

¹⁴ Старкова. 1996. С. 40–41, прим. С. 68.

¹⁵ Об Ианнии и Иамврии в иудейской традиции см.: Schürer. 1909, S. 402–405; Wikgren. 1991.

¹⁶ Здесь Ориген упоминает, что рассказ про Ианния и Иамврия приводит Нумений в одном из своих сочинений.

(Jamnes et Mambres Liber), отчего некоторые были побуждаемы отвергнуть послание к Тимофею». Папа Геласий, автор V в., перечисляя апокрифы, коими пользоваться не следует, упоминает о книге, называемой «Покаяние Иамна и Мамбра» (Poenitentia Jamne et Mambre)¹⁷.

Теперь у нас есть и другие свидетельства того, что такая книга существовала – в 1994 г. канадским исследователем Альбертом Питерсма были опубликованы сохранившиеся греческие папирусные фрагменты этого апокрифа: отрывки папируса Честер Битти XVI, два фрагмента из собрания Венской библиотеки и небольшой рассказ из одного латинского кодекса¹⁸. Отсутствие сведений об этих магах в Ветхом Завете и их упоминание в «Дамасском документе» и Послании Павла дает основание предположить, что «Книга Ианния и Иамврия» возникла в т.н. межзаветный (интертестаментарный) период. Сам Питерсма датирует возникновение традиции об Ианнии и Иамврии II в. до н. э., а местом возникновения считает Палестину¹⁹. Действительно, в одном из отрывков апокрифа²⁰ речь идет о строительстве Ианнием некоего «парадиза» (τὸν παράδεισον), окруженного стенами, внутри которых посажен сад. Питерсма, соединив вместе все имеющиеся сведения, приходит к выводу, что речь может идти о крупном загородном владении, которое условно можно локализовать недалеко от Мемфиса²¹ на западном берегу Нила. Подобием такого владения служат поместья, о которых мы знаем из источников эпохи Птолемеев; упоминание об одном из них содержится в известном апокрифе римского времени, «Повести об Иосифе и Асенеф» (Joseph et Aseneth. 2: 19-20). Это – поместье Пентефрия, отца Асенеф, представляющее собой дом и просторный двор, окруженный стеной из прямоугольных камней, на котором высажены различные деревья, где есть источник (или водоем) с системой орошения этого сада²². В «парадизе» магов, где, видимо, был похоронен Ианний и его мать, находились и другие строения, например, здесь была библиотека с магическими книгами. Питерсма считает, что от этого сада, в котором разворачивается действие нескольких важных эпизодов апокрифа, исходит некое зло, являющееся чуть ли не центральным пунктом сюжета. Сам он склонен

¹⁷ PL. t. 59. Col. 163, cp. *Schürer*. The History... P. 782.

¹⁸ P. Chester Beatty XVI, Vindob. Gr. Inv. 29456+29828, Brit. Libr. Cotton Tiberius B. v f. 87 – *Pietersma*. 1994.

¹⁹ Cp. *Bertelot*. 2004. P. 45, note 27.

²⁰ *Pietersma*. 1994. P. 112–113.

²¹ В заглавии книги Ианний и Иамврий фигурируют как маги из Мемфиса – *ibid.* P. 97.

²² См.: *ibid.* P. 119.

связывать это зло с отрицанием божественного установления брака, о чем идет речь в книге Бытия (Быт. 2: 24), и указывает на возможные его параллели во 2-ом Послании к Тимофею (2 Тим. 3, 7-8), где сексуальная развращенность сравнивается, по его мнению, с развращенностью в истине и вере²³. Канадский исследователь обратил внимание и на то, что ни в одном другом языческом, иудейском или христианском источнике, кроме известных сведений из «Лавсаика» и «Истории монахов» («Макариевой традиции», как он их называет), при упоминании об этих магах никакой речи о саде не идет. Из чего Питерсма делает вывод, что автору (или авторам) данной традиции эта часть апокрифа была хорошо известна: параллели в описании «парадиза»/псевдо-рая в Макариевой традиции и в апокрифе слишком очевидны.

Питерсма постарался восстановить предание о саде в книге Ианния и Иамврия, учитывая сведения из монашеской традиции, но оставил в стороне вопрос появления самой этой традиции и происхождение разных ее вариантов. Но именно это и интересует нас более всего, поэтому мы попытаемся в этом разобраться. Однако для начала, чтобы ответить на вопрос, зачем апокрифические предания проникали в монашескую литературу, стоит сравнить рассказ о саде с другим текстом – так называемым ночным видением св. Пахомия Великого из «Паралипомена» (собранных вместе фрагментов из «Жития Пахомия»). Гуляя ночью по монастырю, св. Пахомий и его ученик Феодор наблюдают «видение, полное обмана» – невероятно красивую женщину, пытающуюся их совратить, которая признается монахам в следующем: «Я дочь дьявола ... Это я свела на землю святые светила, это я вырвала Иуду из апостольского лагеря» (Paral. 10 § 24)²⁴. Сюжет о совращении Иуды прекрасной обольстительницей явно намекает на какое-то апокрифическое предание. В канонических Евангелиях, точнее – в Евангелии от Иоанна (Ин. 12: 4-6) речь, как известно, идет только о его жадности, а не о сладострастии²⁵. Но здесь, как и в случае с садом Ианния и Иамврия можно

²³ Ibid. P. 133–134.

²⁴ Текст см.: *Halkin*. 1932. P. 151; рус. пер.: *Хосроев*. 2004. С. 352–353.

²⁵ Любопытно, что возможные следы этой традиции обнаруживаются в довольно неожиданном месте – в известном романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Напомним, что в романе Иуду выманивают за город и убивают с помощью некоей женщины по имени Низа. Известно, что для создания своих «ершалаимских глав» Булгаков привлекал сведения апокрифов (например, «Евангелия от Никодима»), поэтому такие параллели вряд ли могут быть простым совпадением. К сожалению, все известные нам комментаторы романа не сообщают ничего по поводу этого эпизода. Других возможных следов этой традиции нам найти пока не удалось.

уловить одну закономерность: попадая в монашескую литературу апокрифические сюжеты не существуют сами по себе, они видоизменяются, контаминируются с героями этой литературы и начинают играть «по ее правилам»: предание о женщине-дьяволице, обольстившей Иуду, служит для того, чтобы показать стойкость св. Пахомия к блудным искушениям, а сад Ианния и Иамврия служит образом псевдо-рая, созданным для того, чтобы губить монахов – это образ соблазна «земным раем», который следует преодолеть. И здесь любопытно вспомнить один сирийский фрагмент из «Антиритора» аввы Евагрия Понтийского (*Antirrheth.* IV, 23), где этот известный монашествующий интеллектуал упоминает традицию о саде Ианния и Иамврия, чтобы указать на библейские слова (1 Цар. 17: 45), которые произносит авва Макарий против беса, не позволяющего ему войти в сад. Евагрий использует эту традицию, чтобы показать, какими словами Писания стоит воспользоваться, чтобы успешно противостоять демону-оруженосцу²⁶.

Но еще интереснее то, что существует совсем краткий рассказ о путешествии св. Макария Александрийского в одном из сборников *Apophthegmata Patrum*. Редактор апофтегмы отзывается о саде Ианния и Иамврия весьма позитивно. В ней говорится, что св. Макарий, после того, как стяжал совершенство добродетелей Божиих, победил все страсти и стал равным ангелам, удостоился видения существ бестелесных и божественных тайн, которые Бог пожелал открыть ему, когда авва вошел в «рай» (парадиз) Ианния и Иамврия²⁷. Получается, что с точки зрения автора апофтегмы и учеников аввы Макария, на слова которых он при этом ссылается, оазис магов – это место, где авва Макарий получил откровение от Бога. Если в случае с «Антиритором» мы не знаем точно, как Евагрий относится к преданию о саде²⁸, то в данной апофтегме мы

²⁶ Тракат «Антиритор» – это советы Евагрия своим читателям, как отвечать на искушение беса, представляющие собой цитаты из Священного Писания. В интересующем нас фрагменте речь идет о том, что против демона, являющегося с мечем, следует сказать то, что ответил блаженный Макарий, когда такой бес явился ему при входе в сад (сир. *Prdiso*), который сотворили Ианний и Иамврий: «Ты идешь против меня с мечем, копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа» (1 Цар. 17: 45). Сирийский текст см.: *Frankenberg*. 1912. P. 504–506. Мы пользовались французским переводом, любезно предоставленным проф. П. Жезном.

²⁷ К сожалению, эта апофтегма (N 488) не издана и доступна только во французском переводе. – См.: *Regnault*. 1985. P. 167. Интересно, что редактор апофтегмы ссылается на слова «некоторых, бывших его учениками», то есть ясно указывает на существовавшую устно «позитивную» монашескую традицию о саде.

²⁸ Вероятнее всего, он относится к ней нейтрально, во всяком случае, вряд ли негативно.

имеем четкое указание на позитивную оценку, по сути противоположную той, которую мы знаем из «Лавсаика» и «Истории монахов».

В этой связи стоит вспомнить еще один агиографический текст – «Житие св. Онуфрия Великого». В своей изначальной форме «Житие» представляет собой путешествие аввы Пафнутия в глубину пустыни в поисках совершенного монаха. После скитаний, он приходит в некий оазис, где обитают четыре молодых инока. Вот, как описан этот оазис²⁹:

«Пришел я к источнику воды. Присел я немного из-за усталости, и были большие деревья, растущие у источника. Когда я отдохнул и упокоился немного, я остался здесь и гулял среди деревьев, дивясь, и думал: “Кто тот, кто насадил их в месте сем?” И были среди них деревья, изобилующие плодами: и цитры, и гранаты, и фиги, и яблоки и виноград, и персики, и кисма³⁰ и другие деревья благоухающие. Источник дает воду и питает все деревья, растущие в этом месте. И пока дивился я деревьям и смотрел на воду и плоды их, вот, четверо юношей подошли, (став) в отдалении, прекрасные в образе своем, одетые в прекрасные одежды кожаные, обернутые вокруг тел. Когда они подошли ко мне, они сказали мне: “Радуйся, Пафнутий³¹, брат возлюбленный”.

Я же пал ниц и приветствовал их, они же подняли меня и приветствовали. И пребывали они в великом мире, как будто бы вернулись они из мира иного в радости своей и утешении своем ко мне. И стали они собирать плоды с деревьев и кормили меня. И возрадовалось сердце мое от того, как питали они меня³². И пребывал я с ними пять дней и ел от плодов деревьев».

Очевидные параллели с рассказом о псевдо-рае Ианния и Иамврия из «Истории монахов» трудно не заметить: оазис в пустыне, имеющий водный источник и превращенный в сад с различными деревьями, имеющий явные или скрытые аллюзии с земным раем, где пребывают монахи, питаются плодами этого сада и не отягощая себя физическим трудом. Когда к ним приходит путник они приветствуют его и угощают плодами этого сада. Но есть и одно существенное отличие. Если оазис в рассказе из «Истории монахов» оценивается крайне негативно – это псевдо-рай и дьявольская ловушка, то «Житие св. Онуфрия» он – высшая точка путешествия Пафнутия, где тот причащается от ангела. Еще интереснее, что оба эти текста, как «Антиритор» Евагрия и упомянутая апофтегма о Макарии, вышли из одной монашеской среды Нижнего

²⁹ Перевод сделан по коптской версии «Жития» по изданию *Budge*. 1914. P. 219–220.

³⁰ Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с каким-то сильно испорченным греческим словом, смысл которого не ясен.

³¹ Букв. «человек Божий», что и означает имя Пафнутий, ср. перевод Баджа: *Thou man of God (Budge*. 1914. P. 469). Возможно, здесь имеет место игра слов.

³² Употребленный здесь коптский глагол означает еще «носить» и «нянчить».

Египта³³. Любопытно также, что оба эти рассказа, скорее всего, появились примерно в одно и то же время – последней четверти IV в.³⁴ Возникновение примерно в одно и то же время в одной и той же монашеской среде двух прямо противоположных представлений об «образе рая» в пустыне вряд ли может быть случайным.

Но обратим внимание еще на одну деталь. Если рассказ «Истории монахов», апофтегма о Макарии и «Жития св. Онуфрия», несомненно, связаны между собой, то с ними как-то связан и третий наш фрагмент – о путешествии аввы Макария Александрийского из «Лавсаика». Ведь с фрагментом из «Истории монахов» его роднит не только упоминание главной цели маршрута, но и «фольклорный» рассказ о том, как бес пугал следы, собирая тростинки, которые подвижник оставлял по дороге – в одном случае, правда, это произошло по пути следования аввы в сад, а в другом – во время его возвращения. И здесь, как мне представляется, можно сделать несколько интересных предположений.

Дело в том, что «Житие св. Онуфрия» проникнуто одним амбивалентным мотивом – идеалом жизни в глубине пустыни, который уже почти недостижим, поскольку необратимый сдвиг к более социальным формам монашеской организации в ближней пустыне уже произошел. Мир «внутренней» пустыни – это уже ностальгия, это мир, в который еще можно прийти, но уже нельзя остаться³⁵. Однако можно предположить, что представления о некоем «рае» в пустыне, с которым еще можно было соприкоснуться, был весьма распространен: вспомним еще раз апофтегму о познании аввой Макарием божественных тайн в оазисе магов. И рассказ о путешествии аввы Макария из «Истории монахов», с «правильно» расставленными акцентами, появился как своеобразная реакция на этот идеал. Пустынный «рай» – есть ловушка (здесь автор рассказа и вводит известный к тому времени в монашеской среде сюжет

³³ Св. Макарий Великий, как известно, считается основателем Скита. В «Житии св. Онуфрия» сказано, что рассказ Пафнутия, вышедшего из «внутренней» пустыни, был записан скитскими монахами. Евагрий до своей кончины в 399 г. подвизался в Келлиях, монашеском поселении по соседству со Скитом, и хорошо знал обоих свв. Макариев.

³⁴ Так, например, путешествие иноков с Масличной горы, описание которого и послужило основой для «Истории монахов», датируется 394–395 гг., написание «Лавсаика» принято относить к 419–420 гг., но предания о саде, там изложенные, имеют, естественно, более раннее происхождение. Составление «Жития св. Онуфрия» можно отнести к последней четверти IV века. Вероятно, только апофтегма о путешествии аввы Макария в сад могла быть записана немного ранее.

³⁵ См.: Войтенко. 2009.

о саде Ианния и Иамврия), а безбедное существование иноков в этом «раю» – не что иное, как соблазн. И вовсе не следует искать такой «рай» в глубине пустыни, следует оставаться в своей келье³⁶, а не пускаться в долгие и опасные странствия. Но судя по всему идея о том, что в глубине пустыни каким-то образом можно прикоснуться к «земному раю» все еще властвовала над некоторыми умами. Вот тогда, вероятно, и возникло «продолжение истории»: вариант с преп. Макарием Александрийским, который преодолевая огромные трудности, приходит в этот оазис и не находит в нем уже ничего, кроме фрагмента ржавой колодезной цепи, медного кувшина и засохшего граната. Сад во «внутренней» пустыне разорен полностью, что, видимо, должно было устранить соблазн самой идеи о путешествии туда: ведь указание на чудную и блаженную жизнь монахов среди различных деревьев из «Лавсаика», несмотря на предупреждения старцев, еще содержит в себе вполне понятное искушение.

Таким образом, выявление в корпусе агиографической монашеской литературы отголосков различных апокрифических преданий может быть интересно не только для реконструкции их оригинальных версий. Оно, помимо этого, может быть полезно и для реконструкции самих монашеских представлений, выявляя некоторые их особенности, не всегда заметные с первого взгляда.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Войтенко А. А. Коптское «Житие преп. Онуфрия Великого» и египетское монашество в конце IV в. // Культура Египта и стран Средиземноморья в Древности и Средневековье. Сборник статей, посвященный Т. Н. Савельевой. М., 2009. С. 127–143.
- История египетских монахов / Пер. с греч. Н. Кульковой. М.: ПСТБИ, 2001.
- Палладия, епископа Елеонопольского Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов. СПб., 1873; М.: «КРОН-пресс», 1992.
- Реньё Л. Повседневная жизнь отцов-пустынников IV в. М.: «Молодая гвардия», «Палимсест», 2008.
- Тексты Кумрана. Вып. 2 / Введ., перевод с древнеевр. и араб., комм. А. М. Газова-Гинзберга, М. М. Елизаровой, К. Б. Старковой. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996.
- Хосроев А. Л. Пахомий Великий: Из ранней истории общежительного монашества в Египте. СПб.; Кишинев; Париж, 2004.
- Bertelot K. La chronique de Malalas et les tradition juives / Recherches sur la chroniques de Jean Malalas. I / Éd. par J. Beaucamp avec collaboration de S. Augusta Bouralot, A.-M. Bernardi, B. Cabouret et F. Caire. Paris, 2004. P. 37–51.

³⁶ Назидательная мысль о том, что монаху следует оставаться в своей келье, довольно ясно присутствует в Arophetegmata Patrum. – См.: Реньё. 2008. С. 95–98.

- Coptic Martyrdoms etc. in the Dialect of Upper Egypt / Ed. with English Transl. by E. A. Wallis Budge. Oxford, 1914.
- Butler C.* The Lausiaca History of Palladius. Cambridge 1898–1904. Vol. I–II. (Texts und Studies V–VI).
- Historia monachorum in Aegypto / Édition critique du texte grec et traduction annotée par A.-J. Festugière. Bruxelles, 1961.
- Frankenberg W.* Euagrius Ponticus. Berlin, 1912.
- Guillaumont A.* Les ‘Kephalaia gnostica’ d’Évagre le Pontique et l’histoire de l’origénisme chez les grecs et chez les syriens. Paris: Édition du Seuil, 1962.
- Guillaumont A.* Macaire d’Alexandrie // Dictionnaire de Spiritualité ascétique et mystique, doctrine et histoire. Paris: Beauchesne, 1980. T. X. Col. 4–5.
- Halkin F.* Sancti Pachomii vitae graecae. Bruxelles, 1932 (Subsidia hagiographica 19).
Les sentences des Pères du désert. Série des anonymes / Trad. Par Dom L. Regnault. Solesmes: Bellefontaine, 1985.
- Lampe G. W. H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford: The Clarendon Press, 1961.
- Pietersma A.* The Apocryphon of Jannes and Jambres the magicians: P. Chester Beatty XVI. Leyde: E. J. Brill, 1994.
- Schürer E.* Geschichte des jüdischen Volkes. 1909. Bd. III.
- Schürer E.* The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ (175 BC. – AD. 135). A New English Version. Edinburgh: T. and T. Clark LTD. Vol. III. Part 2.
- Starowieyski M.* Remarques sur les sources de quelques apophtegmes des pères du désert // Studia Patristica. Vol. VIII/ 2 (1989). P. 293–298.
- Wikgren A.* Jannes and Jambres // The Interpreter’s Dictionary of the Bible: An Illustrated Encyclopedia. Nashville, 1991. P. 800–801.

Войтенко Антон Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исторической географии и картографии Института всеобщей истории РАН; voytenko@yandex.ru

Д. А. БУДЮКИН

КОРОВЫ ГРАФА ФЕРРЕРСА КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛЕГЕНДЫ

В статье анализируется процесс конструирования легенды о рождении черного теленка в стаде белых коров имения Чартли как предвестника смерти в семье графа Феррерса.

Ключевые слова: граф Феррерс, дикие белые коровы, семейная легенда, предвестник смерти, Англия, пэрство, аристократия.

В викторианскую эпоху в британской культуре произошел всплеск интереса к истории аристократических семейств, и в первую очередь к всевозможным романтическим легендам¹. На волне этого интереса, в частности, приобрели огромную популярность книги сэра Бернарда Бёрка, полные романтических, а нередко и просто фантастических, историй². Рецензии на эти книги в основном были негативными, но мнение критиков в данном случае явно не совпало с мнением читателей. Разумеется, Бёрк был далеко не одинок в своем творчестве. Многие другие, менее известные, авторы извлекали из «семейных сундуков» или попросту изобретали легенды древних родов, распространение которых обычно оказывалось для потомков их героев весьма полезным. Согласно одной из таких легенд, рождение черного теленка в принадлежащем графу Феррерсу стаде коров Чартли предвещает несчастье в семье владельца имения. Данная статья посвящена рассмотрению механизма возникновения этой легенды, тем самым проливая свет как на особенности исторического сознания и массовой культуры викторианской Англии, так и на тенденции развития идентичности и самосознания английской аристократии этого периода.

Коровы Чартли представляют немалый интерес, как зоологический, так и историко-культурный, и являются предметом научного изучения в течение уже очень длительного времени. Это одна из разновидностей обитающего в Британии с древних времен одичавшего крупного рогатого скота, известного как дикие белые коровы. До наших дней в Англии сохранились два основных и несколько небольших стад таких

¹ См.: Henson. 2002.

² Первая из них: Burke. 1849.

животных. Они содержатся в диком состоянии в лесопарках, находящихся в имениях лордов: в Чартли графа Феррерса в Стаффордшире и в Чиллингеме графа Танкервилля в Нортумберленде. Во всех стадах периодически, а в некоторых довольно часто, рождаются черные телята.

Предварительное рассмотрение различий между стадами заставляет обратить внимание на некоторые детали. Наиболее известным является стадо Чиллингема, так что все белые коровы Британии иногда называются чиллингемскими. Существуют определенные различия и в экстерьере животных, а именно в форме рогов и в цвете ушей. У коров Чиллингема красные уши, а у коров Чартли – черные.

Символическому значению белых коров, сформировавшемуся в британском общественном сознании начиная со второй половины XVIII в., посвящена статья Харриет Ритво³. Исследуя формирование мифа о том, что белые коровы – непосредственные потомки древних британских диких быков – туров, что они всегда были дикими, сохранились в этом первозданном состоянии и генетически не связаны с обычным домашним скотом, автор приходит к выводу: эти представления возникли и стали устойчивыми, поскольку символизировали аборигенность, древность рода и могущество их аристократических владельцев и – опосредованно – величие и славу всего британского народа.

ДжеССИКА Хемминг показывает связь чиллингемских коров с мифологическими представлениями кельтов о том, что для животных белая окраска и красные уши являются маркером принадлежности к миру фейри. Автор считает, что чиллингемские коровы явились результатом длительного и сложного процесса селекции и разведения и в силу своей редкости, особой окраски и лиминального (промежуточного между диким и домашним) статуса получили сакральные ассоциации, особенно в Ирландии, где о них знали лишь по рассказам. Хемминг отмечает, что эти животные по-прежнему сохраняют волшебную, таинственную ауру, которая активно используется их владельцами⁴. О легенде Чартли в этой статье не упоминается. И всего одно упоминание легенды о коровах Чартли имеется в статье Х. Ритво, где автор со ссылкой на статью конца XIX в.⁵ пишет: «в Чартли ... убийство черных телят связано с древней легендой о том, что каждое такое рождение предвещает смерть во владельческом семействе Феррерсов»⁶.

³ Ritvo. 1992.

⁴ Hemming. 2002.

⁵ Masefield. 1898. P. 46.

⁶ Ritvo. 1992. P. 9.

Но действительно ли древняя эта легенда? Сама Ритво отмечает, что до второй половины XVIII в. упоминания о белых коровах Британии немногочисленны и малоинформативны. Важным источником по истории Стаффордшира является книга Сампсона Эрдесвика (конец XVI в.), однако в его описании парка Чартли упоминаются лишь *wild beasts*⁷, идентичность которых с дикими коровами предполагается. Впоследствии описанием Стаффордшира занялся такой выдающийся исследователь, как доктор Роберт Плот⁸. Но и в его «Естественной истории Стаффордшира» мы не находим никакой информации о легенде Чартли. При этом Плот вовсе не чужд описанию подобных легенд: так, в «Естественной истории Оксфордшира» он подробно излагает историю о таинственных стуках, знаменующих смерть в семействе Вудов, а также еще несколько историй о сверхъестественном⁹, которые со ссылкой на него упоминают и современные «специалисты»¹⁰. Вряд ли доктор Плот оставил бы без внимания легенду о коровах, если бы она была ему известна.

Графы Феррерсы из рода Ширли оставили в первой половине XVIII в. определенный след в истории, удостоившись особого упоминания в книге Дж. Кэннона: «семья Ширли имела несчастье произвести 3-го графа Феррерса, официально признанного сумасшедшего, и его племянника, 4-го графа, которого, вероятно, также следовало бы считать таковым». Как разъясняет далее автор, «Лоренс Ширли, унаследовавший титул в 1745 г., был человеком неукротимого нрава. Его жена добилась раздельного проживания на основании жестокого обращения в 1758 г., и двумя годами позже он застрелил своего управляющего. Несмотря на заявление о “случившемся помрачении рассудка”, он был признан виновным в убийстве и повешен в Тайберне в мае 1760 г.»¹¹. Однако все эти события не вызвали никаких упоминаний о легенде. Например, преступление, процесс и казнь 4-го графа стали одной из главных новостей 1760 года, в “Annual Register” приведена подробная хроника этих событий¹² и обширная биография графа¹³ – однако о коровах и черном теленке нет ни слова. В “The Newgate Calendar”, как и следовало ожидать, немало написано о графе Феррерсе, его преступлении и процессе, но не о легенде и предзнаменовании его печальной участи.

⁷ *Erdeswick*. 1820. P. 52.

⁸ См. о нем: *Зверева*. 2005.

⁹ *Plot*. 1677. P. 204–212.

¹⁰ Напр.: *Мичелл, Рикард*. 1990. С. 264.

¹¹ *Cannon*. 1984. P. 11.

¹² *Annual Register*... 1760. 1761. P. 66, 72, 93, 100, 103.

¹³ *Ibid*. P. 38–47.

Никаких указаний на легенду и в дальнейшем не появляется в книгах, в том числе и в тех, где им по смыслу следовало бы быть. Во «Всеобщей истории четвероногих» (с гравюрами Т. Бьюика) отдельная глава посвящена британским диким коровам¹⁴. Это первое подробное их описание содержит информацию о внешнем виде (с иллюстрацией) и поведении коров, однако парк Чартли лишь упомянут последним из пяти известных в то время мест их обитания, а о периодически рождающиеся в стадах черные телята вообще не упомянуты. В справочнике У. Уайта приведено много информации и об усадьбе, и о коровах – но не о легенде¹⁵. Авторы зоологических описаний диких белых коров также до середины XIX в. ничего о легенде не пишут¹⁶. Даже в журнальной статье, где упоминается об обычае убивать черных телят в стаде Чартли, ничего не написано о легенде, которая должна была бы послужить тому причиной¹⁷. Сэр Освальд Мосли, известный стаффордширский краевед, в книге которого (1863 г.) можно увидеть одно из лучших цветных изображений коров Чартли, о легенде тоже не пишет¹⁸.

Впервые в книжном издании легенда была изложена в 1841 г. Уолтером Денди, автором одной из множества книг о сверхъестественном¹⁹. Данный текст, вероятно, является первоисточником всех последующих изложений легенды и поэтому приводится здесь полностью: «В парке сохраняется, в своей первобытной чистоте, местная стаффордширская корова, небольшого роста, песочно-белого цвета, с черными ушами, мордой и кончиками рогов. В год битвы при Бертон-Бридже родился черный теленок, и падение великого дома Феррарс произошло в тот же период, дав начало традиции, которая по сей день почитается простым народом, о том, что рождение окрашенного теленка в дикой породе Чартли-Парка – это верное предзнаменование смерти члена семьи лорда в тот же год. Такой теленок рождался каждый раз, когда в последние годы в этой семье случалась смерть. Кончина последнего графа и его графини, его сына лорда Тамуорта, его дочери миссис Уильям Джолифф, так же как смерти сына и наследника нынешнего лорда и его дочери леди Фрэнсес Ширли, – все они предварялись зловещим рождением запятнанного теленка. Весной прошлого года

¹⁴ A General History of Quadrupeds. 1792. P. 34–37.

¹⁵ White. 1834. P. 46–47, 684.

¹⁶ The Magazine of Natural History. 1838. P. 501–505; McCulloch. 1839. P. 117–119; Vasey. 1857. P. 140–149.

¹⁷ The North British Revue. 1846. P. 25–26.

¹⁸ Mosley. 1832. P. 27–31; Idem. 1863. P. 16–18.

¹⁹ См., напр.: Henson. 2002.

совершенно черное животное было произведено на свет в этом роковом племени, и за этим рождением последовала смерть графини²⁰.

Вряд ли есть смысл всерьез рассматривать научность и достоверность этого текста, особенно отнесения начала легенды к далекому XIII в., не сопровождаемого ссылками на источники. В 1845 г. книга Денди была переиздана в США, текст о легенде Чартли никаких изменений в этом издании не претерпел²¹. Все последующие изложения легенды о черных телятах повторяют текст Денди, иногда с сокращениями или добавлением несущественных подробностей. Ни одного факта, связанного с предзнаменованием, сбывшимся после 1840 г., не отмечается никем из авторов. Поэтому, хотя у нас и нет оснований безусловно отвергать фольклорные истоки легенды, ее широкое распространение, очевидно, относится к середине XIX в. и связано с работами Денди и последующих авторов, которые заимствовали его текст.

Исходя из имеющейся информации, мы можем сделать предварительные выводы о причинах формирования легенды. Обращение к генеалогии графов Феррерсов показывает, что за период между 1824 и 1835 годами умерли 7-й граф Феррерс, два наследника этого титула – старшие сыновья 7-го и 8-го графов, обе графини Феррерс и две дочери 8-го графа²². Вероятно, эти семь смертей за десять лет в значительной мере совпали с рожденьями черных телят. За предшествующий период смертей в семействе было значительно меньше, поскольку 3-й, 4-й и 5-й графы потомства не оставили²³. Никаких оснований предполагать столь резкие изменения частоты рождения черных телят в Чартли у нас нет. Возможно, с возникновением легенды связано и то обстоятельство, что графы Феррерсы жили в Чартли изредка и недолго (их главная резиденция – не Чартли, а Стаунтон-Гарольд в Дербишире), так что рождение теленка и смерть в семье графа не совпадали по месту.

На вопрос, какова была роль самих графов Феррерсов в разработке легенды, трудно ответить однозначно. Вашингтон Ширли, 8-й граф, родившийся 13 ноября 1760 г., умер 2 октября 1842 г.²⁴, вскоре после выхода книги Денди. Вряд ли этот уже очень пожилой человек, переживший всех своих детей, специально занимался созданием легенды, однако обратиться к мистике и увидеть взаимосвязь между рожденьями

²⁰ *Dendy*. 1841. P. 116–117.

²¹ *Dendy*. 1845. P. 119–120.

²² *Lodge*. 1844. P. 220.

²³ *Lodge*. 1859. P. 219–220.

²⁴ *Lodge*. 1844. P. 220.

черных телят и утратами близких он вполне мог. Наследовавшему ему внуку, родившемуся 3 января 1822 г.²⁵ и проживавшему как раз в Чартли-хаусе, после смерти деда было, пожалуй, не до легенды о коровах: как раз в это время молодой граф оказался ответчиком в скандальном судебном процессе о нарушении обещания жениться и вынужден был защищаться от выдвинутых против него обвинений (как выяснилось впоследствии, ложных). Благодаря этому случаю Феррерсы оказались единственным знатным семейством, которому посвящены две главы в книге Питера Бёрка (первая из них, разумеется, о деле 4-го графа)²⁶.

В 1831 г. был опубликован роман Джеймса Далтона (без указания имени автора) “Chartley the Fatalist”²⁷. Чартли здесь – имя главного героя, и никакого отношения к легенде о коровах и вообще к графам Феррерсам романтический сюжет этой книги не имеет. Тем не менее, и эта книга внесла свой вклад в формирование легенды. Уже в 1861 г. Хорас Уэлби в книге “Mysteries of Life, Death and Futurity”, а за ним еще несколько авторов²⁸ утверждают, что сюжет легенды был «впечатляюще обработан в романтической истории, названной “Chartley; or the Fatalist” (sic!)». С книгой Уэлби связано и еще одно недоразумение. Излагая легенду, он ссылается не на Денди, а на “Staffordshire Chronicle, July, 1835”²⁹, в чем у него снова находятся последователи³⁰. Между тем, найти информацию о газете или журнале под названием “Staffordshire Chronicle” за 1835 год не представляется возможным. Одна газета с таким названием выходила в 1859–1869 гг., другая, с 1877 г. выходявшая как “Stafford Chronicle” – в 1884–1955 гг. Существовали также “Walsall Observer, and South Staffordshire Chronicle” (1873–1985 гг.) и “Potteries Advertiser and North Staffordshire Chronicle” (1897–1912 гг.)³¹. Таким образом, нет никаких данных о СМИ с этим названием в указанное время, хотя ко времени выхода книги Уэлби такая газета была.

Книга У. Денди стал импульсом, запустившим вал последующих публикаций о легенде, которая начинает упоминаться и в научных текстах. Иногда в них просто указывается на ее существование³², иногда со

²⁵ Ibid.

²⁶ Burke. 1849. P. 193–227, 485–505.

²⁷ Dalton. 1831. Рец. см.: The New Monthly Magazine. 1831. P. 64.

²⁸ Напр.: Dyer. 1895; Мичелл, Рикард. 1990.

²⁹ Welby. 1861. P. 263.

³⁰ Напр.: Мичелл, Рикард. 1990.

³¹ The Waterloo Directory.

³² Sneyd. 1847. P. 61.

ссылкой на источник приводится полный текст Денди³³. Без подробного изложения легенды не обошлось и в фундаментальном труде о диких коровах Британии Дж. Сторера³⁴. В 1896 г. вышла статья известного фольклориста Шарлотты Берн “Staffordshire Folk and Their Lore”. К сожалению, подробно рассмотрев фольклорные представления жителей Стаффордшира, она смогла «лишь упомянуть... черного теленка, иногда появляющегося среди диких белых коров Чартли-парка, чье рождение предвещает смерть в семействе Феррерсов»³⁵. После этого подробные изложения легенды Феррерсов, опирающихся все на тот же первоначальный текст, и простые упоминания о ней уже не поддаются исчислению. Легенда не только излагается в многочисленных книгах о паранормальных явлениях (по крайней мере одна из них – книга Дж. Мичелла и Р. Рикарда «Феномены книги чудес» – вышла в русском переводе уже в 1988 г.), но и упоминается в большинстве научных текстов о коровах Чартли. Более того, автор одной из научных статей не только излагает легенду, предварительно написав «когда мы переходим к семейным традициям... у нас более достоверный материал» и добавив от себя неточности в генеалогии Феррерсов³⁶, но еще и пытается подвести под нее теоретические основания, всерьез рассуждая о том, как человеческие дела способны заставить мутировать гены коров³⁷.

Легенда о черных телятах Чартли стала частью мифологического комплекса, сложившегося вокруг белых коров Британии. Она сформировалась и стала актуальной одновременно с другими компонентами этого мифа, в итоге оказавшись самым устойчивым из них. Действительно, если псевдонаучные утверждения легко поддаются научному опровержению, то легенда, приобретая ореол древности и тайны, становится частью традиции и в итоге некритически принимается как данность даже в научном дискурсе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Зверева В. В.* «Естественные истории» Роберта Плота: эстетика любопытства // Человек XVII столетия. Часть 2. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 7–20.
- Лайсафт П., Михайлова Т.* Банши: Фольклор и мифология Ирландии / Пер. с англ. Н. Чехонадской; прилож. А. Мурадовой. М.: ОГИ, 2007. 184 с.
- Мичелл Дж., Рикард Р.* Феномены книги чудес. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990. 288 с.

³³ English Forests. 1853. P. 255–256.

³⁴ Storer. 1879. P. 221.

³⁵ Burne. 1896. P. 385.

³⁶ Brown. 1962. P. 31.

³⁷ Ibid. P. 32.

- A General History of Quadrupeds. The 3rd Edition. London, 1792. X+483 p.
- Brown T.* Living Images // Folklore. Spring 1962. Vol. 73. № 1. P. 25–40.
- Burke B.* Anecdotes of the Aristocracy, and Episodes in Ancestral Story. 2nd Edition. In 2 Vols. Vol. 1. London, 1849. XII+451 p.
- Burke P.* Celebrated Trials Connected with the Aristocracy in the Relations of Private Life. London, 1849. VI+505 p.
- Burne C. S.* Staffordshire Folk and Their Lore // Folklore. 1896. Vol. 7. № 4. P. 366–386.
- Cannon J.* Aristocratic Century: The peerage of eighteenth-century England. Cambridge, 1984. X+193 p.
- [*Dalton J.*] Chartley the Fatalist. In 3 vols. London, 1831. I – 247 p.; II – 274 p.; III – 317 p.
- Dendy W. C.* The Philosophy of Mystery. London, 1841. XII+444 p.
- Dendy W. C.* The Philosophy of Mystery. New York, 1845. VI+442 p.
- Dyer T. S. T.* Strange Pages from Family Papers. London, 1895 (Project Gutenberg eBook. URL: <http://www.gutenberg.net>).
- English Forests and Forest Trees, Historical, Legendary, and Descriptive. L., 1853. 404 p.
- Erdeswick S.* A Survey of Staffordshire / Ed. T. Harwood. Westminster, 1820. LVI+440 p.
- Hemming J.* Bos Primigenius in Britain: or, Why Do Fairy Cows Have Red Ears? // Folklore. 2002. Vol. 113. № 1. P. 71–82.
- Henson L.* “Half Believing, Half Incredulous”: Elizabeth Gaskell, Superstition and the Victorian Mind // Nineteenth-Century Contexts. 2002. Vol. 24. № 3. P. 251–269.
- Lodge E.* The Genealogy of the existing British Peerage and Baronetage. New and Enlarged Edition. L., 1859. XVI+870 p.
- Lodge E.* The Peerage of the British Empire as at present existing ... to which is added a Baronetage. 13th Edition. L., 1844. LVIII+655 p.
- Masefield J. R. B.* The Wild Cattle of Chartley, Staffordshire // Nature Notes. 1898. Vol. 9. P. 46.
- McCulloch J. R.* A statistical account of the British empire... 2nd Edition. In 2 Vols. Vol. 1. London, 1839. XII+733 p.
- Mosley O.* History of the Castle, Priory, and Town of Tutbury, in the County of Stafford. London, 1832. X+386 p.
- Mosley O.* The Natural History of Tutbury. London, 1863. XVI+408 p.
- Plot R.* The Natural History of Oxford-shire. Oxford, 1677. 358 p. URL: <http://www2.odl.ox.ac.uk/gsd/cgi-bin/library> (дата обращения: 5 мая 2007 г.).
- Plot R.* The Natural History of Stafford-shire. Oxford, 1686. 450 p.
- Ritvo H.* Race, Breed, and Myths of Origin: Chillingham Cattle as Ancient Britons // Representations. Summer 1992. № 39. P. 1–22.
- Sneyd C. A.* Notes // A Relation, or Rather a True Account, of the Island of England ... About the Year 1500 / transl. from the Italian, with notes by C. A. Sneyd. London, 1847.
- Storer J.* The Wild White Cattle of Britain. London, 1879. 384 p.
- The Annual Register, or a View of the History, Politicks, and Literature, of the Year 1760. London, 1761. P. 66, 72, 93, 100, 103.
- The Magazine of Natural History / conducted by Edward Charlesworth. Vol. 2, New Series. London, 1838. P. 501–505.
- The New Monthly Magazine and Literary Journal. London, 1831. P. 64.

The Newgate Calendar. URL: <http://www.exclassics.com/newgate> (дата обращения: 26 апр. 2007 г.).

The North British Review. Feb.-Aug. 1846. Vol. 5. P. 1–34.

The Waterloo Directory of English Newspapers and Periodicals: 1800-1900. Series 2. URL: <http://www.victorianperiodicals.com/Series2> (дата обращения: 3 апр. 2008 г.).

Vasey G. A Monograph of the Genus Bos: The Natural History of Bulls, Bisons, and Buffaloes. London, 1857. XVI+192 p.

Welby H. Mysteries of Life, Death, and Futurity. London, 1861. XVI+276 p.

White W. History, Gazetteer, and Directory of Staffordshire, And the City and County of the City of Lichfield... Sheffield, 1834. 772 p.

Будюкин Дмитрий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, теории государства и права и конституционного права Липецкого государственного технического университета; boudukin@yandex.ru

Ж. В. ПЕТРУНИНА, А. А. ШУНЕЙКО

«ВОЕВОДА ПАЛЬМЕРСТОН»

ОБРАЗ АНГЛИЙСКОГО ПОЛИТИКА В РОССИИ XIX В.

В статье авторы обращаются к одной из номинаций английского политика Пальмерстона – «воевода Пальмерстон». Посредством анализа этой номинации, текста, в котором она употреблена, обстоятельств его опубликования и общественно-политических условий в России выявляются характеристики, которыми был наделен Пальмерстон в российском обществе XIX столетия.

Ключевые слова: *Генри Джон Темпл виконт Пальмерстон, общественно-политическая мысль России XIX в., историческая память, образ политического деятеля.*

Известные люди остаются в истории под двумя типами номинаций: официальные и неофициальные имена. Достаточно вспомнить о канцлере Германской империи Отто фон Бисмарке, прозванном Железным канцлером, о Людовике XIV, вошедшем в историю как «король Солнце», или о «Красном кардинале» Ришелье. Второе имя отражает и фиксирует актуальные для общественного сознания положительные и отрицательные особенности личности. Для исследователя обе номинации значимы, поскольку реальные действия, функции и вклад исторического лица определяются в двух основных, по-разному взаимодействующих друг с другом плоскостях: в сфере реальных поступков и в области восприятия этого лица обществом.

Ученые, как правило, концентрируют свое внимание на первом аспекте, а второй – зачастую не учитывается. Между тем, именно он наиболее отчетливо демонстрирует характеристики роли и места лица в историческом процессе или те особенности, которые намеренно, с теми или иными целями, приписываются ему определенными политическими кругами. Второй аспект выявляет специфику взаимодействия между историческим лицом и социумом, тем самым дополняя историческую картину до максимально возможной степени объемности, при создании которой значимы каждый факт, оценка, упоминание и любой штрих.

Британский политик Генри Джон Темпл виконт Пальмерстон (1784–1865) имел множество неофициальных наименований, что является показателем его популярности, влияния и высокой степени включенности в исторический процесс. На это обращают внимание многие исследователи, отмечая, что Пальмерстон «входит в десятку

самых выдающихся государственных мужей Великобритании всех времен. Если бы в XIX столетии существовала книга рекордов Гиннеса, он вошел бы в нее, и не в одной номинации»¹. В прессе, частной переписке и дневниках XIX века его имя упоминалось с завидной регулярностью.

Факты политической жизни Пальмерстона достаточно известны в отечественной и зарубежной историографии² и не являются предметом настоящей статьи. Здесь мы сконцентрируемся на одном из неофициальных наименований Пальмерстона и проследим, какие из характеристик исторического лица в российской общественно-политической мысли XIX в. оно раскрывает. Это имя – «воевода Пальмерстон». Необходимо отметить, что это не единственная устойчивая номинация Пальмерстона. В будущем авторы планируют рассмотреть все существующие в отечественной общественно-политической мысли XIX столетия оценки Пальмерстона и создать полный образ, фиксирующий его восприятие российскими современниками.

Имя британского политика «воевода Пальмерстон» было и остается популярным в российском обществе. Конечно, современный уровень популярности несравним с тем, который присутствовал во второй половине XIX в., но отголоски всеобщего внимания, слышатся до сих пор в виде отдельных упоминаний в составе стихотворных строк, которые дали этому имени жизнь. Например, эпитафия ко второй части литературно-критической статьи А. Шмалько «Их ответ Чемберлену»: «Вот в воинственном азарте / Воевода Пальмерстон / Поражает США на карте / Указательным перстом». Или, М. Калашников и С. Кугушев в книге «Третий проект: точка перехода» пишут: «С 1830 по 1865 годы вождем британской олигархии, ее «венцианским дожем» выступает ученик Бентама и любитель спиритических сеансов (общения с духами мертвых) лорд Пальмерстон. Это про него полтора века назад у нас пели частушку: «Вот в воинственном азарте // Воевода Пальмерстон // Поражает Русь на карте // Указательным перстом». А. Широкоград в предисловии к работе «Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907» приводит слова из песни 60-х гг. XIX в.: «И в воинственном азарте // Лорд британский Пальмерстон // Поражает Русь на карте // Указательным перстом»³.

¹ Виноградов. 2006. С. 182.

² Виноградов, Сергеев. 1990; Виноградов. 1991; Сергеев. 1986; Жолудов. 1988; Bourne. 1982; Brown. 2002; Cargill. 1840; Gueddella. 1950; Webster. 1851.

³ Шмалько. 2002. С. 1; Калашников, Кугушев. 2005. С. 56; Широкоград. С. 1.

Активное распространение этого наименования началось в 1854 г. В № 37 газеты «Северная пчела» без подписи было опубликовано стихотворение «На нынешнюю войну»: «Вот, в воинственном азарте, / Воевода Пальмерстон / Поражает Русь на карте / Указательным перстом. / Вдохновлен его отвагой, / И Француз за ним туда ж, / Машет дядюшкиной шпагой / И кричит: Aillons, courage! / Полно, братцы, на смех свету / Не останьтесь в дураках. / Мы видали шпагу эту / И не в этаких руках. / Если дядюшка безславно / Из Руси вернулся вспять, / Так племяннику подавно / И вдали не сдобровать / Альбион – статья иная – / Он еще не раскусил / Что за машина такая / Наша Русь, и в сколько сил. / То-то будет удивленье. / Для практических голов, / Как высокое давление / Им покажут без паров! / Знайте ж – машина готова, / Будет действовать как встарь, / Ее двигают три слова: / Бог, да родина, да Царь!»⁴.

Стихотворение появилось в связи с Крымской войной и политикой Англии на Ближнем Востоке. Уже сам характер и обстоятельства публикации этого текста говорят о том значении, которое ему придавали издатели, и о той роли, которую они собирались на него возложить. Стихотворение опубликовано на первой странице официального государственного печатного издания сразу вслед за правительственными материалами и в семиотическом отношении имеет особенности передовой статьи. Стихотворение расположено так, чтобы четко показать читателю: перед Вами официальное мнение, которое намеренно зафиксировано в доступной широким массам форме для того, чтобы быть более понятным. Отметим, что стихотворная фиксация политических фактов в рамках различных поэтических жанров имеет существенно несходные идеологические составляющие. Подавая посредством легкого текста важные политические проблемы, правительство тем самым намеренно снижает их остроту и указывает на то, что в действительности серьезная проблема не является таковой. «Северная пчела» сознательно формирует ложное восприятие внешнеполитического события.

Авторство этого стихотворения приписывалось разным людям: актеру П. Каратыгину, флотскому офицеру А. П. Опочинину и малоизвестному поэту В. П. Алферьеву⁵. Примечательно, что благодаря «Критико-биографическому словарю русских писателей и ученых»⁶ автором

⁴ Северная пчела. 1854. № 37.

⁵ К творчеству В. П. Алферьева обращалась литературовед Г. В. Федянова. – Федянова. 2008.

⁶ Венгеров. 1899. Т. 1. С. 443.

текста считается В. П. Алферьев, в то время как отечественный публицист XIX века П. С. Усов даже в 1882 г. указывал, что «это стихотворение в свое время наделало много шума. Оно приписывалось разным лицам, но истинный автор остался мне неизвестным. Произведение было доставлено непосредственно Николаю Павловичу»⁷.

На вопрос об авторстве, издании и характере распространения этого текста существует и иной взгляд. Так, например, С. Н. Сергеев-Ценский в своем романе «Севастопольская страда» писал:

«Несмотря на патриотичность стихшков, не уступающую в этом отношении солдатской песенке Горчакова, они все-таки были запрещены из видов чисто дипломатических, и автора их искали жандармы, поэтому он благоразумно скрыл свое авторство, а молва приписывала их то поэту-актеру Григорьеву, то Алферову, то Опочинину, то другим, а так как они были под запретом, то читались и распевались в светских гостиных... Музыку к ним написал Вильбоа. Запреща куплеты о Пальмерстоне, Николай, между прочим, считался и с ним самим. Он почему-то был убежден, что Пальмерстон, политика которого в двадцатилетнюю бытность его министром иностранных дел сводилась в сущности к покровительству либеральным партиям за границей, благоволяет перед ним лично и поэтому ничего во вред ему и России замышлять не будет»⁸.

С этими соображениями сложно согласиться. Необходимо обратить внимание на то, что перед нами художественный текст, который, хотя и претендует на элементы документальности, но первоисточником не является. Анализируемые события С. Н. Сергеев-Ценский описывал в 1937–39 гг., то есть спустя практически восемьдесят лет после Крымской войны и публикации стихотворения. Более авторитетной представляется информация П. С. Усова, тем более что С. Н. Сергеев-Ценский допускает неточности в именах (Алферьева называет Алферовым).

Вернемся к анализируемому стихотворению. Жанр текста определялся по-разному. Его называли песней, романсом, куплетами, частушкой, экспромтом. Эта жанровая неопределенность напрямую связана с тем, что текст существовал не только в печатном виде, но и в формате музыкального произведения. Неизменной оставалась лишь очевидная популярность текста, обусловленная несколькими факторами.

Публикация стихотворения была первым этапом в системе государственной пропаганды, призванной создать у российского общества строго определенное восприятие событий Крымской войны. П. С. Усов писал, что стихотворение «было напечатано в газете по высочайшему

⁷ Усов. 1882. С. 350.

⁸ Сергеев-Ценский. 2006. С. 45.

повелению. Оно было прислано в редакцию в следующем отношении из канцелярии министерства императорского двора за № 69. «Министр императорского двора, препровождая при сем в редакцию “Северной пчелы” стихи, объявляет, что государю императору было угодно, чтобы оные были напечатаны в означенной газете. За директора, начальник отделения Свечин»⁹.

Следующим этапом в пропагандистской кампании стало издание лубочных картинок. На них стихотворение было воспроизведено полностью под изображением, на котором Пальмерстон среди своих союзников с самонадеянным видом тычет указательным пальцем в карту России. «В арках домов, рядом с книжными ларями коробейников, появились, развешанные на прищепках лубочные картинки с изображением военного совета Англии, Франции и Турции перед картой России. Картинки сопровождалась стихами Василия Алферьева»¹⁰. Параллельно создавались музыкальные произведения. Так, слова стихотворения были положены на музыку композиторов Жюль Бовери и Александра Ивановича Дюбока, свою интерпретацию предложил Константин Петрович Вильбоа. Написанный романс распеваля повсеместно.

Все это вместе вызвало феномен долгосрочного закрепления текста в исторической памяти. Благодаря этому стихотворению имя Пальмерстона вышло за пределы дипломатического круга, политической элиты, аристократических салонов, литературно-издательских кругов и студенческих собраний. Оно стало известно самым широким слоям русского населения.

В семантическом отношении текст представляет собой жанровую зарисовку. Стихотворение состоит из двух четко обозначенных композиционных частей. В первой, меньшей по объему, воспроизводится окаррикатуренная ситуация поведения противников России – Англии и Франции. Во второй части автор дает развернутую оценку их поведению. Он с легкой снисходительностью указывает на отсутствие у французов исторической памяти, а у англичан – способности перспективно мыслить и адекватно оценивать ситуацию. Характерно, что обвинение англичан сочетается с указанием на их практичность, тем самым ставя под сомнение наличие одной из национальных особенностей. Завершается стихотворение тем, что негативным чертам противников России противопоставлены позитивные характеристики русского народа. Они,

⁹ Усов. 1882. С. 350.

¹⁰ Лакиин. 2009. С. 1.

по мнению автора, сводятся к тому, что все действия русского народа базируются на триаде «Православие, Самодержавие, Народность». Присутствие этих категорий в сознании народа определяет его непобедимость. Благодаря композиции текста оказываются контрастно противопоставлены гротескный образ «воеводы Пальмерстона» и сформулированный в идеологической категории образ русского народа.

Важно, что в данном случае «воевода Пальмерстон» отождествляется с Альбионом. В тексте он не просто политический деятель, а персонафикация государства.

В тексте выражены ура-патриотические настроения, в рамках подобного патриотизма любой неприятель предстает в образе комического посягателя на незыблемые основы российской государственности.

Актуальность предлагаемого текста и характер существования его в социальной среде подтверждаются и упоминанием в ряде произведений авторов XIX столетия¹¹.

Различные способы трансляции текста помогали формированию образа: архаический, комический, самонадеянный агрессор, заслуживающий только осмеяния, деятель, которого нельзя принимать всерьез.

Перед нами далеко не единственный случай, когда в отечественной периодике фиксировались такие характеристики. Так, например, в 1854 г. газета «Северная пчела» называла Пальмерстона «поджигатель всех смут и всех революций»¹². Это позволяет утверждать, что стихотворение «На нынешнюю войну», с одной стороны, входило в комплекс широкой пропагандистской кампании, а с другой – в полной мере фиксировало составляющие этой кампании: ее основных участников, ключевые события и факты. Одним из двигателей политических реалий середины XIX в. являлся Пальмерстон. Российский дипломат и историк К. М. Базили, описывая политику Пальмерстона еще в конце 1830-х гг. в связи с кризисом в Османской империи, дал ему имя «Нестор европейских дипломатов»¹³. Подобная характеристика отражала действительную значимость британского премьер-министра в политической жизни Европы и спустя пятнадцать лет.

Благодаря пропагандистской кампании середины 50-х гг. XIX в. социуму навязывалось представление о Пальмерстоне как об азартном провокаторе, развязывающем международные конфликты, вовлекаю-

¹¹ Кони. 1966. Т. 2. С. 58, 78; Станюкович. 1985.

¹² Северная пчела. 1854. № 54.

¹³ Базили. 1962. С. 186.

щем государства в войны, и реализующем исключительные интересы Англии на международной арене, не сообразуясь с потребностями подчиняемых народов. В российской общественно-политической мысли отсутствует «реальный Пальмерстон», а есть образ, созданный текстом.

У прессы достаточно много функций. Среди них наиболее существенными являются, во-первых, формирование ложного восприятия тех или иных событий, а во-вторых, создание и поддержание патриотических настроений и необходимого в данный момент образа врага. Публикация стихотворения «На нынешнюю войну», в принципе, отражает именно эти задачи. По данной проблеме в отечественной печати это была не единственная публикация, но именно она осталась в народном сознании и сформировала образ «воеводы Пальмерстона».

Сам образ включил в себя совокупность следующих характеристик: мужчина, обладающий властными полномочиями и способный к решительным и самостоятельным действиям, азартный провокатор, разжывающий международные конфликты, вовлекающий государства в войны, и реализующий исключительные интересы Англии на международной арене, не сообразуясь с потребностями подчиняемых народов, архаический, комический, самонадеянный агрессор, заслуживающий только осмеяния, деятель, которого широким слоям русского общества не рекомендовалось принимать всерьез. И в то же время, эта фигура постоянно популяризируется, что говорит о скрытом уважении и пиетете в России к британскому политику.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Базилл К. М.* Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 325 с.
- Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 1. СПб.: Изд-во Семеновская типолитография И. Ефрона, 1889. 1200 с.
- Виноградов В. Н.* Британский лев на Босфоре. М.: Наука, 1991. 159 с.
- Виноградов В. Н.* Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182–209.
- Виноградов К. Б., Сергеев В. В.* Лорд Пальмерстон. Жизнь и политическая деятельность // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 154 – 176.
- Жолудов М. В.* Пальмерстон и разработка внешнеполитической доктрины либеральной партии Великобритании // Внешняя политика Великобритании в новое и новейшее время. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1988. С. 25–45.
- Интерактивная иллюстрированная библиотека [М., 2005]. – Режим доступа: URL: <http://www.x-libri.ru/elib/klsku001/> (время доступа 28.01.2011).

- Калашиников М., Кузусhev С.* Третий проект. Тоска перехода // X-LIBRI МАЙОРА ТОМАСА.
- Кони А. Ф.* Собр. соч. в 8 тт. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1966. 504 с.
- Лакишин В. Я.* А. Н. Островский. // Островский Александр Николаевич [М., 2009]. – Режим доступа: URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0830.shtml. (время доступа 28.01.2011).
- Северная пчела. 1854. № 37.
- Северная пчела. 1854. № 54.
- Сергеев В. В.* «Странный либерализм» Лорда Пальмерстона // Национализм, консерватизм и либерализм в новой и новейшей истории Запада. Калининград, 1986. С 8–13.
- Сергеев-Ценкий С. Н.* Севастопольская страда // Виртуальная библиотека [М., 2006–2010]. – Режим доступа: URL: http://virlib.ru/read_book.php?page=44&file_path=books/16/book07681.gz (время доступа 31.01.2011).
- Станюкович К.* Севастопольский мальчик. М.: Советская Россия, 1985. 192 с.
- Усов П. С.* Из моих воспоминаний // Исторический вестник. СПб., 1882. Февраль. С. 345–362.
- Федянова Г. В.* Крымская война в русской поэзии 1850-х гг.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 16 с.
- Широкорад А.* Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907 // Либрусек. – Режим доступа: URL: <http://lib.rus.ec/b/147230/read> (время доступа 28.01.2011).
- Шмалько А.* Их ответ Чемберлену // Творческая мастерская «ВИТИМ» (М., 2002). – Режим доступа: URL: http://www.tm-vitim.org/rezonans/search/mode=show_article&a_id=561 (время доступа 28.01.2011).
- Bourne K.* Palmerston: The early years 1784–1841. New York: Macmillan, 1982. 749 p.
- Brown D.* Palmerston and the Politics of Foreign Policy, 1846–55. Manchester, U.K.: Manchester University Press. 2002. 239 p.
- Cargill W.* Mehemet Ali, Lord Palmerston, Russia and France. Position of England, Turkey and Russia – Egypt and Turkey – Negotiations of Alexandria – Objects of Russia. Treaty of July 15, 1840. London: John Reid and Co. E. and T. Bruce, Newcastle-upon-Tyne. 1840. 96 p.
- Gueddella Ph.* Lord Palmerston. 1784–1865. Lnd., 1950. 324 p.
- Webster Ch.* The foreign Policy of Palmerston. 1830–1841; Britain, the liberal movement, and the Eastern question. London, G. Bell, 1851. 2 v. 914 p.

Петрунина Жанна Валерьяновна, доктор исторических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела социально-экономических и гуманитарных исследований Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета; petrunina71@bk.ru

Шунейко Александр Альфредович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета; shuneyko@knastu.ru

А. О. ПЕЧНИКОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ АНАНЬИНСКОГО МОГИЛЬНИКА И. Р. АСПЕЛИНЫМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье рассматривается проблема исследования одного из крупнейших памятников археологии России – Ананьинского могильника, финским археологом, профессором Хельсинкского (Гельсингфорского) университета Иоганном Рейнхольдом Аспелином (1842–1915).

Ключевые слова: Ананьинский могильник, археология, финно-угры, археологическая культура, археологический памятник.

В середине XIX века в исторической науке Российской Империи происходили важные изменения. Складывались первые археологические направления изучения прошлого страны, были сделаны важнейшие археологические открытия. Открытие Ананьинского могильника возле села Ананьино близ города Елабуги стало важным событием в истории отечественной археологии. Могильник был открыт благодаря исследованиям И. В. Шишкина, К. И. Невоструева, П. Б. Алабина¹. Большой вклад в изучение данного памятника археологии внесли вместе с российскими учеными финские археологи. Первым из финских археологов проводивших исследования был Иоганн Рейнхольд Аспелин. Началось археологическое изучение древностей северо-востока европейской части России, были заложены основы финно-угорской археологии.

Впоследствии этот археологический памятник привлек внимание многих ученых: его исследовали П. И. Лерх, П. Д. Шестаков, П. П. Пасынков, А. М. Тальгрэн, М. Стремберг-Комарова, П. А. Пономарев, А. А. Спицын, Ф. Д. Нефедов, Н. Ф. Высоцкий, Н. А. Толмачев, И. А. Износков, А. В. Збруева, А. Х. Халиков² и др. Исследование Ананьинского могильника не потеряло своей актуальности и в настоящее время. Крупным событием явилась публикация в 2009 г. восьмой книги из серии «Археология евразийских степей» под названием «У истоков археологии Волго-Камья» (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Данная книга объединяет статьи участников Междуна-

¹ Алабин. 1860. С. 87–120.

² Lerch. 1875. P. 190–192; Шестаков. 1880. С. 128–134; Шестаков. 1884; Невоструев. 1869. С. 595–632; Tallgren. 1912. S. 76–85; Tallgren. 1919; Пономарев. 1882. С. 405–438; Спицын. 1893. С. 25–40; Збруева. 1937. С. 95–111; Збруева. 1952. № 30; Халиков. 1962. С. 26–91; Халиков. 1977; Патрушев, Халиков. 1982.

родной научно-практической конференции, посвященной 150-летию открытия Ананьинского могильника³.

Ананьинский могильник – это этнонимный и первый исследованный памятник ананьинской исторической области раннего железного века. В настоящее время комплекс археологических памятников расположен в 3 км к востоку от бывшей д. Ананьино Елабужского района Республики Татарстан, на песчаном останце донной гряды длиной около 200 метров и высотой около 4 метров, который вытянут вдоль края поймы левого берега реки Тойма, правого притока Камы, в направлении северо-запад – юго-восток⁴.

Вслед за российскими исследователями в 1870-х гг. Ананьинский могильник привлек внимание финских археологов. В 1872 г. изучать археологические древности некрополя стал И. Р. Аспелин⁵.

Иоганн Рейнхольд Аспелин родился 1 августа 1842 г. в финской провинции Остерботтен. В 1862 г. он поступил в Гельсингфорский университет где занялся изучением теории о ранней истории своего народа.

В ранних работах И. Р. Аспелин касался преимущественно этнографии финно-угорских народов, но в 1869 г. получил ряд книг русских авторов, где имелись сведения о древностях финно-угров. С этого момента призванием Аспелина становится археология⁶. Во второй половине XIX в. наблюдается подъем интереса среди финских ученых к ис-

Ананьинский могильник.
Этюд И. И. Шишкина

³ У истоков археологии Волго-Камья... 276 с.

⁴ У истоков археологии Волго-Камья... С. 8.

⁵ Исследования И. Р. Аспелина об Ананьинском могильнике нашли отражение в трудах П. Д. Шестакова, П. А. Пономарева, А. А. Спицына, А. М. Тальгрена, А. Збруевой и др. См.: Шестаков. 1880. С. 128–134; Шестаков. 1884; Пономарев. 1882. С. 405–438; Спицын. 1893. С. 25–40; Tallgren. 1912. S. 76–85; Tallgren. 1919; Збруева. 1937. С. 95–111; Збруева. 1952. № 30. В настоящее время из зарубежных исследователей, затрагивающих вопросы изучения финскими учеными археологии Волго-Камья необходимо отметить Т. Салминена, П. Уйно, К. Карпелана, М. Лавенто. См.: Салминен. 2007. С. 100–110; Salminen. 2007. P. 39–51; Salminen. 2003; Карпелан, Уйно. 2009. С. 13–23; Lavento. 2001. S. 383.

⁶ Карпелан, Уйно. 2009. С. 13.

торическим, этническим, социальным проблемам финно-угорских народов, получают развитие идеи и теории, касающиеся истории языков финно-угорской семьи и урало-алтайской языковой общности. Теория М. А. Кастрена об исторической прародине финно-угров в горах Алтая, была популярна в научной среде во второй половине XIX в., что нашло в дальнейшем отражение в исследованиях И. Р. Аспелина.

Иоганн Рейнхольд Аспелин.
(Фото из Suomen
Muinaismuistoyhdistyksen.
Aikakauskirja.Helsinki 1912. XXVI)

Во время своих экспедиций И. Р. Аспелин несколько раз посещал Россию в период с 1871 по 1874 гг. В 1872 г. одним из наиболее важных объектов исследования ученого стал могильник у села Ананьино. И. Р. Аспелин дважды побывал там по пути в Пермь и обратно в конце лета 1872 г. Ученый предполагал, что, возможно, Ананьинский могильник является тем звеном, которое свяжет Алтайско-Уральский бронзовый век и древности Финского железного века в Восточной Европе⁷.

В 1870-х гг., наряду с И. И. Шишкиным, К. И. Невоструевым, П. В. Алабиным, поиском и исследованием древностей в районе Ананьино занимался П. И. Лерх. Посланный Императорской Археологической комиссией из Санкт Петербурга, П. И. Лерх в 1865 г. произвел раскопки могильника и купил ряд вещей у местных крестьян⁸.

И. Р. Аспелин, безусловно, был знаком с основными трудами вышеупомянутых ученых. Важное значение для него имели теории, связывающие захоронения на Алтае с Ананьино. Данной точки зрения придерживался археолог Э. И. Эйхвальд⁹, ознакомившись с материалами П. Алабина. Говоря о раскопках Ананьинского могильника, Аспелин указывал, прежде всего, на бессистемность раскопок и отсутствие четкого плана ранее проводившихся исследований. Он считал, что внутренний порядок в могильнике, как в целом на объекте, был большей частью навсегда разрушен. Исследуя работы предшествующих археоло-

⁷ Aspelin. 1875.

⁸ Lerch. 1875. P. 190–192.

⁹ Eichwald. 1860. S. 458–479.

гов, исследовавших Ананьино, И. Р. Аспелин приводит данные о поспешности и неаккуратности раскопок Алабина, но с другой стороны, находит эту работу успешной. Впоследствии вслед за И. Р. Аспелиным подобное отмечали П. А. Пономарев¹⁰ и А. А. Спицын¹¹.

Могильник разоряли жители окрестных сел, добывая предметы для продажи. От их рук пострадали раскопки самого И. Р. Аспелина: во время его отсутствия раскоп был перекопан местными жителями и целостность его была нарушена¹². Несмотря на неудачные раскопки, Аспелин приобрел у местных крестьян значительное количество предметов с Ананьинского могильника. Он предполагал, что древности Ананьино составят основную часть коллекции Финно-Угорского музея, но впоследствии идея создания такого музея была забыта.

Важные материалы, собранные И. Р. Аспелиным во время исследований Ананьинского могильника, были им включены в его докторскую работу и в большой археологический атлас, вышедший в период с 1877–1884 гг. на 2-х языках в пяти выпусках «Древности финно-угорского севера» («Antiquites du Nord Finno-Ougrien»)¹³. Атлас содержал 2200 рисунков древних предметов со всей территории расселения финно-угров, от Северного моря до средней Волги и от Балтийского моря до Енисея. Выход атласа сделал Аспелина широко известным ученым. В 1878 г. И. Р. Аспелин вновь посетил Ананьинский могильник во время участия в Российском Археологическом съезде в Казани. В этом же году он опубликовал каталог с комментариями выставки археологических коллекций в Университете города Хельсинки. До 1885 г. Аспелин занимал пост профессора Хельсинского университета, а с 1885 г. возглавил Археологическое бюро и был избран президентом Финского Общества Древностей. С конца 1870-х гг. его поиск прародины древних финно-угров был большей частью ориентирован на Сибирь, верховья Енисея.

Коллекция из Ананьинского могильника, полученная Аспелиным, содержит 637 предметов. В нее вошли также вещи из его раскопок и предметы, купленные у местных жителей. В настоящее время эта коллекция, наряду с коллекциями А. М. Тальгрена и М. Стремберг-Комаровой, входит в состав вещей из Ананьинского могильника в Музейном ведомстве Финляндии (всего в настоящее время коллекция насчитывает 827 предметов).

¹⁰ Пономарев. 1882. С. 405–438.

¹¹ Спицын. 1893. С. 25–40.

¹² Aspelin. 1875.

¹³ Aspelin. 1877. P. 105–119.

Вклад Иоганна Рейнхольда Аспелина в археологическое изучение древностей финно-угров России был значителен. Являясь одним из первопроходцев среди финских археологов, И. Р. Аспелин собрал богатую коллекцию древностей, составил большой археологический атлас, сделал многое для развития музейного дела, заложил основы развития финской археологии по изучению древностей России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алабин П. В.* Ананьинский могильник // Вестник Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1860. XXIX. С. 87–120.
- Збруева А. В.* Ананьинский могильник // Советская археология. 1937. Т. II. С. 95–111.
- Збруева А. В.* История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 30.
- Карпеллан К., Уйно П.* Очерк о коллекции вещей из Ананьинского могильника близ Елабуги в Национальном музее Финляндии // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Серия «Археология Евразийских степей». Елабуга, 2009. С. 13–23.
- Кузьминых С. В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. Медь и бронза. М., 1983.
- Невоструев К. И.* Ананьинский могильник // Труды Первого Археологического Съезда в Москве 1869. Т. II. С. 595–632.
- Патрушев В. С., Халиков А. Х.* Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.
- Пономарев П. А.* Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края. Ананьинский могильник // Известия Общества Археология, История и Этнография при Императорском Казанском Университете. Казань, 1882. С. 405–438.
- Салминен Т.* Финские археологи в России и Сибири в 1870–1935 годы // Археология, этнография и антропология Евразии. 1 (29). Новосибирск, 2007. С. 100–110.
- Спицын А. А.* Могильники и отдельные находки предметов бронзового века // Материалы по археологии восточных губерний России. I. М., 1893. С. 25–40.
- У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Серия «Археология Евразийских степей». Елабуга, 2009. 276 с.
- Халиков А. Х.* Очерки истории населения Марийского края эпоху железа // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. II. Йошкар-Ола, 1962. С. 26–91.
- Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.
- Шестаков П. Д.* Несколько слов о могильнике, находящемся близ деревни Ананьино в 4 верстах от Елабуги // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. II (1879). Казань, 1880. С. 128–134.
- Шестаков П. Д.* Попытка объяснения одного места из Булгарской летописи Хисам Эддина ибн Шараф Эддина // Известия Общества Археологии, Истории и Этно-

- графии при Императорском Казанском Университете. III (1880–1882). Казань, 1884.
- Aspelin J. R.* Antiquités du nord finno-ougrienne. Helsinki, 1875.
- Aspelin J. R.* Suomalais-ugrilaisen muinaistutkimnon alkeita. Helsinki, 1875.
- Aspelin J. R.* Ananinon kalmisto / Necropole d'Ananino // Muinaisjaannoksia Suomen suvun asumus-aloilta. II. Rauta-aika. S. 105–119 // Antiquites du Nord finno-ougrien. II. Lage du fer. Helsinki-Helsingfors, 1877. P. 105–119.
- Eichwald Ed.* von. Ueber die Sauegthierfauna der neuern Molasse des südlichen Russlands und die sich an die Mollasse anschliessende vorhistorische Zeit der Erde // Bulletin de la Societe Imperiale des naturalistes de Moscou. 1860. XXXIII. S. 458–479.
- Lavento M.* Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus. Helsinki 2001.
- Lerch R. J.* L'age du bronze en Russie // Congres international d'anthropologie et d'archeologie prehistoriques. Compte-rendu de la 4e session, Copenhague, 1869. 1875. P. 190–192.
- Salminen T.* Suomen tieteiliset voittomaat. Venaja ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935 (Summary: Lands of Conquest. Russia and Siberia in Finnish archaeology 1870–1935) // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 110. Helsinki, 2003.
- Salminen T.* National and international influences in the Finnish archaeological research in Russia and Siberia // Fennoscandia archaeologica. XX. 2003. P. 101–114.
- Salminen T.* The Ural-Altai Bronze Age as seen by J. R. Aspelin and A. M. Tallgren // Fennoscandia archaeologica. XXIV. 2007. P. 39–51.
- Tallgren A. M.* Die bronzecelte vom sog. Ananino-typus. Berührungen zwischen den bronzekulturen Skandinaviens und des Wolga-Kamalandes // Finnisch-Ugrische Forschungen. XII. 1912. S. 76–85.
- Tallgren A. M.* L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XXXI. Helsinki, 1919.

Печников Андрей Олегович, аспирант кафедры региональной истории исторического факультета Марийского государственного университета; brother86@mail.ru

А. В. АНТОЩЕНКО

«КОГДА ЛЮБИШЬ, ТОГДА ПОНИМАЕШЬ ВСЕ»

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ*

В предисловии рассматривается формирование представлений Г. П. Федотова о характере и принципах изучения исторического процесса в результате саморефлексии и анализа им его взаимоотношений с Т. Ю. Дмитриевой, в которую историк долгое время был безответно влюблен. Публикуемое эссе Г. П. Федотова выражает экзистенциальный подход к прошлому, позволяющий объединить процедуры логического познания с этическими и эстетическими оценками.

Ключевые слова: Г. П. Федотов, эпистемология исторического знания, экзистенциальный подход к прошлому, объективизм, субъективизм.

Я не могу критиковать и даже мыслить, когда читаю. Это приходит позднее. Необходимо сделать усилие воли, чтобы отрешиться от обаяния чужого духа, от власти слов. Но чтобы критиковать, надо понять, чтобы понять, надо любить. И потому я убежден, что только тот, кто хоть раз всей душой отдался художнику, впоследствии может оценить его, подобно тому, как учение философа может быть превзойдено только его учеником.

(Из письма Г. П. Федотова
к Т. Ю. Дмитриевой)

Тема «Любовь и женщина(ы) в судьбе и творчестве поэта или писателя Х (или художника У, или композитора Z)» едва ли вызовет у кого-нибудь удивление, а тем более возражение. Другое дело, если поэта или писателя, художника или композитора заменить историком. Тогда тема становится проблематичной. Это отнюдь не значит, что в судьбах, скажем, русских историков не было ярких страниц, окрашенных возвышающим чувством любви и трепетным отношением к женщине. Достаточно вспомнить «романтическую» историю Н. И. Костомарова, чуть ли не из-под венца уведенного под арест. Много позже, после года заточения в Петропавловской крепости и многолетней ссылки, вернувшись к исследовательской деятельности, принесшей ему известность яркого, талантливого историка, он вновь встретил свою возлюбленную, овдо-

* К 125-летию со дня рождения Георгия Петровича Федотова (1886–1951).

вешую к этому времени, и они повенчались¹. Или «трагическую»² страницу в биографии В. О. Ключевского: влюбленный в Анну Бородину он вынужден был жениться на ее старшей сестре Анисье («Никсочке»), поскольку его возлюбленная сочла своим долгом посвятить себя воспитанию детей ее спившегося двоюродного брата³. Вполне значительные для судеб историков, они, однако, не «вписываются» в нарративы, раскрывающие их интеллектуальную биографию. Думается, что навряд ли кто-нибудь согласится считать смыслообразующим фактом в творчестве стареющего и теряющего зрение Н. И. Костомарова переписывание набело или запись под диктовку работ историка его преданной супругой. В монографии «Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества», написанной М. В. Нечкиной, любовный эпизод относится к «жизни»⁴, тогда как важные этапы «творчества» объясняются «революционными ситуациями» в России.

Такое различие, как представляется, является результатом признания истории областью научного знания, а не искусства, их жесткого разграничения. Однако такого взгляда придерживались и придерживаются не все историки. Не было свойственно такое противопоставление и для Георгия Петровича Федотова (1886–1951), считавшего историю сферой научного познания, но не отрицавшего при этом необходимости применения этических и эстетических принципов для глубокого и адекватного понимания прошедшего. В его интерпретации творческий подход к осмыслению истории с необходимостью включал эмоциональное отношение к канувшему в века прошлому, требующему сочувственного воскрешения его как реальности во всей ее противоречивости. Присущее ему отношение к историческому познанию как эмоционально насыщенному *co*-творению позволяет поставить вопрос о значении для его «исследовательской практики» такого чувства как любовь. О перспективности такой постановки вопроса и поиска ответа на него свидетельствуют письма Георгия Петровича к Татьяне Юлиановне Дмитрие-

¹ См.: *Киреева*. 1996. С. 268–314.

² Здесь, как в случае определения «истории» Н. И. Костомарова, речь идет о понимании «романа» и «трагедии» Х. Уайтом, рассматривающим их как «mode of employment». См.: *White*. 1985. P. 8–9.

³ См.: *Нечкина*. 1974. С. 138–143.

⁴ Сама М. В. Нечкина отметила в этой связи: «Конечно, женитьба ученого считается, как правило, темой, не относящейся к изучению его творчества. Если бы мы пропустили эту тему, едва ли читатель упрекнул бы за это автора, скорее просто не заметил бы пропуска». Понятно, что женитьба не может рассматриваться в отрыве от любви, что, в общем-то, и было сделано автором в книге, но, в конечном счете, эпизод не «вписался» в ее повествование.

вой (1884–1976), изданные недавно в 12 томе его «Собрания сочинений»⁵ и публикуемое ниже эссе, написанное им в студенческие годы. В последнем выразилось общее видение истории и принципов ее изучения, ставшее основополагающим для дальнейшего развития его метода познания. Понять процесс оформления основных положений этого эссе можно, как представляется, лишь обратившись к «истории любви Тани и Жоржа», как называл себя Г. П. Федотов в посланиях к возлюбленной.

* * *

Знакомство Георгия Федотова и Татьяны Дмитриевой произошло в начале 1905 г., вскоре после того, как семья Федотовых переехала по окончании им Воронежской гимназии в Саратов. Инициаторами знакомства были мать Г. П. Федотова – Елизавета Андреевна (в девичестве Иванова) и ее сестра – тетя Оля. Мать считала, что замкнутому, склонному к уединению юноше необходимо расширить круг общения за пределы семьи. По характеристике хорошо знавшей умонастроения своего племянника и семью Дмитриевых тети Оли, мать Татьяны – Наталья Ивановна (девичья фамилия – Фаресова) – «из красных; у них он встретит себе товарищей»⁶. Тетя не ошиблась в своих предположениях. Уже после первого посещения дома Дмитриевых ее племянник уходил от них, унося с собой один их номеров газеты «Вперед». Но вместе с тем юный Жорж уносил и зарождающееся чувство влюбленности в Татьяну. В таком амбивалентном ее влиянии на юношу развивались их дальнейшие отношения. С одной стороны, именно Татьяна Дмитриева вовлекла его в пропагандистскую деятельность среди рабочих, содействовала его знакомству с саратовскими социал-демократами. С другой, любовь к ней открыла Жоржу красоту мира, что позволило преодолеть сформированную эстетическим нигилизмом радикальных демократов «душевную ненависть», подпитывавшую его первоначальные революционные устремления. Он с благодарностью воспринял ее влияние, не замечая до поры до времени, что оно не только обогащает его духовно, но и разрушает целостность его мировосприятия, вызывает трещины в его душе. Впрочем, последнее не пугало его, тогда он еще не ведал страха, а воспринимал жизнь как праздник, где есть место и революции, и любви.

⁵ См.: Письма Г. П. Федотова к Т. Ю. Дмитриевой. С. 7–256.

⁶ Приложение к письмам Г. П. Федотова к Т. Ю. Дмитриевой // НИОР РГБ. Ф. 745. К. 4. Ед. хр. 17. Л. 1. «Приложение» представляет собой «длинное» письмо, которое было написано Жоржем от третьего лица во время рождественских каникул 1906 г. и отослано из Берлина. Далее оно будет цитироваться как Приложение с указанием только на листы дела, которые недавно были вновь перенумерованы.

Активное участие в пропагандистской и организаторской деятельности саратовских социал-демократов сделало Г. П. Федотова заметной фигурой среди них, обеспечив ему успех при выборах членов городского комитета социал-демократической партии, состоявшихся 11 июня 1906 г.⁷ Однако его повторный арест полицией 17 августа 1906 г.⁸ означивал завершение духовного кризиса, ставшего подлинной причиной его отказа от продолжения активной революционной деятельности, но не повлекшего за собой отречения от социалистических идей.

Ответ на вопрос о причине решения оставить революционную борьбу, подать прошение о переводе на историко-филологический факультет Петербургского университета⁹ и согласиться с намерением его матери добиться замены административной ссылки в Архангельскую губернию высылкой в Германию можно найти у самого Г. П. Федотова. В одном из писем Татьяне из Саратовской тюрьмы он писал: «Случилось то, что во мне закончился медленно назревавший перелом, один из тех, из [к]оторых состоит и вся жизнь»¹⁰. Характеристика предпосылок этого перелома свидетельствует о том, что Жорж осознал исчерпанность возможностей своего духовного развития в революционной борьбе, ограниченность тех ценностей, которыми он руководствовался в своей пропагандистской деятельности¹¹. По сути, это был кризис идентичности, который позже Г. П. Федотов метафорически уподобил смер-

⁷ См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 53. Оп. 1 (1905). Д. 203 (Т. 1). Л. 309 об.–310, 318 об.–319; Оп. 1 (1907). Д. 94. Л. 42; Ф. 57. Оп. 1 (1906). Д. 29. Л. 194 об.–195. Факты, дающие емкую характеристику революционной деятельности Г. П. Федотова, были выявлены саратовскими историками и краеведами. – См.: *Гусакова*. 1991; *Катков, Лукин*. 1992.

⁸ Первый арест 24 августа 1905 г. был воспринят Г. П. Федотовым скорее как романтическое приключение, а не как угроза. Тем более что из-за отсутствия улик он был отпущен на следующий день. «В одну прекрасную ночь, – описывал позже он сам это событие в письме к Татьяне, – при аресте районного комитета, он стремительно попал в тюрьму, чтобы на другой день так же стремительно оказаться на свободе» (Приложение. Л. 14). Здесь и далее даты приводятся по юлианскому календарю.

⁹ По окончании Воронежской гимназии с золотой медалью в 1904 г. Федотов поступил в Технологический институт в Петербурге, чтобы по окончании его быть ближе к рабочим и иметь возможность вести среди них пропагандистскую работу. Прошение о зачислении на историко-филологический факультет Петербургского университета датировано 17 июля 1906 г., т. е. было написано через 5 дней после определения приговора о двухлетней ссылке в Архангельскую губернию. Ср.: ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 (1905). Д. 203. Т. 1. Л. 352 об., 356 об.; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Д. 47244. Л. 2.

¹⁰ Письма Г. П. Федотова к Т. Ю. Дмитриевой. С. 30.

¹¹ См. подробно: Там же. С. 30–31.

ти¹². Его нужно было преодолеть, открыв пути для духовного возрождения. Но чтобы понять выбор средства для преодоления кризиса и восприятие его последствий, нужно обратиться к его истокам, что возвращает нас к зарождению любви Жоржа к Татьяне.

Импульс к возникновению чувства влюбленности, переросшей в любовь, дала революция, а точнее – вызываемое нарастающей революционной борьбой чувство ненависти к ее врагам, как парадоксально определил сам Г. П. Федотов, подчеркивая озлобленность и жестокость, присущие ему до встречи с Татьяной. В основе жестокости и фанатизма (еще одно самоопределение) лежал эстетический нигилизм революционных демократов, с произведениями которых он познакомился еще в гимназические годы¹³. Под их влиянием у него оформилось нигилистическое отношение к жизни¹⁴, которая оборачивалась к нему своею безобразной стороной, а потому заслуживала активного отвержения. Ставшие прологом революции события 9 января 1905 г. «обрызгали его душу» кровью, преобразовав ненависть в озлобление. Но... «Слишком измучено было его сердце – им же самим, – признавался позже Жорж Татьяне. – Чем больше жестокости оседало внутри его, тем сильнее была потребность в любви. – Реакция. – Нужно было так мало, чтобы смягчить его: ведь он не был озлобленным мужчиной, а просто больным, изнервничавшимся мальчиком»¹⁵. Влюбленность, переросшая в любовь, определила средство, смягчавшее его душу. «<...> [Л]юбовь дала ему счастье. Прежде всего чувство прекрасного. То ощущение, что на миг приходит, когда в душу смотрит красота: когда замолкнет последний звук песни – или поэмы. Только он жил в этом чувстве постоянно, окутанным, как светящимся облаком. Жизнь с ее добром и злом, вся показалась ему переливами этой единой красоты. Он наслаждался ею всегда. Она облагораживала его»¹⁶.

Татьяна открыла Жоржу свой духовный мир, сформировавшийся из ее восприятия незнакомых ему литературных героев (прежде всего из

¹² Интерпретируя тексты Федотова, созданные в эмиграции, Ф. И. Гиренок точно подметил: «Под смертью Федотов разумеет не физический акт старения и угасания, а символический». – См.: *Гиренок*. 1991. С. 11.

¹³ См.: *Федотова*. 1967. С. II. Сам Г. П. Федотов отмечал это обстоятельство, указывая, что «шестидесятники» лишили его «красоты, эстетического развития», что он даже «проклял “эстетику” под их влиянием». См.: Приложение. Л. 29 об.

¹⁴ Думается, в этом же направлении действовали и другие литературные увлечения, отмеченные гимназическим другом Г. П. Федотова Н. Н. Блуммером. – Ср.: *Федотова*. 1967. С. IV.

¹⁵ Приложение. Л. 3 об.

¹⁶ Приложение. Л. 4 об.–5.

произведений норвежских писателей и русских символистов¹⁷), мистицизма и фантазий. Красота этого мира не укладывалась в привычные представления Жоржа, он хотел бы оспорить некоторые ее проявления¹⁸, но не мог этого сделать. Ему оставалось принять ее мир таким, каков он есть, включить его ценности и связанные с ними Татьянины истины в систему своего мировосприятия. «И так как ты стала дорогой мне, то я научился уважать и даже любить твои убеждения, – писал Жорж своей возлюбленной из Саратовской тюрьмы 7 сентября 1906 г. – Я научился быть терпимым к мыслям, к[оторы]х прежде не простил бы никому, потому что они были моими врагами. <...> Но отчего же я не пытался разрушить то, что я считал предрассудками? Во-первых, ты защищала их, как мать свое дитя, и ни за что бы не сдалась. И потом они были все-таки прекрасны твои “заблуждения”, и я не мог бы предложить тебе истин красивее их»¹⁹. Не трудно заметить, что истинность в федотовском дискурсе оценивается в понятиях эстетики.

Однако любовь к Татьяне не была взаимной, что чувствовал и остро переживал Жорж, хотя страдания не озлобили его. «Да, Жорж никогда не знал любви, к[отор]ая шутит и смеется, не понимал ее, – исповедовался он Татьяне. – Ею – была всегда отравлена слезами. И она делала душу такой чистой, а страдание таким высоким...»²⁰. Утрату надежды на взаимность он назвал своим «пессимизмом». Но даже в таком «пессимистическом» варианте любовь вступала в противоречие с революцией, поскольку революционная борьба, в понятиях Жоржа, требовала: «Любовь должна быть раздавлена, принесена в жертву. Нужно проклясть грезы счастья и личную боль заглушить людскою великою мукою»²¹.

¹⁷ Первой «героиней», с которой познакомил Жоржа Таня, была Виктория из одноименного произведения К. Гамсуна, что произвело эффект поражающей неожиданности: «Она пришла из другого мира». И далее: «Таня была прекраснее Виктории» (Приложение. Л. 5 об.–6). В письме из Вольска он упоминал о чтении К. Бальмонта и М. Метерлинка, у которого «столько прекрасных и тонких образов – точно из датской сказки» (Письма... С. 17). Оказавшись в тюрьме, Жорж, получив от Тани пьесы Л. Н. Андреева и Г. Зудермана, попросил ее принести ему книги К. Д. Бальмонта и Г. Ибсена (Там же. С. 28, 29, 34). Ибсеновский «Бранд» стал основой для размышления Жоржа о собственном душевном складе в одном из писем из тюрьмы (Там же. С. 36–38).

¹⁸ Таково было его отношение к мистицизму Татьяны, который восхищал его, но который он не мог разделить. «Причудую Тани, Жорж заглянул в смутные страны, к[отор]ые ему никогда не снились. Жорж ведь не был мистиком: он был социал-демократом!». – См.: Приложение. Л. 57 об.

¹⁹ Письма... С. 36.

²⁰ Приложение. Л. 17 об.

²¹ Приложение. Л. 22 об.

Столкновение социальной истины революции с личной истиной любви описывалось им также в понятиях эстетики как борьба страстей. «Революция заполняла все то в его сердце, что не принадлежало Тане. И она была прекрасна, она также. Если бы она была некрасива, разве Жорж стал бы революционером. Но ее красота была особенная, пламенная, иссушающая. Таня казалась ему, как синее небо, полное покоя и кротости. А революция... Ему казалось, что это – женщина-вампир; ее черные волосы, воспаленный взгляд черных очей, немного безумных, и губы, красные и влажные. Она приходила по ночам сосать у него кровь из сердца. Он изнемогал в ее объятиях, но страстно искал их, ждал ее. Это не просто сравнение, это почти правда. У Тани была мощная соперница, с которой она впоследствии, может быть, сама того не зная, вступила в борьбу за обладание его душой. Мне стыдно признаться, – она победила в этой борьбе»²². Победа означала не отказ от социалистических идеалов, а осознание узости обосновывающей их революционной идеологии²³ и понимание недостаточности знаний, а выходом из тупика была признана учеба²⁴. Главный предмет обучения был выбран не без влияния рассказов Татьяны об историко-филологическом факультете Высших женских курсов в Петербурге²⁵.

Сделанный выбор, призванный расширить горизонты мировосприятия, означал, в конечном счете, понимание относительности ценностей революционной борьбы и отрицание безусловности связанных с ней моральных норм, выполнявших роль нравственного императива. Однако легче было признать «бессмысленным» (или «иррациональным») понятие «долга» или назвать «совесть» «уродцем» и «атавизмом», чем полностью отвергнуть их «реальность», а тем более избавиться от гнетущего чувства вынужденности оставить все, что было дорого для него («любовь и революцию»), и отправиться за границу, где его ждали «новая жизнь и наука», которая тогда еще не манила его «своим обаянием»²⁶. Принудительный характер сделанного шага возродил на время даже давно забытый «роковой вопрос», обращенный прежде всего к себе: «как далеко могущество внешнего над человеком, в частности надо мной?»²⁷. Казалось бы оптимистичный ответ на него, возникший под влиянием занятий в Берлинском университете, посте-

²² Приложение. Л. 2.

²³ См.: Письма... С. 85–88.

²⁴ См.: Там же. С. 30–31.

²⁵ См.: Федотова Е. Н. 1967. С. VI.

²⁶ См.: Письма... С. 31, 41.

²⁷ Там же. С. 56.

ленно утратил свою убедительность из-за нарастающего ощущения угасания любви под влиянием разлуки и превращения занятий историей в рутину после вынужденного переезда в Йену. Определяя свой душевный настрой, ставший результатом двухлетнего пребывания за границей, Жорж характеризовал его в письме к Татьяне чертами, которые позже он определил понятием «атония». «Я недавно только вполне оценил, как я изменился за это заграничное время. Когда-то я мог думать, что это перемена к лучшему. Я стал терпелив, не так зол и самоуверен. Теперь я понимаю, что это означает только недостаток энергии. Слабые – добры и терпимы. Эта способность рассматривать вещи с разных сторон, быть объективным и “историческим” происходит от ослабления личности. Человек должен резко говорить свое да и нет, пока он живет. Объективным имеет право быть только понимание мира, а не его оценка. Пройдет ли моя нравственная вялость, не знаю»²⁸.

Душевное состояние Г. П. Федотова не изменилось существенно после возвращения на родину и восстановления на историко-филологическом факультете столичного университета осенью 1908 г., несмотря на разнообразие событий «внешней» жизни²⁹. Занятия историей, хотя и увлекали его, но не являлись определяющими всю жизнь Жоржа, наполняющими ее всеобъемлющим, обеспечивающим ее единство, смыслом. Они были скорее средством вынужденного примирения с ее несовершенством, принятия ее, о чем он подробно писал Татьяне, стремясь помочь и ей найти подобный способ обретения жизненного «оптимизма»³⁰. Но так было до тех пор, пока он не увлекся темой, предложенной для изучения И. М. Гревсом. Это увлечение, переросшее в любовь, знаменовало собой завершение трансформации его мировосприятия. «У Ивана М[ихайловича] никто не занимается Августином, – продолжал Жорж цитировавшееся выше письмо к Татьяне. – У всех апатия, а больше всего у способных историков. Зависит это, мне кажется, оттого, что сюжет наш более литературно-критический, чем исторический. Но я почему-то люблю Августина, т[о] е[сть] самого Аврелия Августина. Конечно, он во многом дрянь, но и я такая же, и я давно не читал книги с таким захватывающим интересом, как его “Исповедь”. Мне казалось, что я сам переживал бы то же на его месте (это всегда так кажется), а психолог он изумительный. И вот следы этого любовного отношения к Авг[усти]ну, должно быть, сказались в реферате. Я боялся

²⁸ Там же. С. 93.

²⁹ Подробно об этом см.: Антощенко. 2008. С. 160–163.

³⁰ Письма... С. 135–136.

за него; когда перечитывал дома, он мне показался плохим, но успех был больше, чем я мог думать. Ив[ан] Мих[айлович] предложил мне взять работу по Авг[усту]ну, а эту ночь я никак не мог заснуть от нервов. Этого со мной давно не бывало»³¹.

Обретение жизненного смысла в занятиях историей сопровождалось возрождением былой любви Жоржа к Татьяне, что позволяет еще раз обратиться к анализу их взаимоотношений Г. П. Федотовым, чтобы лучше понять условия выработки им принципов познания прошлого, обобщенных в студенческом эссе, публикуемом ниже. Любовь Жоржа к Татьяне прошла достаточно типичные этапы: от первой романтической влюбленности с характерным для нее «тайным обожанием» предмета любви через стремление слиться, раствориться в возлюбленной к осознанию невозможности этого. Осмысление сложившегося положения, обостренное отсутствием взаимности в любви, толкало его к видению возлюбленной как «Другой», а это, в свою очередь, вело к более глубокому пониманию его собственного «Я» и изменению мировосприятия. В своих наблюдениях Жорж очень скоро пришел к удивившему его выводу о противоречивости характера Татьяны, но любовь вела его к приятию ее такой, какая она есть, во всей ее непоследовательности и со всеми ее недостатками³². Вглядываясь в душу Татьяны как в зеркало³³, Жорж открыл противоборство «язычника и аскета» в своей собственной душе³⁴. Да и сама их любовь представлялась ему стремлением к единству антиподов³⁵. Влияние любви к Татьяне заключалось в осознании антиномичности явлений жизни, а средством, ведущим к утверждению их единства и принятию мира таким, каков он есть, становилась в конечном итоге Божественная любовь. «Любовь это одно бесконечное “Да” жизни, восторг ее, приятие ее без выбора, без разделения, – утверждал Федотов в другом эссе, написанном, очевидно, специально для Татья-

³¹ Там же. С. 136–137.

³² Приложение. Л. 9, 16. Пожалуй, наиболее эмоционально ярким открытием Жоржа стало признание возможности для Татьяны творить зло, что потребовало от него эстетически оправдать это: «Ведь зло прекрасно. О, оно могущественнее в тысячу раз всех смазливых, невинных, ангельских лиц» (там же, л. 46 об.).

³³ Правда, Г. П. Федотов использовал иную метафору: «Жизнь с ее добром и злом, вся показалась ему переливами этой единой красоты. Он наслаждался ей всегда, она облагораживала его. Это ли не счастье? Прекраснее всего была Таня, в Тане ее душа. Изучать эту душу, смотреться в нее, точно в далекое *ненасытно-прекрасное море* (курсив мой. – А. А.) – стало для него жизнью» (Приложение. Л. 5).

³⁴ Ср.: Письма... С. 37.

³⁵ Слова «мы с тобой полная противоположность» в разных вариациях звучали рефреном во всех письмах, в которых обсуждалась их любовь.

ны. – Все люблю, все благословляю. Благословляю небо и землю, Бога и дьявола, бурю и ясность, брата-зверя и нежного ангела»³⁶. Синтез постижения жизненных противоречий, как и понимания и принятия противоречивости натуры Татьяны, Жоржу давала поэзия³⁷.

Поскольку в жизненных коллизиях Тани Жорж заметил в первую очередь страдание, постольку этой же эмоцией окрасилось его чувство к ней, став, по его собственному определению, «состраданием». Его сострадание служило средством для понимания не только ее духовного мира (идей), но и ее душевного мира (чувств), который не всегда выражался словами, а иногда даже противоречил им. «Когда Жорж заметил это, – оценивал ситуацию Жорж в своем пространном письме-исповеди из Берлина, – он стал верить больше своему чувству, чем словам ее. А так как он любил ее, то стал проникательным и часто угадывал то, что не мог услышать от нее. Так обучила Таня психологии этого наивного, неопытного мальчика»³⁸. В итоге универсально-рациональное в человеке, выражаемое в слове, в чем обычно видят сущность «человеческого», теряло последнее свое качество и становилось для него препятствием для понимания человеческой души³⁹.

Но понимание и принятие противоречивости характера Татьяны (как и отсутствия единства в их духовных взаимоотношениях, так и антинормичности мира в целом) вело с необходимостью к осознанию относительности этических ценностей и обоснованных ими нравственных норм, что, в конечном счете, оборачивалось отрицанием их императивного характера. «Жорж видел Таню сотканной из противоречий. Но из всех них одно делало ее такой обаятельной в его глазах. Иногда в ней, мечтательной или спокойной, вспыхивали огоньки, – он видел их. Точно внезапный порыв охватывал ее и мчал на своих крыльях, а она, зажмурив глаза, от-

³⁶ См.: НИОР РГБ. Ф. 745. К. 4. Ед. хр. 33. Л. 37. Начав с парафраза Б. Спинозы «Deus sive Natura», он дополнил его «Deus sive Natura sive Amor», завершив собственным: «Deus sive Amor». См.: Там же. Л. 34–40 об.

³⁷ Ср. рефлексию Г. П. Федотова после описания непоследовательности и противоречивости характера Татьяны: «У поэта нашел он синтез». (Приложение. Л. 8 об.).

³⁸ Приложение. Л. 9. Ср.: Письма... С. 66.

³⁹ Ср.: Письма... С. 67. Позже, уже в эмиграции, он выразил эту мысль совершенно определенно: «По-видимому, эмоции, или чувства, или сердце составляют самый корень человеческой душевности. Разум слишком объективен и связан с миром идеальным. Воля находится в тесном отношении к телу, как моторно-мышечной системе, и через нее к миру энергии физического мира. Эмоциональное – самое душевное в нем, и потому самое человеческое» (опечатка в цитате исправлена мной. – А. А.). – См.: Федотов. 1998. С. 256.

давалась ему и готова была мчаться, куда? – хоть в бездну. Жуткое и манящее чувство захватывало дух. Все узнать, осмелиться, сгореть... Не в этом ли весь смысл жизни? А все ее ценности – призраки, к[отор]ые люди создали себе и не могут избавиться от них как от привидений»⁴⁰.

Отказ от признания абсолютного характера норм морали в жизни (в онтологии) был неразрывно связан с признанием имморализма в качестве значимого принципа познания (в гносеологии). «У Жоржа было только одно хорошее свойство, – признавался он Татьяне, – только одно; и это одно было единств[енным] свойством его души, источником всего доброго и злого – восприимчивость. <...> Зло влияло на него так же как и добро. Поэтому единственная черта его души – была по существу своему – immoralна. Он одинаково легко мог быть и безупречно нравственным, и низким негодяем. <...> Понятно, что он должен уметь разделять чужое горе. Это не доброта, – совсем нет. Он переживал только те же страдания, что и другой, а они мучили его, как свои собственные»⁴¹. Так, понимание, основанное на эмпатии, стало способом познания любимой, на основе которого оформлялся оригинальный метод исторического исследования Г. П. Федотова, объединяющий при четком осознании различий принципы логики, этики и эстетики. Впервые обоснование собственного видения специфики исторического познания начинающий историк изложил в студенческом эссе. Чтобы лучше уяснить его направленность и понять значение помещенного в начале эпиграфа, следует в заключение привести из писем Жоржа к Татьяне две оценки им своего учителя – И. М. Гревса. 14 октября 1908 г. он писал: «О Гревсе должен тебе признаться, что он меня очень увлекает. Я несколько иным рисовал его себе с твоих слов. С одной стороны, боясь некоторой идеализации в твоём портрете, я делал слишком большую отрицательную поправку. И потому я боялся встретить в нём смесь ученого олимпийства с преувеличенной (“дамской”) восторженностью, т[о] е[сть] боялся пафоса. Я приятно разочарован. В нём – по крайней мере внешне – много мягкости и скромности. Он знает чувство меры – античное благородство, что не мешает ему бросать искры мысли, будить активность, словом, как учитель, он идеален. Он может быть и не вполне искренним человеком, но на кафедре он удивителен»⁴². Немного позже он несколько скорректировал оценку, но не изменил отношения к учителю. «Мне казалось все, что Ив[ан] Мих[айлович] – дамский профессор, – писал он Татьяне в начале декабря 1908 г. – Теперь я в этом убедился вполне, но

⁴⁰ Приложение. Л. 23.

⁴¹ Приложение. Л. 6 об.–7.

⁴² Письма... С. 119.

мне он по-прежнему нравится. Сначала я с удивлением убедился, что в универ[ситет]е нет ни одного человека, к[отор]ый бы высоко ставил его научный авторитет. В особенности резко выражалась о нем та группа, с к[отор]ой он ведет занятия на дому – из истории городов. Вот одно мнение: Ив[ан] Мих[айлович] прекрасный человек, – но ученый... Сначала я удивлялся, потом понял. Гревсу совершенно чужда острота и энергия в постановке вопроса. Он меньше всего – аналитический ум, несмотря на его любимое *Quaero*⁴³. *Quaero* – это лишь фраза. Он не ищет, но мастерски рисует и строит. В нем живет историк-художник, к[отор]ый был мне тем более приятен после моих немецких аналитиков. Но, конечно, надолго он уже не удовлетворяет. Самое ценное в нем – это его религиозное отношение к науке. Но ведь, в этих словах есть и внутреннее противоречие»⁴⁴. Попыткой преодолеть это противоречие, а также ограниченность эстетического подхода к истории и тем самым превзойти учителя стало, как представляется, публикуемое ниже эссе. Оригинал его хранится в рукописном отделе РГБ (ф. 745, к. 4, ед. хр. 33, л. 1–12 об.). Текст приведен в соответствии с современными нормами орфографии при сохранении авторской пунктуации.

[1910]⁴⁵

Есть общие места, хотя от этого [они]⁴⁶ не перестали быть справедливыми: напр[имер], историк должен быть объективным. Обычно это трактуют так. Историк должен исследовать, а не оценивать. Люди и явления, которые он изучает, должны быть теми же для него, чем материя является для натуралиста: местом приложения логической энергии, не больше – словом – объектом.

Но не правы ли отчасти и субъективисты, утверждая, что такое бесстрастие не мыслимо по отношению к ценностям культуры, с которой историк сам связан неразрывными нитями? Не приведет ли псевдообъективизм к самообману и искажению действительных отношений? На самом деле мы видим, что объективизм историка сказывается ярче всего в предисловии. В развитие своей темы ученый обыкновенно понимает объективизм своеобразно. Он считает признаком самого дурного тона порицать или негодовать на своего героя или на продукты изучаемой им культуры. Сам он ставит своей задачей – вероятно, чтобы достигнуть лучшего понимания – все оправдать, все реабилитировать. Его принцип: все по-

⁴³ Я ищу (*лат.*).

⁴⁴ Письма... С. 127.

⁴⁵ Вписано карандашом.

⁴⁶ Добавлено по смыслу.

нять – значит все простить. Но, руководясь этими прекрасными правилами, он скоро убеждается, что невозможно «все простить»; что в том *plaidoyer*⁴⁷, которое он держит для своего клиента, спасение его чести может быть куплено только ценой осуждения противной стороны – т[о] е[сть] всех личностей или идейных течений или социальных форм, с которыми его герой вступил в более или менее острое столкновение. Спасти одного – значит, топить других. Августин⁴⁸ – высокая натура, а манихей дрянь. То же самое выходит и наоборот: манихейство⁴⁹ – возвышенная система, а Авг[усти]н ренегат и подлец. Смотря по специальности господина профессора, самое комическое в том, что сам оценщик не сознает, на каких весах он взвешивает, не сознает даже, что он взвешивает. Он убежден, что не выходит из пределов чистого описания. Его совесть спокойна, но можно ли на этом пути прийти к общеобязательным выводам? Мы видим, несмотря на маску объек[тиви]зма, субъек[тивн]изм царствует в науке – социальной науке – и тем самым разрушает ее научные основания. Нет спора, субъек[тивн]изм должен быть сам разрушен.

Но как?

Быть может, все-таки в дисциплине воли, в воспитании к бесстрастию? Следовало бы прибавить: к бессмыслию. Субъект, совершенно лишенный способности эмоции или скажем эмоции высшего порядка [...] ⁵⁰ – лишенный к тому же всякого интереса к идеям, то есть вполне незаинтересованный в оправдании какой-либо системы их, был бы вполне пригоден для историко-научной деятельности. Жаль только, что он был вполне непригоден к научной деятельности, да и вообще ко вся-

⁴⁷ Судебная, защитительная речь; защита (*фр.*).

⁴⁸ Августин Блаженный (Augustinus Sanctus) Аврелий (354–430) – христианский теолог и философ. Изучением его творчества Г. П. Федотов занимался под руководством И. М. Гревса, результатом чего стало конкурсное сочинение «"Исповедь" бл. Августина как источник для его биографии и для истории культуры», отмеченное по отзыву руководителя золотой медалью. Г. П. Федотов опубликовал также статью «Письма бл. Августина (Classis prima)» в сборнике «К 25-летию учебно-педагогической деятельности И. М. Гревса» (СПб., 1911).

⁴⁹ Манихейство – религиозно-философское учение, основанное в III в. персом Сураиком из Ктезифона (216–273 или 276), прозванным Мани (Манес), то есть дух. В основе учения – дуализм, первоначальная и неуничтожимая противоположность между добром и злом. В конце IV в. манихейство наряду с христианством, являлось основной религией эпохи поздней античности, хотя в поздней Римской империи и Византии подвергалось ожесточенным гонениям со стороны государства и ортодоксального христианства. По свидетельству вдовы Г. П. Федотова, явно основанному на его самоощеке, на пути возвращения историка к христианству «первым шагом было ярко выраженное манихейство» (см.: *Федотова*. 1967. С. VIII).

⁵⁰ Слово не разобрано.

кой деятельности в культурном обществе. Это духовное уродство, действительно, воспитывается в лабораториях исторических институтов; на этом пути специалисты ушли далеко, не до полной анестезии, правда, но, во всяком случае, до кастрации, выработали другой класс профессионалов, отличающихся от наших замаскированных субъективистов.

Этот класс с успехом составляет каталоги и энциклопедии. Но в выводах своей работы он всецело связан с данными субъективистов. Бесплодный, как все кастраты, он подбирает противоречивое, спутанное их наследство и просеивает его сквозь критическое сито. Его принцип: «Истина это то, с чем все согласны». Эти «все» – субъективисты. И после тщательной проверки в словаре получается строго объективная заметка: «Карл В[еликий] короновался в 766 г., и умер в 811 г.». Наука идет вперед «bis an die Sterne weit»⁵¹, и только скептики могут позволить себе сомневаться в самом существовании науки. Но, ведь, скептицизм неопровержим. В этом его философская привилегия.

Однако будем серьезны. Представим еще раз логическое положение дела. В области духовной культуры – а я только о ней и говорю – наука касается ценностей, которые не могут быть индифферентны для ее носителей. Чтобы понять их, нужно прежде всего понять, как ценности, то есть произвести оценку. Невозможно понять значение композитора, не обладая ни слухом, ни музыкальным развитием. Все объективное – в смысле естественной объективности, – что связано с этим миром ценностей, есть внешнее, постороннее для них. Часто это может быть их симптом, но не более. Филологи изучили только законы античного стихосложения, но лишь поэты открыли нам красоту древних.

Задача историка, правда, не в том, чтобы понять красоту, но объяснить ее – также, как объяснить уродство, как объяснить все. Но для этого он должен войти в круг господствующих здесь законов, уметь выделить главное от второстепенного, уловить связь, в которую – с необходимостью – вступают между собой отдельные образования в мире ценностей. Словом, он должен понять его структуру, прежде чем выяснить его генезис. Прежде всего он должен быть зрячим, а не закрывать глаза во имя «объективности». Иначе он будет лишен самого дорогого материала своего исследования. Поскольку субъективисты правы, то они должны возвыситься над односторонностью своих оценок. Это легко сказать. Но самая сущность оценки – в ее односторонности, исключительно. Понять и простить все – не значит ли это ничего не понять? *Qui prouve trop, ne prouve rien*⁵².

⁵¹ До самых звезд (*нем.*).

⁵² Кто доказывает слишком много, не доказывает ничего (*фр.*).

Мы знаем один выход, к[отор]ый указала здесь не теория, а жизнь нашего времени. Современная культура создала тип людей, утонченно-богатых культурными переживания[ми], открытых ко всякой красоте и даже ко всякой истине (то есть полуистине), просвещенных и жадно ищущих в пыли истории еще не изведанных наслаждений. У них нет веры, нет догмата. В исключительности их нельзя упрекнуть. Они радуются всякому осколку открытых сокровищ. Они легко меняют меру своих оценок, во всем умеют отыскать отблески ценностей. Они соединяют изощренность и нетребовательность с эстетическим оптимизмом. Франция дала нам целую школу блестящих историков-эпикурейцев. Упомяну хоть о Renaut⁵³, о Буасье⁵⁴... Стоя у колыбели мировых противоречий, вглядываясь в жестокую борьбу, к[отор]ая окрасила величием и кровью бледную смерть античного мира, они наслаждаются, эти утонченные зрители. Они на ступенях амфитеатра, где умирают гладиаторы, отягченные туманом тысячелетий. – В этой лирической мягкости красок, борьба теней является невыразимо привлекательной. Запах крови, запах навоза, грубые крики площадной толпы – не долетают сквозь магическую даль. Все является преображенным и прекрасным. И жест императора с зеленым изумрудом, и обнаженная женщина, поднявшая руки навстречу смерти. О, они не пристрастны, эти гастрономы. Они умеют одинаково любоваться палачом и жертвой. И когда они от своих художественных прозрений возвращаются к старым пергаментам, они приносят с собой ясную мудрость, способность все понять и вместе с нею запах легкого скептицизма. Они ничему не поверят на слово, не дадут одурачить себя словами фанатика. Они смягчают и примиряют все. Они великие ретушеры, великие мастера стирать краски. Мы уже чувствуем, в чем недостаток их объективизма. Во-первых, в слишком эстетической его окраске. Действительно, примирение непримиримых ценностей лучше всего удается на почве эстетики. Живое религиозное сознание не строит пантеонов, здоровое нравственное чувство не может с одинаковой любовностью дышать ароматом аскетизма и распутства.

⁵³ Возможно, речь шла об историке Жане Мишеле Рено (1800–1892).

⁵⁴ Буасье (Boissier) Гастон (1823–1908) – французский историк античности, член французской академии (1876). В 1861–1906 гг. профессор Коллеж де Франс, в 1865–1899 гг. – Высшей нормальной школы, автор фундаментальных работ по истории римского общества, языческой религии, христианству. Первопричиной исторических событий он считал судьбу, провидение, намерение божества, познать которые невозможно. Буасье обосновывал тезис о неизбежной и благотворной для человечества победе христианства, с его точки зрения законного преемника и лучшего хранителя античной цивилизации. В исторической концепции Буасье сильные элементы модернизации истории.

Итак, они эстеты и, рассматривая историю, как произведение искусства, они лишают ее значения реальности, они отнимают у нее серьезность и глубину ее процессов: точно все в ней происходит не взаправду, а на подмостках театра. Мало того, в эстетике они не могут быть реалистами, потому что видят все сквозь смягчающую, туманную среду. В этом, ведь, и состоит их условие примирения диссонансов. Если бы туман разошелся, они стали бы лицом к лицу с человеком, мучимым подлинным голодом, и подлинной страстью, и исключительностью его веры и его ненависти. Гармония исчезла бы, поэты должны были бы закрыть свои глаза от беспокойных, кричащих цветов или броситься в толпу, смешаться с нею, осудить себя на *parti pris*⁵⁵.

Мы видим: примирение покупается здесь ценою ирреальности и поверности. Понимание жизни оказывается декоративным и неглубоким.

Не будем пока сходить с поля эстетики, но спросим себя: неужели гармония покупается всегда лишь ценой затушевки и бледности? Конечно, нет. Гармония может быть построена из самых глубоких контрастов. Это показывает настоящее трагическое искусство. Великий художник не боится заглядывать в омут. Он безжалостно режет до костей человека, вскрывает все противоречия, живущие в его груди, чтобы привести их к последнему единству. Чем больше разнородных элементов участвует в синтезе, и чем непримиримее кажутся они, тем богаче, выше потрясающая и освобождающая мощь их синтеза. Почему этот путь должен быть закрыт для историка? Не как научный путь, а как необходимое, предварительное условие для его науки, как средство войти в мир ценностей культуры, ничего не отвергнув и нечего не испортив в нем? В самом деле, почему?

Конечно, легко ответить, что этот путь требует художественной гениальности, и смертные, которые ею обладают, не станут тратить своих сил в чуждой им научной области. Они призваны не изучать ценности, а создавать их. Но это все-таки лишь внешняя причина. Внутренняя, глубокая заключается в отличии научного и эстетичес[кого] постулатов. Художник может творить свободно. Ученый должен творить истину. Истина – вне его, она навязывается ему со всей силой принудительной необходимости. А где же истина говорит то, что противоречия сливаются в мировой культуре, что их можно взвесить на одних весах ценностей. Я отрицаю это. Я нахожу, что мировая гармония напоминает шарманку доктора Пуллуса. Разве вы можете мне доказать противное? А доказать это так легко: покажите мне историка, к[отор]ый с остротой

⁵⁵ Соучастие (*фр.*).

и безжалостностью анализа связал бы проникновенное понимание ценностей, ведущее к их синтезу. Его нет.

Но – и здесь я подхожу к самому главному – кто вам сказал, что историк должен искать гармонию, синтеза ценностей? Это необходимо для художника, к[отор]ый сам создает ценности. Историк должен только открыть, понять их. И если они не укладываются в стройное целое, разве он виноват в этом. Виноват тот, кто завел шарманку, кто создал мир. Вопрос лишь в том, возможно ли остро и глубоко ощущать взаимно исключаютые ценности? И я утверждаю, что это возможно. Нужно только вдуматься в то, что это означает. Это означает прежде всего повышенную восприимчивость к ценностям, и в тоже время беспомощность перед ними; ослабление личности, ее формующей, пластической энергии, сознание – есть чистое поле, где волки пожирают друг друга. Здесь нет хозяина, здесь хаос и уродство стихий, из них может быть создан мир культуры. Если обратите внимание на то, что это поле борьбы элементов есть человеческая личность, нельзя не представить себе, что эта борьба для нас мучительна. Биологически она означает – болезнь. Система ценностей служит для ориентировки в жизненной борьбе. Где нет системы, там неспособность к жизни, безволие и растерянность. В нравственном мире эта растерянность означает собою имморализм. Не ту нравственную тупость, к[отор]ая отлично уживается с душевным здоровьем, но равную восприимчивость к добру и злу, смесь возвышенности и порочности, где влечения – в диком злорадстве – сменяют друг друга. Быть может, этот тип людей не так редок, как думают: но изучать его приходится более в тюрьмах и сумасшедших домах, чем на высотах культурной жизни. А между тем, если история культуры должна стать когда-нибудь наукой, она не может обойтись без помощи сумасшедших и преступников.

Я говорю, конечно, о преступности «потенциальной». Если представить себе этот склад эмоциональной личности в оправе довольно крепкой логической способности, у нас все данные для хар[актеристи]ки культурного историка. Он все поймет, хотя ничего не простит. Его принцип «Odi et amo»⁵⁶...

Он сумеет вскрыть глубоко каждое образование культуры там, где оно превращается в свою противоположность. Зло в добре и добро во зло бросаются ему в глаза без всякого напряжения воли, с каким морально здоровые люди оплатят даже слабые попытки к беспристрастию. Его

⁵⁶ «Ненавижу и люблю» (*лат.*) – одно из стихотворений римского поэта Гая Валерия Катулла (ок. 84 – ок. 54 до н.э.), в котором выразилось его отношение к его неверной возлюбленной – Лесбии (Клюдии).

беспристрастие будет одинаково далеко и от оптимистической фальши ретушеров и от тупой нечувствительности объективистов. И он найдет достаточно резкие краски, чтобы его образы не утратили значения реальности; острота его восприятия спасет его от схематизма, к[оторы]й любит обращать в шутку серьезные вещи. И, наконец, если его голова работает правильно, он не остановится на этом хаосе, но сделает его научным объектом в истинном смысле слова. Не примирит его, как художник, а изучит его, изучит его связность и общность, его повторяемость и индивидуальность, вот что поставит он своей задачей. В этой страсти и холодной красоте логической мысли, он найдет, б[ыть] м[ожет], примиряющее начало своей разнузданной, смятенной души, и произведенные ею труды дадут читателю не только чувство дионисийской оргии жизни, но и ее аполлонического преодоления в научном сознании.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антощенко А. В.* Студенческие годы Г. П. Федотова (по новым документам) // Всеобщая история и история культуры. СПб., 2008.
- Гиренок Ф. И.* Судьба русской интеллигенции (Читая Федотова) // Г. П. Федотов о судьбе русской интеллигенции (Из цикла «Страницы истории отечественной философской мысли»). М., 1991.
- Гусакова З. Е.* Из биографии философа, историка и публициста Г. П. Федотова // Советские архивы. 1991. № 6. С. 87–89.
- Катков С., Лукин С.* Возвращение: К биографии Георгия Федотова // Годы и люди. Вып. 7. Саратов, 1992. С. 35–39.
- Киреева Р. А.* Не мог жить и не писать: Николай Иванович Костомаров // Историки России: XVIII – начало XX века. М., 1996.
- Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974.
- Письма Г. П. Федотова к Т. Ю. Дмитриевой // *Федотов Г. П.* Собрание сочинений в двенадцати томах. М., 2008. Т. 12: Письма Г. П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы.
- Федотов Г. П.* Эссе homo (о некоторых гонимых «измах») // *Федотов Г. П.* Собр. соч. Т. 2. М., 1998.
- Федотова Е. Н.* Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // *Федотов Г. П.* Лицо России. Сборник статей (1918–1931). Paris, 1967.
- White H.* Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore & London, 1985.

Антощенко Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета; ant@psu.karelia.ru

А. Ю. СЕРЕГИНА

ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ПРОИГРАВШИХ?

РОБЕРТ ПАРКИН

И ЕГО ПОВЕСТВОВАНИЕ О РЕФОРМАЦИИ В АНГЛИИ (1550 гг.)¹

Автор анализирует исторический очерк английской Реформации середины XVI в., созданный католиком Робертом Паркиным. Это сочинение давно известно, но до сих пор не было подробно исследовано. В статье показано, что текст создавался как подготовительный материал для цикла проповедей о триумфе католической веры (при королеве Марии Тюдор), а работа над рукописью была завершена в 1568 г., когда многие англичане ждали реставрации католицизма в стране. К статье прилагается перевод труда Паркина.

Ключевые слова: Роберт Паркин, Реформация, Католическая Реформация, историческая память, история религии, христианский гуманизм.

Одним из последствий Реформации в культурной сфере был возросший интерес к истории, национальной и церковной. Протестанты стремились найти свое место в истории церкви, показать связи с апостольской церковью и провести от нее линию к собственной церкви, минуя церковь Римскую, или вписывая ее в историю «истинной церкви» иным образом. События XVI века заставили католиков размышлять о состоянии церкви, осмыслять причины возникновения и распространения новой «ереси». Первые католические истории Реформации показывают, каким образом католики-англичане XVI века осмысливали свое недавнее прошлое – от разрыва Генриха VIII с Римом до царствования Марии Тюдор. Историки позднейших столетий начинают историю английской Реформации с правления короля Генриха VIII и с акта о королевской супрематии 1534 г., который оформил разрыв с Римской церковью. Однако для современников это событие не знаменовало собой чего-то радикально нового. Оно стало «схизмой», конфликтом с Римом, который в принципе вполне мог получить «нормальное» средневековое разрешение – примирение монарха с папским престолом. Сам король отнюдь не был радикалом и не разделял мнений своих протестантских советников, поэтому немногие католические авторы усматривал в супрематии окончательный разрыв с католической традицией. Среди исключений был Томас Мор, а также кузен Генриха VIII Реджинальд Пол.

¹ Статья подготовлена по проекту «Кризисы переломных эпох в мифологии исторической памяти» в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

Пол покинул Англию с разрешения Генриха VIII в 1532 г. (причиной его отъезда было резко негативное отношение к разводу короля, который, по мнению Пола, ставил страну на грань династического кризиса). Находясь в эмиграции в Италии, в 1536 г. Пол направил своему кузену трактат «О защите единства церкви». В нем он четко противопоставляет предшествующую католическую традицию страны и узурпацию духовной власти (как он именует королевскую супрематию).

Для Пола, католика-реформатора, сыгравшего впоследствии важную роль в проведении Тридентского собора, решающим оказывался моральный аспект. Очищение церкви напрямую зависело от очищения жизни верующих, прежде всего клириков и правителей. И наоборот, их грехи вели к грехам более тяжким, грозящим гибелью государству и церкви. Применительно к Англии, речь шла о грехах Генриха – похоти, толкнувшей его к Анне Болейн, а затем – к желанию получить развод. Именно этот грех вкупе с жадностью (стремлением наложить руку на имущество церкви) и стали, по мнению Пола, причиной разрыва с Римом, за которым неминуемо последовала ересь – распространение учения протестантов².

Трактат Пола, изданный в 1555 г., должен был оказать большее воздействие на авторов второй половины столетия, в особенности тех, чья карьера началась при королеве-католичке Марии Тюдор и была прервана позднее приходом к власти Елизаветы. Однако и среди современников кардинала были те, кто, как минимум, разделяли его взгляды, а возможно, уже были знакомы с его трудом. Свидетельством тому является рукопись середины XVI в., составленная приходским священником из Йоркшира и ныне хранящаяся в Оксфорде³. Издавая ее в 1947 г., знаменитый исследователь английской Реформации Энтони Диккенс, охарактеризовал сочинение как «отражение консервативных взглядов» и «проявление до-, а не контрреформационных идей»⁴. Внимание издателя было занято, в основном, точностью и достоверностью сообщавшейся автором информации о ходе религиозных реформ на севере Англии. Само же сочинение, отраженные в нем взгляды, а также цели его создания и его функционирование никакого интереса не вызвали. Ведь сочинения английских католиков, написанные после начала Реформации, но до завершения Тридентского Собора, отменялись как «консервативные», не несущие ничего нового (читай – идей реформы церкви).

² См.: *Серегина*. 2003.

³ Bodleian MS Lat.Th. d. 15. Рукопись была приобретена Бодлеянской библиотекой в 1931 г. из коллекции Дж. Кука-Ярборо. Текст истории Реформации Паркина см. ff. 133–143. Опубликовано: *Dickens*. 1947. P. 58–83.

⁴ *Dickens*. 1947. P. 58, 63.

Термин «консервативный», или даже «традиционный», которым теперь чаще оперируют историки применительно к английскому католицизму данного периода, создает значительные сложности в его исследовании. Если историки и отказались от первого варианта, несущего в себе слишком много негативных коннотаций (здесь напрашивается противопоставление «прогрессивным» протестантизму или Католической Реформе), то вторая версия по-прежнему затрудняет восприятие. Ведь она преподносит «традиционный» католицизм как нечто статичное и противопоставляет его динамизму церковных реформ⁵. Подобный подход не дает «увидеть» живую, постоянно видоизменяющуюся картину жизни предреформационной церкви, в рамках которой переплетались и взаимодействовали друг с другом традиции средневекового мистицизма и схоластического богословия и новейшие достижения гуманистической критики текстов (часто именуемого «христианским гуманизмом»).

Между тем именно эти черты отчетливо отражены в фигуре автора одного из первых католических «очерков» истории английской Реформации – Роберта Паркина (1541–1569), священника из прихода Св. Лаврентия деревни Одвик-ле-стрит близ Донкастера (южный Йоркшир).

О жизни Паркина известно немного. Он был священником, замещавшим настоятеля (curate) в приходе Св. Лаврентия, который, согласно оценке 1535 г., давал всего лишь 4 фунта и 13 шилл. годового дохода⁶. Но судя по завещанию, сохранившемуся в Йорке и датированному 1568 г., Паркин был человеком состоятельным: он владел землями в Йоркшире, нанимал слуг и был в состоянии завещать движимое имущество (мебель и дорогую посуду) племянникам и племянницам. Впрочем, интереснее другое: в завещании упомянуты печатные и рукописные книги, входившие в состав библиотеки Паркина и оставленные им родственникам и друзьям из числа йоркширского духовенства и образованных прихожан. Это завещание, а также и составленный Паркином рукописный сборник текстов, в число которых вошли и его сочинения и переводы, позволяет судить о его интеллектуальных пристрастиях.

В библиотеке Роберта Паркина было как минимум два издания Библии – на латыни и на английском языке, библейский конкорданс, а также семитомное издание комментариев к библейским текстам Дионисия Картузианца⁷ (вероятно, Кёльнское издание 1534–1540 гг.). Кроме того, там было издание сочинений отцов Церкви – св. Илария (возмож-

⁵ Такого перекоса не избежала и, пожалуй, лучшая на сегодняшний день работа о предреформационном католицизме в Англии. См. *Duffy*. 1992.

⁶ *Dickens*. 1947. P. 58.

⁷ Дионисий Картузианец (1402–1471) – голландский богослов и мистик.

но, издание Эразма, вышедшее в 1530 г. в Базеле) и бл. Августина (*Epitome Omnium Operaum*, Cologne, 1549), библейские комментарии Йосса Ван Клихтове⁸, хроника Джона Хардинга (издание 1543 г.) и даже некое сочинение Кальвина. Кроме того, в завещании упомянуты также несколько рукописных книг, содержащих, по всей видимости, наставления и комментарии к книгам Писания⁹.

Составленный Паркином сборник включает в себя несколько сочинений средневекового английского мистика Ричарда Ролла – *Novem lectiones de exequiis mortuorum*, *De vita active et contemplativa* и *Super psalmum vicesimum* – занимающих 2/3 рукописи (105 листов из 157). За ними следует генеалогия царей Израильских (от Соломона до Вавилонского пленения), краткий обзор посланий Св. Павла (по главам), несколько молитв (на английском), составленных Томасом Мором. Затем в сборнике появляются сочинения и компиляции самого Паркина – несколько стихотворений, по сути, представляющих собой молитвы, латинскую проповедь, основанную на комментариях св. Иеронима к Евангелию от Матфея, латинский перечень королей Англии, рифмованная Хроника английских королей (вдохновленная сочинениями Джона Лидгейта; за хроникой следуют стихи самого Лидгейта – отрывки из *Dietarium salutis*) и повествование о Реформации в Англии (9 листов). Завершают рукопись пять посланий св. Киприана (взятые из издания Эразма, вышедшего в 1541 г. в Париже)¹⁰.

Известно также, что Паркин написал стихотворную «Историю благословенного Иисуса». Датированная 1548 г. рукопись входила в состав собрания антиквария из Лидса Ральфа Торсби (1658–1725). Последний раз она упоминалась в каталоге библиотеки известного коллекционера Ричарда Хебера во время ее распродажи в 1836 г.¹¹ Нынешнее ее местонахождение неизвестно.

Состав библиотеки Паркина и его собственные произведения указывают, во-первых, на его отчетливый интерес к позднесредневековой мистике (трудам Ролла и Дионисия Картузианца). Главным образом из-за этого Диккенс и причислил священника к «консерваторам». Необходимо, однако, учитывать, что интерес к мистическому богословию, медитациям

⁸ Йосс Ван Клихтове (1473–1543) – фламандский богослов, профессор богословия в Лувене и Париже. Полемист, автор сочинений, направленных против учения Лютера.

⁹ Завещание Паркина: York Probate Registry. Vol. 19. Ff. 54–55. Здесь данные приводятся по: *Dickens*. 1947. P. 61–62.

¹⁰ *Dickens*. 1947. P. 58–60.

¹¹ *Ibid*. P. 60.

и внутренней молитве характерен для нескольких поколений церковных реформаторов XV – начала XVI в. и считается неотъемлемой характеристикой движения реформаторов (из которого впоследствии выделилась группа будущих протестантов). Сохранялся этот интерес и у католиков позднейших времен. Ведь многие рукописи сочинений Ролла дошли до наших дней благодаря тому, что их бережно хранили и переписывали в семьях английских католиков пост-Реформационного периода.

Паркин был хорошо образованным человеком, не чуждым и новым веяниям гуманистической филологии. Выше уже отмечалось, что часть изданий из его библиотеки представляла собой публикации Эразма. Знаком он был и с трудами Томаса Мора, причем речь идет не об опубликованных работах, а о сочинениях, написанных в заключении и распространявшихся только в рукописях. Вероятно, Паркин получил свои копии от сына Томаса Мора Джона. Тот в 1529 г. женился на Энн Кресейкр, наследнице поместья Барнборо, находящегося примерно в 6 милях к юго-востоку от прихода Паркина, а после смерти отца уехал из Лондона на север и поселился там. Потомки Томаса Мора, сохранявшие верность католицизму, хранили память о нем и распространяли его сочинения¹².

Значительное место в библиотеке Паркина занимали издания Священного Писания и комментарии к нему, как то и подобало образованному клирику. Более того, подобный подбор литературы (в соединении с наставительными сочинениями, которые тоже там присутствовали) свидетельствуют не только об учености и любознательности их владельца, но главным образом о том, что он регулярно обращался к своим прихожанам с проповедями, в отличие от многих других священников.

Впрочем, он явно был в этом не одинок: завещание указывает на круг единомышленников, учившихся друг у друга и обменивавшихся книгами. Так, Паркин унаследовал книги от викария соседнего прихода Бродсуорт (4 мили к западу от Одвика) Джона Роджера в 1550 г., а потом завещал проповеди Клихтове преемнику Роджера Роберту Сколи. Близким другом Паркина был и другой его сосед – викарий прихода Мелтон-апон-зе-хилл (теперь – Хай-Мелтон) Уильям Уотсон. Сохранилась их переписка¹³; в завещании Паркин именно Мелтону оставил несколько рукописных книг, в числе которых вполне мог быть составленный им сборник и его стихотворная история Иисуса¹⁴. Именно Сколи и Уотсон стали душеприказчиками Паркина, вместе с хозяином манора Одвик

¹² *Questier*. 2002.

¹³ Опубликовано Э. Диккенсом. См.: *Dickens*. 1963.

¹⁴ *Dickens*. 1947. P. 62.

Джеймсом Вашингтоном (ему был завещан труд Кальвина)¹⁵. Еще одним другом-клириком был Джон Хадсон, приходский священник из Донкастера¹⁶. В числе друзей священника были и образованные миряне: помимо Вашингтона, он оставил книги, предназначавшиеся для юного племянника и тезки (издание Вульгаты и труды Дионисия Картузианца), на попечение дяди последнего (мужа сестры Паркина) Уильяма Байарда¹⁷. Паркин также завещал книги Леонарду Рею¹⁸ (ему досталась Библия на английском языке) и своему крестнику Фрэнсису Артингтону (хроника Харндинга)¹⁹.

Итак, Роберт Паркин выглядит не как «консерватор», а как практически идеальный клирик эпохи реформы: образованный, знаток Писания, готовый проповедовать своим прихожанам и обсуждать богословские вопросы и исторические сочинения с коллегами, внимательно относящийся к внутренним религиозным переживаниям²⁰. Таким образом, неприятие Паркином (и его единомышленниками) протестантского учения было принципиальной позицией ученого богослова, а не упрямым желанием «держаться за старину». Последняя, впрочем, привлекала внимание Паркина – автора нескольких исторических сочинений. В их числе оказалась и история недавних событий.

Как видел Паркин Реформацию? И зачем он решил написать ее краткую историю? Ответ на первый вопрос сближает Паркина с кардиналом Полом. Нет оснований предполагать, что Паркин был знаком с трактатом кардинала, о котором шла речь выше, хотя это и возможно. Однако он явно разделял мнение кардинала о том, что и почему произошло в Англии в 1530–40-х гг. Как и Пол, Паркин связывает начало Реформации с разрывом с Римом, вызванным грехами Генриха VIII – его страстью к Анне Болейн и преступным желанием во что бы то ни

¹⁵ Ibid. Джеймс Вашингтон принадлежал к младшей ветви рода: представители старшей в XVII в. эмигрировали в Виргинию, и именно к ней принадлежал первый американский президент.

¹⁶ Ibid. P. 61.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ум. в 1590 г. Вероятно, католик. Его брат Томас участвовал в Северном восстании 1569 г. Младший брат сэра Кристофера Рея, спикера палаты Общин (1571) и председателя Суда Королевской Скамьи (1574–1592).

¹⁹ Семья Артингтонов оставалась католической и в XVII в.; имена ее членов регулярно упоминались в списках рекузантов Йоркшира.

²⁰ Возможно, следует говорить не столько о предпосылках церковной реформы как таковой, сколько о динамичном развитии католической религиозности, которая впоследствии (в пост-Тридентскую эпоху) гораздо жестче регулировалась церковными властями, нежели в предшествующие периоды.

стало расторгнуть свой первый брак. За грехом плоти последовали другие – узурпация власти папы и конфискация имущества монастырей, сопровождавшиеся казнями.

Следует отметить, что о Генрихе VIII Паркин высказывался сдержанно и немногословно. Его почти 40-летнему царствованию посвящена всего лишь 1/10 текста. А главным злодеем в повествовании является Томас Кромвель (в частности, именно на него возлагается ответственность за роспуск монастырей и казни монахов по всей стране)²¹. Эта сдержанность понятна: ни Мария Тюдор, в царствование которой, скорее всего, писался текст, ни Елизавета I, не поощряли резких суждений в адрес своего отца. Кроме того, главной темой сочинения Паркина является распространение в стране протестантской «ереси» сверху, по приказу власти; а для такого рассказа царствование Генриха VIII и в самом деле – лишь предисловие. О царствовании Эдуарда VI говорится гораздо более подробно. По мнению Э. Диккенса, это происходило оттого, что Паркин писал свою работу в середине 1550-х гг., и память о том, что произошло двадцать лет тому назад, подводила его (отсюда и ряд неточных датировок), тогда как события краткого правления Эдуарда он помнил хорошо²². Дело, однако, не столько в плохой памяти Паркина, сколько в том, что рассказ о наступлении на таинства и обряды католической церкви был главным для его повествования.

Грехи Генриха VIII словно бы открыли дорогу более страшному греху – ереси. Примечательно, что Паркин мало упоминает протестантских проповедников. По всей видимости, он – житель католического Севера, где идеи протестантов в первой половине XVI в. не получили распространения – не видел в них большой проблемы. Причиной распространения ереси, по его мнению, были политики – жадные до власти родственники и окружение молодого короля Эдуарда – герцоги Сомерсет и Нортумберленд, а также подчинившиеся плотскому греху клирики, принявшие новое учение только потому, что оно разрешало им брак.

Бракам священников Паркин вообще уделил немало внимания; в особенности же досталось бывшему главе епархии, Ричарду Холлегейту, архиепископу Йоркскому, которого наш автор обвинял в распутстве²³. Эта особенность текста объясняется не просто стремлением Паркина скомпрометировать оппонентов, но и показать, что их обращение в протестантизм не было истинным. Ведь в истинном обращении проявляется действие благодати, следовательно, внешние его проявления

²¹ *Dickens*. 1947. P. 65.

²² *Ibid*. P. 62–63.

²³ *Ibid*. P. 71–72.

должны быть свободными от любых мирских побуждений. Отсюда и столь распространенные в XVI–XVII вв. обвинения в адрес новообращенных: их противники всегда старались показать действие страстей – алчности, похоти и гордыни (как то и делает Паркин) как главных мотивов «обращения», которое, по сути, таковым и не являлось²⁴.

Принявшие учение протестантов правители светские и духовные начали его распространение. Казалось бы, образованный клирик стал бы рассказывать о проповеди нового учения и полемизировать с ним. Но Паркин этого не делает. Его история – это рассказ о том, как постепенно до неузнаваемости изменилась литургическая жизнь английских приходов: богослужение стали вести на английском языке, мессу заменили новой литургией, о таинстве пресуществления было приказано забыть. Кроме того, запретили и множество «похвальных древних обычаев», связанных с почитанием святых, молитвой за умерших (тоже запрещенной) и т.п. Паркин описывает ход Реформации на Севере Англии шаг за шагом, так, как она постепенно разворачивалась перед прихожанами. Его история – история того, что происходило в приходах. Подобный фокус вполне уместен для священника. Но он же высвечивает именно те аспекты Реформации, которые оказались наиболее болезненными и вызвали наибольшее сопротивление на местах. Прихожане не желали расставаться со старыми католическими обрядами и церемониями, потому что через них они привыкли выражать свои религиозные чувства и определять принадлежность к местному сообществу. Потребовалось немало времени для того, чтобы новая литургия и связанные с ней обряды смогли занять их место. В среднем в Англии это произошло только к концу XVI столетия²⁵. А в его середине введение новой литургии приводило к восстаниям, описанным Паркином с неизменным сочувствием к восставшим²⁶. Всей стране также приходилось страдать от бедствий – непогоды и эпидемий – призванных покарать ее за ересь.

История, рассказанная Паркином, заканчивается триумфом: после кончины Эдуарда VI (чья ранняя смерть – также наказание за ересь), несмотря на все происки протестантов, к власти приходит католичка Мария, поддержанная всей страной. Страна вернулась к католическому богослужению, главные еретики были наказаны, а Англия получила прощение из Рима и вернулась в лоно католической церкви (в 1555 г.). На этом повествование обрывается. Последняя фраза – о смерти королевы Марии в

²⁴ Об этом подробнее см.: *Questier*. P. 54–70; *Questier*. 2002; *Серегина*. 2002; *Серегина*. 2006.

²⁵ *Marsh*. 1998.

²⁶ *Dickens*. 1947. P. 70–71.

1558 г. – вписана явно позже. Э. Диккенс в свое время заявил, что всякие спекуляции о том, почему текст обрывается именно в этом месте, неразумны²⁷, хотя сам в примечании не удержался от предположения. Он считал, что Паркин, доведя повествование до 1555 г., намеревался продолжить его (или эффектно завершить), но отвлекся на другие проекты, а после смерти Марии I продолжать не было уже никакого смысла²⁸.

Но если дело обстояло именно так, зачем было Паркину вписывать последнюю фразу? И зачем вообще сохранять рукопись, которая могла поставить его в сложное положение при Елизавете?

Рассказ Паркина – это повествование о триумфе истинной церкви над ересью. Если рассматривать его повествование именно в таком ключе, становится очевидным, что оно завершено. Возвращение Англии в подчинение Риму и всеобщее покаяние в грехе схизмы, состоявшееся в 1555 г. и есть логический конец этой истории. В ней нет места ни казням протестантов – ведь весь пафос повествования Паркина в том, что среди рядовых англичан их практически не было, а учение было навязано сверху – ни попыткам кардинала Пола реформировать некоторые аспекты жизни католической церкви в Англии. Это не значит, что Паркин был противником подобных реформ; все, что мы о нем знаем, не позволяет прийти к такому выводу. Скорее, для него они представляли собой нормальную жизнь церкви.

Но даже и завершенный текст явно не предназначался для публикации в качестве печатного памфлета, хотя явно мог циркулировать среди друзей Паркина. Тогда зачем он был написан? Друзья Паркина сами были священниками и прекрасно знали то, о чем он написал. Это – не полемический текст, он не должен был убеждать их в истинности католического учения; к тому же они разделяли мнение Паркина. Представляется, что текст был своего рода подборкой материала для проповедей, посвященных триумфу истины над ересью, какие Паркин мог произносить в своем приходе в 1555–58 гг.

В таком случае становится понятным и то, почему священник сохранил рукопись, дописав лишь краткую фразу о смерти Марии I. Историкам с дистанции в несколько столетий очевидно, что с приходом к власти Елизаветы Англия окончательно стала протестантской страной. Но современники Паркина об этом и не подозревали. Они – со страхом, или с надеждой – ждали перемен, подобных тем, что с завидным постоянством происходили в Англии в середине XVI в. Ведь Елизавета могла обратить

²⁷ Ibid. P. 63.

²⁸ Ibid. N. 2.

ся в католичество, выйти замуж за католика, умереть молодой, уступив место католику, или же быть с этого места насильственно свергнутой.

Ожидание перемен, никогда, пожалуй, не было столь сильным на преимущественно католическом Севере Англии, как в конце 1560-х гг., когда Паркин составлял свое завещание. С 1567 г. в Англии находилась Мария Стюарт – католичка и предполагаемая наследница Елизаветы. Ее присутствие подвигло к действиям недовольных режимом католиков и протестантов. Одни стремились урегулировать волновавший всех вопрос о престолонаследии, выдав Марию замуж за протестанта, герцога Норфолка, и провозгласив ее наследницей, одновременно отстранив от власти ненавистного многим Сесила. Другие – католики – готовы были пойти дальше и свергнуть Елизавету с престола, заменив ее Марией и ее супругом-Норфолком. Подобные настроения были сильны среди дворян Севера в 1568 г.²⁹

Можно предположить, что составляя в этой обстановке завещание, Паркин ожидал нового изменения ситуации в Англии. Поэтому он сохранил среди своих документов историю католического триумфа 1550-х гг. – ведь скоро должно было прийти время для нового триумфа, и его католические проповеди вновь оказались бы востребованными. Косвенным указанием на это является вынесенная в заглавие библейская цитата. Полностью она звучит так: «Когда торжествуют праведники, великая слава, но когда возвышаются нечестивые, люди укрываются» (Притчи 28:12). Нетрудно усмотреть в этой цитате прямой намек на положение английских католиков при Эдуарде VI и при Елизавете I. Она также служит и своего рода оправданием для действий самого Паркина, который пошел на компромисс с властью и не был лишен прихода. «Укрывшись» таким образом от «нечестивых» властей, Паркин продолжал выполнять свой долг пастыря – и ждал перемен.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Серегина А. Ю.* Религиозная полемика и выбор конфессии в Англии начала XVII столетия: Ричард Шелдон // *Человек XVII столетия* / Под ред. А. А. Сванидзе и В. А. Ведюшкина. Часть 1. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 159–173.
- Серегина А. Ю.* Английская Реформация глазами католических историков XVI в. // *Вестник РОИИ*. Выпуск 2 (6). Весна-лето 2003. Электронная версия: <http://krotov.info/history/16/3/seragina.htm> (май, 2011).
- Серегина А. Ю.* Изгнание из Оксфорда // *Казус-2005*. М., 2006. С. 175–193.
- Dickens A. G.* Robert Parkyn's Narrative of the Reformation // *English Historical Review*. Vol. 62. 1947. P. 58–83.
- Dickens A. G.* The Writers of Tudor Yorkshire // *Transactions of the Royal Historical*

²⁹ О Северном восстании 1569г. см. *Kesselring*. 2007.

- Society. 1963. 5th series. Vol. 13. P. 49–76.
- Duffy E.* The Stripping of the Altars. 1st edn. New Haven-London, 1992. 2nd edn. New Haven-London, 2005.
- Kesselring K. J.* The Northern Rebellion of 1569: Faith, Politics and Protest in Elizabethan England. London, 2007.
- Marsh C.* Popular Religion in Sixteenth-Century England. London, 1998.
- Questier M.* Conversion, Politics and Religion in England, 1580–1625. Cambridge, 1996. P. 54–70.
- Questier M.* Catholicism, Kinship and the Public Memory of Sir Thomas More // Journal of Ecclesiastical History. Vol. 53. 2002. P. 476–509.
- Questier M.* Discourses of Vice and Discourses of Virtue: ‘Counter-Martyrology’ and the Conduct of Intra-Catholic Dispute // *Lake P., Questier M.* The Antichrist’s Lewd Hat: Protestants, Papists and Players in Post-Reformation England. New Haven-London, 2002. P. 281–314.

Серегина Анна Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гендерной истории Института всеобщей истории РАН; aseregina@mail.ru

РОБЕРТ ПАРКИН

ПОВЕСТВОВАНИЕ О РЕФОРМАЦИИ В АНГЛИИ

*Когда возвышаются нечестивые,
люди укрываются*

(Притчи, 28:12)

Да будет известно всем людям, которые обнаружат, увидят это сочинение, услышат о нем или прочитают, что в году нашего Господа 1532, на 24-м году правления короля Генриха VIII¹ дали корень бедствия, проявившиеся позже. По прошествии времени они созрели и проявились на деле в английском королевстве, к великой печали для всех истинных христиан.

Сначала Его Величество король Генрих VIII на 24-м году своего правления незаконно развелся со своей законной женой, милостивой королевой Екатериной², и женился на леди Анне Болейн³, которую на Троицу короновали королевой Англии⁴. Но на следующий год (anno domini 1533) в нашем королевстве была полностью запрещена власть папы Римского⁵, а затем Его Королевское Величество был провозглашен Верховным главой церкви Англии и Ирландии, непосредственно после Бога⁶; этой властью он начал распускать монастыри. В Йоркшире же первыми распустили две известные обители – Саули и Роули⁷.

¹ Генрих VIII Тюдор (1491–1547), король Англии в 1509–1547 гг.

² Екатерина Арагонская (1485–1536) – дочь Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. Жена Артура, принца Уэльского (1502 г.). В 1509 г. стала женой его младшего брата, Генриха VIII. С 1527 г. начался процесс расторжения этого брака, инициированный Генрихом VIII, стремившимся вступить в новый брак, который подарил бы ему сына. Он завершился в 1533 г., когда после разрыва с Римом (а не до него, как пишет Паркин) архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер признал брачный союз Генриха и Екатерины противоречащим церковному праву и аннулировал его (23 мая 1533 г.). Канонические основания для развода были весьма шаткими, поэтому многие англичане – католики и протестанты – сочли расторжение брака незаконным.

³ Анна Болейн (1501 / 1507–1536) – придворная дама Екатерины Арагонской, фаворитка Генриха VIII, а с 25 января 1533 г. – его жена. 24-й год правления Генриха закончился 21 апреля, поэтому в целом хронология Паркина в отношении второго брака короля верна.

⁴ Анна Болейн была коронована 1 июня 1533 г.

⁵ Имеется в виду парламентский статут от февраля 1533 г. (24. Henry VIII. C. 12), запрещавший англичанам апеллировать в папский суд по церковным делам и распространивший на них королевскую юрисдикцию.

⁶ Статут 1534 г. о королевской супрематии (26. Henry VIII. C. 1).

⁷ Из текста создается впечатление, что цистерцианские аббатства Саули и Риво (Роули в произношении Паркина) были распущены сразу после принятия статута о

Затем, на следующий год, т.е., в 1534 г., королю были дарованы первые плоды и десятина со всего церковного имущества⁸. А поскольку добрый епископ Рочестерский и сэр Томас Мор, два благочестивых человека и великих ученых, не соглашались с тем, что король должен быть верховным главой церкви, их обоих обезглавили в июне в Лондоне⁹; вместе с ними казнили за то же самое трех монахов-картузианцев¹⁰, и еще нескольких в других местах¹¹.

В следующем, 1535 г., упомянутая выше королева Анна была обезглавлена за ужасные преступления плоти¹², а в сентябре и октябре в Линкольншире и Йоркшире случились большие волнения¹³, однако, их утихомирили обманом, без кровопролития¹⁴, заключив соглашение,

королевской супрематии, чуть ли не в результате этого события. На самом деле аббатство Саули было распущено в 1536 г., вместе с другими обителями небольшого и среднего достатка, а аббатство Риво – только в 1538 г.

⁸ Статут от ноября 1534 г. (26. Henry VIII. С. 3).

⁹ Неточность Паркина: епископ Рочестерский Джон Фишер и Томас Мор были казнены на год позже, 19 июня и 6 июля 1535 г., соответственно.

¹⁰ Казни картузианцев начались раньше: 4 мая 1535 г. в Лондоне были обезглавлены приоры Лондонской, Бивейльской (Ноттингэмшир) и Аксхольской обителей картузианцев Джон Хутон, Роберт Лоуренс и Огастин Уэбстер (причислены к лику святых католической церкви в 1970 г.). Вместе с Фишером 19 июня 1535 г. были казнены еще три монаха из Лондонской обители ордена – Хамфри Миддлмор, Уильям Эксмью и Себастиан Ньюдигейт (причислены к лику блаженных католической церкви в 1886 г.)

¹¹ По всей видимости, имеются в виду лондонские картузианцы Джон Рочестер и Джеймс Уолуорт (канонизированы в 1886 г.), переведенные после роспуска лондонского монастыря ордена в Халл (картузианская обитель Св. Михаила). Они были казнены в Йорке 11 мая 1537 г. за участие в Благодатном Паломничестве (см. *ниже*); Паркин вполне мог видеть эту казнь.

¹² Анна была арестована 2 мая 1536 г. по обвинению в прелюбодеянии и инцесте, признана виновной и казнена 19 мая того же года.

¹³ Имеется в виду Благодатное паломничество – крупное восстание, охватившее Линкольншир, Йоркшир, Ланкашир, Камберленд и Уэстморленд. Недовольство восставших вызвали как экономические проблемы региона (отчасти спровоцированные роспуском малых монастырей в 1536 г.), так и недовольство политикой короля – разрывом с Римом, разводом с Екатериной Арагонской, – а также и слухами о том, что правительство намеревается конфисковать всю церковную утварь в приходах (приобретающуюся на средства мирян и потому считающуюся ими собственностью прихожан, а не короны).

¹⁴ Представители Генриха VIII обещали восставшим прощение, созыв парламента для рассмотрения их требований и отказ от роспуска монастырей до завершения дебатов. Невыполнение обещаний привело к новой волне восстания в отдельных районах зимой 1537 г., жестоко подавленных правительством. После этого активные участники первого восстания также были арестованы и казнены.

что произошло в местечке под названием Скаусби неподалеку от Донкастера¹⁵. После этого, в канун дня Св. Эдуарда в октябре 1536 г. в Хэмптон-Корте родился принц Эдуард¹⁶. Тяжелые времена продолжались, и к монастырям не проявляли никакого благоволения; напротив, каждый год часть их распускали. В 1539 г. все они были жестоким образом подчинены¹⁷ (так обращались со святым иерусалимским храмом, когда он был во власти халдеев) [4 Цар 25; Иер 52], а многих аббатов и прочих добродетельных монахов позорным образом предали смерти в различных частях королевства. Все это нечестие случилось по совету одного негодяя и еретика, Томаса Кромвеля¹⁸ и тех, кто был ему близок. Потом этого Кромвеля обезглавили за измену¹⁹.

Затем, в 1540 г. издали королевскую прокламацию²⁰, предписывавшую не праздновать дней святых, за исключением праздников Богородицы²¹, Апостолов²², евангелистов²³ и Марии Магдалины²⁴. Предпи-

¹⁵ Скаусби (близ Олдвика) – одно из мест сбора отрядов восставших в октябре 1536 г. Там же в декабре 1536 г. восставшим зачитывали послание короля.

¹⁶ Эдуард (VI), сын Генриха VIII и его третьей жены Екатерины Сеймур, родился 12 октября 1537 г. Праздник Св. Эдуарда Исповедника (а точнее, перенесения его мощей) приходился в XVI в. на 13 октября.

¹⁷ В 1539 г. были распущены почти все крупные монастыри (более мелкие эта участь постигла в 1536–1537 гг.).

¹⁸ Томас Кромвель (1485–1540), граф Эссекс, первый министр Генриха VIII в 1530-х гг., объединявший в своих руках посты канцлера казначейства, лорда-хранителя печати, государственного секретаря, лорда-великого камергера и вице-герента короля в духовных делах. Кромвель стоял за первыми шагами королевской Реформации 1530-х гг. и фактически являлся лидером придворной партии протестантов.

¹⁹ Кромвель был арестован в июне 1540 г., объявлен вне закона как изменник парламентским статутом и казнен 28 июля 1540 г. Причиной его падения стал «консервативный» поворот в религиозной политике Генриха VIII, подтвердивший католическое вероучение (статут 1539 г.) и усиливший католическую партию – врагов первого министра. Непосредственной причиной падения Кромвеля стала его попытка заключить союз с немецкими протестантами, подкрепив его браком с Анной Клевской. Брак оказался неудачным, и вину за это король возложил на своего министра.

²⁰ Прокламация от 22 июля 1541 г. На самом деле данная прокламация вернула прихожанам некоторые традиционные праздники – а именно, праздники евангелистов и Марии Магдалины (в день которой она и была издана).

²¹ Успение Богородицы, 15 августа.

²² Праздники Свв. Апп. Петра и Павла (29 июня), Св. Андрея (30 ноября), Иакова Зеведеева (25 июля), Иоанна (27 декабря), Филиппа (1 мая), Варфоломея (24 августа), Матфея (см. след. прим.), Фомы (21 декабря), Иакова Малого (1 мая), Фаддея (28 октября), Симона Зилота (28 октября), Матфия (14 мая).

²³ Праздники Св. Марка (25 апреля), Св. Матфея (21 сентября), Св. Луки (18 октября) и Св. Иоанна (27 декабря).

²⁴ Праздник 22 июля.

сывалось также не поститься в день Св. Марка²⁵ и в канун дня Св. Лаврентия²⁶, а детям – не наряжаться и не ходить по округе накануне и в дни Св. Николая, Св. Екатерины, Св. Климента и Св. Эдуарда²⁷; эти детские обычаи (как их поименовали) должны были прекратиться. Итак, при короле Генрихе святая английская церковь начала приходить в упадок, какой мы видим в наши дни.

Когда же король Генрих отошел по милости Господней на 38-м году своего правления, в 1546 г. от рождества Христова²⁸, ему наследовал его единственный сын, принц Эдуард. Во всех владениях своего отца он был провозглашен королем Англии, Франции и Ирландии, защитником веры и верховным главой церкви Англии и Ирландии непосредственно после Бога. На первом году его правления всему духовному сословию Англии были даны строгие инструкции, по которым запрещались все процессии²⁹; разрешалось лишь преклонять колени в середине церкви во время пения или чтения английской ектеньи по праздникам³⁰.

²⁵ Праздник Св. Марка (25 апреля) был также и временем Большого Молебствия (Major Rogation), когда верующие обходили границы прихода торжественной процессией и молились о ниспослании милости Божией. Малые Молебствия приходились на три дня (понедельник, вторник и среду) перед праздником Вознесения.

²⁶ Праздник Св. Лаврентия приходится на 10 августа. Обычай поститься накануне больших праздников известен со времен Ранней церкви, а применительно к кануну дня Св. Лаврентия (на западе) – как минимум с XI в.

²⁷ Праздники Св. Николая (6 декабря), Св. Екатерины (25 ноября), Св. Климента (23 ноября) и Св. Эдуарда Исповедника (13 октября). Все они отмечались торжественными приходскими процессиями. Накануне и в день Св. Николая в больших городах (и в Йорке) избирали «мальчика-епископа» из числа соборных хористов. Такие же «избрания» имели место и в остальные праздники, упомянутые выше. Кроме того, день Св. Екатерины считался праздником девушек, устраивавших гуляния (и гадания о предстоящем замужестве) в приходах, а в день Св. Климента – покровителя кузнецов последние (особенно молодые подмастерья) устраивали театрализованные шествия. Все эти обычаи воспринимались протестантами как неуместные пережитки язычества.

²⁸ Генрих VIII умер 28 января 1547 г.; поскольку до XVIII в. в Англии новый год официально начинался с праздника Благовещения (25 марта), этот день по старому английскому стилю приходился на 1546 г.

²⁹ Инструкции от августа 1547 г. в большей своей части повторяли инструкции 1538 г., однако, были и существенные нововведения, на которые ссылается Паркин. Так, они запрещали торжественные крестные ходы (процессии), с которых начиналась торжественная месса по воскресеньям и праздничным дням, а также и крестные ходы дней Великих молебствий (см. прим. 25). Этот запрет подрывал основы приходского коммунального, общинного благочестия, так как именно в таких процессиях определялась и цементировалась местная солидарность.

³⁰ Эта церемония была призвана заменить крестный ход. По воскресеньям

В начале второго года его правления, в 1547 г., в день Очищения Богородицы (т.е., на Сретение)³¹, не было благословения свечей³², которые люди держали в руках, как это делали раньше, согласно похвальному обычаю; этот обряд отбросили.

В начале Великого поста не читались ектеньи, относящиеся к благословению пепла; и помазание пеплом не совершалось³³. Тем же постом по всему английскому королевству были запрещены и вынесены из церквей все святые образы, скрижали, распятия и дарохранительницы, а также все восковые свечи (за исключением двух, стоявших на главном алтаре)³⁴.

Также в Вербное воскресенье, бывшее и днем Благовещения Девы Марии³⁵, не было освящения верб, принесенных людьми, ни процессий, ни чтения Пассии на латыни во время мессы³⁶, но лишь на английском, с кафедры проповедника. Также накануне Чистого Четверга (в 1548 г.)³⁷ не было омовения алтарей³⁸, и не раздавали милостыни³⁹. А на Страст-

торжественная литургия должна была начинаться теперь с того, что священники и хор преклоняли колени посередине центрального нефа и пели ектеньи на английском языке. Эти ектеньи были введены в литургию Томасом Кранмером еще в царствование Генриха VIII.

³¹ 2 февраля 1548 г.

³² В до-реформационной Англии на Сретение торжественной мессе предшествовал крестный ход, когда прихожане несли зажженные восковые свечи. Эти свечи благословлялись во время службы; их приносили на алтарь Богородицы вместе с 1 пенсом (частью приходских платежей).

³³ Речь идет о традиционных для католической церкви церемониях, совершавшихся в Пепельную Среду (в 1548 г. выпавшую на 15 февраля): благословение пепла (образованного сжиганием прошлогодних «верб»), а также крестообразное помазание им лба верующих в знак покаяния.

³⁴ Изображения святых, распятия, дарохранительницы и свечи, возжигавшиеся перед ними, были запрещены как объекты идолопоклонничества.

³⁵ В 1548 г. Вербное воскресенье выпало на праздник Благовещения (25 марта).

³⁶ Во время мессы на этот праздник было принято благословлять заменяющие пальмовые листья «вербы» (в Англии в этой роли обычно выступали ветви тиса, самшита или собственно вербы). Этот обычай был запрещен, как и одна из главных приходских процессий – крестный ход со Святыми дарами, символизировавший вход Христа в Иерусалим. Кроме того, во время мессы на Вербное воскресенье пелись (а не читались) разделы Евангелия от Матфея, повествующие о Страстях Христовых (Пассия). В 1548 г. это тексты впервые было предписано читать на английском языке, а не на латыни.

³⁷ В 1548 г. Чистый Четверг приходился на 29 марта.

³⁸ После мессы в Чистый четверг в до-реформационной Англии со всех церковных алтарей снимали покровы и украшения, в то время как священник читал Пассию, а затем – коллекты тем святых, которым был посвящен тот или иной ал-

ную пятницу⁴⁰ в церквях не готовили гробницы Христовы⁴¹, а на службе в этот день не упоминалось об ужасных страданиях Иисуса Христа, его смерти и погребении (как было давно заведено), за исключением Пассии, прочитанной на английском. Все остальные церемонии – подползание к кресту⁴², возжигание 24 свечей⁴³ и пост⁴⁴ – были отменены.

В канун Пасхи не освящали огнем и пасхальных свечей⁴⁵, не было шествий к купели со свечами во время ее благословения⁴⁶; во время шествия от купели к хору не пели и не читали молитвы (согласно похвальному древнему обычаю), но немедленно перешли к мессе. Во время нее людей причащали под двумя видами, т.е., они приняли благословенное тело Христово в виде хлеба и его благословенную кровь в виде вина, а после этого сам священник причастился. Так поступали и впредь, когда люди собирались принять причастие.

Также утром на Пасху (пришедшуюся на первый день апреля), не упоминали о воскресении Господа всемогущего Иисуса Христа. Перед мессой не было шествия⁴⁷, не было и шествия вокруг купели перед вечерней, ни в этот день, ни в другие дни недели. Через две недели все

тарь. После этого алтари омывались водой и вином и очищались вениками из тонких веток. Этот обряд символизировал снятие покровов с Христа перед казнью.

³⁹ Чистый Четверг был традиционным днем раздачи милостыни в приходе.

⁴⁰ 30 марта 1548 г.

⁴¹ «Гробницы Христовы» и связанные с ними обряды были центром позднесредневековых благочестивых практик Страстной недели. По завершении мессы на Страстной Пятнице священник снимал свои ризы и, босиком и в одном стихаре, шествовал к установленной с северной стороны от алтаря «Гробнице», обычно выполненной из дерева (но иногда и каменной) и воспроизводившей форму гроба. Покровы гробницы обычно делали из дорогих тканей и расшивали их золотом. В гробницу помещались гостия (освященная в Чистый четверг) в дарохранительнице и крест, завернутые в льняное полотно. Они символизировали тело Христа. Оба предмета торжественно извлекались из гробницы непосредственно перед пасхальной мессой.

⁴² В до-реформационной церкви на Страстной пятнице священники и все прихожане, босые, ползли на коленях по нефу церкви, чтобы поцеловать подножие большого распятия.

⁴³ Свечи возжигались перед Гробницей (см. прим. 41).

⁴⁴ Традиционно Страстная пятница была днем строгого поста.

⁴⁵ Во время ночного Пасхального богослужения возжигалась пасхальная свеча, которую затем священник проносил через неф погруженной во мрак церкви. От этой свечи зажигались все свечи прихожан.

⁴⁶ В ходе этой процессии священники несли пасхальную свечу через неф к крестильной купели (располагавшейся в западном портале, у входа в храм) и погружали ее в воду (что символизировало новое рождение христиан для жизни вечной). Затем купель благословляли.

⁴⁷ То есть, крестного хода вокруг церкви.

пребнды, госпитали, часовни и капеллы в Йоркшире и других владениях короля были принудительно переданы в руки Его Величества, вместе со всевозможными драгоценностями, утварью, книгами, колоколами, покрывами и облачениями, принадлежавшими им⁴⁸.

Также в день Св. Марка не постились, но каждому дозволялось есть мясо в свое удовольствие⁴⁹.

Также в дни молебствий не было шествий вокруг полей⁵⁰, а жестокие тираны с презрением сбросили все кресты, стоявшие у дорог.

Также во многих местах нашего королевства (но особенно на юге – в Саффолке, Норфолке, Кенте, Уэльсе и др.) по воскресеньям не освящали воды и хлебов и не раздавали их людям⁵¹, но отменили это, как обычаи, отдающие идолопоклонством. Да, а также с презрением, как нечто совершенно отвратительное, были отброшены дарохранильницы (в которые помещалось то, что осталось от Тела Христова, принявшего форму хлеба), подвешивавшиеся над алтарями. Причем содержимое дарохранильниц не оставили в покое, а гнусно насмеялись над ним, употребляя слова, осквернявшие уши истинных христиан. Удивительно, что земля не разверзлась и не поглотила этих негодяев, как это произошло с Дафаном и Авироном⁵², однако милосердие Христово велико. Эти негодяи отвергли благословенное таинство и предпочли бы, чтобы в нашем королевстве не служили мессы. Они упрямо утверждали, что Мессия еще не рожден, а, в конце концов, отвергли все таинства, кроме таинства брака, по той причине, что он был установлен еще в земном раю. Они также утверждали, что священники по закону могут жениться, брать женщин в жены, и это многим понравилось, ибо они на деле были женаты, и епископы, и их подчиненные. Слепленные желаниями плоти, они открыто проповедовали и наставляли людей, что так можно поступать по Божественному закону, и приняли подобающие статуи⁵³. Эти женатые священники во время литургии не совершали вознесения гостии после посвящения⁵⁴, но все остальные честные свя-

⁴⁸ Статут о роспуске всех капелл и др. был принят еще при Генрихе VIII (1545 г.); его подтвердили в 1548 г.

⁴⁹ См. прим. 25.

⁵⁰ См. прим. 25.

⁵¹ Освящение воды и хлеба происходило во время мессы, а по завершении службы их распределяли между присутствовавшими там прихожанами.

⁵² Кн. Чисел, 1-40; Корей, Дафн и Авирон, восставшие против Моисея, вместе с домохадцами были поглощены разверзшейся под их ногами землей.

⁵³ Статут 1549 г. (2 & 3 Edward VIII. C. 21).

⁵⁴ После завершения посвячительных молитв священник поднимал гостию в дарохранильнице, а потом и чашу с вином, высоко над головой, так, чтобы все

щенники поступали в соответствии со старым похвальным правилом, в воспоминание о том, как Христос Наш Спаситель был поднят на деревянном кресте во искупление грехов человеческих. Королевство Англия было охвачено раздорами и волнениями, на севере свирепствовали враги, опустошавшие его мечом⁵⁵, а на юге – мор.

В праздник Всех Душ (*anno ubi supra*)⁵⁶ висевшую над алтарем Йоркского собора дарохранительницу сняли и поместили на главный алтарь; так же поступили во всех церквях Йорка и различных благочиниях графства.

Той зимой в Вестминстере, в Лондоне, созвали парламент. Он собрался 4 ноября и продолжал заседания с перерывами до 14 марта на третьем году правления короля Эдуарда VI⁵⁷. Святая месса была запрещена актом парламента; ее нельзя было служить, а вместо нее давали причастие⁵⁸.

Но Господу (читающему во всех людских сердцах) было угодно посетить великие раздоры среди лордов парламента. Дядя Его Королевского Величества по имени сэр Томас Сеймур, лорд-адмирал, был обвинен в измене и заключен в Тауэр с множеством других изменников⁵⁹. Вследствие этого заблуждения не распространились, но страна благодаря лордам и пэрам королевства оставалась католической и верной Господу.

Как бы там ни было, это положение надолго не сохранилось (к сожалению), так как всем клирикам – приходским священникам, викариям и церковным старостам было прямо предписано составить для чиновников Его Королевского Величества правдивое описание всех драгоценностей и прочего имущества, принадлежавшего каждой приходской церкви⁶⁰. Для какой цели это делалось, будет потом рассказано подробнее (если Господу будет угодно сохранить жизнь рассказчика), ведь он прекрасно осведомлен обо всем. Дело совершалось в начале марта (того же года).

видели Тело и Кровь Христовы. Прихожане в это время преклоняли колени.

⁵⁵ Стремившиеся отыграться за поражение при Пинки (1547 г.) шотландцы зимой 1548 г. провели ряд успешных рейдов на территорию Англии.

⁵⁶ 2 ноября 1548 г.

⁵⁷ Парламент заседал с 24 ноября 1548 г. по 14 марта 1549 г.

⁵⁸ 2 & 3 Edward VIII. C. 1.

⁵⁹ Томас Сеймур (1508–1549), лорд-адмирал Англии, младший брат герцога Сомерсета был обвинен в государственной измене за попытку захватить Эдуарда VI, а также жениться на принцессе Елизавете без согласия Тайного Совета. Казнен 20 марта 1549 г.

⁶⁰ Распоряжение от 15 февраля 1549 г. В приходах оно должно было быть получено в марте.

Но после праздника Благовещения Девы Марии (1549 г.) Его Королевское Величество своим актом провозгласил⁶¹, что священники по закону могут жениться, и многие так и поступили (после того, как женился Роберт Холлегейт, архиепископ Йоркский, подав им пример распутства).

После этого вышло прямое повеление (в соответствии с актом Его Королевского Величества), данное во время визитации после Пасхи: чтобы ни один священник не служил мессу или совершал любую другую службу на латыни после ближайшего праздника Троицы, но служил по-английски (если хочет избежать немилости Его Королевского Величества и наказаний, предписанных указанным актом). Итак, на ту Троицу по всему королевству Англии и в других владениях короля была запрещена месса. Вместо нее литургию нужно было служить по-английски, не вознося Тело и Кровь Христовы в форме хлеба и вина, не поклоняясь им, не сохраняя их в дарохранительнице. Была издана некая английская книга, содержащая текст литургии, которую предписывалось служить в церкви Господней, и никакой другой (называлась она Книгой Общих Молитв)⁶².

Все упомянутые события произошли из-за дяди Его Королевского Величества (настоящего еретика, изменившего Богу), Эдварда Сеймура, герцога Сомерсета и протектора всех королевских владений⁶³. Его брат, то есть, Томас Сеймур, умер смертью изменника, как вы уже слышали.

После упомянутой Троицы в месяце июне началось волнение или восстание людей на юге, в Корнуолле и Девоне и соседних графствах⁶⁴,

⁶¹ Акт (см. прим. 53) был обнародован уже после Благовещения, в новом году (см. прим. 28).

⁶² Акт о единообразии (2 & 3 Edward VIII. C. 1), принятый в январе 1549 г., запрещал латинское богослужение и вместо него вводил богослужение на английском языке, по новому служебнику – Книге Новых Молитв. Ее автором был архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер. Новая литургия вводилась с праздника Троицы (9 июня 1549 г.).

⁶³ Эдвард Сеймур, герцог Сомерсет (1506–1552), Лорд-Протектор Англии в 1547–1549 гг.

⁶⁴ Восстание в Девоне и Корнуолле началось 10 июня 1549 г., на следующий день после введения английской литургии. Восставшие стремились вернуться к традиционному католическому богослужению. Менее масштабные выступления против новой литургии имели место в Хэмпшире, Оксфордшире, Бэкингэмшире и на севере Йоркшира. Мотивы восставших были смешанными, экономические требования (запрет проводившихся землевладельцами огораживаний) играли немаловажную роль, однако объединяющим фактором стала защита католичества. Жители Бодмина, в котором в июне 1549 г. и началось восстание, призывали: «Убьем джентльменов, и тогда у нас опять будут Шесть статей и церемонии, как это было во времена короля Генриха VIII». Захватившие столицу запада – Эксетер – восставшие призывали вернуть латинскую мессу, иконы, молитвы за умерших, монастыри и запретить

а в июле еще больше графств поднялось на защиту Христовой церкви и по другим важным причинам выступили против еретиков на юге, и тех, кто не желал выполнять завещание и последнюю волю короля Генриха VIII⁶⁵. Однако вскоре восставших подчинили, обещав договор и прощение. Как бы там ни было, народ Норфолка и Эссекса вместе со своими сторонниками не согласился и храбро держался своих условий. В первый день августа близ города Норича состоялось сражение между ними и королевской армией⁶⁶. Там был убит лорд Шеффилд⁶⁷ и многие со стороны короля, а его оружие и пушки захвачены простоллюдинами.

Затем против них выступил граф Уорик⁶⁸ с большой силой. Он расположился лагерем близ упомянутого города Норича в канун дня Св. Варфоломея⁶⁹, а капитан народа, Роберт Кетт, располагался на горе⁷⁰ с большой армией. В пять часов утра в день Св. Варфоломея началось сражение между ним и графом Уориком, в котором погибло много людей, однако Кетт и его простоллюдины одержали победу, а артиллерия короля была захвачена. Тем не менее, через два дня (т.е. 27 августа) граф вновь пошел против Кетта и его отрядов с огромным войском из закованных в латы всадников и копейщиков. У Кета и его армии было в достатке мяса, но не хватало пива, эля или воды, поэтому они спустились с горы в долину, готовые к сражению. Тогда граф поспешно занял гору и оттуда яростно устремился на Кетта, послав всадников на него с одной стороны, а копейщиков – с другой. Состоялось большое сражение, и с обеих сто-

английскую Библию. Восстание было жестоко подавлено в начале августа правительственными войсками и наемниками (немцами и итальянцами) под командованием Уильяма Рассела, графа Бедфорда.

⁶⁵ На востоке страны, в Норфолке, летом 1549 г. началось другое восстание. Здесь экономические и социальные требования (запрет огораживаний и улучшение положения бедняков) стали основными, вопреки тому, что пишет Паркин. Более того, восставшие стремились показать, что они воюют с угнетавшими их местными дворянами, а не с правительством лорда-протектора. Чтобы подчеркнуть верность герцогу Сомерсету и его программе реформ, восставшие в Норфолке заявляли о своем признании «Книги Общих молитв», а в их числе находились и протестантские проповедники-радикалы, мечтавшие о создании нового, более справедливого общества, свободного от греха. Восстание в Норфолке также было подавлено правительственной армией под командованием Джона Дадли, графа Уорика.

⁶⁶ Этой армией командовал Уильям Парр, маркиз Норхэмптон.

⁶⁷ Эдмунд, барон Шеффилд (1521–1549) был убит не в этом сражении, а 19 июля, на улицах Норича.

⁶⁸ Джон Дадли (1504–1553), граф Уорик, позднее – герцог Нортумберленд. Правитель Англии после падения Сомерсета (1550–1553 гг.)

⁶⁹ Уорик расположился в Интвуде, в 3-х милях от Норича, 23 августа 1549 г.

⁷⁰ На холме Маузхолд Хит.

рон погибли многие, более 700 человек, согласно подсчетам. Простолудины потерпели поражение, Кетта захватили живым и впоследствии казнили в упомянутом городе Нориче (да простит Господь его душу)⁷¹.

Вскоре после этого в королевстве чудесным образом произошли перемены, ибо в шестой день октября (того же года) упомянутый лорд-протектор (то есть, Эдвард Сеймур, герцог Сомерсет, дядя короля) был объявлен изменником по всем владениям короля⁷², так как этот жестокий человек замышлял лишить жизни Его Королевское Величество, которому тогда было всего 13 лет.

Потом в Вестминстере собрался парламент, не проявивший никакой благосклонности к церкви господней. На Рождественской неделе в приходских церквях Бишопторпа⁷³ и Эйтвика⁷⁴ в Йоркшире было объявлено о предстоящем браке между Робертом Холлегейтом⁷⁵, архиепископом Йоркским, с одной стороны, и Барбарой Уэнтуорт, дочерью Роджера Уэнтуорта, эсквайра, с другой⁷⁶. Эта Барбара раньше, в детстве, была выдана замуж за молодого джентльмена по имени Энтони Нормен (этот брак впоследствии привел к великим бедствиям и судебным искам)⁷⁷. Как бы там ни было, упомянутый архиепископ и Барбара были соединены в браке в приходе Бишопторп 15 января (того же года), то есть, в 4 ферию после Богоявленских октав⁷⁸, хотя они уже пожени-

⁷¹ 7 декабря Роберт Кетт был повешен на стене Норичского замка; он скончался лишь через несколько дней.

⁷² Герцог Сомерсет был арестован в октябре 1549 г. и обвинен в измене.

⁷³ Бишопторп находится в трех милях к югу от Йорка; манор здесь принадлежал архиепископу Йоркскому, вместе с правом поставления на приход.

⁷⁴ Одвик-ле-стрит, город в нескольких милях к северу от Донкастера. Объявление о браке делалось в приходах, где жили жених и невеста соответственно.

⁷⁵ Роберт Холлегейт (1481/2–1555), епископ Лландафский, с 1545 г. архиепископ Йоркский, лорд-президент совета Севера.

⁷⁶ Барбара Уэнтуорт была дочерью Роджера Уэнтуорта из Одвика.

⁷⁷ Речь идет, конечно, не о браке, а об обручении: вступление в брак подтверждалось вступлением в интимную близость (без этого условия брак не являлся действительным), а Барбара и ее жених были еще детьми. Это, впрочем, не помешало Энтони Норману обратиться с петицией к Тайному Совету; в ней он требовал вернуть ему жену. Требование не удовлетворили, и Барбара осталась женой Холлегейта; она родила ему двоих детей.

⁷⁸ Октава – восемь дней после большого церковного праздника (включая сам этот день), в течение которого на литургии звучат молитвословия, связанные с ним. Поскольку Богоявление приходится на 6 января, его октава завершается 12 января. Словом «ферия» обозначались дни недели после воскресенья или большого праздника, причем следующий за ними день именовался второй Ферией (т.к. первая приходилась на сам праздник). Таким образом, четвертая ферия Богоявленских октав пришлась на

лись тайно, как рассказывал при дворе Его Королевского Величества еретик доктор Тонг⁷⁹: что он сам сочетал их браком.

Между этой свадьбой и праздником Очищения Девы Марии⁸⁰ архиепископ направил суровых чиновников во все благочиния Йоркшира, прямо наказав, чтобы все церковные книги, то есть, миссалы, градуалы, антифонари, картулярии, процессионарии, служебники, бревиари, молитвословы и др., были свезены в епископский дворец в Йорке, а там их должны были уничтожить, чтобы никто их не знал. Наказанием за сокрытие была королевская опала.

Но вскоре после того (anno gratie 1550) упомянутый выше Эдвард Сеймур, герцог Сомерсет получил прощение Его Королевского Величества и благодаря этому был освобожден из Тауэра и вновь получил прежние чины (но его не именовали больше Протектором)⁸¹. Потом, вследствие этого были изданы новые распоряжения (в них не было ничего хорошего), приказывавшие убрать все свечи с алтарей в церквях и капеллах, и поставить в центре хора небольшой стол, именуемый Стол для Причастия. Приказано было также, чтобы никто не смел признавать чистилище, молитвы святым, 6 статей, четки, святые образы, мощи, освященный хлеб и воду, пепел и вербы и т.д., и все прочие церемонии, принятые от века в церкви Господней, под страхом королевской опалы. Это было исполнено сначала в южных частях королевства сразу после Пасхи (anno ubi supra)⁸².

Но в месяце декабре того же года из всех церквей и капелл к северу от Трента убрали каменные алтари, а вместо них посреди хора поставили деревянные столы⁸³. Виновниками (как твердили в один голос) были упомянутый Эдвард Сеймур и граф Уорик, два жестоких тирана и врага Господа и святой церкви. Они, упорствуя в своих нечестивых

среду, 15 января 1550 г.

⁷⁹ Капеллан короля Эдуарда, известный протестантский проповедник Роджер Тонг.

⁸⁰ То есть, до 2 марта 1550 г. Аналогичное распоряжение на юге (в Кентерберийской провинции) было отдано Кранмером 14 февраля. Оно основывалось на предписаниях статута, принятого парламентом в январе 1550 г. (3 & 4 Edward VI. C. 10).

⁸¹ Сомерсет был выпущен из Тауэра 6 февраля 1550 г. 18 февраля 1550 г. он получил королевское прощение, а 10 апреля вновь стал членом Тайного Совета, хотя пост Лорда-Протектора ему не вернули.

⁸² Устранение всех алтарей из церквей и замена их деревянными столами для причастия началась в июне 1550 г. в Лондоне по распоряжению епископа Николааса Ридли (1500–1555).

⁸³ Практика замены алтарей столами для причастия была распространена на всю страну распоряжением Тайного Совета, данным в ноябре 1550 г.

стремлениях, на следующий год (т.е. anno Domini 1551) еще сильнее явили миру свою тиранию, однако Господь в своей справедливости (принимая во внимание греховную жизнь людей) наслал великие и страшные кары – голод и нужду, когда не хватало хлеба насущного, и мор или бич свой, сильную лихорадку, от которой многие умерли. И так было по всему королевству Англия.

В то же самое время была издана прокламация, где говорилось об удешевлении находившейся в обращении монеты до середины лета. Суть ее заключалась в том, что тестон⁸⁴ равнявшийся 12 пенсам, должен был стоить лишь 9 пенсов, а гроут⁸⁵ – три пенса. Эта прокламация входила в действие с последнего дня августа того года. Однако 18 июля (или около того) ее предвосхитили, и в Йорке было объявлено, что со следующего дня тестон обменивается только на 9 пенсов, а гроут – на три пенса, из-за чего многие понесли большие убытки. А в первый день августа на рынках огласили еще одну прокламацию, в которой под страхом смерти запрещалось обменивать деньги за большую или меньшую цену, но только так, как предписывалось в предыдущей, то есть, тестон за 9 пенсов, и гроут за три пенса.

Однако отметить (добрый читатель) изменчивость желаний советников королевства, особенно же двух лживых еретиков и изменников Богу и королевству, названных выше, то есть, Эдварда Сеймура и графа Уорика. Они издали другую нечестивую прокламацию, которую приказано было огласить в каждом графстве, городе и местечке 17 августа (anno ubi supra). А именно, что тестон должен стоить шесть пенсов, а гроут – два пенса, двухпенсовик⁸⁶ – пенс⁸⁷, пенс – полпенса⁸⁸, полпенса – фартинг⁸⁹. Сколь чудовищным оказалось это деяние, повергшее в нищету бедняков в королевстве и разорившее многих. Но Дьявол, господин и повелитель упомянутых еретиков, возмущил их друг против друга, так что упомяну-

⁸⁴ Тестон – английская серебряная монета, предшественник шиллинга. Впервые ее начал чеканить Генрих VII. Изначально тестон стоил 12 пенсов, однако многократная порча монеты (т.е. понижение содержания в ней серебра) на протяжении царствования Генриха VIII и Эдуарда VI понизила ее стоимость сначала до 10, потом до 9 и 6 пенсов. В конце XVI в. тестоном порой именовали шестипенсовую монету.

⁸⁵ Гроут – мелкая серебряная монета, изначальная стоимость которой равнялась 4 пенсам. Чеканилась, начиная с правления Эдуарда I.

⁸⁶ Полугроут стоимостью в 2 пенса, чеканился со времен короля Эдуарда III.

⁸⁷ Мелкая серебряная монета, чеканившаяся с англо-саксонских времен; содержание в ней серебра многократно колебалось. Генрих VIII несколько раз понижал стоимость пенса.

⁸⁸ Мелкие монеты, чеканились со времен Генриха III, а возможно, и раньше.

⁸⁹ Мелкая монета стоимостью $\frac{1}{4}$ пенса, чеканилась с правления Эдуарда I.

тый изменник и еретик Эдвард Сеймур был опять отправлен в Тауэр 16 октября (anno ubi supra, то есть 1551) и пребывал там до 22 января следующего года. В этот день его обезглавили у ворот Тауэра по наущению упомянутого графа Уорика⁹⁰. Потом же этот граф (иначе называемый герцогом Нортумберлендом)⁹¹ правил страной нечестиво и предал смерти без вины многих рыцарей и джентльменов, приходившихся родственниками и друзьями упомянутому лорду Эдварду Сеймуру⁹².

Сразу после этого собрался парламент, созванный в Вестминстере. Он заседал с 23 января до 15 апреля шестого года правления Его Королевского Величества, 1552 г. от Рождества Господа Нашего. Ничего хорошего не воспоследовало для церкви от него, только дурное. Ибо парламент особым актом отменил празднование трех дней, раньше почитавшихся святыми, а именно, Обращение Св. Павла, праздники Свв. Варнавы и Марии Магдалины⁹³. Постановили также, что новый английский служебник (названный Книгой Общих Молитв) должен войти в действие на следующий день после праздника Всех Святых (то есть, в первый день ноября), а прежний английский служебник (о котором говорилось выше) – выйти из употребления⁹⁴. Отметьте великую изменчивость и стремление к новизне еретика Уорика (иначе – герцога Нортумберленда) и его приспешников, развратных епископов королевства и изменников Богу. Ибо вскоре после этого Роберт Холлегейт, архиепископ Йоркский, вернулся с заседаний парламента и в начале июня приказал, чтобы по всей епархии столы для причастия, помещенные в хоре, и смотрящие на север и юг, были передвинуты в конец хора и повернуты так, чтобы глядели на запад и восток⁹⁵. Священник же все время причастия должен был стоять лицом к северу, что выглядело непристойно и противно всякому порядку.

⁹⁰ Интриги герцога Сомерсета против своего соперника, графа Уорика, стоили ему жизни: 16 октября 1551 г. он был вновь арестован и отправлен в Тауэр, признана виновным в заговоре и казнен 22 января 1552 г.

⁹¹ Джон Дадли получил титул герцога Нортумберленда в октябре 1551 г., еще до ареста Сомерсета; последний участвовал в торжественной церемонии.

⁹² Вместе с Сомерсетом осудили его друзей и родственников его жены Энн (Стэнхоуп) – ее сводных братьев по отцу и по матери, сэра Майкла Стэнхоупа и сэра Томаса Эрендела, а также сэра Ральфа Вейна и сэра Майкла Партриджа. Все они были обезглавлены 26 февраля 1552 г.

⁹³ 5 & 6 Edward VI. С. 3. Праздник обращения Св. Павла приходится на 25 января, день Св. Варнавы – 11 июня и Марии Магдалины – 22 июля.

⁹⁴ Вторая Книга Общих Молитв была введена статутом от 1552 г. (5 & 6 Edward VI. С. 1), принятым в конце января. Новый служебник вступал в силу с 1 ноября того же года.

⁹⁵ То есть, столы, стоявшие поперек хора, были развернуты вдоль.

Также было приказано, чтобы в церквях не было органов, музыка которых должна восхвалять и чтить Господа. Однако это было запрещено⁹⁶.

Шло время, принося все новые жестокости, какие только могли измыслить еретики. В августе и сентябре (anno ubi supra) всем приходским священникам, викариям и церковным старостам было приказано предоставить новые описи имущества их церквей – свинцовых крыш, колоколов, чаш, утвари и прочих предметов – и вручить их назначенным для этого чиновникам Его Королевского Величества, точно так же, как уже случалось раньше⁹⁷ (а именно, anno Domini 1548 ac anno Regis Edwardi sexti tertio). Никто не знал, что из этого выйдет.

Но в первую неделю ноября появилась упомянутая книга (называемая Книгой общих молитв), и ее начали продавать. В ней много было изменено по сравнению с прежним английским служебником, бывшим в употреблении до этого. Ибо стол для Причастия (стоявший в хоре) во многих церквях передвинули дальше, причем концы его смотрели на восток и запад. Он находился посреди нефа, окруженный людьми, а священник или пастор стоял с северной стороны, лицом на юг. На этом столе (который во время причащения покрывали льняным покровом) помещали каравай белого хлеба (какой люди едят у себя дома)⁹⁸, а чаша с вином не имела под собой покрывала. Часть караваев отрезалась и помещалась на него, или рядом. Произнеся слова посвящения, пасторы преломляли этот хлеб, и сначала сами ели его, а затем давали куски его каждому причастнику, или вкладывали их тем в руки со словами: «Примите, едите это в воспоминание о том, что Господь умер за нас, и вкусите его в сердце своем с верою и благодарностью». Прodelав это, пастор давал им в руки также и чашу, говоря: «Пейте это в воспоминание о том, что кровь Господа нашего пролилась за вас, и исполнитесь благодарности»⁹⁹. Запрещено было поклоняться причастию, так как

⁹⁶ Инструкции архиепископа Йоркского от 15 августа 1552 г., адресованные настоятелю и каноникам Йоркского собора.

⁹⁷ Представителям Тайного Совета, назначенным еще 16 мая 1552 г., предписывалось провести полную инвентаризацию сохранившейся в приходах церковной утвари. На севере она проходила осенью, в октябре-ноябре того же года.

⁹⁸ В католической традиции евхаристический хлеб был пресным. Новый служебник предписал использовать обычный, то есть квасной хлеб.

⁹⁹ По мнению автора версии 1552 г., Томаса Кранмера (мнения, разделявшегося многими континентальными протестантами), в евхаристии не происходит пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. Учение, сформулированное в служебнике, предполагает, что евхаристия – лишь воспоминание об искупительной жертве Христа.

это – идолопоклонничество (говорилось в книге), которого должны чураться все верные христиане. Что же до подлинных тела и крови Спасителя Нашего Иисуса Христа (также говорилось там), то они пребывают на небесах, а не здесь, на земле. Ведь не может быть верным то, что подлинное тело Христа в одно и то же время пребывает в более чем одном месте. Каждый может взвесить в душе своей, как отвратительна ересь, и как ужасен этот приказ.

Также, из церемонии крещения изъяли крестильную рубашку и помазание груди и лба, принесение ребенка в первый день к купели¹⁰⁰. У церковного порога не полагалось ничего говорить, как это было заведено раньше, в соответствии с достохвальным обычаем. Детей полагалось крестить только по воскресеньям и праздникам, когда в церкви собиралось много народа, за исключением тех случаев, когда ребенок был очень слаб; таких крестили дома. Подобным же образом, дети не должны были получать конфирмации из рук епископа до тех пор, пока они не были способны выучить наизусть весь катехизис. Так что некоторые дети едва могли получить конфирмацию в возрасте 7, 8 или 9 лет. Также не полагалось класть серебряных или золотых монет на служебник во время венчания, только кольцо и уплату священнику и службе. Это кольцо надевалось на безымянный палец левой руки женщины. Также, было запрещено соборование¹⁰¹, оно не должно было совершаться, вопреки учению Св. апостола Иакова¹⁰². Запрещалось также пение гимнов и произнесение *dirige*¹⁰³ и других благочестивых молитв о тех, кто покинул этот преходящий мир, потому что они в них не нуждаются (говорилось в книге). Почему? Потому что их души обретают радость и блаженство сразу после расставания с телом, и, следовательно, не нуждаются в молитве и прочих обрядах из этой английской кни-

¹⁰⁰ В служебнике 1552 г. обряд крещения изменили. Из его состава выбросили молитву об изгнании нечистого духа и связанные с ней церемонии, упомянутые в тексте: облачение в белую крестильную рубашку, троекратное помазание лба и груди елеем и погружение в купель. В средневековой практике конфирмация следовала сразу за крещением (миропомазание младенца), однако теперь оно отстояло от крещения на несколько лет.

¹⁰¹ Соборование (миропомазание) протестанты не считали таинством.

¹⁰² Библейским обоснованием для таинства является Послание Ап. Иакова (5:14-15): Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему.

¹⁰³ Название заупокойной молитвы, звучащей во время отпевания (по первым словам антифона – *Dirige, Domine, Deus meus, in conspectu tuo viam meam*).

ги. И все это было сделано лишь для того, чтобы уничтожить благословенное таинство тела и крови Христовых в виде хлеба и вина.

На следующий год, после Пасхи, в апреле anno Domini 1553 anno Regis Edwardi sexti septimo всем приходским священникам, викариям, церковным старостам и многим честным прихожанам было приказано от имени Его Королевского Величества передать новые описи всего имущества и утвари, принадлежавших каждой церкви и часовне, в руки чиновников, назначенных в герцогстве Ланкастерском, причем они точно не знали, что выйдет из этого долгого дела. Однако во время визитаций в апреле было объявлено, что во время крещения дети должны иметь крестильные рубашки, и впоследствии их приносили в церковь вместе с детьми.

Как бы там ни было, в следующем мае были назначены особые комиссии, а всем церковным старостам было приказано предъявить назначенным для этого чиновникам Его Королевского Величества всю церковную утварь и прочие вещи, перечисленные в описях, или же – их стоимость в деньгах. Они также приказали, чтобы все ткани и покровы были розданы приходским беднякам. Все чаши взвесили, чтобы узнать, сколько в них унций, и вернули упомянутым церковным старостам, но колокола и свинец в этот раз не учли¹⁰⁴.

В том же месяце мае Его Королевское Величество Эдуард VI заболел, да так тяжело, что у него вылезли волосы на голове, с пальцев рук и ног сошли ногти, а уши так воспалились, что на него было жалко смотреть¹⁰⁵. Причиной тому был яд, как в один голос твердили люди¹⁰⁶, и так он, страдая от великой боли, протянул до середины лета. Но когда именно он отошел по милости Божией, на севере не было точно известно до 13 июля. Тогда же в Йорке публично объявили, что он (да простит Иисус его душу) скончался (однако он, несомненно, покинул эту юдоль скорби шестого июля, как было указано в актах нового парламента). Потом он был похоронен в Вестминстере в 4-й день августа, на седьмом году своего правления¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Конфискация церковной утвари на север проходила в мае 1553 г. Приходу оставляли один потир (чашу) и 1–4 колокола (в зависимости от размера церкви).

¹⁰⁵ Эдуард VI заболел еще в январе 1553 г.; его состояние периодически улучшалось. Но в середине мая ему стало значительно хуже.

¹⁰⁶ Слухи об отравлении короля были широко распространены. Однако Эдуард VI скончался от осложнений бронхиальной пневмонии.

¹⁰⁷ Молодой король скончался 6 июля, однако уже 10 июля в Лондоне было объявлено о его смерти. В Йорке об этом объявили 14 июля, но Паркин мог узнать о происшедшем на день раньше. Похоронен Эдуард VI был 8 августа в Вестминстер-

Сразу после того, как о его кончине стало всем известно, в тот же день, 13 июля, в Йорке объявили, что королевой нашего королевства нужно считать леди Джейн, дочь его тетки и жену лорда Гилфорда Дадли, одного из сыновей герцога Нортумберленда¹⁰⁸, а добродетельную леди Марию¹⁰⁹, родную сестру упомянутого короля Эдуарда, сместили и отвергли. Все это произошло по наущению упомянутого герцога (иначе именовавшегося сэром Джоном Дадли), отец которого был казнен за измену anno domini 1509¹¹⁰. Этот герцог был еретиком и врагом Господа и всей церкви, вместе со своими сторонниками.

Но тогда начался разброд и шатание среди знатных дворян королевства. Ведь одни были на стороне герцога, а другие – на стороне добродетельной леди Марии. Все простолюдины, однако (за исключением некоторых еретиков) высказывались за упомянутую леди Марию. Она же отправилась в город Норич в Норфолке; туда к ней прибыли многие доблестные люди, считавшие ее по праву наследницей английской короны¹¹¹.

Когда герцог услышал об этом, он выступил туда с большим войском и множеством людей, чтобы разбить добродетельную леди Марию¹¹². Но Господь Всемогущий, всегда защищающий своих верных слуг, распорядился так, что члены Совета (в то время охранявшие Тауэр) по Его благодати объявили леди Марию королевой в городе Лондоне¹¹³. Когда в лагере герцога стало об этом известно, от него бежало так много народа, что армия его была разбита, а он сам схвачен и заключен сначала в замок в Кембридже, а оттуда отправлен в Тауэр в Лондоне¹¹⁴.

ском аббатстве, в капелле Богородицы (капелле Генриха VII).

¹⁰⁸ Джейн Грей (1537–1554), двоюродная племянница Эдуарда VI (внучка Марии Тюдор, герцогини Саффолк, сестры Генриха VIII), жена Гилфорда Дадли (1537–1554), младшего сына герцога Нортумберленда. Эдуард VI вместе с Нортумберлендом и другими советниками решили передать корону ей как протестантке, обойдя при этом сестер короля – католичку Марию и Елизавету, в религиозных взглядах которой они не были уверены. Джейн Грей была провозглашена королевой в Лондоне 10 июля, а в Йорке – 14-го.

¹⁰⁹ Мария Тюдор (1516–1558), дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской.

¹¹⁰ Отец герцога, сэр Эдмунд Дадли (1462–1510), советник короля Генриха VII, был казнен сыном последнего; на него возложили ответственность за непопулярную фискальную политику первого Тюдора.

¹¹¹ Марию провозгласили королевой в Саффолке уже 12 июля. За ним последовали другие графства.

¹¹² Нортумберленд выступил из Лондона с армией 13 июля, однако в графствах отказались к нему присоединиться. Не доверяя оставшимся в Лондоне советникам, он не рискнул нападать на отряды Марии и отступил назад.

¹¹³ 18 июля 1553 г.

¹¹⁴ Нортумберленда арестовали 21 июля, а в Тауэр доставили лишь 25 июля.

Когда его захватили, то 19 июля в Чипсайде в Лондоне, и в Соборе Св. Павла упомянутую леди Марию провозгласили милостью Божией королевой Англии, Франции и Ирландии, Защитницей Веры и земной главой церкви Англии и Ирландии (это сделали граф Эрденел¹¹⁵, граф Пемброк¹¹⁶, граф Шрусбери¹¹⁷, лорд-камергер¹¹⁸, лорд Пяти Портов¹¹⁹ и другие знатные люди). Присутствовавшие при этом объявлении люди возрадовались и вознесли хвалы Господу Всемогущему, и отправились к Собору Св. Павла, распевая *Te Deum Laudamus*. Добрый граф Эрденел в своем рвении и любви, питаемой к Богу и добродетельной леди Марии, пригоршнями разбрасывал монеты людям на улицах Лондона, а на улицах во славу Господа пылали костры.

Сразу после этого Совет из Лондона послал в Йорк приказ делать то же самое. Поэтому 21 июля королеву Марию провозгласили там наследницей по праву и правительницей Англии и Ирландии, как сказано выше, а 22 июля (в праздник Св. Марии Магдалины) – в Понтефракте, Донкастере, Ротерхэме и многих других рыночных городках. Повсюду на севере народ возрадовался и стал жечь костры, пить вино и эль, восхваляя Господа. Те же, кто придерживался еретических суждений, вместе с женатыми епископами и священниками, не радовались, но устыдились самих себя, так как простые люди показывали на них пальцами, когда видели.

Вскоре после этого добродетельная королева Мария с великими почестями прибыла в Лондон, а оттуда в Тауэр¹²⁰. Там она освободила из заточения старых отцов святой церкви, которые, будучи епископами, провели долгое время в тюрьме (не за какие-нибудь преступления против английской короны, но лишь потому, что выступали за право святой церкви, и, по воле Господней, защищали священное таинство алтаря, когда истинное тело и кровь Христовы подлинно присутствуют в виде хлеба и вина). А именно, доктора Стивена, епископа Винчестерского, доктора Боннера, епископа Лондонского, доктора Дея, епископа Чиче-

¹¹⁵ Генри Фицалан, граф Эрденел (1512–1580), член Тайного совета и лорд-камергер Эдуарда VI.

¹¹⁶ Уильям Херберт, граф Пемброк (1506–1570), главный камергер, шталмейстер, лорд-президент совета Уэльской марки.

¹¹⁷ Фрэнсис Тэлбот, граф Шрусбери (1500–1560), главный камергер Ирландии.

¹¹⁸ Лорд-камергер двора Томас, барон Дарси.

¹¹⁹ Сэр Томас Чейни, лорд-смотритель Пяти портов – конфедерации портов Кента и Сассекса, несших на себе тяжесть обороны побережья. В конфедерацию входили Хейстингс, Ромни, Хит, Дурв и Сэндвич; с ними были также связаны Рай и Уинчелси.

¹²⁰ 3 августа 1553 г.

стерского и доктора Катберта Танстелла, прежнего епископа Дарэмского, вместе с прочими известными клириками и благочестивыми людьми¹²¹. Тогда же даровали свободу и королевское прощение старому герцогу Норфолку¹²². На их же место в Тауэр заслуженно отправили тех, кто был виновен в смерти короля Эдуарда. Так упомянутый герцог Нортумберленд и некоторые другие – рыцари сэра Джон Гейтс, сэра Томас Палмер – были казнены 22 августа *anno domini* 1553¹²³.

Тем временем повсеместно в королевстве лорды и рыцари-католики приказывали священникам служить мессу на латыни, с посвящением и вознесением тела и крови Христовых в виде хлеба и вина, согласно пристойному порядку, существовавшему от века. Те же, кто имел еретические суждения, не терпели этого и хулили это, ведь не было акта, статута, прокламации или приказа поступать так. Поэтому многие не дерзали служить на латыни, хотя в сердцах своих склонялись к этому. Как бы там ни было, в августе обнародовали прокламацию¹²⁴, гласившую: милостивая королева Мария позволяет священникам служить мессу на латыни, как было принято при ее отце, однако не принуждает никого к этому, давая всем свободу до тех пор, пока сама вместе с Советом не разрешит это дело с согласия духовных и светских лордов королевства.

Итак, по благодати Господней состояние святой церкви стало улучшаться, она стала освобождаться от ересей, признанный до этого в королевстве. Ведь с Троицы 1549 г. до начала августа 1553 г. святой мессы на латыни не служили совсем. Теперь же по всему Йоркширу неженатые священники были рады служить на латыни мессу, утреню и вечерню, по своему рвению и любви к Богу и Его законам. Так что в начале сентября почти во всех приходах Йоркшира служили мессу на

¹²¹ Стивен Гарднер (1483–1555), епископ Винчестерский, Эдмунд Боннер (1500–1569), епископ Лондонский, Джордж Дей (1501–1556), епископ Чичестерский и Катберт Танстелл (1474–1559), епископ Дарэмский (бывший, поскольку епархию расформировали статутом от марта 1553 г. и вновь воссоздали лишь при Марии I) оказались в Тауэре из-за несогласия с проводимой правительством протестантской религиозной политики. Гарднер и Боннер были арестованы в 1547 г., Дей – в 1550 г., Танстелл – в 1551 г.

¹²² Томас Ховард, герцог Норфолк (1473–1554) был арестован еще в 1546 г., обвинен в измене и приговорен к казни (по сфабрикованным обвинениям). От казни его спасла смерть Генриха VIII. Все царствование его сына герцог провел в Тауэре.

¹²³ Герцог Нортумберленд был обвинен в измене (попытке государственного переворота), признан виновным 18 августа 1553 г. и казнен утром 22 августа. Вице-камергер сэра Джон Гейтс (1503–1553) и сэра Томас Палмер были казнены вместе с ним.

¹²⁴ Прокламация от 18 августа 1553 г.

латыни в первое воскресенье месяца¹²⁵, или самое позднее – на праздник Рождества Богородицы¹²⁶.

Прихожанам раздавали освященный хлеб и воду, вновь поставили алтари, вернули на место иконы и статуи святых, а также крест или распятие, носимое в процессиях, и с ними устроили крестный ход. Наконец, добровольно отказались от английской службы, еще недавно принятой в церкви Господней, и вновь перешли на латынь (не только во время утрени, мессы и вечерни, но и во время таинств). И произошло это без принуждения актов, статутов, прокламаций или законов, но лишь по словам милостивой королевы Марии, сказанных в ее прокламации: Ее Величество желает, чтобы все ее подданные спокойно и в любви приняли ту религию, которую она сама исповедовала с детства и которой была верна. Услышав эти слова, все ее верные подданные возрадовались ее добрым намерениям и поспешили взять дело в свои руки (как уже сказано), во славу Господа Всемогущего, Девы Марии и всех святых на небесах. Те же, кто придерживался еретических суждений, дурно говорили об этом, и поступали соответственно. Как бы там ни было, вышеупомянутые действия распространились на всю страну к северу от Трента в упомянутом месяце сентябре. В тот же месяц и лорд Томас Кранмер, и лорд Роберт Холлегейт, архиепископы Кентерберийский и Йоркский, были отправлены в лондонский Тауэр¹²⁷.

А в первый день октября, пришедшийся на воскресенье (*littera dominica A*¹²⁸, *anno domini 1553*) милостивую королеву Марию короновали в Лондоне. На четвертый же день месяца начал заседать парламент, созданный в Вестминстере на первом году ее милостивейшего правления¹²⁹. Там были приняты многочисленные благочестивые статуты и акты, устанавливавшие законы и вероучение святой церкви, так что все таинства и церковные церемонии надлежало совершать в точности так, как это было в последний год правления ее отца, короля Генри-

¹²⁵ 6 сентября 1553 г.

¹²⁶ 8 сентября.

¹²⁷ Кранмер был арестован 14 сентября 1553 г., Холгейт – 4 октября. Последний предпочел отречься от своих убеждений (и от жены) и выйти на свободу (хотя и лишившись диоцеза).

¹²⁸ Воскресная буква (вруцелета в русской хронологии) – буква, обозначающая определенный день недели. Способ определения дней недели заключался в том, что каждому дню года, начиная с 1 января, присваивалась буква от А до G (на каждый день недели, затем цикл начинался снова). Буква, обозначающая первое (и соответственно, все последующие) воскресенье, становилась воскресной буквой.

¹²⁹ Первая сессия парламента Марии I заседала с 5 по 21 октября 1553 г.

ха VIII¹³⁰. Зимой время текло мирно до начала февраля. В этом месяце были волнения на юге, среди тех, кто придерживался еретических взглядов, особенно противников мессы. Их капитаном был сэр Томас Уайатт, рыцарь. Они хотели сместить милостивую королеву Марию и убить ее¹³¹. Итак, в Пепельную среду, пришедшуюся на 7 февраля, упомянутый Уайатт пришел к Чаринг-Кроссу¹³². Там он сражался, потеряв около пятидесяти человек. В поле было убито двести шесть человек с обеих сторон, а упомянутый сэр Томах Уайатт захвачен в плен¹³³. А через три дня благородный граф Хантингтон¹³⁴ арестовал герцога Саффолка¹³⁵, являвшегося главарем этого заговора, и доставил его в лондонский Тауэр. Туда же снова поместили лорда Кортни¹³⁶ вместе с Уайаттом и прочими главарями заговорщиков. Так Господь Всемогущий и на это раз освободил верно служившую ему королеву Марию из рук врагов. По этой причине все ее верные подданные возносили ему хвалы, с крестным ходом, распевая *Te Deum*, устраивая фейерверки и др. Вскоре после этого, в согласии с законом упомянутые главари – ее враги – были преданы смертной казни, вместе и Гилфордом Дадли, эсквайром, и его женой

¹³⁰ Первый статут об отмене, 1 Mary. St. 2. C. 2.

¹³¹ Заговорщики, в том числе и сэр Томас Уайатт (1521–1554) предполагали сместить королеву Марию и заменить ее на престоле Елизаветой. Восстание было нацелено как против католической политики Марии, так и против ее предполагаемого брака с Филиппом Испанским.

¹³² Восстание началось 26 января в Рочестере (Кент). Оттуда Уайатт двинулся на Лондон.

¹³³ Уайатт сам сдался, когда его отряды потерпели поражение. Он был признан виновным в измене и казнен 11 апреля 1554 г.

¹³⁴ Фрэнсис Хастингс, граф Хантингтон (1514–1561).

¹³⁵ Генри Грей, герцог Саффолк (1515–1554), отец Джейн Грей, один из участников заговора Уайатта. Пытался поднять восстание в центральных графствах (неудачно). Арестован сразу после разгрома восстания, признан виновным в измене и казнен 23 февраля 1554 г.

¹³⁶ Эдвард Кортни (1527–1556), граф Девон, единственный сын Генри Кортни и Гертруды Блаунт. В 1538 г. был арестован вместе с отцом и провел в Тауэре 15 лет. Мария I Тюдор освободила Эдварда Кортни при своем востшествии на престол в 1553 г., вернула ему земли отца и даровала титул графа Девона. В 1554 г. многие придворные, в т.ч. лорд-канцлер Стефан Гарднер, выступали за брак Марии Тюдор с Эдвардом Кортни. Когда Мария предпочла ему Филиппа II, некоторые члены Тайного Совета поощряли Эдварда к браку с принцессой Елизаветой. В 1554 г. восставшие под предводительством Томаса Уайатта стремились заменить Марию на престоле этой парой. После разгрома восстания Елизавета и граф Девон были арестованы и помещены в Тауэр. На Пасху 1555 г. граф Девон был выпущен на свободу, но изгнан из Англии. 18 сентября 1556 г. он умер в Падуе (возможно, от отравления).

Джейн¹³⁷. Эта Джейн ранее была провозглашена королевой властью Джона Дадли, покойного герцога Нортумберленда, как вы уже слышали.

Во второй день месяца апреля следующего года (anno domini 1554) в Вестминстере собрался парламент, заседавший вплоть до роспуска, пришедшегося на 5 мая¹³⁸. Он принял много благочестивых актов, касавшихся правил и установлений соборных церквей и школ¹³⁹, а также – благородный брак¹⁴⁰ Ее Величества королевы с благородным принцем Филиппом Испанским¹⁴¹, сыном доблестного господина Карла, римского императора¹⁴². Этот Филипп прибыл в королевство с доброй свитой в месяце июле¹⁴³ и был с большими почестями доставлен в Винчестер¹⁴⁴. Там он и милостивая королева Мария были соединены узами святого брака в день Св. Иакова¹⁴⁵ (anno ubi supra) к великой радости и утешению для всех добрых людей королевства.

Епископы приказали викариям произносить следующую общую молитву с кафедры во время воскресной службы: «Помолимся за Филиппа и Марию, Божьей милостью короля и королеву Англии, Франции, Неаполя, Иерусалима, Ирландии, Защитников Веры, принцев Испании и Сицилии, эрцгерцогов Австрийских, герцогов Миланских, Бургундских и Брабантских, графов Габсбургских, Фландрских и Тирольских».

Возвращаясь к предмету: в следующем октябре в Вестминстере снова собрался парламент¹⁴⁶. Он отменил все акты, которые ранее противоречили власти папы. Тот же впредь должен был иметь ту же власть и юрисдикцию в этом королевстве и его владениях, как это было при всех его предшественниках¹⁴⁷. Это решение было быстро обнародовано

¹³⁷ Джейн Грей и ее муж с лета 1553 г. содержались в Тауэре, признанные виновными в измене. После разгрома восстания Уайатта Мария, опасаясь, что они станут центром притяжения для мятежников, приказала казнить их. Приговор был приведен в исполнение 12 февраля 1554 г.

¹³⁸ 2 апреля – 5 мая 1554 г.

¹³⁹ 1 Mary. St. iii. C. 9.

¹⁴⁰ Условия брачного контакта Марии и Филиппа были ратифицированы парламентским статутом (1 Mary. St. iii. C. 2).

¹⁴¹ Филипп Испанский (1527–1598), король Неаполя (с 1554 г.), Испании (с 1556 г.).

¹⁴² Карл V (1500–1558), император Священной Римской империи в 1519–1556 гг.

¹⁴³ Филипп со своей свитой прибыл на остров Уайт 20 июля 1554 г.

¹⁴⁴ 23 июля 1554 г.

¹⁴⁵ 25 июля 1554 г.

¹⁴⁶ Парламент заседал с 12 ноября 1554 г. по 16 января 1555 г.

¹⁴⁷ Второй статут об отмене (1 & 2 Philip & Mary. C. 8).

в каждом графстве по всей стране. Было приказано именовать его (как и следовало по праву) «наш святой отец, папа Юлий III¹⁴⁸». Святая церковь возрадовалась Богу, и сердце и уста пели (Te Deum laudamus), но еретики (каких было много) не радовались этому. Радостно было видеть и слышать, как развратные священники, проводившие свою жизнь в прелюбодеянии со своими шлюхами, присмирели, когда им было приказано оставить сожителей и шлюх и покаяться публично, по канонам, как было предписано.

Коротко говоря, все достохвальные церемонии, от века устраивавшиеся святой церковью, возродились и проводились каждый день. После этого, в ноябре, прибыл преподобный отец наш, господин кардинал Пол, легат а латере¹⁴⁹, неся с собой власть папы. После того, как он произнес речь перед палатой парламента, королем и королевой и всеми знатными дворянами королевства, он отпустил грехи и им, и всем тем, кто отказался от еретических заблуждений (затем торжественно пропели Te Deum). После того, как это было сделано, милостивая королева Мария поблагодарила всех присутствовавших там лордов, и сказала: «Милорды, я благодарю вас и со своей стороны от всего сердца воссылаю хвалы Богу за то, что мне привелось увидеть этот день»; затем она удалилась в радости и великом счастье¹⁵⁰.

Вскоре после этого в Рим были оправлены посланники с тем, что бы объявить, с какой любовью королевство Англия приняло посланника его милости Папы, то есть, господина кардинала Пола, а также, что королевство вновь обратилось в истинную католическую веру¹⁵¹, отчего упомянутый папа Юлий III и все римляне возрадовались и возблагодарили Господа. Папа сразу и без всякого промедления послал в королевство Англию отпущение грехов, для всякого, кто пожелал бы его получить, покаившись. Во время следующего Великого поста духовенство

¹⁴⁸ Юлий III (1487–1555) Джованни Мария Чокки дель Монте, папа Римский в 1550–1555 гг.

¹⁴⁹ Реджинальд Пол (1500–1558), кардинал, папский легат, наделенный полномочиями принять Англию обратно в лоно Католической церкви. В 1554–1558 гг. также и архиепископ Кентерберийский. Пол прибыл в Англию 20 ноября 1554 г.

¹⁵⁰ Отпущение грехов королеве и обеим палатам парламента было даровано 30 ноября 1554 г. в Вестминстере. 2 декабря у Креста Св. Павла (стоявшего в церковной ограде Собора Св. Павла в Лондоне) отпущение грехов было дано собравшейся толпе (ок. 15 000 чел.).

¹⁵¹ Послами были епископ Илийский Томас Терлби (1500–1570), Энтони Браун, виконт Монтегю (1527–1592) и доктор канонического права Эдвард Карне (1500–1561).

получило отпущение грехов от своих епископов, а миряне – от приходских священников¹⁵². Те же призывали мирян покаяться за свои ложные и еретические убеждения, которых они в прошлом придерживались, поститься в среду, пятницу и субботу после того, как пастыри сделали это объявление, а потом причаститься благословенного тела Иисуса Христа в виде хлеба¹⁵³. Это стало великим утешением всем верующим.

Сразу после Пасхи всем тем, кто прежде был затворником, женщинам и мужчинам, было приказано вновь надеть монашеские облачения, те, что, как я говорил, они носили раньше в монастырях (а если были женаты – то развестись), и сделать это без промедления (как ответили бы противники), к празднику Св. Марка Евангелиста¹⁵⁴, anno domini 1555 ac anno Regis Philippi et Marie primo et secundo.

Милостивая королева Мария, всегда хранившая святую церковь, наконец, рассталась с этой бременной жизнью на шестом году своего правления, anno domini 1558¹⁵⁵.

*Перевод с английского и примечания
А. Ю. Серegiной*

¹⁵² Получившие отпущение в парламенте епископы в свою очередь отпустили грех схизмы своим священникам во время собраний епархиального клира, а те – своим прихожанам.

¹⁵³ В XVI в. прихожане причащались раз в год, на Пасху, соответственно, они должны были получить отпущение грехов на Страстной неделе. Упомянутое Паркным объявление должно было прозвучать на Вербное воскресенье, 7 апреля 1555 г.

¹⁵⁴ То есть, к 25 апреля 1555 г.

¹⁵⁵ Королева Мария умерла 17 ноября 1558 г.

Ф. В. НИКОЛАИ

ДВА ТЕЛА КОРОЛЯ И ДВА ЛИЦА ПРЕЗИДЕНТА ДЖ. БУША

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КАК ТОПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО*

Ключевые слова: Мартин Джей, интеллектуальная история.

Мартин Джей – ученик С. Гуча, один из ведущих представителей американской интеллектуальной истории, автор дюжины блестящих монографий по истории мысли новейшего времени. Его недавно вышедшая книга – «Достоинства лицемерия: о лжи в политике», в основу которой легла серия лекций в Вирджинском университете, – была чрезвычайно высоко оценена целым рядом комментаторов. А Мегилл даже назвал ее «лучшей книгой М. Джея» (форзац). Но почему? Этот вопрос встает перед читателем уже к концу первой главы, а к концу второй начинается сильно беспокоить. Чем взвешенные и тонкие предшествующие работы историка уступают его последнему труду? В чем «Достоинства лицемерия» превосходят работы других авторов по этой проблеме? Не вызван ли интерес к заявленной теме лишь сложившейся конъюнктурой американского общественного мнения, которое периодически выступало против двуличия своих политиков (в ходе вторжения в залив Свиней, Вьетнама, Уотергейта, скандала Иран-контрас), но после прямой лжи Б. Клинтона по делу М. Левински и Дж. Буша об оружии массового уничтожения в Ираке окончательно потеряло терпение?

Первые главы, соответственно, – «О лжи» и «О политическом» – при первом прочтении предстают как несколько схематичная классификация основных интеллектуальных подходов к указанным темам, начиная с Платона и заканчивая Ф. Анкерсмитом, Ж. Рансьером и Ш. Муфф. Причем первая глава исходит из предметной классификации (ложь и природа, общество, язык, мораль), а вторая использует проблемный под-

* Рец. на: Jay M. The virtues of mendacity: on lying in politics. Charlottesville, London: University of Virginia Press, 2010. 241 p.

¹ Из наиболее известных исследований следует упомянуть хотя бы работы Х. Арендт: «Истина и политика» (1964) и «Кризисы республики: ложь в политике, гражданское неповиновение насилию, мысли о политике и революции» (1972), а также «О лести» Ж. Старобинского (1989). И это не говоря уже о менее значимых авторах, таких как Т. М. Л. Ли с его «Политикой и истиной» (1997).

ход, основанный на приравнивании отношений политики и политического к разделению онтического и онтологического у М. Хайдеггера. (Р. 79, 120). Джей рассматривает ключевые модели интерпретации политического: антагонистическую, отсылающую к известной метафоре К. фон Клаузевица и представленную, в первую очередь, работами К. Шмитта, Э. Лакло и Ш. Муфф; агонистическую или дипломатическую (Х. Плеснер); либеральную (Дж. С. Милль); элитистскую, восходящую своими корнями к Платону (Л. Штраус); республиканскую, которую Джей возводит к Н. Макиавелли (Х. Арндт); а также эстетизацию политики в духе В. Беньямина (Ф. Анкерсмит и Ж. Рансьер).

Первое, что вызывает недоумение у читателя – это крайняя схематичность описания указанных подходов, абсолютно не характерная для предшествующих работ Джей². В «Достоинствах лицемерия» автор не придает значения ни социальному, ни интеллектуальному контексту появления рассматриваемых идей. Яркие примеры, которые он приводит, больше напоминают осколки образов, хаотично сталкивающихся в движении философского калейдоскопа. Джей лишь отдельными мазками обозначает некоторые весьма любопытные, хотя и достаточно спорные мыслительные фигуры. Так, по его мнению, «фетишизм искренности» в речевом коде простых американцев и их политиков установился после победы Севера в гражданской войне, в результате которой политический южан оказался вытеснен из обихода (Р. 36–37). Топографическое противопоставление «агоры» (Белый дом, Кремль, Вестминстер, по мнению Джей, лишь замещают данный топос в современном сознании) «пространствам сопротивления» (парижским кофейням, масонским ложам, специальным местам для митингов – р. 82–83) также скорее разжигает любопытство читателя, чем доказывает что-либо.

Некоторые интерпретации кажутся спорными, а логические шаги – излишне широкими. Во всяком случае, первые главы ставят больше вопросов, чем дают ответов. Используя метафору Д. ЛаКапры, которой он охарактеризовал «Метаисторию» Х. Уайта, хочется назвать книгу Джей «великолепным барочным сооружением, ошибочно выдаваемым за систему»³.

² Сам М. Джей ранее охарактеризовал свой метод как «синоптический» – внимательное и тонкое чтение, целью которого должно стать гадамеровское «слияние горизонтов» автора и читателя. (*Jay*. 1988. Р. 52–63). Блестящими примерами такого «синоптического чтения» можно считать его исследования «Марксизм и тотальность: приключения понятия от Лукача до Хабермаса» (*Jay*. 1984) и «Потопленный взор: очернение зрения во французской мысли XX века» (*Jay*. 1994).

³ *LaCapra*. 2009. Р. 210.

Однако чтение третьей главы – «О лжи в политике» – заставляет читателя полностью пересмотреть свое прежнее скептическое отношение: здесь отдельные импрессионистские мазки и образы, наконец, соединяются в единую картину. Ключом к этой конstellации становятся идеи лингвистического поворота, под знаменем которого и выступает новая интеллектуальная история. По мнению Джея, неидентичность, вымысел, маскарад и возможность обмана неустранимы из языка, одновременно составляя и основу перформатива в политике. Требования истины здесь всегда несбыточны⁴. *Fiction* и воображение неразрывно связаны с попытками изменить будущее: они включают мощнейший перформативный потенциал, заложенный в человеческом сознании и направленный не только на себя, но и на общество в целом (Р. 44–46).

Отметим, что воображению и его перформативному потенциалу Джей всегда придавал огромное значение⁵. Однако если раньше он был близок, скорее, к историческому подходу Ж. Старобинского с его крайне осторожным отношением к перформативу и воздействию воображаемых идеалов на человека модерна⁶, то теперь он идет гораздо даль-

⁴ Джей утверждает, что требования абсолютной истины всегда консервативны и содержат тоталитарные импликации (Р. 162), фактически повторяя утверждение П. Фейерабенда: «Демократическая оценка выше 'Истины' и мнения экспертов». *Фейерабэнд*. 2010. С. 127.

⁵ Уже в своей диссертации «Диалектическое воображение: история Франкфуртской школы и института социальных исследований 1923–1950 гг.» Джей подчеркивал роль воображения как механизма трансформации индивидуальных установок и целей в коллективные: «Целью основателей ИСИ было создание сообщества исследователей, чья солидарность служила бы неким зачатком или предчувствием братского общества будущего». *Jay*. 1973. Р. 31. Отметим также, что как раз в это же время к исследованию роли поэтического воображения в историографии обращается и Х. Уайт, чья знаменитая «Метаистория» имеет подзаголовок: «Историческое воображение в XIX в.». Возможное сравнение здесь, конечно, не предполагает прямую аналогию, а свидетельствует об общем росте интереса к категории воображения и воображаемого в американской интеллектуальной истории еще в 1970-е гг. Причем эта заинтересованность имела гетерогенные истоки: эстетическую теорию Т. В. Адорно – для Джея, «Мимесис» Э. Ауэрбаха – для Х. Уайта, лакановский структурализм – для Ш. Фелман и сторонников деконструкции.

⁶ Старобинский постоянно возвращается к мысли, что у всех его героев – Корнеля, Расина, Руссо, Стендаля, Флобера – перформативный пафос и стремление к социальным преобразованиям граничат с весьма сомнительными своекорыстными целями и пронизаны определенной идеологией. На макросоциальном уровне это ведет к равенству весьма сомнительного рода: «Если все отдадут себе отчет, что имеют дело с фикцией, то обман практически исключается: все становится сообщниками и уже никто не может оказаться в положении одураченного». *Старобинский*. 2002. С. 156.

ше. Джей присоединяется к позиции Х. Арендт, в некоторых случаях оправдывающей даже прямую ложь: «Ложь – это попытка изменить суть дела, и в этом смысле она является действием... Если лжец – человек действия, то о говорящем истину мы не можем этого сказать». (Р. 161) Сама демократия рассматривается с этой точки зрения как специфический вымысел или идеализированная модель, обладающая, однако, мощным перформативным потенциалом и позволяющая людям формировать сообщество, исходя из ценностных ориентиров.

Для политической сферы важна не рациональная истина, связанная с абстрактными теориями, а истина фактическая, оперирующая фактами, мнениями и свидетельствами. Однако здесь Джей дистанцируется от Арендт. Он стремится не столько понять политический дискурс изнутри (с чисто прагматических позиций, близких самой политике), но и взглянуть на него со стороны – как на эволюцию дискурсивных позиций. Здесь, по его мнению, интеллектуальная история оказывается предельно актуальной, превращаясь в топологию политического дискурса⁷.

В этом контексте становятся понятными и провокативные сравнения Джея: они не претендуют на абстрактную рациональную истину, но призваны пробуждать воображение и проблематизировать значение (казалось бы) устоявшихся символов. Действуя эстетически, они раскрывают различие *точек зрения*. Так, говоря, что «вместо двух тел короля мы получили два лица президента, что блестяще продемонстрировал Дж. Буш...» (Р. 172), Джей ни в коем случае не утверждает некий факт, но, используя комический и провокативный⁸ эффект данной метафоры, пытается изменить мировоззрение читателя, предложив некий новый образ, оригинальный путь ассоциаций.

Книги, как и политика, не всегда констатируют истину, но и пытаются что-то преобразовать в окружающем мире. Джея интересует именно этот перформативный потенциал текста, до сих пор слабо востребованный академическим сообществом. Причем если литературная критика в рамках лингвистического поворота особое значение придает «обещанию» как спроецированной в будущее личной вовлеченности автора в высказывание⁹, то Джея интересует скорее потенциал эстети-

⁷ В этом смысле стратегия возвращения Джея к платоновскому полису скорее напоминает подход М. Фуко, чем К. Поппера.

⁸ Показательно, что во многих своих работах Джей использует эпитет «thought-provoking» (провокативный или заставляющий задуматься) как высший комплимент для текстов своих коллег и предшественников.

⁹ Блестящим примером может служить здесь работа Ш. Фелман «Скандал

ческого. В значительной степени это движение связано с наследием «Эстетической теории» Т. В. Адорно, который был одним из главных героев первых книг Джея¹⁰. Однако не менее важным оказывается для Джея и реактуализация потенциала эстетического современными французскими теоретиками во главе с Ж. Рансьером¹¹.

Таким образом, позиция Джея размещается на стыке политической теории Арент (Р. 157–167) и эстетизации политического у Рансьера (Р. 168–174). Причем исследователь не просто стремится в герменевтическом ключе прочесть их «великие тексты», но создает некое «силовое поле»¹² – обозначает и сознательно поддерживает напряжение между указанными подходами. Именно поэтому контекст для Джея менее важен, чем выявление общей структуры политического дискурса¹³. В рамках этой концепции «силового поля» ретроспективно обретает очертания и скрытая полемическая направленность ряда предлагаемых Джем интерпретаций. Трактовка познанской речь Гиммлера 1943 г. как «благородной лжи» в платоновском смысле (Р. 3, 182), скорее всего, направлена против ее анализа как парадигматического примера «негативного возвышенного»¹⁴. Обращение к «Исповеди» Руссо (Р. 60–63), Джей активно полемизирует с ее деконструктивистским прочтением Деррида, де Мана и Фелман¹⁵, скорее возвращаясь к трактовке Старобинского.

С другой стороны, несмотря на эти тактические разногласия, в стратегическом отношении подход Джея во многом совпадает с пове-

говорящего тела», на основе остиновской теории перформатива противопоставляющая два дискурсивных режима: режим «обещания» или «клятвы» Дон Жуана и режим «Божественной истинности» остального общества. *Felman*. 2002. Р. 6–9.

¹⁰ См. в частности: *Jay*. 1984.

¹¹ *Рансьер*. 2006.

¹² Метафору «силового поля» (Kraftfeld) Джей заимствует у Адорно и Беньямина, превращая ее в устойчивое понятие. В интерпретации Джея «силовое поле» охватывает не только отношения идей между собой (как у Беньямина) или связь фактов и социальной тотальности (как у Адорно), но скорее сам процесс чтения. Возникающее при этом напряжение не снимается герменевтическим «слиянием горизонтов» Х. Г. Гадамера или предлагаемой Д. ЛаКапра моделью диалога, основанного на эмпатии. Между поляризованными силами идет постоянная борьба, которая никогда не заканчивается устойчивым синтезом. *Jay*. 1993. Р. 9.

¹³ Подобная мета-позиция, существенно отличающаяся от «синоптического» метода предшествующих работ Джея, скорее всего и вызвала интерес А. Мегилла.

¹⁴ *LaCapra*. 1994. Р. 14–15, 106; *LaCapra*. 1998. Р. 3.

¹⁵ Добавим, что у Ш. Фелман «Исповедь» Руссо становится скорее полигоном для соединения идей де Мана, Ж. Лакана и ее собственной концепции «свидетельских показаний» (testimony). *Felman, Laub*. 1992. Р. 140–151.

шенным вниманием в современной интеллектуальной истории к границам, порогам и пределам¹⁶. Этой проблеме – «границам политического и пределам лицемерия» – посвящен и последний раздел «Достоинств лицемерия», который можно считать авторским заключением. Джей высказывается в пользу диалога между лингвистическим, этическим и эстетическим поворотами. Теоретические установки данных течений необходимо использовать ситуативно и корректировать, осознавая их пределы и границы. Не стоит рассматривать все многообразие социальных и интеллектуальных феноменов через одну концептуальную призму, отрываясь при этом от реальности. Ни академические исследования, ни философия, ни политическая практика не должны, по мнению Джея, превращаться в утопию, претендующую на монопольные отношения с истиной. Важно именно определить границы и проработать механизмы взаимодействия между различными социальными и культурными практиками. Особое значение при этом Джей придает трем ключевым институтам: свободной прессе, независимой судебной власти и академической культуре (Р. 177). Вслед за Ю. Хабермасом, исследователь считает их основными посредниками в мобилизации общественного мнения и использовании перформативных возможностей языка.

В завершение следует добавить, что критика М. Джеем генерализаций в сфере политической философии, а также в истории внутренней и внешней политики актуальна не только для классических историков, политологов, международников и представителей социальной философии, все еще испытывающих дефицит в работоспособных теориях «среднего уровня». Особое значение она имеет для исследователей историографии и методологии истории, поскольку, во-первых, существенно расширяет поле исследования, обращаясь к лингвистической философии и политическому дискурсу (но, естественно, не претендуя на их подчинение). Речь идет об истории мысли, которая видится Джею шире, чем история философии и глубже, чем история ментальности или социальная история. А во-вторых, обращение Джея к возможностям перформатива представляется крайне актуальным именно как поиск взаимосвязи субъективного воздействия текста на читателя, стратегий мобилизации академического сообщества и демократических ценностей.

¹⁶ Для многих исследователей стимулом к разработке данной проблематики стала организованная С. Фридландером в 1989 г. конференция «Исследуя пределы репрезентации». (Probing the limits of representation. 1992) Из последних работ, посвященных этой проблеме, стоит упомянуть монографии Д. ЛаКапра, Э. Сантнера и Ш. Фелман (*LaCapra*. 2009; *Zizek., Santner, Reinhard*. 2006; *Felman*. 2002).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Рансьер Ж.* На краю политического / Пер. Б. Скуратова. М.: Практикс. 2006. 240 с.
- Старобинский Ж.* Поэзия и знание: история литературы и культуры. Т. 1. / Пер. С. Н. Зенкина. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
- Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе / Пер. А. Л. Никифорова. М.: АСТ, 2010. 378 с.
- Felman S., Laub D.* Testimony: crises of witnessing in literature psychoanalysis and history. N. Y.: Routledge, 1992. 290 p.
- Felman S.* The scandal of the speaking body: Don Juan with J. L. Austin, or seduction in two languages. Stanford: Stanford University Press, 2002. 144 p.
- Felman S.* The juridical unconscious: trials and traumas in the twentieth century. Cambridge, London: Harvard University Press, 2002. 253 p.
- Jay M.* Adorno. Cambridge, London: Harvard University Press: 1984. 199 p.
- Jay M.* Downcast eyes: the denigration of vision in twentieth-century French thought. University of California Press, 1994. 634 p.
- Jay M.* Fin-de-siècle socialism and other essays. N.Y.: Routledge, 1988. 216 p.
- Jay M.* Force fields: between intellectual history and cultural criticism. Routledge, 1993. 233 p.
- Jay M.* Marxism and totality: the adventures of a concept from Lukács to Habermas. University of California Press, 1984. 565 p.
- Jay M.* The dialectical imagination: a history of the Frankfurt school and the Institute of Social Research, 1923–50. London: Heinemann, 1973. 382 p.
- Jay M.* The virtues of mendacity: on lying in politics. Charlottesville, London: University of Virginia Press, 2010. 241 p.
- LaCapra D.* History and its limits: human, animal, violence. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 230 p.
- LaCapra D.* Representing the Holocaust: history, theory, trauma. University Press, 1994. 230 p.
- LaCapra D.* History and memory after Auschwitz. Ithaca, 1998. 214 p.
- Lee T. M. L.* Politics and truth: political theory and the postmodernist challenge. State University of N. Y. Press, 1997. 243 p.
- Probing the limits of representation: Nazism and the "final solution". / Ed. by Saul Friedlander. Harvard University Press, 1992. 416 p.
- Zizek S., Santner E. L., Reinhard K.* The neighbor. Three inquiries of political theology. University Of Chicago Press, 2006. 240 p.

Николаи Федор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и дисциплин классического цикла Нижегородского государственного педагогического университета; fvnik@list.ru

О. С. НАГОРНАЯ, И. В. НАРСКИЙ

СТРАХ В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ*

Сегодня «историю эмоций» уже нельзя назвать ни «просто очередным модным течением», ни «выходом из кризиса постмодернистского историописания» (Я. Плампер)¹. Пройдя горнило двадцатилетних методологических дебатов и процесс институционального оформления, данное направление заняло прочное место в ряду культуралистских подходов к изучению исторических феноменов. Представляемый сборник, изданный в серии «Исследования Холодной войны», является существенным вкладом в «эмоциональные» дискуссии и обращается к анализу «самой всеохватной, интенсивной и демократичной из всех эмоций»² (Д. Бурк). В центре внимания 19 статей находятся вопросы о политической манифестации страха и методах обращения с ним различных обществ Запада и Востока во время Холодной войны.

Изучение коллективных страхов на материале Холодной войны представляется весьма перспективным, считает автор вводной и концептуально наиболее насыщенной статьи Б. Грайнер (с. 7–31). Ведь политика устрашения являлась одним из ключевых пунктов в инструментарии двух супердержав, а страх перед ядерной катастрофой превратился в «эмоциональный центр Холодной войны». Однако исследование страхов Холодной войны позволяет изучить не только историю самой эмоции, но и внести существенный вклад в разработку более широких тематических полей. Во-первых, в страхах аккумулируются индивидуальные и коллективные представления о прошлом, настоящем и будущем. Во-вторых, страхи являются важными маркерами состояния общества, так как от культурных норм и стандартов зависит способ артикуляции страхов или их замалчивания, а в ходе публичного обсуждения меняется ощущение страха. В-третьих, в страхах и способах обращения с ними отражаются многогранные властные и институциональные интересы. Манипуляторы охотно используют склонность человека к индивидуальному и коллективному «испытанию страха» в целях (само)мобилизации населения. Наконец, коллективные страхи требуют создания уравновешивающих конструкций. Так, во время Холодной

* Рец. на книгу: Greiner B., Mueller Chr. Th., Walter D. (Hg.) Angst im Kalten Krieg. Hamburg: Hamburger Edition, 2009. 528 s.

¹ Из последних публикаций на русском языке см.: Матвеева, Шлапенток. 2000; Плампер. 2007. С. 453–460 (цитата – с. 458); Российская империя чувств...

² Цит. по: Greiner. 2009. S. 18–19.

войны возникает феномен «нуклеаризма» (Р. Д. Лифтон) – смесь из равнодушия и привыкания, который стал одной из стратегий приспособления общественности к экстремальной ситуации за пределами господствующего дискурса.

Постановка вопросов, объединяющих усилия авторов сборника, нацелена на решение проблемы «политической коммуникации вокруг страха и его общественных последствий». Их интересует «как проявляются страхи и как различные общества на Востоке и Западе обходятся с ними» (с. 18). В рамках конкретных исследований авторы сборника пытаются найти решение целой совокупности методологических проблем, заявленных во вводной статье: как отыскать в письменных и визуальных источниках следы индивидуальных, групповых и коллективных страхов? Как выделить страх среди других мотивов, определяющих человеческие действия? Как отличить действительный страх от конструируемого? Эти и ряд других дискуссионных вопросов исследуются на основе слухов, текстов, визуальных образов и протестных акций.

Обширная проблематика истории страха сконцентрирована редакторами вокруг трех ключевых тем, определивших структуру сборника. Первая из них, давшая название первому разделу книги – «Защитные пространства» – посвящена мерам по защите гражданского населения от возможного ядерного удара в США (Э. С. Зингер, с. 34–60), ФРГ (Ф. Бис, с. 61–93), ГДР (К. Т. Мюллер, с. 94–122), Норвегии (С. Серли, с. 123–148) и Швеции (М. Кронквист, с. 149–170). В 1950 – 1960-х гг. руководители гражданской и воздушной обороны всех страх столкнулись с одинаковой дилеммой: с одной стороны, они были вынуждены нагнетать страх, с другой – создавать иллюзию безопасности. Примечательно, что обеспечение будущего покоилось на воспоминаниях о прошедшей войне. В Западной Германии страх перед новыми воздушными налетами в 1960-х был выше, чем страх перед коммунизмом. Здесь, как и в США, правительство отказалось от финансирования частных бункеров и передало дело на откуп самих граждан, фатализм которых привел к провалу мероприятий гражданской обороны. К специфике ГДР, как и других стран Восточного блока, следует отнести повышенную политизацию мероприятий обороны, нацеленных не столько на защиту населения, сколько на социальное дисциплинирование и контроль, воспитание «сознательных» граждан и, в конечном счете, стабилизацию режима. В Швеции и Норвегии, государственная идентичность которых также базировалась на переработке не столь драматичного опыта Второй мировой, оборонительная кампания, напротив, увенчалась большим успехом.

Холодная война послужила дальнейшему сплочению скандинавских наций перед лицом предполагаемой советской угрозы и необходимым условием для «золотого века» североевропейской социал-демократии. В отношении обеих стран можно с большой долей уверенности и убедительности констатировать факт «приручения» Холодной войны, то есть трансформации страхов перед массовым уничтожением в глубокое чувство защищенности и стабильности.

Различные варианты политики устрашения, преимущественно на материалах социалистических режимов, представлены во втором разделе сборника под названием «Декорации страха». В двух статьях, посвященных Восточному блоку, авторы пытаются доказать, что коммунистические властители с целью консолидации своего господства были вынуждены генерировать и драматизировать коллективные страхи. При этом Холодная война предоставила им необходимый и плодотворный фон. На примере послевоенного Калининграда О. Сезнева (с. 172–189) прослеживает, как локальные кризисы были инкорпорированы государственной властью в глобальную политику Холодной войны. Автор приходит к выводу об использовании страха прибывших в Калининград из Белоруссии и Украины крестьян в политических интересах властителей, которые компенсировали боязнь перед враждебным окружением с помощью пропагандистского представления города как защитного бастиона Советского Союза. По мнению О. Сезневой, замена «немцев» в галерее образов врага советского послевоенного общества на «англо-американских империалистов» трансформировала страх перед чем-то конкретным в страх перед чем-то абстрактным.

М. Файнберг (с. 190–219) рассматривает показательные процессы после Второй мировой войны в Венгрии, Польше и Чехословакии как одно из основных средств создания и использования страха. Исходя из довольно неоднозначной «теории ниш», он утверждает, что единственным желанием большинства восточноевропейцев был уход в частную жизнь, однако, посредством репрессий и террора Холодная война проникла и на индивидуальный уровень и внесла страх «в дома и сердца людей во всей Восточной Европе» (с. 219). Именно из чувства страха, по мнению автора, большинство капитулировало перед властными устремлениями диктатуры. Сомнительный характер столь однозначным выводам автора придает источниковая база статьи, состоящая в основном из воспоминаний жертв процессов или их родственников, опубликованных в западной эмиграции. Вне поля зрения автора остается и су-

ществование достаточно обширных групп населения, веривших, использовавших или просто приспособившихся к новому режиму.

Сквозь призму исследования индивидуальных страхов советского лидера Н. С. Хрущева С. Шаттенберг (с. 220–251) по-новому освещает, казалось бы, давно изученный вопрос о причинах резкого охлаждения международных отношений после 1960 г. Основу преследовавшего Хрущева страха перед унижением автор видит в его неумении найти свой неповторимый международный стиль. С этим же были связаны и неудачные попытки перенести усвоенные в сталинском окружении приемы на «дипломатический паркет» и сочетание стремления к личному признанию с желанием добиться признания Советского Союза как сверхдержавы. Неспособность американской стороны распознать потребность своего визави в уважении, проявившаяся в том числе в полетах U2 над советской территорией, привела Хрущева к убеждению, что Запад не способен оценить его усилий по разрядке международной напряженности, и к новому витку Холодной войны.

Б. Шеффер (с. 252–277) в своей статье обращается к периоду осложнения отношений между Москвой и Пекином в конце 1960-х гг. и описывает способы генерирования и инструментализации страхов в политических целях. Советский Союз вел «психологическую войну» посредством проведения военных испытаний в приграничных областях и распространения слухов о превентивных ударах против атомных производств Китая. Мао Цзэдун, в свою очередь, использовал кампанию страха в самом Китае для подавления фракционной борьбы в партии и подготовки страны к новому витку Холодной войны.

В заключительной статье раздела, посвященной дискуссии западногерманских политиков по поводу подписания договора о нераспространении ядерного оружия, О. Банге (с. 278–307) приходит к выводу о том, что сопровождавшая эти дебаты актуализация антинемецких страхов использовалась как соседней Францией в целях консолидации политического режима, так и Советским Союзом как инструмент успокоения Восточного блока после подавления Пражской весны.

«Терапии» – так озаглавлен третий раздел сборника, посвященный социальным практикам, создающим противовес страху – будь то неформальная коммуникация и неофициальная религиозность, интеллектуальные дискурсы или оппозиционные движения. Все статьи этой части сборника объединяет исходный тезис о решающем характере опыта прошедшей мировой катастрофы в формировании культуры страха Холодной войны. Д. Ярош (с.310–321) анализирует слухи в послевоенной

Польше как выражение коллективных страхов. В условиях существования строгой цензуры данный источник, по мнению автора, предоставляет исключительную возможность реконструировать наиболее распространенные опасения и надежды. Согласно слухам, новая война дала бы Польше шанс создать настоящий демократический общественный порядок. И хотя все устные истории были основаны исключительно на фантазиях «маленького человека», они превратились в важные компоненты принятия различных политических решений.

М. Шеер (с. 322–346) обращается к исследованию историй о явлениях Девы Марии, которые сопровождали начальный период Холодной войны во всей Европе, в том числе в Западной Германии, и приобрели мощный общественный резонанс. Наполненная апокалиптическими образами риторика Холодной войны привела к актуализации религиозных средств лечения общественных страхов. При отсутствии сходных исследований по другим конфессиональным группам, автор считает, что явление Марии можно трактовать как типичную реакцию католиков на страхи Холодной войны.

Визуальным средствам преодоления коллективных страхов посвящены статьи О. Булгаковой (с. 347–374) и М. Пайка (с. 375–396). Авторы утверждают, что независимо от принадлежности к разным общественным и культурным системам шпионские триллеры в Советском Союзе, США и Западной Германии выполняли удивительно сходную терапевтическую роль. На примере группы известных во всем мире интеллектуалов, входивших в состав аналитических отделов различных общественных организаций и спецслужб, Т. Б. Мюллер (с. 397–435) рассматривает их попытки противодействовать чувству страха и его политической инструментализации в период Холодной войны. Несмотря на множество аналитических обзоров и меморандумов, в которых аналитики пытались отказаться от бинарных мыслительных образцов, реальным результатом их влияния стал лишь план Маршалла. Другой формой их попыток компенсации общественных страхов стало участие интеллектуалов в движении Новых левых.

В статьях Х. Неринга (с. 436–464), Й. Арнольда (с. 465–494) и С. Шрегель (с. 495–520) предпринимается попытка написать историю западного, преимущественно западногерманского антиядерного протеста. Как выясняется, в отличие от традиционного пацифизма, его участники в 1950-е – 1960-е гг. не создавали утопий мирной политики, а подчеркивали свою потребность в личной безопасности, пытаясь перевести свои страхи с эмоционального языка на рациональный. Однако к началу

1980-х гг. в Западной Германии, напротив, возобладал эмоционально окрашенный апокалиптический сценарий «волны страха» перед атомной войной. Один из центральных тезисов статей об антиядерном протесте состоит в том, что артикуляция страха в период Холодной войны не может быть понята без учета роли воспоминаний о Второй мировой войне, которые определили позиции, ожидания и действия населения ФРГ во второй половине XX в. Именно «воздушная война» как место памяти и связанные с ней страхи превратились в важный инструмент оппозиции для мобилизации западногерманского населения против политики федерального правительства.

Сборник отмечен постановкой захватывающих вопросов и обилием ценного конкретно-исторического материала, в значительной части рассматривавшегося ранее под иным углом зрения или не рассматривавшегося вовсе. Вместе с тем, он демонстрирует определенную асимметрию, предлагая больше новаторских вопросов, чем ответов. Во-первых, попытка написать транснациональную историю эмоций Холодной войны не смогла отказаться от традиционной антитезы Запад-Восток – противопоставления, которое отчасти само является культурно-идеологическим детищем Холодной войны, но, к сожалению, продолжает использоваться в научных исследованиях как аксиоматический интерпретативный конструкт. В этом нетрудно убедиться: политика запугивания в сборнике представлена почти исключительно на материалах Восточного блока, в то время как стратегии преодоления страха – преимущественно на примере стран Центральной и Западной Европы (за исключением статьи О. Булгаковой). Такой подход затрудняет изучение Холодной войны как глобального явления, вызывавшего сходные реакции (и эмоции) по обе стороны «железного занавеса».

Во-вторых, довольно шаткой конструкцией представляется центральная концептуальная идея сборника о страхе как «эмоциональном центре Холодной войны», которая после прочтения статей видится скорее результатом договоренности авторов, чем безупречно доказанным тезисом. (Следует оговориться, что эта слишком сильная формула не встречается в текстах сборника, но присутствует – скорее всего, из коммерческих мотивов – в аннотации на обложке.) Страхи, репрезентированные в годы Холодной войны, имели более сложную историю. С одной стороны, многое (и сами материалы сборника) свидетельствует, что в первые годы глобального противостояния последствия военных действий с применением ядерного оружия явно недооценивались современниками: возможности превентивного ядерного удара или быстрой

послевоенной экологической нормализации рассматривались столь же серьезно, как и рекомендации литературы по гражданской обороне защищаться от прямых радиоактивных лучей в зоне видимости атомного взрыва с помощью портфеля или рук, прикрывающих голову. В визуальных образах – и не только в Советском Союзе – атом первоначально героизировался. Вплоть до 1980-х гг. страх табуировался как недостойная эмоция, в том числе в западном движении против гонки вооружений. С другой стороны, страх перед «русскими», которые «идут», и «американскими империалистами» не только неразрывно переплетался со страхом уничтожения в результате атомной катастрофы, но и затмевал его на протяжении большей части периода Холодной войны.

Этот факт ставит под сомнение идею о том, что наиболее благоприятная в XX веке конъюнктура для страха сложилась только в годы этого глобального конфликта: ведь одной из важнейших предпосылок конъюнктуры той или иной эмоции является то, что «определенное чувство / выражение эмоции становится явственнее, чем прежде, или воспринимается как более выраженное» (с. 498). Между тем, многое свидетельствует о том, что Вторая мировая война и межвоенный период (а отчасти и более ранние периоды), к которым апеллируют все авторы сборника, были временем не меньшей – если не большей – концентрации страхов перед коварными шпионами, безжалостным реальным или воображаемым противником и вероятностью новой тотальной войны. Весь арсенал нагнетания и преодоления страхов, использовавшийся в годы Холодной войны – будь то концепция превентивного удара и демонстрация силы на дипломатической сцене, показательные процессы и образы врага, эскалация политических и религиозных слухов, «военные тревоги» и т.д. – сложился в первой половине XX века. Этот «набор» оказался пригоден и активно употреблялся и во второй половине столетия. Цезура в глобальном развитии, связываемая с ядерным вооружением, была относительной, что отмечают и некоторые авторы сборника. Особенностью же Холодной войны являлось скорее драматичное отставание гуманитарного разума от инструментального, когда поведенческие матрицы и объяснительные клише явно не поспевали за грозными техническими достижениями.

Экскурс в историю межвоенной Европы, и в особенности ее тоталитарного «сектора», делает спорным и категоричный тезис одного из издателей сборника о том, что без Холодной войны основанные на страхе режимы Восточной Европы не могли бы быть «инсценированы и поддерживаться на протяжении десятилетий» (с. 24). Таким образом,

справедливо относя Холодную войну к ключевым событиям прошедшего столетия, авторы концепции сборника явно переусердствовали в демонстрации эксклюзивности ее эмоционального «веса» в истории XX в.

Как представляется, продуктивнее было бы рассматривать эмоциональную историю Холодной войны в более длительной перспективе существования биполярного мира, который сложился за два десятилетия до изобретения термина «Холодная война» и в определенной степени продолжает существовать в головах современников по сей день.

БИБЛИОГРАФИЯ

Матвеева С. И., Шлапенток В. Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск, 2000.

Плампер Я. Страх в русской армии в 1978–1917 гг.: к истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России / Под ред. И. В. Нарского и др. Челябинск, 2007. С. 453–460.

Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера и др. М., 2010.

Greiner B. Angst im Kalten Krieg. Bilanz und Ausblick // Greiner B., Mueller Chr. Th., Walter D. (Hg.) Angst im Kalten Krieg. Hamburg, 2009.

Нагорная Оксана Сергеевна, кандидат исторических наук, сотрудник Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета; nagornaja.oxana@mail.ru

Нарский Игорь Владимирович, доктор исторических наук, директор Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета; inarsky@mail.ru

А. И. КЛЮЕВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ МЕДИЕВИСТ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СТРАНИЦАМИ КНИГИ «НИКОЛАЙ ОТТОКАР – ИСТОРИК-МЕДИЕВИСТ»*

Ключевые слова: Н. П. Оттокар, Италия, русская эмиграция, петербургская школа медиевистики.

Судьба историка-медиевиста Николая Петровича Оттокара в Италии не менее сложна, чем в России. За период эмиграции, с 1921 г., он написал и опубликовал в Италии ряд серьезных исследований, его монография «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» признана классической, она же принесла ему кафедру во Флорентийском университете в 1930 г. Н. П. Оттокар – почетный гражданин Флоренции, в честь него в 1996 г. была названа одна из ее улиц. Однако ученый оказался обделен вниманием в итальянской историографии: из посвященных ему работ вспоминаются только два некролога, напечатанные в итальянских журналах¹. К этому можно добавить еще несколько кратких экскурсов в творчество Оттокара по разным поводам². Ввиду этого, особый смысл приобретают слова Сестана: «...необходимо признать полное незнание о нем (Оттокаре. – А. К.) до 1919 г., когда ему уже было тридцать пять, середина его жизни»³. Эти слова, впервые произнесенные более 50-ти лет назад, стали фактически лозунгом рецензируемого сборника – «Николай Оттокар – историк-медиевист. Из Петербурга во Флоренцию»⁴.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02. 740. 11. 0350.

¹ Первый из них принадлежит авторству Арнальдо д'Аддарио (*D'Addario*. 1957), второй был написан Эрнесто Сестаном (*Sestan*. 1959. Р. 178–184). Этот текст был в 1962 г. переработан и издан как предисловие к переизданию книги Оттокара о флорентийской коммуне в 1962 г., а также в общей работе по историографии (1991 г.). См. *Idem*. 1962. Р. ix–xviii; *Idem*. 1991. Р. 345–354.

² См. напр.: *Cherubini*. 2005. Р. 55–61. Имя историка фигурирует в общих работах по историографии, по истории Флорентийского университета и т.д.

³ *Sestan E.* 1959. Р. 178; *Idem*. 1962. Р. x.

⁴ *Nicola Ottokar storico del Medioevo...* 2008. Р. 146. Этот сборник, составленный итальянскими историками Р. Ризалити и Л. Публичи, уже довольно резко (порою необоснованно) отрецензирован (*Дубровский*. 2010. С. 97–131). Особое недоумение вызывает стремление приписать составителям желание «вывести Оттокара на чистую воду», выяснить отношения историка с фашистским режимом в

Сборник, естественно, соответствует нуждам и потребностям научного сообщества Италии. Если на родине Оттокара, в России, специальные исследования об историке появляются, то для итальянцев – это нечто абсолютно новое. И если для наших итальянских коллег стали фактически откровением некоторые эпизоды флорентийского периода, например, теплые (если не сказать большего) отношения между Оттокаром и Сальвемини, то что уж говорить о русском этапе жизни историка, который не только «из-за небрежности и убогого интереса, но также из-за объективных сложностей обнаружения некоторых данных»⁵, совершенно выпал. При знакомстве с книгой становится понятным, что авторы стараются поднять многочисленные проблемы, связанные с творческой деятельностью историка, однако, оставляют их не разрешенными до конца, а некоторые и вовсе ускользают от внимания исследователей. В этой связи рецензируемый сборник становится как бы плацдармом для последующих исследований творчества Оттокара. Керубини останавливается на истории книги, размышляет о проблемах, возникающих в связи с творчеством Оттокара, пишет о том, что получилось, а что осталось за кадром.

Исследовательская часть сборника открывается статьей Лоренцо Пуббличчи «Николай П[етрович] Оттокар за рубежом. Размышления о месте русской эмиграции в Европе в начале XX в.»⁶. Автор обращается к феномену русской эмиграции в Европе XX в. и к Оттокару как одному из ее ярких представителей. Пуббличчи выделяет три периода эмиграции в Италию из России, и отдельно касается вопроса о своеобразии Италии по сравнению с другими европейскими странами. По его мнению, Италия импонировала русским не только ввиду ее культурного значения, но также из-за благоприятной политики в сфере образования, из-за поддержки русских эмигрантов со стороны князей Демидовых, которые давно жили в Италии. Однако когда приходит время вписать Оттокара в этот контекст, статья неожиданно обрывается. Пуббличчи справедливо полагает,

Италии и т.д. (С. 106). Ничего подобного из желания автора предисловия Керубини больше узнать о взаимоотношениях историка с режимом не следует. Он лишь старался очертить проблемное поле, обозначив, кстати, и вопрос о взаимоотношении Оттокара и Гревса и его школы. Сомнительно и утверждение Дубровского о том, что «Керубини подталкивает итальянских читателей к признанию правоты Сальвемини, повинного, по его словам, только в излишнем схематизме» (С. 102). Действительно, Керубини пишет, что если выбирать между подходами Оттокара и Сальвемини, то он выберет подход последнего, который не заводит «в дебри». Однако, перед нами не столько призыв, сколько личное мнение историка.

⁵ Ibid. P. 3.

⁶ Ibid. P. 11–23.

что «Оттокар не был чужд... модели», которая подразумевала «почти как долг защиту культурных идеалов (и частично политических) XIX в.»⁷, что являлось необходимым элементом идентификации эмигрантов. В предпоследнем предложении читаем: «Фигура Оттокара просматривается в этом контексте и может помочь нам понять многие аспекты этой практики»⁸. Однако все вытекающие из этого вопросы остаются без ответа.

Стоит отметить, что автор статьи упоминает о евразийстве. Вопрос, опять же, интересный по отношению к Оттокару. Однако и здесь он обходится одним предложением: «Невозможно, ввиду нехватки доказательств по этому поводу, утверждать с уверенностью, что Оттокар был евразийцем, но с другой стороны, его исследования о России, кажется, ослабляют эту гипотезу, а тесные контакты и дружба с евразийцами... оставляют некоторые сомнения по этому поводу...»⁹. Как и в случае, описанном выше, автор верно улавливает суть сложность проблемы, но отстраняется от дальнейших рассуждений на эту тему.

Безусловно, стоит отметить статью А. К. Клементьева и В. А. Клементьевой¹⁰. Текст представляет собой перевод работы, вышедшей в 2006 г. в отечественном сборнике «Русские в Италии: культурное наследие эмиграции»¹¹. Опираясь на имеющийся в архивах Санкт-Петербурга и Перми материал, авторы детально восстанавливают жизненный путь историка-медиевиста. Однако, это не единственное достоинство работы. Реконструкция «русского» периода жизни историка весьма удачно дополнена перепиской Оттокара с его друзьями-эмигрантами (с Г. В. Вернадским, Л. П. Карсавиным, А. В. Флоровским, В. И. Ивановым, В. В. Вейдле; данные письма хранятся в частных архивах, и по большей части недоступны), по которым, пусть и частично, но восстанавливается «флорентийский» период жизненного пути историка.

Большой интерес представляет статья другого российского историка Б. С. Кагановича «Николай Оттокар в кругу петербургских медиевистов»¹², обратившегося к вопросу о взаимоотношениях Оттокара и школы И. М. Гревса. Подчеркнем, что до Б. С. Кагановича данная тема не становилась предметом самостоятельного исследования, чаще всего

⁷ Ibid. P. 12.

⁸ Ibid. P. 23.

⁹ Ibid. P. 22.

¹⁰ Ibid. P. 25–45.

¹¹ Клементьев, Клементьева. 2006. С. 377–404. См. также другие работы этих авторов: Клементьев. Николай Петрович Оттокар // Путь. 2004. С. 323–338; Он же. Николай Петрович Оттокар // Русский... 2004. С. 79–104.

¹² Nicola Ottokar storico del Medioevo... 2008. P. 47–54.

имя историка просто упоминалось в ряду учеников Гревса. В перестроенную эпоху, в своем диссертационном исследовании историк констатировал кризисные явления в творчестве историка, и настаивал на весьма приблизительной принадлежности Оттокара к школе Гревса¹³. Если в России эта часть диссертации не была издана, но оказалась к месту в Италии. Акценты и формулировки несколько сменились, но суть размышлений осталась та же. Несомненно, рассуждает Каганович, Оттокар формировался как исследователь в рамках школы И. М. Гревса: посещал его семинарий, от учителя перенял и основную проблематику своих работ, участвовал в экскурсиях, организуемых “padre” к местам исторических памятников, преподавал (опять же с подачи учителя) на Высших женских курсах, писал статьи для Нового энциклопедического словаря. Решающую роль во взаимоотношениях между Оттокаром и школой суждено было сыграть конфликту, произошедшему между учеником и учителем в начале 1910-х гг., кульминацией которого стала защита Н. П. Оттокаром магистерской диссертации¹⁴. Как известно, Гревс весьма скептически отнесся к работе своего ученика «Опыты по истории французских городов в средние века», не соглашаясь с его нападками на «историков-коммуналистов»¹⁵. На этом история обрывается. Оттокар вскоре эмигрировал в Италию, где написал несколько важных работ. Между тем, этот период выпадает из поля зрения Кагановича. Как нам кажется, историк преувеличивает значение конфликта между учеником и учителем, и резкая критика со стороны Гревса вызвана скорее тем, что последний «защищал» созданную им школу. К тому же более пристальный анализ исторических работ Оттокара позволяет говорить о нем как о представителе сообщества медиевистов Гревса.

Продолжает сборник исследование Ренато Ризалити «Лев Карсавин и народная религиозность: к происхождению критической мысли Оттокара»¹⁶. Известный факт о дружбе между Оттокаром и его старшим

¹³ Каганович. 1986. С. 12–13.

¹⁴ Сведения о конфликте получены в основном из вторых рук, многое «достраивается» по аналогии с конфликтом между Л. П. Карсавиным и Гревсом. Имеются свидетельства в воспоминаниях Анциферова, Карсавина, самого Гревса и указания на то, что между Гревсом и Оттокаром велась переписка очевидно, не сохранившаяся: Анциферов. 1992; Письма Л. П. Карсавина И. М. Гревсу (1906–1916)... 1994; Человек с открытым сердцем... 2004. О конфликте Гревса с Карсавиным см.: Свешиников. 2009. С. 42–72; Он же. 2010. С. 350–399.

¹⁵ См. отзыв Гревса на работу Оттокара о французских средневековых городах. СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. № 143.

¹⁶ Nicola Otokar storico del Medioevo... 2008. P. 55–63.

товарищем Карсавиным становится отправным пунктом данной статьи. Ризалити вспоминает о том, что Карсавин приносит благодарность Оттокару в кратком введении к книге «Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии». По этому поводу историк замечает следующее: «В сущности, говорит нам Карсавин, что его идеи принадлежат не столько ему, сколько являются плодом общих размышлений с другом Оттокаром»¹⁷. Из этого автор делает вполне логичное заключение, что в познании творчества Карсавина лежит ключ и к пониманию творчества его друга Оттокара. Ризалити разбирает сочинения Карсавина, отдельно останавливается на таких понятиях, предложенных Карсавиным, как «религиозный фонд», «средний человек», «культурный фонд» и других, обращается к критике коллегами Карсавина его исторических построений. Однако когда приходит время сделать поворот в сторону Оттокара, статья обрывается.

Исследовательскую часть сборника заключает статья Серджи Дженсини «Николай Оттокар – флорентиец. Заметки и воспоминания экс-ученика»¹⁸, которая представляется наиболее интересной для русского читателя. Особую ценность этой публикации придает не только наличие воспоминаний историка, но также привлечение сохранившихся архивных (часть архива Оттокара погибла при наводнении во Флоренции в 1966 г.) и газетных материалов о флорентийском периоде жизни Оттокара. Здесь мы встречаем интересные сведения, которые во многом разоблачают создавшиеся стереотипы в кругах историков, например, о неприязни Оттокара и его итальянского коллеги Г. Сальвемини. По свидетельству Дженсини, отношения между ними были весьма теплыми, Сальвемини соглашался с критикой по его адресу Оттокаром, предложил его фигуру на диспут своего ученика Э. Сестана. Оттокар также тепло отзывался о нем, отмечал его острый ум и сожалел, что ему приходится переживать тягости эмигрантского положения. Дженсини детально останавливается на истории о выборах на кафедру, которые состоялись в 1930 г. Опираясь на сохранившийся архивный материал, он воссоздает богатую событиями картину тех лет. Автор дает краткий очерк о преподавательской, научной, общественной деятельности Оттокара во Флоренции. В качестве заключения к этой части Дженсини приводит свои воспоминания от непосредственного общения с Оттокаром. Здесь есть все (или почти все): воспоминания об особом обряде курения

¹⁷ Ibid. P. 57.

¹⁸ Ibid. P. 65–77.

историка, о его любви к театру, в котором за историком, как за почетным гражданином города было закреплено место, где по сезону он пил чай либо пиво от Paszkowski, о том, что он частенько пропадал в кафе, не презирал игру в бридж, и, конечно, о том, что историк был всегда гаем Национальной Библиотеки и Государственного архива Флоренции, где встречался с коллегами и учениками. Здесь есть анекдоты из жизни и размышления о лекциях историка в университете. Не ускользают от внимания близкого друга и трагические годы жизни Оттокара во Флоренции, связанные со смертью дочери в дорожной катастрофе, со смертью жены, вспоминает он и момент, когда ученый едва не погиб от угарного газа, после чего он стал тенью себя прежнего, а также о принятии Оттокаром католичества, чего ему не простила его сестра. «Коммуна Флоренции, распоряжением от 15 октября 1996 г., номер 4107/3493 <...> назвала в его честь улицу: признание, которое он заслужил»¹⁹ – заключает свою очень интересную статью Дженсини.

Раздел сборника, где публикуются документы, открывает публикация подготовленной Л. Ризалити переписки Карсавина и Гревса, уже изданной в России,²⁰. Автор приводит выдержки из двух последних писем (от 24 и 30 сентября 1917 г.) сохранившейся переписки, которые ярко свидетельствуют о конфликте между учителем и учеником. «Из этих сообщений, – пишет Ризалити – можно легко понять, как человеческая и профессиональная история Оттокара была неразрывно связана с учителем И. М. Гревсом и с его товарищами в “исторической школе” Петербурга, в особенности Л. П. Карсавиным»²¹.

Далее следует подготовленная Ризалити публикация статьи И. М. Гревса «Моя первая встреча с Италией (осень и зима 1890–1891)»²² (уже давно опубликованной в России). Статья мало относится к Н. П. Оттокару. Конечно, можно возразить, что в плане истоков Гревса как педагога и истоков школы данный текст полезен. Однако, мне представляется, что есть в этом отношении более показательный текст, который свидетельствует уже о «схоларном» периоде и говорит нам о взрослом и сложившемся педагоге Гревсе. Я имею в виду статью «К теории и практике “экскурсий” как орудие научного изучения истории в

¹⁹ Ibid. P. 77.

²⁰ Ibid. P. 79–81. Всю переписку см: Письма Л. П. Карсавина И. М. Гревсу (1906–1916)... 1994. С. 23–109.

²¹ Nicola Otokar storico del Medioevo... 2008. P. 81.

²² Ibid. P. 83–96. См. русский вариант статьи: Гревс. 1993. С. 281–296.

университетах: (Поездка в Италию со студентами в 1907 г.)»²³.

Следом за публикациями Ризалити идет переиздание статьи Н. П. Оттокара «Городские коммуны в средние века»²⁴. Здесь не лишним будет привести слова автора предисловия к сборнику статей историка, вышедшего в 1948 г.: «Исследование о “Городских коммунах в средние века” ни что иное, как статья “Коммуны”, составленная автором для XI тома Итальянской энциклопедии. Это плод долгих лет работы, и в ней содержится резюме исследований и размышлений автора по поводу феномена коммуны вообще и существенных различий, которые существуют между итальянскими и заальпийскими городами. Автор <...> стремился в ней показать со всей очевидностью унитарную природу итальянского города, в отличие от партикулярного и изолированного характера заальпийских городов»²⁵.

Раздел «Приложения» открывает публикация писем Оттокара к Армандо Сапори (28 / VI / 1928 и 18 / III / 1933 гг.), письма Иозефа Винсента Ломбардо к Оттокару (6 сентября 1950 г.), а также сертификата о службе Оттокара²⁶. В этой публикации отсутствует система, однако этому есть объяснение. Всеми виной катастрофа, произошедшая во Флоренции в 1966 г., в которой погибла значительная часть материалов историка. Но и это немного позволяет понять масштаб фигуры Оттокара и его место в среде коллег. В публикации статьи Сандро Норчи «Невозмутимый профессор Оттокар» из газеты *Il Mattino* от 27 января 1952 г.²⁷ автор вспоминает об Оттокаре-преподавателе: «Прежде всего, поражает глубокий тон его голоса, слегка экзотический акцент, паузы, которые он делает для того, чтобы найти более подходящее слово...»²⁸; «...он большой знаток пяти или шести языков; он может переходить с одного на другой без изменения в тоне голоса»²⁹. Автор заметки вспоминает об известном обряде курения и о занятном случае, который произошел с одной девушкой на экзамене по средневековой истории у Оттокара. Вот что пишет Норчи: «Прежде всего, профессор достает портсигар, аккуратно выбирает сигарету и кладет ее на рабочий стол или на наиболее близкую опору. Затем, из кармана жилета, он достает

²³ *Он же*. 1910.

²⁴ Nicola Otokar storico del Medioevo... 2008. P. 97–126.

²⁵ Introduzione. 1948. P. x.

²⁶ Nicola Otokar storico del Medioevo... 2008. pp. 129–130.

²⁷ Ibid. P. 131–133.

²⁸ Ibid. P. 131.

²⁹ Ibid. P. 132.

мундштук, подносит его к глазу и смотрит вовнутрь, для того, чтобы убедиться, что он не засорился; дует внутрь для большей уверенности, затем вставляет туда сигарету и зажигает ее, глубоко вдыхая. Пока курит, окутанный белым облаком, он остается сосредоточенным, как иностранец в окружающем мире; если он в компании, он обязательно сводит к минимуму свое участие в общей беседе. Закончив курить, он достает из кармана маленькое орудие, с помощью которого освобождает мундштук от окурка; затем приступает к новой аккуратной чистке мундштука, дуя внутрь несколько раз и смотря в него против света. Возвратив мундштук в обычный карман, без какого-либо резкого перехода, вновь возвращается в мир и к беседе»³⁰. «...В тот момент, когда он курит, он не слушает». Именно этим советом однокурсника попыталась воспользоваться студентка, отвечая на вопрос о «Примо Пополо», принявшись выдумывать «...до тех пор, пока известная сигарета не закончилась». После чего Оттокар «...сердечно улыбнулся девушке... и со счастливым выражением лица начал говорить: “В своем изложении Вы сделали много ошибок, я бы даже сказал очень много. Можно прямо заключить, что нет абсолютно ничего достоверного...” в том, что она рассказывала. После чего принялся исправлять пункт за пунктом ответ нерадивой студентки, а затем “без малейшего тона неприязни” отпустил ее. Студентка, естественно, экзамен провалила»³¹.

Заключает сборник библиография Оттокара, собранная Пуббличи и Ризалити³². На сегодняшний момент это наиболее полная библиография историка. Однако в ней не учитываются многочисленные литографии лекций и рецензии, написанные Оттокаром в течение своей исследовательской карьеры. Это упущение кажется незначительным, только если не учитывать особенностей творчества Оттокара. В первой опубликованной работе (рецензии на книгу А. Скиапарелли) он фактически высказал свое историческое кредо³³, а в статье «Наблюдения о настоящем положении историографии в Италии» критиковал современную ему науку как раз за отсутствие этого жанра³⁴. Чрезвычайно интересна также его рецензия на книгу Р. Давидсона: «История Флоренции Роберта Давидсона (Флоренция во времена Данте)»³⁵. Для понимания творче-

³⁰ Ibid. P. 132–133.

³¹ Ibid. P. 133.

³² Ibid. P. 135–137.

³³ См.: *Оттокар*. 1909. С. 23–32.

³⁴ *Ottokar*. 1948. P. 91–104.

³⁵ Ibid. P. 105–111.

ства Оттокара жанр рецензии является, пожалуй, наиболее важным, возможно даже более важным, чем его исследования о флорентийской коммуне или очерки о французских городах. Поэтому исключение этого пласта литературы выглядит, по меньшей мере, спорным.

Подводя итоги, следует заметить, что сборник изначально не претендовал на комплексность охвата наследия Н. П. Оттокара. Так, многие проблемы, которые могли бы быть поставлены, оказались опущены. В предисловия Керубини пишет, что ему особенно интересно было бы узнать о взаимоотношениях историка и фашистского режима в Италии и о многих других проблемах. По сути, им были обозначены две проблемы, которые следовало бы осветить в сборнике. Это жизненный путь историка, преимущественно в русский период жизни, истоки его творчества. Значительное место Керубини уделяет рассуждениям об исторической концепции Оттокара, и складывается такое ощущение, что этому вопросу также будет уделено внимание в тексте, о чем говорит и название сборника. Но если первая проблема освещена довольно хорошо, в том числе благодаря российским исследователям, а также публикациям документов, то вторая выпадает из поля зрения историков. Кроме того, мы должны подчеркнуть некоторую недосказанность в ряде статей которые поднимают проблему, верно отмечают основные линии, однако в итоге читатель не получает ответа на поставленные вопросы.

Но, несмотря на все эти замечания, отметим, что благодаря данному изданию после долгих лет забвения ученый с мировым именем выходит из-за кулис, и предстает даже несколько в ином ракурсе. Эта книга будет полезна не только итальянскому читателю, но и отечественному. И будем надеяться, что в ближайшее время появятся новые издания об историкомедиевисте Николае Петровиче Оттокаре.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. статья, сост. примеч., указ. имен А. И. Добкина. М.: Феликс; Культурная инициатива, 1992.
- Гревс И. М.* К теории и практике «экскурсий» как орудие научного изучения истории в университетах: (Поездка в Италию со студентами в 1907 г.) // ЖМНП. 1910. № 2.
- Гревс И. М.* Моя первая встреча с Италией (осень и зима 1890–1891 года) // Россия и Италия. М.: Наука, 1993.
- Дубровский В. И.* Оттокар и другие // Очерки социальной истории средних веков. М.: Regnum, 2010. С. 97–131.
- Каганович Б. С.* Петербургская школа медиевистов в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дисс. ... к.и.н. Л., 1986.
- Клементьев А. К.* Николай Петрович Оттокар (Путь русского историка: Санкт-

- Петербург – Пермь – Петроград – Флоренция) // Исторические записки. М: Наука, 2004. № 7.
- Он же.* Николай Петрович Оттокар (русский исследователь политического устройства средневековой Европы) // Зарубежная Россия 1917–1945. СПб., 2004.
- Клементьев А. К., Клементьева В. А.* Три университета Николая Петровича Оттокара. Санкт-Петербург – Петроград – Пермь – Флоренция // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции. М: Русский путь, 2006.
- Оттокар Н. П.* Флорентийский дом в XIV и XV стол<етиях> (Sciaparelli. La casa fiorentina e i suoi arredi nei secoli XIV e XV. Firenze. Sansoni 1908. Vol. I) // Историческое обозрение. 1909. XV.
- Письма Л. П. Карсавина И. М. Гревсу (1906–1916) / Подг. публ. А. К. и В. А. Клементьевых // Русская историческая мысль. Из эпистолярного наследия Л. П. Карсавина: письма И. М. Гревсу (1906–1916). М.: ИНИОН, 1994.
- Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 726. Оп. 1. № 143.
- Свейников А. В.* Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новой литературное обозрение. 2009. № 96.
- Свейников А. В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010.
- Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Сост. О. Б. Вахромеева. СПб.: б. и., 2004.
- Cherubini G.* Gaetano Salvemini. Testimonianza // L'Università degli Studi di Firenze fra istituzioni e cultura. Nel decennale della scomparsa di Giovanni Spadolini / A cura di S. Rogari, C. Beccuti. Firenze: Firenze University Press, 2005.
- D'Addario A. Nicola Ottokar (1884–1957) // Archivio storico italiano. CXV. 1957.
- Garzonio S.* Ottokar, dalla Russia a Firenze alla ricerca del Medioevo italiano // Il manifesto. 10 maggio. 2009.
- Nicola Ottokar storico del Medioevo. Da Pietroburgo a Firenze / A cura di L. Pubblici e R. Resaliti. Presentazione di G. Cherubini. Firenze: Leo S. Olschki, 2008.
- Sestan E.* Introduzione // *Ottokar N.* Il commune di Firenze alla fine del dugento. Torino: Einaudi, 1962.
- Idem.* Nicola Ottokar // Rivista storica italiana. LXXI. fasc. I. 1959.
- Idem.* Nicola Ottokar // *Sestan E.* Scritti vari. Vol. III.: Storiografia dell'Otto e Novecento / A cura di G. Pinto. Firenze: Le Lettere, 1991.
- Soldi Rondinini G.* Alcune considerazioni su *Nicola Ottokar storico del Medioevo. Da Pietroburgo a Firenze* // Nuova rivista storica. XCIII. fasc. III. 2009.

Клюев Артем Игоревич, младший научный сотрудник кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; kluevartem@mail.ru

В. П. СМЕРНОВ

БРИТАНСКАЯ ОЙКУМЕНА РОССИЙСКОЙ НОВИСТИКИ*

Юбилейные публикации – одна из старинных университетских традиций, позволяющих выразить признательность видному ученому, познакомить читателя с его вкладом в науку.

Научная и педагогическая деятельность доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан и Российской федерации, профессора И. И. Шарифжанова неразрывно связана с Казанским университетом. С момента его основания в Казанском университете изучали отечественную и зарубежную историю. По указу императора Александра I, в 1804 г. при отделении словесных наук была учреждена кафедра всемирной истории, статистики и географии. В 1835 г. из нее выделилась кафедра всеобщей истории, которая вошла в состав историко-филологического факультета. Ее возглавил профессор Я. Верниковский – поляк, сосланный в Казань за участие в студенческих волнениях. С конца XIX в. эта кафедра обеспечивала преподавание новой истории и специального курса по историографии нового времени. На историческом факультете Казанского государственного университета кафедра всеобщей истории появилась в годы Великой Отечественной войны – в 1943 г. Начиная с 1948 г. в течение многих лет ею руководил профессор А. С. Шофман. Одно время заведующим кафедрой всеобщей истории был профессор А. И. Данилов – впоследствии ректор Томского университета и министр просвещения РСФСР¹. В течение 20 последних лет созданной в 1991 г. кафедрой новой и новейшей истории руководил ученик А. И. Данилова профессор И. И. Шарифжанов, известный своими работами в области методологии истории, истории и историографии Великобритании и Польши. Профессор Шарифжанов является основателем и главным редактором периодического издания «Сlio Moderna. Зарубежная история и историография», которое получило высокую оценку в научной печати². О научных заслугах профессора Шарифжанова свидетельствует его членство в Международной комиссии по истории парламента и представительных учреждений.

Сборник трудов, изданных по случаю юбилея И. И. Шарифжанова, состоит из трех разделов. Раздел «Личность на изломе эпох: интеллек-

* Рец. на кн.: Британская ойкумена российской новистики...

¹ См.: *Бодров*. 2004; *Ягудин*. 1998.

² См.: *Новая и новейшая история*. 2006. № 6. С. 206–208.

туальный и человеческий портрет профессора И. И. Шарифжанова» содержит поздравления юбиляру, в которых отмечается, что труды профессора Шарифжанова «отличаются глубиной, солидной источниковой базой, новаторскими концепциями, прекрасным стилем изложения»; «широко известны не только в России, но и за рубежами нашей Родины». Коллеги юбиляра из разных научных и учебных учреждений в статьях «И. И. Шарифжанов и развитие зарубежной новистики в Казанском университете» (авторы О. В. Бодров и Б. М. Ягудин), «Профессор И. И. Шарифжанов и его вклад в развитие отечественного англоведения» (автор Л. Л. Норден), «И. И. Шарифжанов и развитие отечественной полонистики в Казанском университете» (автор В. Е. Туманин), «Англовед и англоведение» (автор Т. А. Сидорова) анализируют научные труды юбиляра, уделяя особое внимание его главному труду «Английская историография в XX веке». В этой книге автор рассмотрел эволюцию британской историографии, выявил главные тенденции и направления историко-методологической мысли, дал оценку вкладу английских ученых-марксистов в развитие исторической науки на Западе, проанализировал содержание постконструктивизма и постмодернизма. Друзья, коллеги и ученики делятся своими воспоминаниями о друге и учителе. Первый раздел завершается указателем основных печатных трудов юбиляра, среди которых монографии, вызвавшие многочисленные отклики в научной и зарубежной научной литературе: «Изолированная страна. История России на страницах школьных учебников США и Западной Европы» (Казань, 2009), «Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления» (Казань, 2004), «Польские учителя и преподаватели в Императорском Казанском университете» (Казань, 2002), «Современная английская историография буржуазной революции XVII в. Основные идейно-методологические тенденции и направления» (Москва, 1982).

В раздел «Современное российское англоведение: традиции изучения и новые подходы» включены 16 научных статей по истории Великобритании, принадлежащие перу специалистов из Москвы, Саратова, Казани, Смоленска, Нижнего Новгорода, Волгограда, Сочи и других научных центров. Тематика этих работ весьма разнообразна: от глобальных проблем исторической науки до частных аспектов развития британской историографии, и отдельных исторических сюжетов. Несомненный научный интерес представляют работы об общих тенденциях и закономерностях исторической науки.

В статье Л. П. Репиной «Историческая наука в век глобализации и информатизации» дана обобщающая картина кардинальных перемен

последних десятилетий, преобразивших современное социокультурное пространство. Автор подвергает анализу интеллектуальные последствия глобализации и информатизации, в том числе формирование глобальной истории, переосмысление содержания таких привычных понятий как «всемирная история», «европейская история», «междисциплинарность». Обращаясь к так называемому «культурологическому повороту», произошедшему в конце XX века; Л. П. Репина размышляет о месте и задачах интеллектуальной истории, о роли и функциях исторической науки в развитии общественного сознания.

Э. Г. Воденисова в статье «Проблема прогресса «английской цивилизации» в историографии второй половины XIX века» пишет о том, как складывались представления о цивилизации. И. Д. Кеткова в статье «Реставрация монархии как закономерный этап Английской и Великой французской революции» проводит сравнительный анализ процесса завершения двух крупнейших европейских революций, выясняя «насколько необходимо попятное движение в ходе революции и какими социальными закономерностями оно обусловлено». М. П. Айзенштат исследует взаимодействие между политикой и историей в Британии в середине XVIII в. В нескольких публикациях рассмотрена роль религиозного фактора в развитии британского общества. «Отношение английских католиков к протестантской власти в середине XVI – начале XVII вв. в оценке современной британской историографии» – тема В. Н. Ерохина. Т. Л. Лабутина в статье «Концепция религиозной свободы в идеологии раннего английского Просвещения» анализирует роль веротерпимости в политической и социальной борьбе. Л. Л. Норден в статье «К. Хилл о религиозном факторе в английской революции XVII века» отмечает переосмысление некоторых положений марксизма его видным представителем в британской исторической науке. Формирование представлений о пуританизме изучено в статье Н. С. Креленко «Пуританин в английской литературе XVII века: становление мифа».

Специальному исследованию подвергнуты взгляды некоторых крупных историков Великобритании: Ч. Спенсера (автор А. А. Егоров), Ф. Мейтленда (Т. А. Сидорова), П. Г. Виноградова (О. В. Бодров).

Раздел «Отечественная новистика в теоретическом, национальном и культурном измерении» открывается статьей Н. И. Смоленского «Постмодернизм и проблемы языка историка». Исследуя эту широко обсуждаемую в последние годы проблему, автор подвергает критике модную теорию «лингвистического поворота», согласно которой историк имеет дело не с реалиями прошлого, а только с историческими текста-

ми, которые поддаются различному толкованию. «Пафос постмодернизма по отношению к историческому познанию состоит в стремлении доказать равноценность любых подходов к прошлому... Конечный смысл этой гносеологии таков: сколько историков, столько и истин. К тому, что называется наукой, это уже отношения не имеет», – справедливо указывает Н. И. Смоленский.

Большинство статей третьего раздела носят историографический характер. Таковы статьи «Историческое познание во Франции: новые подходы к междисциплинарным исследованиям» (И. К. Калимонов и С. А. Ульянов), «Марк Ферро и школа «Анналов»: поиск теоретико-методологической базы исторических исследований (И. К. Калимонов и П. Ю. Марьин), «Учебники Гарольда Рагга в прогрессивной педагогике США 1920–40-х гг.» (А. Б. Соколов), «Джордж Фрост Кеннан – представитель школы «политического реализма» в историографии внешней политики США» (Р. Н. Чанышев), «Польская историография эпохи Возрождения: характерные черты и направления исследований» (В. Е. Туманин). «Некоторые размышления о современных оценках Великой Отечественной войны: разные исторические измерения» (Е. Г. Блосфельд). Кроме того, в этом разделе опубликованы статьи по истории Турции (Г. В. Рокина), Словакии (В. Е. Туманин), России (И. П. Ермолаев) и СССР (А. К. Ягодина).

По своей научной значимости сборник трудов к 70-летию проф. Шарифжанова выходит за рамки обычных юбилейных публикаций. Он, несомненно, будет интересен как для специалистов, так и для более широкого круга читателей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бодров О. В.* Новистика в Казанском университете. 1943–2003. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004.
- Британская ойкумена российской новистики. К 70-летию профессора И. И. Шарифжанова. Казань: Казанский университет, 2010. 367 с.
- Ягудин Б. М.* Н. А. Осокин и становление казанской школы всеобщей истории. Казань, 1998.

Смирнов Владислав Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры Новой и Новейшей истории МГУ им. М. В. Ломоносова; faculty@hist.msu.ru

БЕДА ДОСТОЧТИМЫЙ – УЧЁНЫЙ, ФИЛОСОФ, БОГОСЛОВ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)*

17 мая 2011 года состоялась встреча исследователей из академических институтов Москвы (ИВИ РАН, ИФ РАН, ИМЛИ РАН) и МГУ¹ в рамках работы над проектом «Сочинения Беда в контексте современного гуманитарного знания (исследования и переводы)», направленного на изучение мировоззрения выдающегося средневекового ученого, историка и богослова Беда Досточтимого (Beda Venerabilis, 672 / 3–735). Проект ориентирован на выявление в работах Беда различных интеллектуальных традиций (глоссографической, комментаторской, теологической, антикварной и др.), а также на анализ воспринятых Бедой идей и понятий, зародившихся в Античности и усвоенных в трансформированном виде в Средние века. Участники проекта² не только обсуждали индивидуальные планы исследований, но и поделились своими работами. Ниже мы публикуем выдержки из докладов³ и обсуждений.

* Мероприятие проведено в рамках 3-х годовичного (2011–2013) проекта РГНФ (№ 11–01–00025а). Встреча участников прошла в Центре античной и средневековой философии и науки (ИФ РАН, Москва).

¹ В обсуждении приняли участие 11 человек, среди которых исследователи из Института философии и права СО РАН, Новосибирского государственного университета экономики и управления; Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого.

² Проект предполагает выполнение полных комментированных переводов трех сочинений Беда – натурфилософского трактата «О природе вещей» (De natura rerum), риторико-грамматической работы «Об орфографии» (De orthographia) и историко-теологического «Толкования на Апокалипсис» (Expositio Apocalypseos).

³ Темы докладов: *Т. Ю. Бородай* (к. филол. н., зав. отд. христианской культуры Института мировой культуры МГУ) «Натурфилософские проблемы в античной традиции и их отражение в трактате Беда “О природе вещей”»; *В. В. Зверева* (к. и. н., ст. н. с. ИВИ РАН) «Тексты Беда в историографии XIX–XX веков: традиции и новации»; *М. Р. Ненарокова* (к. филол. н., ст. н. с. ИМЛИ РАН) «Беда как экзегет (на примере Expositio Apocalypseos)»; *В. В. Петров* (д. филос. н., дир. Центра античной и средневековой философии и науки ИФ РАН) «Храмовая символика в александрийской экзегетической традиции и в текстах Беда»; *Он же*. «“О природе вещей” Беда и каролингская глоссографическая традиция»; *М. С. Петрова* (д. и. н., в. н. с. ИВИ РАН) «Риторико-грамматические работы Беда в контексте лингвистического знания поздней античности и раннего средневековья (дисконтинуитет в континуитете)»; *А. Р. Фокин* (к. филос. н., ст. н. с. ИФ РАН) «Философско-теологическое учение Беда и его место в истории интеллектуальной культуры раннего средневековья»; *Он*

В сообщении **В. В. Зверевой** было отмечено, что сочинения Беды и его личность вызывали неизменный интерес в зарубежной историографии (первенство принадлежит англо-американской) на протяжении длительного времени (особенно, начиная с конца XIX в.). В пример были приведены ключевые работы (K. Werner, 1881; Ch. Plummer, 1896), направленные на изучение жизненного пути Беды в контексте политической и культурной истории англо-саксов, указано, что в ту эпоху произведения Беды (напр. «Церковная история народа англо») рассматривались как достоверные источники, способные дать информацию об англо-саксонских поселениях в Британии и ранних государствах, и как сведения о формировании английской исторической науки и культурной истории Британии. Уже в первой половине XX в. были предприняты попытки выявить круг источников, оказавших влияние на Беду и его мысль (K. Davis, 1933; M. A. Laistner, 1943; 1957). Изучалось творчество Беды и в контексте анализа его богословской системы (e. g. R. W. Hanning, 1966; P. Hunter Blair, 1970; 1976; H. Mayr-Harting, 1983; 1994; R. D. Ray, 1988 и др.): экзегезы и теологии (B. Capelle, 1935; T. Holland, 1935; G. H. Brown, 1987), а также в контексте риторики (R. Ray, 1987; N. Wright, 1981; L. Martin, 1986) и натурфилософии (C. W. Jones, 1994).

В. В. Зверева обратила внимание на тот факт, что в зарубежной историографии XX в. имели место попытки пересмотреть устоявшиеся взгляды на труды Беды. Такого рода исследования были условно разделены ею на два направления. Первое из них связано с изучением «реальности прошлого», которая, по мысли историков, так или иначе была репрезентирована в сочинениях Беды. Второе – с изучением особенности смыслополагания и интерпретацией работ Беды в свете раннехристианской историографической традиций (что требует от исследователя сосредоточенности на текстовом уровне, уделения особого внимания понятиям, риторике, цитатам, заимствованиям, наряду с критическим отношением к источнику, например, такому, как «Церковная история»). Ею также было отмечено, что в зарубежной историографии вплоть до настоящего времени основной тенденцией исследовательской деятельности является изучение литературного наследия Беды: 1) с историко-культурной точки зрения; 2) в ракурсе теологии, агиографии и богословия; 3) в контексте натурфилософских проблем (создания мира и человека; их взаимосвязь); 4) в контексте исследования англо-саксонского прошлого и истории Великобритании; 5) в аспекте изучения специфики

сознания Беды; 6) с точки зрения выявления сочинений, оказавших на мысль Беды особое влияние, и определения его источников.

В отечественной историографии к настоящему времени изучены общие проблемы христианской книжной культуры в англо-саксонской Британии (О. А. Добиаш-Рождественская, 1934; Е. А. Мельникова, 1987); частично - проблемы истории англо-саксонских королевств и этногенеза у англо-саксов (В. В. Штокмар, 1973; К. Ф. Савело, 1977; Е. А. Шервуд, 1988; А. Г. Глебов, 1998 и др.). В 1980–2005 гг. возрос интерес к взаимосвязи устной и письменной литературной традиции (А. Я. Гуревич, 1984; М. Р. Ненарокова, 2003); особенностям процесса христианизации народов Европы; соотношению античной и христианской традиции в системе средневекового знания (Т. Ю. Бородай, 1988; Ю. А. Кимелев и Н. Л. Полякова, 1988; В. В. Петров, 1999). Отдельные сочинения Беды становятся предметом специального изучения, создается образ средневекового автора как богослова, историка и ученого (Н. Ю. Гвоздикова, 1996; В. Л. Ларионова, 1991; А. Р. Фокин, 2002; В. В. Зверева, 2008). Тщательно разбираются библейские комментарии Беды, проповеди, агиографические сочинения, жития (М. Р. Ненарокова, 2003, 2010); освещаются отдельные положения его риторико-грамматических работ применительно к латинскому грамматическому знанию раннего средневековья (М. С. Петрова, 2009). Имеются и русские переводы сочинений Беды или их обширных фрагментов, например, отдельные главы «Церковной истории народа англов» печатались под редакцией М. М. Стасюлевича (1863), А. Р. Корсунского (1979) и М. Л. Гаспарова (1970). В 2001 г. были опубликованы полные комментированные переводы «Церковной истории народа англов» и «Письма к Эгберту», выполненные В. В. Эрлихманом. Комментированные переводы выполнены и участниками проекта: фрагменты трактата «О природе вещей» (Т. Ю. Бородай, 1988); «Жития святых аббатов монастыря в Веармуте и Ярроу» (Кн. I – В. В. Зверева, 2002; полный перевод – М. Р. Ненарокова, 2010); «Гомилия на праздник благовещения», «Жития блаженного Феликса» и «Жизнеописания пяти отцов-настоятелей» (М. Р. Ненарокова, 1998–2010).

В выступлении *М. С. Петровой* было отмечено, что работа над переводами сочинений Беды на новоевропейские языки была начата довольно давно, но еще далека от завершения. Были упомянуты появившиеся в конце XX – начале XXI вв. английские переводы текстов теологического и экзегетического характера (среди которых «О скинии», 1994; «Об исчислении времен», 1999), а также риторико-грамматических и эпистолярных работ («О метрическом искусстве», 1991; «О схемах и тропах священного писания», 1973, 1991; «Письмо

епископу Эгберту», 1994). Обращено особое внимание на появление в феврале текущего года первого английского перевода трактата «О природе вещей». Кроме того, М. С. Петрова отметила диссертационные исследования участников Проекта (М. Р. Ненароковой, В. В. Зверевой), посвященные изучению личности Беда и особенностям его творчества, которые впоследствии были переработаны в монографии, указав на уже сложившуюся в России традицию тщательного изучения текстов Беда.

В докладе **А. Р. Фокина** о литературном наследии Беда и его философско-теологическом учении, было показано, что Беда, будучи профессиональным теологом и экзегетом, одновременно интересовался всеми отраслями знания (физикой, астрономией, метеорологией, музыкой, хронологией, историей, математикой, риторикой, грамматикой, метрикой). Для Беда характерно было традиционное христианское учение о творении. Его космология находится в тесной зависимости, с одной стороны, от традиционной Аристотелевско-Птолемеевской космологии с ее представлениями о сферичности мира, центральном неподвижном положении Земли, естественных местах четырех элементов, огненной природе небесной сферы и др., с другой стороны, – от библейского рассказа о творении мира, предполагающем поэтапное создание ангелов, небесных тел, птиц, рыб, животных и человека. А. Р. Фокиным было отмечено, что для Беда человек есть не просто «малый мир» (*minor mundus*), но образ и подобие Божие, которые соотносятся с разумной душой (*mens rationalis*). Упомянуто о том, что философско-теологическое учение Беда, ставшее синтезом предшествовавшей западно-христианской и античной натурфилософской традиции, оказало влияние на многих последующих средневековых теологов (среди которых Павел Диакон, Алкуин, Рабан Мавр, Гинкмар Реймский, Пасхазий Радберт, Валафрид Страб, Флор Лионский, Фрекульф, Адон Вьеннский, Регинон Прюмский, Адельфрид Мальмсберийский, Бридферт, Фома Аквинский).

Выступление **Т. Ю. Бородай** было посвящено натурфилософии Беда, которая является элементом длительной традиции сочинений о природе, когда в одном труде объединялось и изложение натурфилософских принципов («учение о началах»), и общее описание космоса, говорилось о природе наиболее важных астрономических, метеорологических, географических, климатических, биологических явлений. Т. Ю. Бородай указала, что эта традиция, воспринятая Платоном («Тимей») и Аристотелем (написавшим по каждой теме отдельные сочинения, напр. «Физика», «Метеорологика»), была продолжена в эпоху эллинизма, когда появились сочинения «о природе вообще», излагающие мнения всех заслуживающих внимания греческих философов касатель-

но природы. Было также отмечено появление в VII–VIII вв. двух латинских трактатов, традиционно озаглавленных «О природе вещей», составленных примерно по тому же плану, что и эллинистические доксграфические сборники, которые принадлежали Исидору Севильскому и Беде. Анализируя трактат Беды, Т. Ю. Бородай пришла к выводу, что Беда находился под влиянием Исидора и делал прямое переложение его сочинения, сохранив практически без изменений его план (за исключением первой части – «Гемерологии», которой он посвятил несколько самостоятельных трудов). Однако, придерживаясь структуры трактата, Беда существенно изменил его характер. Он использовал не только незнакомые Исидору источники (напр. «Альмагест» Птолемея и «Естественную историю» Плиния), но и, вероятно, собственные наблюдения (что особенно ярко выражено в главе, посвященной приливам). Кроме того, Беда, отказавшись от свойственных Исидору символических толкований, ставил перед собой иную задачу – ответить на вопрос, как устроено мироздание. В заключение Т. Ю. Бородай отметила, что для своих современников и ближайших потомков Беда был более известен (и почитаем) как автор «пасхалий», поскольку в VI–VIII вв. правильное вычисление пасхального цикла была одной из главных задач, стоявших перед прикладной наукой. Благодаря ей во многих монастырях и Западной, и Восточной Европы необычайно возрос интерес к астрономии, арифметике и геометрии. В этой связи самая подробная и точная часть трактата Беды (почти независимая от Исидора) – астрономическая.

В докладе **В. В. Петрова** были рассмотрены особенности содержания и композиции сочинения «О природе вещей» Беды, а также обсуждены место и влияние трактата в традиции школьных комментариев Каролингского периода. Показано, что каждая глава этого трактата представляет собой выдержку из текста какого-либо авторитетного предшествующего автора (не только Исидора и Плиния, но и Августина и Амвросия). Отмечено, что среди источников Беды встречаются и редкие – например, работа Юнилия, в которой тот излагает учение сирийского автора Феодора Мопсуестийского. Показано, что к особенностям трактата Беды относится то, что в отличие, например, от Исидора, Беда начинает работу не с описания создания вселенной, а (отталкиваясь от Августина) с богословского и метафизического рассуждения о четырех аспектах творения мира Богом. Таким образом, библейскому нарративу предшествует богословское и метафизическое введение, повествующее о творении как о божественном делании. Было замечено, что в некоторых главах сочинения Беды ощутимо влияние ирландских источников,

в частности «Книги о порядке творений» (*Liber de ordine creaturarum*). В. В. Петров также показал, что в Каролингскую эпоху это сочинение Беда стало объектом комментирования многочисленных (подчас анонимных) авторов; работы некоторых из них были упомянуты.

Доклад **А. Р. Фокина** о «Шестодневе» Беда (представляющем собой первую книгу его пространного экзегетического комментария под названием «Четыре книги заметок на начало книги Бытия вплоть до рождения Исаака и изгнания Измаила, или Шестоднев» - *Libri quatuor in principium Genesis usque ad natiuitatem Isaac et eiectionem Ismahelis adnotationum, siue Hexaameron*) отчасти продолжил тему средневекового естествознания. Было показано, что в этом сочинении Беда рассматриваются вопросы о соотношении Творца и творения, о природе сотворенного мира, порядке творения, мировой хронологии, пасхальном исчислении, цифровом символизме и др. А. Р. Фокин отметил, что, говоря о библейской хронологии, Беда следует тексту Иеронимовой Вульгаты, а не старолатинского перевода. По тематике «Шестоднев» Беда близок к другим его натурфилософским и историко-философским трудам, таким как «О природе вещей», «О временах», «О порядке времен» и «Хронике». А. Р. Фокин также обратил внимание на факт издания Бедой этого комментария в двух редакциях. Первая, краткая редакция была написана ок. 717–718 гг. и состояла из двух книг (Ia и Ib), охватывавших первые три главы Книги Бытия. Написанная в классическом жанре «Шестоднева» первая книга (Ia) краткой редакции представляет собой подробное толкование шести дней творения мира и наступление седьмого дня покоя (Быт 1:1–2:3), в конце которой Беда дал историософскую интерпретацию шести мировых эпох. По мнению А. Р. Фокина, эту книгу, напоминающую собой дайджест патристических «Шестодневов», украшенный риторическими фигурами и образной речью, следует рассматривать как вполне оригинальное сочинение. Содержание второй книги (Ib) краткой редакции, посвященной рассказу о сотворении человека, его нахождении в раю, грехопадении и изгнании из рая (Быт 2:3–3:24), напоминает тот материал, который традиционно рассматривался в «Шестодневах» (или в непосредственной связи с ними) такими авторами, как Василий Великий, Григорий Нисский, Амвросий, Августин. Однако, по мнению А. Р. Фокина, эта книга комментария Беда уже не отличается оригинальностью, она напоминает собрание цитат, большей частью заимствованных из трактата Августина «О книге Бытия буквально». Впоследствии две книги «Шестоднева» Беда объединил в одну и добавил к ним еще три книги, охватывающие в целом с 4 по 21 главы книги Бытия (до события изгнания Агари и Измаила в пустыню Авраа-

мом по настоянию его жены Сарры). Так появилась вторая, полная редакция, сохранившаяся в большинстве рукописей и известная нам сегодня. В целом, задачей было сделать компактное и сжатое изложение патристических толкований на книгу Бытия, поскольку все ранние версии отличались бóльшим объемом и требовали много времени для изучения. А. Р. Фокин также отметил, что «Шестоднев» Беды неоднократно издавался (последнее издание – Jones // CCSL. 118A. 1967), а его основными источниками были не только аналогичные труды предшествовавших христианских теологов (Августина, Василия Великого, Амвросия Миланского, Иеронима Стридонского, Григория Великого, Исидора Севильского), но и «Естественная история» Плиния Старшего и др.

В сообщении *М. Р. Ненароковой* особое внимание было уделено рассмотрению «Толкования на Апокалипсис», послужившего образцом для последующих авторов эпохи Каролингов (Алкуина, Рабана Мавра, Хаймона Гальберштадтского). Ею было отмечено, что, несмотря на отсутствие ранних англосаксонских кодексов «Толкования», рукописная традиция насчитывает порядка 113 списков (как с полным, так и фрагментарным текстом), которые в современной науке принято делить на четыре группы, объединенные по месту происхождения (группа α охватывает рукописи, возникшие на севере Франции [возможно, в монастыре Сент-Аманд], и распространившиеся в конце VIII–IX вв. в Зальцбурге и Рейхенау; группа β – связана с Туром [куда Алкуин привез ее архетип]; группа γ – наиболее пестрая и многочисленная, включает в себя списки с юга Германии [Сен-Галлен, Рейхенау, откуда они попали в Италию], а также из Корби, Мурбаха, Сэлсбэри; группа δ – списки, не зависящие от остальных групп, в основу которых положен некий англосаксонский список). М. Р. Ненарокова дала краткую характеристику основным манускриптам, положенным в основу критического издания Р. Грисона (Gryson // CCSL. 121A. 2001) и ранним печатным изданиям, в которые было включено «Толкование», а также обозначила источники Беды, которыми он пользовался при написании своего труда. М. Р. Ненарокова очертила круг вопросов, требующих первоначального решения при работе над «Толкованием», которые сводятся, в основном, не только к текстологии, но и к выявлению различных пластов культурной информации, имеющейся в этом сочинении Беды. Ею было обращено внимание на терминологию Беды (напр. *allegoria*, *figura*, *exemplum*, *symbolum*, *signum*). М. Р. Ненарокова также заметила, что чтение «Толкования» оставляет впечатление устного рассуждения, с одной стороны, и описания процесса рассуждения, с другой. Она указала на методы работы Беды при написании «Толкования»: использование

аналогии (риторической фигуры, характерной для проповедей). Она также отметила, что исследование «Толкования» в полном объеме с выполнением его комментированного перевода поможет не только определить место этого текста в традиции иных толкований на Апокалипсис, но и (в свою очередь) соотнести его с восточно-христианской богословской традицией.

В. В. Петров посвятил свое сообщение обсуждению храмовой символики в александрийской экзегетической традиции и в текстах Беда. Он показал, что применительно к символической интерпретации храмовой архитектуры в работах христианских экзегетов, их комментарии восходят к трем имеющимся в Библии описаниям строительства храмов: сооружению Моисеем Скинии (Исх 35-40), строительству храма Соломона (3 Цар 6-7; 2 Пар 3-4) и воспроизведению храма Соломона в видении пророка Иезекииля (Иез 40-42). В. В. Петров также отметил, что начало александрийской традиции подобных толкований положено Филоном Александрийским в работе «О жизни Моисея» (кн. II, 13 [66] – 28 [141]), что, в свою очередь, толкования Филона были усвоены Иосифом Флавием (Иудейские древности V, 6-7) и Климентом Александрийским (Строматы V, 6, 32, 1 – 40, 3). Кроме того, у Иосифа Флавия имеется описание архитектурных деталей храма Соломона, лишенное характерного для Филоновской традиции аллегорического толкования (Иудейские древности VIII, 3-5). Отмечено, что в латинской традиции присутствуют как влияния Филона и Иосифа, так и примеры непосредственного толкования соответствующих мест Библии, например, *Commentarii in Hiezechielem* Иеронима и *Nomiliae in Hiezechiheltem* Григория Великого, которым следует и Беда.

В этой связи В. В. Петров рассмотрел две специальные работы Беда: «О Скинии» (*De tabernaculo*) и «О храме» (*De templo*). Было показано, что в «О храме» Беда тяготеет к аллегорической интерпретации, уже в Прологе заявляя, что следует скрупулезно рассмотреть исторические детали строительства и устройства Храма, одновременно прозревая мистические значения соответствующих библейских описаний. Отмечено, что упомянутые работы Беда повлияли на каролингских авторов, в частности на Иоанна Скотта, который, обращаясь к *De templo* Беда в поэме «Звездный чертог», предложил королю программу того, как должен выглядеть храм христианского императора, повторяющий храм Соломона и предвосхищающий Новый Иерусалим.

М. С. Петрова в сообщении о риторико-грамматических работах Беда, в числе которых «Об орфографии», «О метрическом искусстве» и «О фигурах и тропах Священного Писания», сконцентрировала внима-

ние на их источниках – текстах латинских грамматистов IV–V вв., античных и христианских поэтов. В частности, рассматривался вопрос, в какой степени упомянутые «учебники» Беды зависели от Донатовой «Науки грамматики» (*Ars grammatica*). Обсуждались имеющиеся, немногочисленные параллели (как прямые, так и косвенные), свидетельствующие не столько о прямом знании Бедой Донатова текста, сколько о его намерении выстроить собственное рассуждение. Был сделан вывод, что тексты Беды, с одной стороны, демонстрируют зависимость от классической латинской грамматической традиции (на что указывают структура изложения, терминология и вокабуляр); с другой стороны, находятся внутри патристического и христианского грамматического дискурса (наличие заимствований у Отцов Церкви в пользу христианской грамматики). В итоге, в риторико-грамматических текстах Беды возникает иного рода учебник – учебник, предназначенный для учащихся-монахов, не говоривших на латинском языке как на родном. Такого рода учебные тексты транслировали большую часть традиционных образовательных приемов классической латинской грамматики, но перенаправили ее методы в русло христианского дискурса. Отмечено, что такой тип учебника появился сначала в Англии, а затем на Континенте.

Во время обсуждения вопроса об имени и когномене Беды, был высказан ряд соображений. В. В. Петров отметил, что в отечественной традиции нет единообразия в переводе латинского “*Beda Venerabilis*”. Если для имени собственного имеется два варианта – «Беда» и «Бэда» (что, помимо прочего, отвечает чтению манускриптов: “*Beda*”, “*Baeda*”), то эпитет “*Venerabilis*” передают, как «Достопочтенный», «Достоchtigмый», «Почтенный». В этой связи было приведено мнение О. А. Добиа-аш-Рождественской: «Для нас всегда было непонятным, почему даже нынешний язык наш, ставящий идеалом чистоту и простоту Пушкина, переводит простое слово *Venerabilis* («Почтенный») ухищренным “Достопочтенный”» (1987 [1938]. С. 191. Прим. 18). В. В. Петров пояснил, что монах Беда был прозван “*Venerabilis*” в церковной среде; таким образом, *Venerabilis* – это и титул, присваиваемый св. Престолом за заслуги, и синоним слова «монашеский» (*Lexicon Latinitatis Medii Aevi* / Ed. A. Blaise). По мнению В. В. Петрова, параллель предоставляет православная традиция, в которой к священнику обращаются «Достоchtigмый». Если ориентироваться на этот узус, то правильным порядком слов будет: «Достоchtigмый Беда». Если же понимать “*Venerabilis*” как эпитет, закрепившийся исключительно за Бедой, а это так и есть, то предпочтителен обратный порядок слов: «Беда Достоchtigмый» (ср., напр., Максим Исповедник, Анастасий Библиотекарь и др.). Отвечая на

вопросы: можно ли именовать Беду «Преподобным» (поскольку “Venerabilis” соответствует современному английскому “Reverend”) и допустимо ли именование «Преподобный Беда», В. В. Петров привлек внимание участников Проекта к переводам агиографических статей из журнала “Orthodox England” (<http://www.pravoslavie.ru/> [май, 2011]). В одной из них [см.: *Протоиерей Андрей Филлиус*. От Саффолка до Киева: Преподобный Ботольф Икенский, покровитель путешественников] встречается фраза о том, что «Кеолфрид стал игуменом монастыря в Уирмуте, а *Преподобный Беда Достопочтенный* был одним из его любимых учеников» (Пер. Дм. Лапа / Orthodox England. Vol. 5. № 4). Поскольку «Преподобный» – звание, присваиваемое Церковью, для отечественных переводчиков естественно (хотя и необязательно) ориентироваться на традицию Русской Православной Церкви. Однако, по мнению В. В. Петрова, в этом случае становится важным, почитается ли Беда «Преподобным» в православии вообще, и в Русской Православной Церкви (РПЦ), в частности? Таким образом, заключил В. В. Петров, ответ должен лежать в канонической плоскости.

По этому вопросу мнения разделились. М. Р. Ненарокова указала, что Беда принадлежит к сонму святых РПЦ, поскольку почитается в Суражской епархии (см. Альфа и Омега 4 [18]. 1998. С. 246). В. В. Петров отметил, что ему неизвестно, какие святые православной Англии включены в святцы РПЦ, и существует ли вообще официальный список святых «в земле Английской просиявших». В заключение, участники дискуссии согласились с тем, что в работах коллективного проекта предпочтительно именовать автора «Беда Досточтимый».

При обсуждении проблемы изучения сочинений Беды в контексте современной истории, лингвистики и натурфилософии, было выражено общее мнение участников Проекта, состоящее в необходимости выполнения и введения в научный оборот комментированных переводов ряда других его трактатов – прежде всего, «О метрическом искусстве» и «О фигурах и тропах Священного писания» (что позволит более четко проследить процесс становления латинской грамматической традиции), а также «О храме» и «Шестоднев», поскольку богословие Беды носит, преимущественно, экзегетический характер. В этой связи было привлечено внимание и к корпусу текстов, лишь приписываемых Беде, из которых был выделен натурфилософский трактат «Об устройстве мира» (De mundi celestis terrestrisque constitutione [Burnett, 1985]).

Заседание завершилось обсуждением возможности опосредованного восприятия элементов античного научного знания русской учёностью XVI–XVII вв. В этой связи М. С. Петрова указала на глоссы,

встречающиеся в грамматическом тексте, атрибутируемом Дмитрию Герасимову, которые по построению напоминают те, что имеются у Беды. В заключительной части одной из таких глосс (приведенной для разъяснения имени “*musa*”) дано описание геоцентрической системы мира в контексте античных учений о гармонии небесных сфер: «...девять звуков, которые производят небесное сладкогласие; первые семь – семь планет, восьмая же – твердь [небесная]; девятая – Земля, которая не сама по себе вращается, а вокруг себя вращает прочие сферы; и того рода звук едва различается среди прочих звуков», – где твердь небесная соответствует твердой сфере, которая в Античной традиции охватывает семь планетарных сфер и называется «Апланес» (ср., напр., *Macr. Comm* I, 9, 10; I, 17, 1-3). М. С. Петрова высказала предположение, что разъяснение такого рода, скорее всего, содержалось в том латинско-немецком источнике (или учебнике), с которым работал Дмитрий, и указала, что на вопрос: могли ли тексты Беды непосредственно повлиять на немецких составителей таких глосс, ответа пока нет, поскольку глоссографическая традиция раннего европейского Средневековья плохо изучена. Однако ею был отмечен факт известности текстов Беды во Франкской империи, в состав которой входили территории, впоследствии получившие название «Германия». Факт включения подобных глосс в русские тексты и содержание таких глосс необходимо учитывать при изучении европейской глоссографической традиции.

Участники Проекта выразили надежду, что результаты их работы не только составят коллективную монографию и инициируют дальнейшую исследовательскую (и переводческую) деятельность по изучению трактатов Беды, но и будут использованы в практике преподавания специальных курсов по источниковедению, историографии, интеллектуальной истории, истории философии и культуре Средних веков, специальных исторических дисциплин, а также латинского языка.

М. С. Петрова

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; beionput@mail.ru

SUMMARIES

APRYTSHENKO V. YU. David Hume and British unionist tradition of the Enlightenment

The Unionist views of David Hume are considered within the context of Scottish Enlightenment. It is shown that his ideas were influenced by ideological and social changes of the 18th c. Factors that shaped social and cultural context for the Unionism are the dynamics of religion (developments within the Presbyterian tradition, the emergence of moderatism) and the development of the traditions of history-writing that reflected the transformations of the Scottish national identity.

Keywords: *David Hume, Unionism, nationalism, moderatism, Scottish Enlightenment, the Union of 1707, Presbyterianism, national identity.*

KORZUN V. P., RYZHENKO V. G. Communicative field of the contemporary historical discipline: from historiographical reflections to the attempts at description

The article presents an attempt to describe the communicative field of the contemporary historical discipline in the context of the changes of cognitive paradigms and general social and cultural environments. The materials of sociological surveys, of participant observation connected to the transformation of the communicative field.

Keywords: *neoclassical model of history writing, communicative field, academic community, 'communicative networks', academic conference.*

VOROBYEVA O. V. Histories of historiography, late 18th – early 21st cc. in the context of the 'Global history of modern historiography' by G. Iggers and E. Wang

The author reflects on the ways and methods of writing histories of historiography after the publication of the 'Global history of Modern Historiography' by Georg Iggers and Edward Wang. The article presents an analysis of the global perspective of historiographical knowledge, of problems, specific and criteria of comparative studies of various historiographical cultures and traditions.

Keywords: *history of historical knowledge, late 18th – early 21st cc., historiography, global history, Georg Iggers.*

ERLIKHSON I. M. The pamphlet 'A Modest defense of public stews' by Bernard Mandeville: its aim and genre

The article is focused on the less-known work by Bernard Mandeville, an early 18th – century English writer. The analysis of the pamphlet's style and composition reveals the author's world view, helps identify the genre of the work, and offers a coherent view of popular attitudes to prostitution at the period under consideration.

Keywords: *England, 18th c., social thought, prostitution, morals.*

BEHRISCH LARS. The birth of political statistics at the end of the Ancien regime

The author raises questions: why in the middle of the 18th c. in France and German principalities the state officials began to collect and analyse data on human and mineral resources of their countries, why statistics as we know it became an important political instrument at that time, and what consequences did it have? The author argues that the statistics of the age of Enlightened Absolutism played an important role in shaping the modern world. By creating abstract economic notions ('production', 'consumption' etc.) and by visualising them in the

shape of numbers, tables and graphs statistics seemed to give more sense to the world and required political action by promising material growth and happiness for everybody.

Keywords: *statistics, political arithmetic, political economy, enlightened absolutism, physocracy, cameralism.*

BOGDANOV V. P. “Nettle seed”: state officials and Russian self-reflection

The author analyses the images of state officials in the Russian literature of the 18th – early 20th cc. and traces the historical roots of the negative attitudes of Russian public to the state officials. It is concluded that state officials were necessary for the Russian world view since they were ascribed negative qualities typical for many Russians.

Keywords: *state officials, bureaucracy, Russian literature.*

SIROTINSKAYA M. M. Young Americans in the New York genre paintings of mid-19th c.

The New York genre paintings of mid-19th c., for example, the images of city children and youths, especially newsboys, could hardly be called realistic. They were heavily influenced by ideology. Genre paintings reflected economical, political, social and cultural changes. The works by some genre painters (T. LeClear, R. C. Woodville, F. Edmonds) were often in tune with the ideas developed by the members of the ‘Young America’ movement.

Keywords: *genre painting in the USA, newsboys, Young America, the history of New York.*

SHANINA O. I. The German question in the context of the problem of European security in the mid-1950s: a comparative analysis of Soviet and British press

The aim of the article is to analyse the ways Soviet and British mass media presented the creation of the European army and the Genève summit of the Allies in the mid-1950s to their audiences. This is a clear example of how a relatively unimportant historical event could be used by ideologies to form a number of long-living mythologems.

Keywords: *Cold war, USSR, Great Britain, press, ideology.*

KOPELEV D. N. The art of navigation and the educational traditions of the French royal navy in the early modern period

The article is focused on the professional training of French naval officers of the Early Modern period. The author demonstrates the importance of the Dieppe school of navigation, as well as the role of priests and Jesuits for the formation of the educational tradition of the navy.

Keywords: *navigation, navy, corsairs, Dieppe school of cartography, priests, Jesuits, Early Modern period, Age of Discovery.*

PTITSYN A. N. “A religion out of the office”: the creation of the Czech Hussite church in the late 19th c. Russia

The article analyses the project of the Russian government that aimed at creating a Czech Hussite Church in Russia, in order to make divisions within the Catholic Church, and also to bring the Czechs closer to the Orthodox tradition. The author studies the activities of the Hussite Church in the Volyn’ region in 1870–80s where its flock consisted of Czech colonists. The article demonstrates the reasons for the project’s failure and reveals its historical role.

Keywords: *Hussites, Church, Czechs, colonists, immigrants, Volyn’ region.*

ZARINOV I. YU. Social, cultural and political aspects of the history of Russian drama theatre

The article presents a brief outline of the history of the Russian drama theatre that reflected all major stages in the development of the Russian society (including Soviet and post-Soviet periods) in their cultural and political aspects. The article presents the initial stage of the project on the anthropology of Russian drama and film.

Keywords: *history, Russian theatre, culture, drama, audience, society, anthropology, authority, transformation, Soviet, post-Soviet.*

SAVCHUK V. S. Anatoly Moskalenko and others: private memories of a scholar as a historical source on group identity

The author analyses the world view and social practices of the University teaching staff of the 1960-80s and identifies a group identity. In its essence it was an attempt to preserve the cultural tradition in its fullness and to acquire intellectual freedom. The article is based on personal memoirs and works of fiction.

Keywords: *group identity, intellectual freedom, cultural tradition, University intelligentsia, a historian's memoirs.*

STARKOVA N. YU. A literary text and historical contexts in the 'Description of Greece' by Pausanias: Sparta and the Peloponnesian league

The author analyses the historical ideas of the 'Description of Greece' by Pausanias. The article is focused on the study of the text and on Pausanias' priorities in his description of Sparta and the Peloponnesian League. The actualization of such topics helps understand the history and culture of Ancient Greece.

Keywords: *'Description of Greece', Pausanias, Sparta, Messenia, Laconia, Peloponnesian League.*

VOYTENKO A. A. The oasis of Jannes and Jambres in the hagiographical tradition of the 4th c.

The article presents a study of apocryphal tradition connected to the Egyptian magi Jannes and Jambres, known from the fragment of the apocrypha, and from references in the early Christian, Jewish and Byzantine texts. The author demonstrates how this apocryphal tale, known to the 4th-century Egyptian monks and later preserved by hagiographical texts, was mixed with monastic legends and was used as a moral tale.

Keywords: *hagiography, Egyptian monasticism, apocrypha 'Lausiaca History', 'History of Egyptian monks'.*

BOUDYUKIN D. A. The cows of the Earl of Ferrers: construing a legend

The article analyses the process of construing a legend about the birth of a black calf by a white cow from Chartley manor that foretold a death in the Ferrers family.

Ключевые слова: *Ferrers, wild white cows, family legend, herald of death. England, peers, nobility.*

*PETRUNINA ZH. V., SHUNEIKO A. A. “Voyevoda Palmerston”:
the image of a British politician in the 19th c. Russia*

The authors analyse the usage of the idiom ‘Voyevoda Palmerston’, the texts where it appeared and the circumstances of their publication. The article demonstrates the characteristics of the image of Lord Palmerston in the 19th–century Russia.

Keywords: *Henry John Temple, Viscount Palmerston, 19th–century Russian thought, historical memory, the image of a politician.*

*PECHNIKOV A. O. The studies of the Ananyino burial site by Johann Reinhold Aspelin
in the second half of the 19th c.*

The article is focused on the studies of the major archaeological site of Russia – the Ananyievo burial site – by a Finnish archaeologist, Professor Johann Reinhold Aspelin (1842–1915) of the University of Helsingfors.

Keywords: *Ananyino burial site, archaeology, Finno-Ugric people, archaeological culture, archaeological monument.*

*ANTOTSHENKO A. V. “When one loves, one understands all”:
introduction to the publication*

The author demonstrates the shaping of G. P. Fedotov’s views on the characters and the principles of historical studies as a result of his self-reflection and his analysis of the relationship with T. Yu. Dmitrieva who the historian was hopelessly in love with for a long time. The essay by Fedotov shows his existentialist approach to the past that enabled him to unite logical procedures with moral and aesthetic evaluations.

Keywords: *G. P. Fedotov, epistemology of historical knowledge, existentialist approach to the past, objectivism, subjectivism*

*SEREGINA A. YU. History as viewed by the losers?
Robert Parkyn and his history of the English Reformation (1550s)*

The author analyses a history of English Reformation written in the middle of the 16th c. by a Catholic Robert Parkyn. This text is known to scholars for decades but has not been studied in detail so far. It is concluded that the text was written as the basis for the cycle of sermons on the triumph of Catholic faith in England (under Mary I Tudor), and the work was completed in 1568 when many Englishmen and women expected Catholicism soon to be restored in the country. The translation of the text by Parkyn is published as an appendix.

Keywords: *Robert Parkyn, Reformation, Catholic Reform, historical memory, history of religion, Christian Humanism.*

СОДЕРЖАНИЕ

К 300-летию Дэвида Юма

- В. Ю. Апрыщенко*
Дэвид Юм и британская юнионистская традиция эпохи Просвещения..... 5

Историография и история науки

- В. П. Корзун, В. Г. Рыженко*
Коммуникативное поле современной исторической науки:
от размышлений историографов к опытам описания 24
- О. В. Воробьева*
Истории историографии конца XVIII – начала XXI в. в свете книги
Г. Иггерса и Э. Вана «Глобальная история современной историографии»..... 45

Интеллектуальная история сегодня

- И. М. Эрлихсон*
Памфлет Б. Мандевила «Благопристойные аргументы в защиту
государственных публичных домов»: к вопросу о цели написания и жанре. 66
- Ларс Беринг*
Рождение политической статистики
в эпоху позднего Старого порядка..... 88

История образов и представлений

- В. П. Богданов*
«Крапивенное семя»: чиновничество и российская саморефлексия..... 101
- М. М. Сиротинская*
Молодые американцы в нью-йоркской жанровой живописи середины XIX в. 126
- О. Н. Шанина*
Германский вопрос в контексте проблемы европейской безопасности
середины 1950-х гг.: сравнительный анализ советской и английской прессы.. 145

История культуры, религии, образования

- Д. Н. Копелев*
Искусство навигации и образовательные традиции
на французском королевском флоте в раннее Новое время..... 164
- А. Н. Птицын*
«Религия из канцелярии»: создание чешско-гуситской церкви
в России в конце XIX века..... 184
- И. Ю. Заринов*
Социально-культурный и политический аспекты в истории
русского драматического театра..... 198

История через личность

- В. С. Савчук*
Анатолий Москаленко и другие: личные воспоминания историка
как источник по проблеме групповой идентичности..... 223

Исторические заметки

<i>Н. Ю. Старкова</i> Литературный текст и исторические контексты в «Описании Эллады» Павсания: Спарта и Пелопоннесский союз.....	255
<i>А. А. Войтенко</i> Оазис Ианния и Иамврия в агнографической традиции IV в.....	262
<i>Д. А. Будюкин</i> Коровы графа Феррерса: конструирование легенды.....	274
<i>Ж. В. Петрунина, А. А. Шунейко</i> «Воевода Пальмерстон»: образ английского политика в России XIX в.....	283
<i>А. О. Печников</i> Исследование Ананьинского могильника И. Р. Аспелиным во второй половине XIX века.....	291

Публикации

<i>А. В. Антощенко</i> «Когда любишь, тогда понимаешь все»: предисловие к публикации.....	297
<i>А. Ю. Серегина</i> . История глазами проигравших? Роберт Паркин и его повествование о Реформации в Англии (1550 гг.)... <i>Роберт Паркин</i> Повествование о Реформации в Англии (<i>пер. с англ. А. Ю. Серегинной</i>)....	315
	326

Читая книги

<i>Ф. В. Николаи</i> Два тела короля и два лица президента Дж. Буша: интеллектуальная история как топология политического.....	351
<i>О. С. Нагорная, И. В. Нарский</i> Страх в Холодной войне.....	358
<i>А. И. Клоев</i> Неизвестный известный медиевист: размышления над страницами книги «Николай Оттокар – историк-медиевист».....	366
<i>В. П. Смирнов</i> Британская ойкумена российской новистики.....	376

Хроника

<i>М. С. Петрова</i> Беда Досточтимый – учёный, философ, богослов (круглый стол).....	380
Summaries.....	391
Contents.....	397

CONTENTS

The 300th-anniversary of David Hume

- Aprytshenko V. Yu.*
David Hume and British unionist tradition of the Enlightenment..... 5

Historiography and history of science

- Korzun V. P., Ryzhenko V. G.*
Communicative field of the contemporary historical discipline:
from historiographical reflections to the attempts at description..... 24
- Vorobyeva O. V.*
Histories of historiography, late 18th – early 21st cc. in the context of the ‘Global
history of modern historiography’ by G. Iggers and E. Wang..... 45

Intellectual history today

- Erlikhson I. M.*
The pamphlet ‘A Modest defense of public stews’ by Bernard Mandeville:
its aim and genre..... 66
- Behrisch Lars*
The birth of political statistics at the end of the Ancien regime..... 88

History of images and presentations

- Bogdanov V. P.*
“Nettle seed”: state officials and Russian self-reflection..... 101
- Sirovinskaya M. M.*
Young Americans in the New York genre paintings of mid-19th c..... 126
- Shanina O. I.*
The German question in the context of the problem of European security
in the mid-1950s: a comparative analysis of Soviet and British press..... 145

History of culture, religion, and education

- Kopelev D. N.*
The art of navigation and the educational traditions of the French royal navy
in the early modern period..... 164
- Ptitsyn A. N.*
“A religion out of the office”: the creation of the Czech Hussite church
in the late 19th c. Russia..... 184
- Zarinov I. Yu.*
Social, cultural and political aspects of the history of Russian drama theatre..... 198

History through personality

- Savchuk V. S.*
Anatoly Moskalenko and others: private memories of a scholar
as a historical source on group identity 223

Historical comments

<i>Starkova N. Yu.</i> A literary text and historical contexts in the ‘Description of Greece’ by Pausanias: Sparta and the Peloponnesian league.....	255
<i>Voytenko A. A.</i> The oasis of Janes and Jambres in the hagiographical tradition of the 4 th c.....	262
<i>Boudyukin D. A.</i> The cows of the Earl of Ferrers: construing a legend.....	274
<i>Petrulina Zh. V., Shuneiko A. A.</i> “Voyevoda Palmerston”: the image of a British politician in the 19 th c. Russia...	283
<i>Pechnikov A. O.</i> The studies of the Ananyino burial site by Johann Reinhold Aspelin in the second half of the 19 th c.....	291

Publications

<i>Antotshenko A. V.</i> “When one loves, one understands all”: introduction to the publication	297
<i>Seregina A. Yu.</i> History as viewed by the losers? Robert Parkyn and his history of the English Reformation (1550s).....	315
<i>Parkyn Robert.</i> History of English reformation (<i>translated from English by A. Yu. Seregina</i>)...	326

Reading books

<i>Nikolai F. V.</i> The King’s two bodies and the two faces of President George Bush: intellectual history as political topology.....	351
<i>Nagornaya O. S., Narsky I. V.</i> Fear in the Cold War.....	358
<i>Klyuev A. I.</i> Unknown famous medievalist: reading the book “Nikolai Ottokar – a medievalist”.....	366
<i>Smirnov V. P.</i> British Oikumena of Russian studies in modern history.....	376

Chronicle

<i>Petrova M. S.</i> Bede Venerable – a scholar, philosopher and theologian (Workshop).....	380
Summaries.....	391
Содержание.....	395